

Л. С. ТОЛСТОВА
Кандидат исторических наук

КАРАКАЛПАКИ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

КАРАКАЛПАКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Нукус — 1963 — Ташкент

АННОТАЦИЯ

В новом труде молодого исследователя этнографии и истории каракалпакского народа, кандидата исторических наук Л. С. Толстовой последовательно освещается история, хозяйство, культура и быт локальных групп каракалпаков, живущих за пределами Хорезмского оазиса. Все это дается в сравнительном плане с культурой и бытом каракалпаков, проживающих на территории современной Каракалпакской АССР.

В настоящее время большое значение приобретает изучение этнических процессов развития и сближения социалистических наций, народностей и этнографических групп.

С этой точки зрения данная книга, как и ранее опубликованные исследования Л. С. Толстовой по этнографии локальных групп каракалпаков, имеет большую научную ценность.

Книга несомненно вызовет интерес, как у студентов и преподавателей высших учебных заведений, так и у широкого круга читателей.

Толстова Л. С.

Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX—начале XX века. Нукус — Ташкент, Каракалпакгиз, 1963.

228 стр. с илл. (КК филиал АН УзССР ин-т истор. яз. и литер.)

ВВЕДЕНИЕ

Для восстановления исторического прошлого каракалпакского народа недостаточно изучить лишь историю основной его группы — каракалпаков Хорезмского оазиса; необходимо восстановить историческое прошлое и пути этнического развития также малых групп каракалпаков, в результате исторических событий предыдущих столетий оказавшихся на иных территориях, за пределами современной Каракалпакской АССР. Изучение истории и культуры этих групп каракалпаков, расселившихся небольшими островками на огромной территории, является самостоятельной задачей, разрешение которой в значительной мере еще предстоит нашим историкам и этнографам. Литературные сведения о малых группах каракалпаков скудны и отрывочны¹ и поэтому в выяснении этих вопросов важнейшую роль играет полевое историко-этнографическое обследование.

До начала наших работ полевому этнографическому обследованию подвергалась в некоторой степени лишь ферганская группа каракалпаков (в 1927 г. материалы по этнографии и фольклору ферганских каракалпаков собирал канд. филол. наук Х. Т. Зарифов; однако эти, по-видимому, очень интересные материалы не были опубликованы; в 50-х годах изучением ферганских каракалпаков, наряду с другими народностями и этнографическими группами Ферганской долины, в связи с составлением этнографических карт Ферганской долины, занимались кандидаты исторических наук Я. Р. Винников (Москва) и И. И. Иногамов (Ташкент)². Другие малые группы каракалпаков специально этнографическому изу-

¹ См. ниже стр. 4—14, а также извлечения из литературных источников в последующих главах. Мы старались максимально использовать все обнаруженные нами в исторической литературе сведения о малых группах каракалпаков.

² Я. Р. Винников. «Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине». Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. II. М. 1959 г. И. И. Иногамов. «Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР». Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ташкент, 1955 г., стр. 3.

чению не подвергались, хотя отдельные факты, касающиеся расселения, родо-племенного состава в прошлом, а также культуры и быта некоторых из этих групп содержатся в работах филологов¹. Но до начала наших исследований в литературе не было, хотя бы краткого, но более или менее цельного этнографического описания ни одной из малых групп каракалпаков, живущих за пределами Каракалпакской АССР. Это и послужило одной из причин выбора нами данной темы для исследования.

В 1953—54 гг. нами было проведено историко-этнографическое обследование ферганской группы каракалпаков, основные результаты которого были опубликованы в ряде работ автора². В 1960—61 гг. Зеравшанский этнографический отряд Каракалпакского филиала АН УзССР, под руководством автора, проводил полевые исследования среди этнографической группы «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области и среди каракалпаков Бухарской области УзССР³. В непосредственном сборе полевых этнографических материалов и их обработке автору оказали значительную помощь Н. Камалов, канд. филологич. наук Д. Насыров (по ферганской группе) и А. Утемисов (по самаркандской и бухарской группам), в чем автор выражает им большую признательность. Собранные в процессе этих исследований материалы и были положены в основу данной работы (наряду с литературными и некоторыми архивными материалами).

Большой интерес представляют сведения о малых группах каракалпаков, разбросанные по различным республиканским и областным архивам и в значительной степени еще неизученные. Но некоторая работа уже проделана и по изучению этих архивных материалов. Еще в 30-х годах проф. Н. Н. Пальмовым были подо-

¹ Т. Ибрагимов. Qara-qalpaq cevasinin ba'zi bir xususiatlari. «Til problemalari». В. II. Ташкент, 1936 г. В. В. Решетов. «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке». Бюллетень АН УзССР, 1947 г., в. III. А. Каримов, А. Пахратдинов и С. Ниетуллаев (Жоқарғы қарақалпақтар туралы жаңа мағлұматтар). Ж. Аму-Дарья. Нукус, 1954 г. № 4.

² См. наши работы «Материалы по этнографии ферганских каракалпаков» (Краткие сообщения Института этнографии, вып. XXI), «Из истории ферганских каракалпаков. (К вопросу о переселении группы каракалпаков в Ферганскую долину)». Учен. зап. КК Госпединститута. Нукус, 1957 г. «Каракалпаки Ферганской долины» (историко-этнографический очерк). Нукус, 1959 г.

³ В работе отряда принимали участие: в 1960 г. и. о. старшего науч. сотрудника сектора истории и диалектологии каракалпакского языка Т. Бегжанов, младш. научн. сотрудник сектора археологии и этнографии А. Утемисов и чертежница С. Абубакирова; в 1961 г.—младш. научн. сотрудник сектора истории и диалектологии каракалпакского языка Х. Хамидов, А. Утемисов и художник Т. Дандыбаев. Краткие итоги этих исследований были подведены в статьях автора: «Этнографическая группа «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области». Вестник КК филиала АН УзССР, 1960, № 2; «Некоторые сведения о каракалпаках Бухарской области». Вестник КК филиала АН УзССР, 1961 г. № 1; «Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР». Ж. «Советская этнография», 1961 г. № 3; «Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. (По материалам полевых исследований 1960 г.)» Ж. «Советская этнография», 1961 г. № 5.

брани материалы, касающиеся северных групп каракалпаков, в Калмыцком областном архиве и Астраханском губернском архиве. Эти извлечения были опубликованы в «Материалах по истории каракалпаков»¹. Интересные документы, касающиеся уральской группы каракалпаков, имеются также в Центральном Государственном архиве Казахской ССР². Автором данной работы были собраны материалы Центрального Государственного Исторического архива УзССР, относящиеся к ферганской группе каракалпаков³ и несколько документов Центрального Гос. архива КК АССР, характеризующих общественные отношения самаркандской группы каракалпаков⁴. Таково современное состояние разработки различных исторических источников по этому вопросу.

При современном уровне разработки исторических материалов, мы располагаем уже необходимыми сведениями о каракалпаках, проживающих за пределами Хорезмского оазиса, которые позволяют нам дать общую характеристику их исторического прошлого, переселений, общественного строя, материальной и духовной культуры. Разумеется, данную работу мы считаем не завершением, а лишь началом разработки этой большой проблемы.

Прежде всего вызывает интерес вопрос о расселении каракалпаков за пределами Хорезмского оазиса. В литературе имеется целый ряд разновременных упоминаний о месте обитания той или иной группы каракалпаков, однако стройной картины расселения каракалпаков за пределами Хорезмского оазиса мы ни в одном из дореволюционных исторических источников не находим.

Согласно упоминаниям в дореволюционной исторической литературе, для XIX—начала XX в. можно выделить следующие основные группы каракалпаков, живущих за пределами Хорезмского оазиса:

1) Большая группа каракалпаков упоминается в бассейне реки Зеравшан: к востоку от города Самарканда, на о-ве Миянколе и к северу от Зеравшана и Ак-Дарьи, а также в более западных районах — в районе г. Кермине.

Наиболее подробные сведения об этой группе каракалпаков дает А. Д. Гребенкин: «Территория каракалпаков, начинаясь от правого берега Зеравшана, тянется прямо на север и, через западную половину Годун-Тау, доходит до северного Джума-базара. Южная граница территории лежит на берегу Зеравшана, на про-

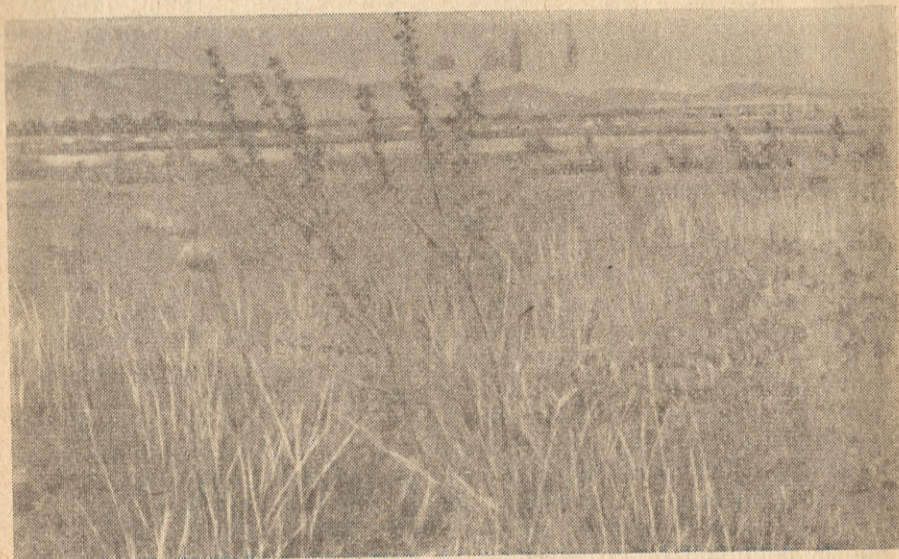
¹ М.-Л. 1935 г., стр. 145—257. «Материалы по истории каракалпаков» в последующих примечаниях будут коротко обозначаться МИКК.

² Ряд дел из этого архива, содержащих ценные сведения по данной группе каракалпаков были любезно предоставлены в фонд нашего Института истории, языка и литературы работником Академии Наук Казахской ССР Е. Дильмухамедовым.

³ Ряд дел фонда 19 «Ферганское областное правление», использованных нами в работе «Каракалпаки Ферганской долины». (В последующих примечаниях этот архив будет сокращенно именоваться ЦГИА УзССР).

⁴ Центральный Гос. архив КК АССР. 2 папки документов о проведении земельно-водной реформы в Каракалпакской волости Самаркандского уезда.

тяжении почти 12 верст от высоты Чапан-Ата до высоты Джума-базара южного... Всего каракалпаков до 15 000 душ обоего пола. Они заселяют 37 кишлаков»¹. «Только в Миянкане... каракалпаки почувствовали себя дома», — пишет он в другом месте².

В Булунгурском районе Самаркандской области.
Вдали видны горы Гобдун-Тау.

В. Радлов (1869 г.) отмечает каракалпаков «к востоку от Самарканды... в разных селениях около Ак-тепе и в урочище Беш-Арык»³. Там же, в восточной трети Сугута (одного из туманов бывшего Самаркандского бекства) отмечает каракалпаков А. П. Хорошхин⁴.

2) Группа каракалпаков отмечается в северной части Бухарского ханства, в р-не Кенимеха и Нур-Аты. П. П. Иванов пишет: «Из сохранившейся переписки эмира Хайдара видно, что в 1807 г. часть каракалпаков находилась в северной части Бухарского ханства, в р-не Нур-Ата, где они частью живут и в настоящее время»⁵. Соболев и Гродеков в «Стратегическом обзоре Хивинского ханства» упоминают кочевья каракалпаков в Бухарской части Кызыл-

¹ А. Д. Гребенкин. Узбеки. Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнич. выставки М. 1872 г., в. II, стр. 97, 99. Гребенкин считал каракалпаков одним из узбекских родов.

² Там же, стр. 95.

³ В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, стр. 63. Записки РГО по отделению этнографии. 1880 г., т. VI.

⁴ А. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб, 1876 г.

⁵ П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 76. См. также Фитрат «Три документа по аграрному вопросу в Ср. Азии». Зап. Инст. востоковед., т. II, вып. 2. 1933 г., стр. 81, 82.

Кумов: «...от колодца Биш-Чапан, до колодца Рру включительно, сидят каракалпаки; они распространяются и к югу от дороги, которая соединяет названные колодцы»¹.

3) В северо-восточной части Бухарского ханства — в р-не городов Джизака, Ура-Тюбе и Хаваса (Урсатьевской)² упоминались каракалпаки в XVIII—середине XIX в.

Н. Ханьков в 1843 г. писал: «Киргизы и каракалпаки занимают степи Северной части ханства; каракалпаки ближе придерживаются к обработанным полосам оног и в особенности охотно конуют между Джизахом и Ура-түпю»³. Там же помещает каракалпаков в 1867 г. Григорьев в своих комментариях к «Запискам мирзы Шемса Бухари»⁴. Следует отметить, что в более поздних материалах каракалпаки в этих районах не упоминаются — очевидно, они частью переселились отсюда, частью ассимилировались с окружающим населением.

4) Какая-то, по-видимому, сравнительно небольшая группа каракалпаков расселилась в южных частях Бухарского ханства. Об этом имеются также упоминания в источниках, хотя и менее определенные, чем о вышеперечисленных группах. В 1872 г. А. Кун в «Очерках Шахриябзского бекства» упоминает среди узбекских родов этого бекства также род «каракалпак»⁵. В легендах разных групп каракалпаков (см. ниже, стр. 27) имеются упоминания о том, что часть каракалпаков двинулась на юг, переправилась через Аму-Дарью и поселилась на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах Афганского Туркестана, который в начале XIX в. входил в состав Бухарского ханства, в районе Балха. Эти легенды, по-видимому, не лишены оснований, т. к. в современной этнографической литературе упоминается группа каракалпаков около Мазари-Шерифа (недалеко от Балха). «Каракалпаки живут отдельными селениями в различных частях Афганского Туркестана, главным образом, вблизи Мазари-Шерифа. Несколько тысяч каракалпаков было переселено в начале 1940-х годов в окрестности Джелалабада»⁶. Численность каракалпаков в Афганистане С. И. Брук определяет в 15 тыс. человек.⁷

¹ Л. Соболев и Н. Гродеков «Стратегический обзор Хивинского ханства». Ташкент. 1882 г. В бухарской части Кызыл-Кумов упоминает каракалпаков также Н. Хорошхин в своей книге «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края»; он пишет, что они расселены «от колодца Сулы до Аяк» (стр. 410—411).

² См. протоколы заседаний и сообщений Туркест. кружка любителей археологии. Г. XX, вып. II. Ташкент, 1916 г. стр. 102—103.

³ Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843 г., стр. 74—75.

⁴ В. Григорьев. «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре». Записки Мирзы Шемса Бухари. Ученые записки Казанского Университета, 1861 г., кн. I, стр. 107.

⁵ А. Кун. Очерки Шахриябзского бекства. Зап. РГО по отделению этнографии, т. VI, 1880 г., отд. I, стр. 218.

⁶ С. И. Брук. Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии. «Переднеазиатский этнографический сборник», I. М. 1958 г., стр. 99. О поселении небольшой группы каракалпаков в Афганском Туркестане, около Мазари-Шерифа, упоминает также английский ученый: Г. Ярринг в работе «On the distribution of turk tribes in Afghanistan», Lund — Leipzig, 1939 г., стр. 70.

⁷ Там же, стр. 89.

5) В пределах бывшего **Кокандского ханства** также отмечались в источниках каракалпаки, причем наиболее крупной их группой являются каракалпаки **Ферганской долины**, которых отмечали здесь путешественники и исследователи на протяжении всего XIX в., а также и позже — в XX в. Так русский посланник Ф. Назаров, бывший в Кокандском ханстве в 1813—14 гг., упоминает каракалпаков на Сыр-Дарье, недалеко от Коканда¹. Упоминаются там каракалпаки и в анонимном «Обозрении Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», относящемся к 1849 г.² Встречаются упоминания каракалпаков в Ферганской долине в ряде восточных источников, извлечения из которых содержатся в русской и западно-европейской литературе³, а также в более поздних трудах, относящихся уже к колониальному периоду, в частности, в работах В. Наливкина⁴, В. И. Массальского⁵, В. Н. Кушелевского⁶ и в ряде других монографий, а также в материалах всевозможных обследований, производившихся в Ферганской области в данное время⁷. Как показывают материалы упомянутых выше исторических источников и литературы послереволюционных переписей населения (см. ниже стр. 10—11) и наших полевых этнографических исследований⁸, в Ферганской долине каракалпаки расселены почти исключительно вдоль рек Сыр-Дарья и Кара-Дарья, от Андижана на востоке и до Коканда на западе.

6) Упоминаются каракалпаки также в **районе Ташкента** и к северу от него, вдоль Сыр-Дарьи, в южной части Казалинского уезда⁹.

Н. А. Аристов в своей работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности»¹⁰.

¹ Ф. Назаров. «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», СПб, 1821 г., стр. 72.

² Записки РГО, кн. III, 1849 г., стр. 190.

³ В. В. Бартольд. «Извлечения из Таарих-Шахрохи». Зап. Восточ. отд. Рус. археол. об-ва, т. XI, стр. 107, 109, 110; «Убайдулла-намэ» в переводе А. А. Семенова; «Таарих-и-Рахим-хани», составлена Мухаммедом Вефа Карминеге. Цит. по протоколам заседаний и сообщений, указ. выше, стр. 102—103; *Histoire de l'Asie Centrale* par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Ch Schefer, Paris, 1876, p. 227.

⁴ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», Казань, 1886 г., стр. 14 и др. В. Наливкин и М. Наливкина. «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», Казань 1886 г.

⁵ В. И. Массальский. «Туркестанский край». Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова, т. XIX, СПб, 1913 г.

⁶ В. Н. Кушелевский. «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области». Н. Маргелан, т. I—III, 1890—91 гг.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 89: Материалы для статист. описания Ферганск. обл., вып. I—V. Н. Маргелан, 1897—1912 гг. «Список населен. мест Ферган. обл.» Скобелев, 1909 г. и др. Подробнее об этом см. работу Л. С. Толстой «Каракалпаки Ферганской долины». Нукус, 1959 г.

⁸ См. Л. С. Толстого. «Каракалпаки Ферганской долины».

⁹ Л. Костенко. «Средняя Азия и возведение в ней русской гражданственности». СПб, 1871 г., стр. 50.

¹⁰ Ук. соч., СПб, 1897 г.

выдвигает предположение, что каракалпаки входят в состав «курамы» Ташкентского уезда. В Ташкентском уезде каракалпаки упоминаются и в некоторых работах, изданных уже в советский период. Так, в «Статистическом ежегоднике ЦСУ» за 1924 г. указывалось, что в это время каракалпаки составляли 0,7 процента населения Ташкентского уезда (с г. Ташкентом), и 1,2 процента населения уезда (без Ташкента)¹. Там же отмечает каракалпаков и И. И. Зарубин², и В. В. Решетов³. В письменных источниках XIX—начала XX в. нам не встретилось упоминания каракалпаков в окрестностях г. Туркестана, однако из полевых экспедиционных материалов участников фольклорной экспедиции Каракалпакского Комплексного Научно-Исследовательского Института⁴ 1958 г. мы узнаем, что 20—25 хозяйств в значительной степени узбекизированных каракалпаков в настоящее время живут в ауле Ихан, Туркестанского района, Южно-Казахстанской области⁵.

На «Этнографической карте Сыр-Дарьинской области», приложенной к работе Н. И. Гродекова⁶, каракалпаки указаны в низовьях Сыр-Дарьи, а также в районе Чиназа и к северу от него.

Небольшая группа каракалпаков была и в Аулие-Атинском уезде, Сыр-Дарьинской области — в этом уезде существовала даже Кара-Калпакская волость⁷. Привлечение этих, хотя и разновременных, но очень интересных материалов позволяет уточнить расселение каракалпаков в пределах бывшей Сыр-Дарьинской области.

7) В ряде источников XIX в. отмечаются каракалпаки в бассейне реки Урала⁸, а также на нижней Волге, в пределах Астраханской губернии⁹. (Подробнее об этом см. ниже, стр. 26—29). В некоторых сводных трудах по населению России, изданных во второй половине XIX—начале XX в., имеются упоминания о расселении каракалпаков в Оренбургской, Пермской и Тобольской (Тюменский уезд) губерниях¹⁰.

¹ Цит. по А. Нусупбекову «Объединение казахских земель в Казахской сов. соц. республике». Алма-Ата, 1953 г., стр. 68.

² И. И. Зарубин. Список народностей Туркестанского края. Л. 1925 г., стр. 17.

³ В. В. Решетов. «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке». Бюллетень АН УзССР 1947 г. в. III.

⁴ Ныне Каракалпакский филиал АН УзССР.

⁵ А. Каримов, А. Пахратдинов, С. Ниетуллаев. «Жокаргы» каракалпакдар туралы жанга мағлұматлар». Ж. «Аму-Дарья», Нукус, 1959 г. № 4.

⁶ Н. И. Гродеков. «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Т. I, Ташкент, 1889 г.

⁷ А. Нусупбеков, ук. соч., стр. 71.

⁸ А. П. Хорошихин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края». СПб, 1876 г., стр. 494.

А. Харузин. Киргизы Букеевской орды. Изв. о-ва любит. естествознан., антрополог. и этнограф. при Моск. Университете, т. XIII. Труды Антроп. отд., т. X, вып. I, 1889 г., стр. 38—39.

⁹ И. И. Небольсин. «Очерки Волжского низовья». СПб, 1852 г., стр. 117, 118.

¹⁰ Реклю Э. Земля и люди, т. 6, СПб, 1900 г., стр. 396; Семенов П. П. Географический статистический словарь Российской империи. СПб, 1865 г., т. II, стр. 496. См. также Ю. Гагемейстер «Статистическое обозрение Сибири», СПб, 1854 г., ч. II, стр. II.

Сведения о том, что в первой половине XIX в. в Саратовской и Оренбургской губерниях проживало некоторое количество каракалпаков, содержатся также в материалах Центрального Гос. архива Казахской ССР¹. Что же касается каракалпаков, проживающих в Пермской и Тобольской губерниях, то, по-видимому, их было там очень немного и к концу XIX—началу XX в. они ассимилировались среди окружающего населения, т. к., по документам Тобольского Губернского Статистического Комитета, в 1917 г. в Тобольской губернии каракалпаков не проживало, а Всероссийской переписью населения 1897 г. там было зафиксировано всего два каракалпака².

Таковы основные сведения о расселении каракалпаков за пределами Хорезмского оазиса, встречающиеся в исторической литературе XIX—начала XX века. Некоторые сведения о расселении малых групп каракалпаков содержатся и в материалах статистических обследований, проводившихся время от времени в различных областях и губерниях Российской империи: но эти материалы не охватывают все упомянутые группы каракалпаков, а иногда и содержат фактические неточности. В дореволюционный период была проведена лишь одна всеобщая перепись населения Российской империи — в 1897 г. Однако эта перепись имела многие недостатки, в частности, национальный состав населения был недостаточно хорошо изучен. Как пишет И. И. Зарубин «для Туркестана перепись 1897 г. была признана специалистами неудовлетворительной в этнографическом отношении»³. По материалам этой переписи каракалпаки отмечены лишь в Амударьинском отделе Сырдарьинской обл. (в количестве 93 215 чел.), в Кокандском уезде Ферганской обл. (в количестве 11 056 чел.) и в Хивинском ханстве (около 20 тыс. чел.)⁴. Другие же статистические обследования имели более частный характер и не охватывали расселения всех каракалпаков на территории России⁵.

Подробный учет населения был произведен лишь в первые годы Советской власти — во Всероссийской переписи населения 1920 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. Эти переписи, особенно последняя, дают чрезвычайно интересную картину расселения каракалпаков и — до известной степени, конечно, — отражают расселение каракалпаков и в более раннее время — в XIX—

начале XX в. Ознакомимся подробнее с материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г., поскольку она охватывает всю интересующую нас территорию (привлекая в некоторых случаях для сравнения и уточнения материалы Всероссийской переписи населения 1920 г.). По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. всего в Советском Союзе проживало 146 317 каракалпаков. Из них 118 184 каракалпака — на территории Казахской АССР, в состав которой в тот период входила Кара-Калпакская АО, насчитывающая 116 125 каракалпаков.

По другим губерниям Казахской АССР каракалпаки в это время распределялись следующим образом: в Уральской губернии (Джаныбекская и Таловская волости Букеевского уезда) насчитывалось 1147 каракалпаков, в Сыр-Дарьинской губернии — 505 каракалпаков, в Джетысуйской губ. — 240 каракалпаков, в Акмолинской — 119 каракалпаков, в Актюбинской (в Чулак-Джидекской волости Челкарского уезда) — 45 каракалпаков¹.

В Узбекской ССР проживало 26563 каракалпака. Из них в Андижанском округе (р-ны Андижан, Балыкчи, Избаскент, Кассан-Сай, Наманган, Нарын и Шаарихан) было 14043 каракалпака, в отдельном Кенимехском районе — 5938 каракалпаков², в Ферганском округе (р-ны Бувайды, Коканд, Мергелан, Чуст) — 4477 каракалпаков, в Хорезмском округе — 1305 каракалпаков, в Зеравшанском округе (р-н Хатырчи)³ — 470 каракалпаков, в Самаркандском округе (р-ны Булунгур, Митан и Пай-Арык) — 290 каракалпаков и в Ташкентском округе — 37 каракалпаков⁴. И, наконец, в Туркменской ССР проживало 1537 каракалпаков⁵. Если положить все эти данные на карту, то получается очень интересная картина: территория расселения каракалпаков тянется почти непрерывной полосой, (не считая незаселенного пустынного пространства) вдоль Сыр-Дарьи, к окрестностям Ташкента, далее к юго-востоку в Ферганскую долину и к юго-западу — к окрестностям Самарканда, далее по долине Зеравшана, до р-на Кенимеха и Нур-аты, подходя к южной границе пустыни Кызыл-Кум, чтобы затем продолжиться уже по другую сторону пустыни, в пределах Хорезмского оазиса (см. карту № 1). Разумеется, расселены каракалпаки не сплошной массой, а небольшими группами, среди интонационального населения. Как мы увидим ниже, такое рассе-

¹ ЦГА Каз. ССР; ф. 4, оп. 1, д. 5518, св. 718, лл. 4—5, 8, 14; д. 4604, лл. 1-12; д. 4629, лл. 1—9.

² Цит. по сообщению И. А. Беляева. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. IV, Асхабад, 1917 г.

³ И. И. Зарубин. Население Самаркандской области. Л. 1926 г., стр. 3.

⁴ Массальский. Туркестанский край, стр. 390—391; см. также «Первая всеобщая перепись населения Рос. Империи 1897 г.», т. 89, СПб, 1905 г.

⁵ См. например, «Материалы для статистического описания Ферганской обл.» Вып. I—V, Н. Мергелан, 1897—1912 г., «Список населенных мест Ферганской обл.» Скобелев, 1909 г.; «Список населенных мест Зеравшанского округа», приложение к работе Л. Н. Соболева «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе», СПб, 1874 г.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII.

² После национально-государственного размежевания 1924 г. и до 1937 г. здесь был отдельный Кенимехский район, входивший непосредственно в состав Узбекской ССР, большую часть населения которого составляли казахи и каракалпаки. Впоследствии Кенимехский район вошел в состав Бухарской области Узбекской ССР.

³ В работе «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I. «Бухара» (Ташк. 1926 г.) каракалпаки в Зеравшанской обл. отмечены в Кермининском (555 чел.) и Гиждуванском (70 чел.) уездах.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV.

⁵ «Ср. Азия в цифрах», стр. 18. 19 каракалпаков проживало на территории Киргизской АССР (Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII) и 14 каракалпаков — за пределами Средней Азии.

ление соответствует путям передвижения «верхних» групп каракалпаков в XVII, XVIII в., отчасти XIX в. Особняком стоят небольшие группы каракалпаков, расположенные в северных районах Казахстана — в Уральской и Актюбинской губерниях, произошедшие, по-видимому, от уральско-эмбинской группы каракалпаков XVII—XVIII веков¹.

Для выяснения вопроса о численности, расселении и направлении этнического развития каракалпаков бассейна реки Зеравшан, интересно сопоставить данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. и Всероссийской переписи населения 1920 г. Всесоюзной переписью населения 1926 г. наибольшее количество каракалпаков было отмечено на северо-западной границе оазиса — в Кенимехском районе (5938 чел.), в других же округах Узбекской ССР, расположенных в долине Зеравшана, отмечено лишь небольшое число каракалпаков (470 чел. в Зеравшанском округе и 290 чел. в Самаркандском округе)². Дело в том, что большая часть каракалпаков, обитавших в долине р. Зеравшан, уже во второй половине XIX в. в значительной степени ассимилировалась с узбеками и стала осознавать себя, как узбекский род «каракалпак»³. Автор работы «Население Самаркандской области» И. И. Зарубин писал: «Каракалпаки... за самостоятельную народность в пределах Самаркандской области не признаются, а считаются лишь одним из узбекских родов. Узбекский род «каракалпак» довольно многочислен и населяет несколько десятков селений»⁴. Это же отмечает и Г. Магидович во вступительной статье к V Выпуску «Материалов Всероссийских переписей 1920 г.»⁵. Согласно этим переписям узбекский род «каракалпак» составляет в Самаркандской области немного менее 20 тысяч человек (3700 каракалпаков в Ак-Тепинской и Митанской волостях Катта-Курганского уезда и около 16000 каракалпаков в Кабудской, Кара-Калпакской, Ткя-Тартарской, Челекской и некоторых других волостях Самаркандского уезда⁶). Причем, если сопоставить данные переписей населения 1920 и 1926 года, то оказывается, что узбекский род «каракалпак» (из переписей 1920 г.) расселен, в основном, в тех же местах, что и немногочисленные каракалпаки (из переписей 1926 г.). Все волости, населенные этим «родом», расположены к северу от Зеравшана и Ак-Дарьи и до гор Гобдун-Тау. Небольшое количество каракалпаков отмечено и на острове Миянкаль (в Дагбидской волости)⁷ (см. карту № 2). Эти данные представляют несом-

ненный интерес, т. к. показывают, что в прошлом каракалпаков в долине Зеравшана было значительно больше. Впоследствии они в значительной степени были ассимилированы узбеками.

Полевые этнографические исследования, проведенные нами в 1960 г., помогли уточнить расселение каракалпаков в Бухарской области и этнографической группы «каракалпак», вошедшей в состав узбеков, в Самаркандской области. В Бухарской области каракалпаки проживают, в основном, в Кенимехском и Тамдынском районах¹ (см. карту № 3), а основная территория расселения этнографической группы «каракалпак» в Самаркандской области расположена в пределах Булунгурского и Джамбайского районов².

Чтобы исчерпать круг источников, имеющих в настоящее время в нашем распоряжении относительно расселения каракалпаков за пределами Хорезмского оазиса, упомянем также о том, какие сведения по этому вопросу дает последняя Всесоюзная перепись населения 1959 г., хотя хронологически эти сведения выходят за пределы исследуемой нами темы и отражают этнические процессы, происходящие с малыми группами каракалпаков в наше время (а этот вопрос должен явиться темой большого самостоятельного исследования). По материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г., из 172 556 каракалпаков, проживающих во всем Советском Союзе, 155 999 каракалпаков живут в пределах своей республики. За пределами КК АССР каракалпаки проживают в Хорезмской области УзССР и Ташаузской области Туркменской ССР (т. е. в пределах того же Хорезмского оазиса), а также в Бухарской (р-ны Кенимехский, Тамдынский, Гиждуванский, Навоинский, Кызыл-Тепинский и Шафрианский), Андижанской (р-ны Алтынкульский, Нарынский³, Чинабадский, Балыкчинский и Буз-

¹ В Кенимехском районе каракалпаки расселены вдоль канала Кенимех, введенного из Зеравшана, составляя значительную часть населения хлопководческого совхоза «Гигант» (каракалпаки живут в кишлаках Беш-Рабат, Кара-Мангыт, Шор-Тебе, Кунабад, Жангабад и др.), а также в степях, примыкающих к долине Зеравшана, в пределах скотоводческих совхозов «Коммунизм» и «Кенимех». В пределах Тамдынского района каракалпаки расселены в с/с Аяк-Кудук, примыкающем к Кенимехскому. Подробнее об этой группе см. статью автора «Некоторые сведения о бухарских каракалпаках» и карту, приложенную к этой статье. Вестник КК филиала АН УзССР, 1961 г. № 1.

² Мы побывали в следующих кишлаках, населенных этнографической группой «каракалпак»: в Булунгурском районе — в кишлаке Ак-Тепе-Митан (Совхоз «Булунгур — 2»), кишлаках Коянчи, Кара-Конграт, Жалгыз-Агач, Жан-Кораз, Жан-ман-Коянчи (к-з им. Ленина), кишлаках Беш-Бала и Караки; в Джамбайском районе, в совхозе «Джамбай» — в кишлаках Татар, Беш-Огыл и Кудукли. По сведениям, полученным от информаторов, группа «каракалпак» проживает также в ряде других кишлаков этих районов, а также в Иштыханском (бывш. Митанском) и Пайарыкском районах. Подробнее об этом см. статью автора «Этнографическая группа «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области». Вестник КК филиала АН УзССР, 1960 г. № 2.

³ Перешедший в Андижанскую область в 1960 г. после упразднения Наманганской области.

¹ См. П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 39—41, 62—66.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV.

³ А. Д. Гребенкин. Узбеки. Сб. Рус. Туркестан, вып. II, М. 1872 г., стр. 94—99.

⁴ И. И. Зарубин. Население Самаркандской области. Л. 1926 г., стр. 17—18.

⁵ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Вып. V. Поселен. итоги Самаркандской обл., стр. 40.

⁶ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Вып. V. Поселен. итоги Самаркандской обл., стр. 40—41.

⁷ См. там же, стр. 41—44. Расположение волостей см. в карте, приложен. к книге И. И. Зарубина «Население Самаркандской области». За основу карты № 2 взята этнографическая карта из данной работы И. И. Зарубина.

ский) и Ферганской (р-ны Тюркурганский¹, Кувинский, Ахунбабаевский²) областях Узбекской ССР (см. карту № 4) и в небольшом количестве в Казахской ССР³.

Таковы основные сведения о расселении каракалпаков за пределами Хорезмского оазиса.

Прежде чем остановиться подробнее на положении различных групп каракалпаков во времена среднеазиатских деспотий и в колониальный период, на их хозяйстве, общественном строе и культуре, мы должны вкратце восстановить историю этих групп каракалпаков в предшествующее время, т. е. в XVII—XVIII вв., восстановить исторические события, вследствие которых каракалпаки оказались разбросанными на столь обширной территории — от Волги до Семиречья и от Тобольской губернии до Афганского Туркестана⁴.

¹ В состав Тюркурганского района Ферганской области вошел Задарьинский район, входивший ранее в состав Наманганской обл., после упразднения последней.

² В состав Ахунбабаевского р-на Ферганской области вошел Яз-Яванский сельсовет, прежде составлявший самостоятельный район.

³ Сокращение числа областей и районов, где упоминаются каракалпаки в материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г., по сравнению с Всесоюзной переписью населения 1926 г., объясняется их добровольной, естественной ассимиляцией, слиянием многих малочисленных групп каракалпаков с окружающими их узбеками и казахами, в процессе консолидации узбекской и казахской социалистических наций. Подробно мы не будем здесь анализировать этот вопрос, поскольку он является темой для специального исследования и не входит в задачи данной работы.

⁴ На этих вопросах мы остановимся вкратце, поскольку они освещались уже в советской исторической литературе — в работах П. П. Иванова «Очерк истории каракалпаков» и Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпаков», М.—Л., 1950 г.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП КАРАКАЛПАКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАРОДНЫХ ЛЕГЕНД).

Как известно из литературных источников, впервые каракалпаки, как отдельная народность, упоминаются в 1598 г. в жалованной грамоте, выданной бухарским ханом Абдуллою мавзолею «святого» Зия-эддина на средней Сыр-Дарье, в окрестностях г. Сыгнака. Там же, на средней и нижней Сыр-Дарье, каракалпаки упоминаются и в источниках первой половины XVII в.¹ За эту территорию в XVI—XVII вв. постоянно велась борьба между казахскими ханами и шейбанидами. «Районом, где разворачивались военно-политические события, связанные с борьбой между шейбанидами и казахскими ханами, являлась преимущественно территория к северу от Ташкента, главным образом, бассейн нижнего течения реки Сыр-Дарьи, с расположенными здесь незначительными городами Туркестаном, Сыгнаком, Саураном и некоторыми другими². В XVI в. успех борьбы чаще оказывался за казахами, которые иногда захватывали даже Ташкент. Во время правления в Бухаре Имам-кули-хана (1611—1643 гг.) Ташкент был присоединен к Бухаре; «прочного же подчинения казахских степей и каракалпакских районов достигнуто не было»³.

Об участии сырдарьинских каракалпаков в политической жизни Средней Азии в начале XVII в. мы узнаем из работы бухарского историка Мухаммед-Юсуфа Мунши «История Муким-хана». Из этого сочинения мы узнаем, что в 1605 г. каракалпаки совместно с казахами восстали против бухарского хана Баки-Мухаммеда, а в 1611 г. бухарский правитель Имам-кули совершает поход против мятежных казахов, каракалпаков и калмыков, причем направлен был этот поход в р-н Туркестана и Кара-Тау⁴. Таким образом, речь идет о каракалпаках нижнего течения Сыр-Дарьи, которые выступали совместно с казахами и поэтому подверглись разгрому со стороны бухарских войск.

¹ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 33, 38—39.

² Там же, стр. 32.

³ Он же. «Очерки по истории Средней Азии». М., 1958 г., стр. 69.

⁴ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод и предисловие А. А. Семенова, Ташкент, 1958 г., стр. 78—87.

Каракалпаки в этот период жили, в основном, в окрестностях городов, вследствие того, что там они находили защиту от набегов кочевников. Это же обстоятельство привело к тому, что впоследствии часть их продвинулась далеко на юг — до Ташкента и далее.

С середины XVII в. началось наступление джунгар на южные районы Казахстана. Нападения джунгар привели к тому, что часть казахов и каракалпаков была вынуждена продвигаться вглубь оседлых районов Средней Азии. В 1670—71 гг. московский посол Борис Пазухин, бывший в Хиве и Бухаре, сообщает о каракалпаках, находящихся в бухарском подданстве, но не указывает района, который ими занимался¹. Имеются сведения, что часть каракалпаков уже в этот период поселилась на р. Зеравшан. «Из... сочинения бухарского историка конца XVII в. Мухаммед-Эмина Кирак-Яракчи можно установить, что в 1681 г. каракалпаки входили в состав постоянного населения долины среднего Зеравшана (Миянкаль), где они, совместно с жившими там же узбеками рода хытай, подняли восстание против бухарского хана Субхан-кули (1681—1702 гг.)»².

Из «Муким-ханской истории» Мухаммеда Юсуфа Мунши известно, что Аштарханиды во второй половине XVII века привлекали в состав своих армий все народы, которые жили на территории Бухарского ханства, в том числе и каракалпаков. Так, например, каракалпаки были в составе двухсоттысячного войска Субхан-кули-хана, осаждавшего Балх, когда правителем там стал Салих-ходжа. Мухаммед Юсуф Мунши описывает это событие так: «В то время горожане впали в раздумье: открыть ли им ворота своему старому господину (Субхан-кули-хану) или нет, потому что с ним пришли казахи, каракалпаки и (прочие) чужие племена; не дай бог, (если) после вступления (их в город) простым и благородным людям будет причинен вред?»³.

В самом начале XVIII в. (1703 г.) в «Грамоте Убейдуллаха хана Бухарского к Петру I» вновь говорится о подданстве каракалпаков бухарскому хану⁴.

По-видимому, в этот период начинается и проникновение каракалпаков в Ферганскую долину. Вероятно, переселялись туда каракалпаки пока еще небольшими группами, но проникновение уже могло иметь место в конце XVII и начале XVIII вв., так как в «Убейдулла-наме» под 1704 г. сообщается: «В данное время (1116 г. мус. летоисчислен.), казахи, каракалпаки и все население Андижана, Ходжента, Ак-Кутеля, Ташкента, Сайрама и Туркеста-

на, даже Улу-Така и Кечи-Така находятся под управлением Мухаммед-Рахим бия Юза, сына Газий бия Юза»¹.

Эту цитату можно понять так, что в состав населения Андижана и Ходжента в то время входили и каракалпаки.

Таким образом, к началу XVIII в. среди каракалпаков уже начали выделяться следующие территориальные группы: одна из них жила в низовьях Сыр-Дарьи и подчинялась казахским ханам, другая передвинулась в более южные районы и тяготела к Бухаре; возможно, что в этот период начала складываться и третья, юго-восточная группа каракалпаков — в Ферганской долине.

Наряду с этими группами каракалпаков на протяжении всего XVII в. упоминается в источниках также северо-западная группа каракалпаков, жившая в бассейнах рек Яика (Урала) и Эмбы. В начале XVII в. эта группа каракалпаков продолжает быть тесно связанной с ногаями и совершает постоянные набеги на окраины Сибири. «В документах, относящихся к истории Сибири, 1690—1691 гг., отмечается: «Киргиз-кайсацкая орда с каракалпаками (мангитами) прикочевала к Сибири и разоряет Тарханский острог Тюменского округа»². В 70-х годах этого столетия каракалпаки принимали участие в восстании башкир против колонизации русскими Закамского края, совершая вместе с башкирами нападения на уральские и сибирские волости. «Обращает на себя внимание необычайно широкий радиус действия каракалпакских наездников, почти в одно и то же время выступающих то под Тобольском, то в долине Эмбы и к западу от Урала. ...Каракалпаки в данное время занимали необычайно разбросанную территорию», — пишет П. П. Иванов³. События этих времен сказались на расселении каракалпаков и в более позднее время — в XIX — начале XX в.

* * *

В первой половине XVIII в. произошли два крупных исторических события, оказавших влияние на дальнейшие судьбы каракалпаков. Первое событие — это джунгарское нашествие в 1723 г. на районы, расположенные по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи, принесшее огромные бедствия казахам и каракалпакам, так и известные в истории казахского народа, как «годы великого бедствия»⁴. Казахи Младшего Жуза бежали в Хиву и в долину Яика и Эмбы; казахи Среднего Жуза — к Самарканду и Бухаре; казахи Старшего Жуза частью признали зависимость от

¹ Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г. Русская ист. б-ка, 1894 г., стр. 61.

² П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 89.

³ Мухаммед Юсуф Мунши. «Муким-ханская история», стр. 162.

⁴ Грамота Убейдуллаха хана Бухарского к Петру I. Сб. Хилкова. СПб. 1873 г., стр. 543—4. Цит. по «Материалам по истории каракалпаков», стр. 152.

¹ Протоколы засед. и сообщ. Туркестанского кружка любителей археологии, год XX, вып. 2. Ташкент, 1916 г., стр. 77.

² Цит. по Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 135—6.

³ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 41.

⁴ История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1957 г., стр. 234.

Джунгарии, частью откочевали вглубь районов Средней Азии. Каракалпаки, совместно с казахами, также были вынуждены переселиться: часть из них двинулась вверх по Сыр-Дарье, к Ташкенту, на юго-запад и юго-восток от него, другие на север, в низовья Сыр-Дарьи и к Хивинскому ханству, а также в Приуральские степи. Это событие закрепило деление каракалпаков на «верхних», т. е. переселившихся в районы, лежащие вверх по Сыр-Дарье, попавших в зависимость от Бухары и частично подчинившихся джунгарам, и «нижних», т. е. живших в низовьях Сыр-Дарьи и попавших в зависимость от ханов Младшего Жуза, а впоследствии переселившихся на Жанга-Дарью и затем на Аму-Дарью. (Под этими названиями каракалпаки были известны в исторических источниках XVIII века).

В одном из источников XVIII в. — «Сообщении туркмена Усмана А. П. Волинскому» от 30 июня 1725 г. имеется упоминание о подчинении части каракалпаков в этот период Бухарскому ханству (там говорится, что джунгары захватили казахские и каракалпакские места) «и их самих с две тысячи кибиток в полон взяли. Да из них же де восемь тысяч кибиток ушли в Бухары, которых Бурханцы учинили своими подданными»¹. Возможно, что и в Ферганскую долину проникла в этот период часть каракалпаков. Нам кажется очень интересным замечание А. И. Левшина, что в «годы великого бедствия» «остатки Большой Орды с малой частью Средней откочевали тогда к Ходженту»². Ходжент открывал доступ в Ферганскую долину, и каракалпаки, часть которых перед джунгарским нашествием жила на территории Старшего Жуза (в районе Ташкента), могли быть тоже вовлечены сюда в этот период.

Об отдаленных временах борьбы с джунгарами сохранились воспоминания в исторических песнях ферганских каракалпаков.

Во время экспедиции к каракалпакам Ферганы нами была записана песня, в которой воин-каракалпак, смертельно раненный в борьбе с калмыками, обращается с прощальными словами к своему брату, жене и ко всему народу каракалпакскому:

„Қара—Таудың тегиде қалдым йекке,
Қалмақның оқы тийди қақ йүрекке,
Ырғыдым мине алмадым қара көкке,
Барсаң салам айта бар Исмадияр бекке...

Бизди елге барып айтыңлар Сыр жайласын,
Темир қазық қақышып ат байласын.
Аширбек олди деп енди ойласын».³

¹ Цит. по МИКК, стр. 184.

² А. И. Левшин. «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», ч. II. СПб. 1832 г., стр. 69—70.

³ Отрывки из песен и легенд приводятся в соответствии с произношением информаторов.

Под Кара-Тау остался я один,
Стрела калмыка попала мне прямо в сердце.
Я вскочил, но не смог сесть на черно-синего коня.
Если пойдешь, передай привет Исмадияр-беку...

Скажите моему народу, пусть живет вдоль реки Сыра,
Пусть вбивает железные колья и привязывает лошадей
Пусть теперь думают, что Аширбек умер.¹

Эта песня свидетельствует о том, что предки ферганских каракалпаков боролись с калмыками во время нашествия последних на районы среднего течения Сыр-Дарьи и что борьба эта происходила где-то около гор Кара-Тау (как известно, Кара-Тау — горный хребет в южном Казахстане; недалеко от этого хребта находится г. Туркестан, в окрестностях которого в XVII—XVIII вв. жила основная масса «верхних» каракалпаков).

Таким образом, в годы непосредственно после джунгарского нашествия, какая-то, вероятно незначительная, часть «верхних» каракалпаков вместе с казахами проникла в долину реки Зеравшана и в Ферганскую долину. Но основная масса «верхних» каракалпаков продолжала жить, как об этом свидетельствуют источники, на среднем течении Сыр-Дарьи, от г. Туркестана до г. Ташкента и на юг от него, и находилась в зависимости от джунгар. В 1743 г. к этой группе «верхних» каракалпаков присоединилась часть «нижних» — после жестокого разгрома «нижних» каракалпаков ханом Младшего Казахского Жуза Абулхаиром. Разгром этот был вызван тем, что «нижние» каракалпаки в 1742 г. отправили посольство в Оренбург (а потом и далее в Петербург) с просьбой о принятии их в русское подданство, и в 1743 г. им было объявлено об удовлетворении их просьбы; Абулхаир опасался превращения каракалпаков в союзников России и жестоко разгромил их².

Вот как П. Рычков пишет о последствиях этого события: «...сей народ оным ханом и киргиз-кайсаками еще утесняем и разоряем был и в такое бедное состояние приведен, что после того в Оренбург почти никто уже от них не езживал, а как слышно, что опасаются киргизцев и кочуют их в тех местах, где прежде кочевали, весьма мало, а подвинулись больше к верхним каракалпакам, которые их же киргизцев боясь, подались в протекцию Зюнгорского владельца...»³. Другая значительная часть каракалпаков двинулась на Жанга-Дарью и в районы к юго-востоку от Аральского моря.

«Верхние» каракалпаки, большая часть которых жила в этот период на среднем течении р. Сыр-Дарьи, располагались, таким образом, на территории Среднего Жуза, имевшего своим центром

¹ Полев. запись автора № 35 за 1954 г.

² П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 66—67. П. Рычков «Топография Оренбургской губернии». СПб. 1762 г., стр. 121.

³ П. Рычков. Ук. соч., стр. 123.

Туркестан, и Старшего Жуза, занимавшего территории вокруг Ташкента¹.

Старший Жуз находился в зависимости от джунгар; Средний Жуз, хотя и признал в 1731 г. русское подданство, но часто также попадал в зависимость от джунгар. Хань Среднего Жуза вели двурушническую политику и состояли одновременно и в русском и в джунгарском подданстве². В исторических источниках имеются упоминания о джунгарском подданстве и «верхних» каракалпаков. П. П. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» пишет об этом: «Верхние (каракалпаки) по нынешнему их состоянию к подданным России народам не причитаются, а... находятся они ныне в протекции Зюнгурской, яко и жилища их от Зюнгурского владения неподалеку»³.

Вопрос о том, насколько «верхние» каракалпаки зависели от джунгар, еще недостаточно изучен. Однако известно, что в 1750 г. Туркестан был передан джунгарами во владение каракалпам⁴. Однако в самом городе каракалпаки продержались недолго, т. к. уже в 1762 г. часть казахов Малого и Среднего Жузов переходит на Сыр-Дарью в «пустооставшую Каракалпацкую землю»⁵. Интересно также отметить попытку джунгар переселить около трех тысяч каракалпакских семейств на свою территорию (в бассейн реки Или). Однако казахи Среднего Жуза сумели увлечь большую часть этих каракалпаков за собой. Но некоторое количество каракалпаков, по-видимому, все же было переселено джунгарами, т. к. путешественник 80-х годов XIX в. А. Васильев обнаружил небольшую группу каракалпаков среди калмыцкого племени олетов, в значительной степени ассимилированную с калмыками⁶.

Хань Старшего и Среднего казахов Жузов часто совершали набеги на «верхних» каракалпаков, разбросанных отдельными небольшими группами на большой территории, отбирали у каракалпаков скот и забирали жителей в плен. В литературе часто отмечались эти походы казахов ханов⁷.

В 1748 году во время борьбы из-за захвата каракалпаков и их имущества произошла схватка между ханами и султанами Казахских Жузов, в результате которой был убит Абулхаир-хан. В этой схватке принимал участие один из султанов Среднего Казахского

¹ П. Иванов. Ук. соч., стр. 68.

² См. История Казахской ССР, стр. 238—244. А. И. Левшин. Ук. соч., стр. 198—202.

³ П. П. Рычков. Ук. соч., стр. 173—174. Имеются упоминания об этом и в других источниках. См. «Витевский, И. Н. Неплюев и Оренбургский край», в. III, стр. 681.

⁴ В. Н. Витевский. Ук. соч., вып. IV. Казань, 1895 г., стр. 791.

⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Историч. известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Ср. Азией... Уфа, 1853 г., т. I, стр. 204.

⁶ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 68—69.

⁷ П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 68; Г. П. Потанин. «Материалы по истории Сибири», М., 1867 г., стр. 39; В. В. Вельяминов — Зернов. «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией». Уфа, 1853 г. стр. 4, 8, 9.

Жуза — Барак, вместе со своим сыном Шигаем¹. Вслед за этим в источниках упоминалось подчинение «верхних» каракалпаков Барак-султану. Вот что об этом пишет В. Вельяминов-Зернов:

«Барак набрал... тысяч пять войска из найманов, каракисяков, кунгратов и даже киргизов Большой Орды... и выступил в поход против верхних каракалпаков. Покорив каракалпаков и взяв с них 10 человек в аманаты, Султан распустил войско свое»².

Сообщения о подчинении «верхних» каракалпаков Барак-султану для нас особенно интересны потому, что из сохранившихся документов первой половины XVIII в. известно, что хань Старшего и Среднего Жузов в то время оказывали некоторое влияние на исторические события, происходящие в Ферганской долине, а Шигай-хан в 1748 г. даже владел районом г. Намангана³. Шигай был сыном Барак-султана, завоевавшего «верхних» каракалпаков. Имеются в источниках упоминания и о подчинении каракалпаков Шигай-хану: «О Шигай-хане, правителе каракалпаков окрестностей Ташкента, впоследствии владевшем Наманганом, упоминают туземные источники... Барак-хан, вместе со своим сыном Шигаем... жил в нынешнем Чимкентском уезде, вместе с тем управлял каракалпаками»⁴. Возможно потому, что вместе с Шигаем в район Намангана пришли не только казахи, но и подчиненные ему каракалпаки. Интересно тут же отметить, что некоторые легенды о приходе каракалпаков в Ферганскую долину говорят о том, что пришли туда каракалпаки при Абду-Керим-бии. Время правления Абду-Керим-бии (по Наливкину) — 1740—1760 гг., и Наманган был взят Шигай-ханом именно во время правления Абду-Керим-бии⁵. Таким образом, в первой половине XVIII в. отдельные группы каракалпаков проникали в Ферганскую долину, хотя основное переселение их на эту территорию произошло позже.

Нападения казахских феодалов на отдельные группы каракалпаков, в том числе «верхних», отмечаются источниками и во второй половине XVIII в., уже после поражения, нанесенного джунгарам манчжурскими императорами в 1758 г. Так, неоднократно совершал походы на каракалпаков хан Среднего Казахского Жуза Аблай. Ч. Ч. Валиханов в своей статье «Аблай» писал: «В 1774 году Аблай дал, по просьбе уйсунских старшин, для управления ими, сына своего Адиля, построив ему на реке Таласе городок, который населил трудолюбивыми каракалпаками»⁶. По-видимому, потомками этой группы каракалпаков являлись жители Каракал-

¹ А. И. Левшин. Ук. соч., стр. 176—178.

² В. В. Вельяминов — Зернов. Ук. соч., т. I, стр. 9.

³ П. П. Иванов. «Казахи и Кокандское ханство». Зап. И-та востоков. VII, М.—Л. 1939 г., стр. 97, см. также «Протокол заседаний и сообщ. Туркест. кружка любит. археол.», год XX, вып. 2, Ташкент, 1916 г., стр. 114—115. См. также В. Наливкин «Краткая ист. Кок. ханства», Казань, 1886 г., стр. 63.

⁴ Протоколы засед. и сообщений Туркест. кружка любителей археологии, год XX, вып. II, стр. 115.

⁵ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 63.

⁶ Соч., Ч. Ч. Валиханова. Зап. РГО, т. XXXIX, СПб. 1904 г., стр. 5.

пакской волости Аулие-Атинского уезда, о которой упоминается в материалах начала XX века¹.

Таким же путем, в результате военных походов казахских феодалов и захвата в плен каракалпаков, а также других военных столкновений беспокойного XVIII века, отдельные группы каракалпаков оказались разбросанными на значительной части территории Казахстана — в Акмолинской, Семиреченской и других областях, где они были зафиксированы материалами переписи 1926 г.².

Наряду с вышеперечисленными группами каракалпаков в источниках XVIII века имеются упоминания и о северо-западной группе каракалпаков, живущей в бассейне рек Волги, Урала и Эмбы. Из документов астраханских архивов известно, что после джунгарского нашествия 1723 г., в бассейнах рек Эмбы и Урала появились многочисленные отряды казахов и каракалпаков, которые в течение долгого времени вели борьбу с русско-подданными калмыками за пастбища, расположенные между Волгой и Яиком. По-видимому, каракалпаки, пришедшие в это время с Сыр-Дарьи, соединились с каракалпаками, жившими ранее здесь, между Самарой и южными предгорьями Уральских гор³. Дальнейшая судьба этой группы каракалпаков не выяснена еще окончательно. Возможно, что какая-то часть их вернулась обратно на Сыр-Дарью. Но часть их осталась и позже в Поволжье и на Яике, о чем имеются сведения в исторической литературе XIX в. А. Харузин в работе «Киргизы Букеевской Орды» сообщает о группе каракалпаков, вошедшей в состав Букеевской Орды⁴, выделившейся, как известно, в начале XIX в. из состава Младшего Казахского Жуза и занявшей под свои кочевья степи между Уралом и Волгой. До вхождения в состав Букеевской Орды эта группа каракалпаков кочевала с казахами Младшего Жуза по левому берегу реки Урала⁵. А Харузин в своей работе отмечает около 70 хозяйств каракалпаков в Таловской части Букеевской Орды и 15 хозяйств в Таргунской части (в урочище Сунали). Таловская группа оказалась на межузеньском участке (между реками Большой и Малый Казачий Войском. После отчуждения межузеньского участка в пользу Букеевской Орды, каракалпаки были оставлены на занятом ими месте (в 4-м старшинстве) и приписаны к Башкирскому отделению Уральского Казачьего Войска⁶. Об этой же группе ка-

ракалпаков упоминал в 1876 г. А. П. Хорошхин в своей работе «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края». Он отмечал 30 семейств каракалпаков на Урале, в бассейне реки Б. Узень. «Уральские каракалпаки — полукочевники и по языку, одежде и образу жизни отличаются от живущего с ними бок-о-бок... чисто кочевого... колена-казак», — писал он в этой работе¹.

В 1817 г. из состава Букеевской Орды выделилась небольшая группа каракалпаков и поселилась на нижней Волге, около г. Черного Яра Астраханской губернии. Об этой группе каракалпаков сообщает некоторые сведения П. И. Небольсин в своей работе «Очерки Волжского Низовья»².

П. Небольсин приводит легенды, записанные у астраханских каракалпаков, о причинах переселения их в Нижнее Поволжье и путях этого переселения. В этих легендах рассказывается о том, как небольшая группа каракалпаков, кочевавшая вместе с казахами Младшего Жуза по левому берегу р. Урала, после образования Букеевской Орды вместе с казахами переселилась на территорию между Уралом и Волгой.

В течение некоторого времени каракалпаки, совместно с казахами, занимались кочевым скотоводством в Нарын-песках и прилегающих районах. Однако положение их там было очень тяжелым. «Но Букей и сын его Джангер поступали с нами, как с ясырями (рабами — Л. Т.) и брали большой закят; от этого, а еще больше от падежей скота, мы обеднели; притом еще и Джангер, раздав хорошую землю своим близким приятелям да султанам, нам отвел самые тощие кочевки»³. Глядя на своих соседей, русских подданных, кундровских татар, каракалпаки «решили бросить Джангера

¹ А. П. Хорошхин. Ук. соч., СПб, 1876 г., стр. 494. Интересные сведения о северо-западной группе каракалпаков имеются в Центральном Государственном архиве Казахской ССР — в ряде дел Оренбургской пограничной комиссии и Оренбургского губернского правления, относящихся к первой половине XIX в. Там есть упоминания о расселении каракалпаков — на межузеньском участке — в пределах Саратовской губернии, Новоузенского уезда, близ Таловского форпоста; имеется упоминание о проживании каракалпаков в Оренбургской губернии, Челябинском уезде, Хуртамышской волости, а также в городе Верхне-Уральске. Часть каракалпаков была приписана к Внутренней (Букеевской) Орде, другие же, выйдя ранее из состава Орды, должны были «избрать род жизни, платящей подати и повинности», т. е. приписаться в состав государственных крестьян или мещан. В ряде дел упоминается также о том, что офицеры Уральского Казачьего войска иногда приобретали у купцов, торгующих с Хивой, детей каракалпаков «для услуг», причем последние находились в зависимости от своих хозяев до 25-летнего возраста, а «когда оное время свершится, то должны быть они свободны»; они получали «отпускное письмо» и мужчины при этом должны были «избрать род жизни, платящий подати и повинности». (ЦГА Каз. ССР, ф. 4. оп. I, д. 5518, 6404, 4629, 4596). Все эти документы вызывают большой интерес и требуют более детального и внимательного изучения. В этих же документах затрагиваются также некоторые другие стороны жизни этой северо-западной группы каракалпаков, о чем мы будем говорить в следующих главах нашей работы.

² П. Небольсин. «Очерки Волжского Низовья», стр. 117, 118.

³ Там же, стр. 122.

¹ А. Нусупбеков. «Объединение казахских земель в Казахской Сов. соц. республике», Алма-Ата, 1953 г.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII, Казахская АССР.

³ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 62—65; Т. А. Жданко. Ук. соч., стр. 136—137.

⁴ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды». Известия о-ва любителей естествозн., антропол. и этнограф. при Моск. Университете, т. XIII, Труды Антропол. отд., т. X, вып. I, 1889 г., стр. 38—39.

⁵ А. Харузин. Ук. соч., а также П. И. Небольсин «Очерки Волжского Низовья», 1852 г., стр. 117—118.

⁶ А. Харузин. Ук. соч., стр. 39.

и просить себе царской земли для кочевья: будем платить подати, нести службу и жить как все русские подданные»¹.

Таким образом, часть каракалпаков вышла в 1817 году из состава Букеевской Орды и появилась в Астраханской губернии, где они поселились, в основном, около Черного Яра и по левому берегу нижней Волги, около Красного Яра (см. карту № 5)². Всего в 1847 г. в Астраханской губернии насчитывалось 133 каракалпака. Все эти сведения относятся к середине XIX века. О дальнейшей судьбе астраханской группы каракалпаков ничего не известно.

Однако с территории Букеевской Орды в Астраханскую губернию переселилась лишь незначительная группа каракалпаков. Значительно больше каракалпаков осталось в бассейне реки Урала (см. выше). Каракалпаки, отмечаемые переписью 1926 г. в Букеевском уезде Уральской губернии, а также, возможно, в Челкарском уезде Актюбинской губернии³ являются потомками северо-западной группы каракалпаков. Мы остановились здесь на рассмотрении судьбы северо-западной группы каракалпаков в XIX в., т. к. к этому вопросу не предполагаем более возвращаться. Вернемся теперь к рассмотрению дальнейшей истории южных групп каракалпаков.

Во второй половине XVIII в. усиливается процесс проникновения каракалпаков вглубь оседлых районов Средней Азии, вверх по Сыр-Дарье. Одной из причин этого переселения были дальнейшие столкновения с казаками. Отдельные группы «верхних» каракалпаков были завоеваны среднеазиатскими ханами — бухарскими и кокандскими.

Бухарский историк Мухаммед Вефа в своем труде «Таарих-и Рахим-хани» пишет, что уже в 1754 г. на Сыр-Дарье, недалеко от

¹ П. Небольсин. «Очерки Волжского Низовья», стр. 122.

Об этой, очень небольшой численно, группе каракалпаков имеются интересные сведения в источниках. П. Небольсин в ук. выше работе сообщает далее, что кундровские татары отказали каракалпакам в просьбе принять их на свои земли.

Тогда «ногайцы, кочующие в близости предгорий Кавказа согласились было принять каракалпаков к себе на кочевки; но каракалпаки отозвались, что теперь им кочевать нельзя, потому что нет ни лошадей, ни баранов, а так как по сим уважениям им осталось только приняться за земледелие, то они и начали ходатайствовать об обращении их в крестьянское сословие». (Там же, стр. 123—124). А. Бирзе в статье «К истории каракалпаков XVIII столетия» сообщает о выявлении им в архивах за 1842—43 г.г. переписке между астраханским военным губернатором и начальником Кавказского военного округа относительно размещения этой группы каракалпаков. После согласия ногайцев принять каракалпаков на свои кочевья, астраханским военным губернатором было дано предписание отправить последних (в количестве 32 семейств) в ногайские кочевья («Красный архив», 1938 г., № 6 и 1939 г., № 1). Как видно из работы П. Небольсина (относящейся к 1852 г.) большинство каракалпаков ехать туда отказалось из-за недостатка скота и осталось в пределах Астраханской губернии. Однако, возможно, что какая-то небольшая их часть все же была туда отправлена, т. к. Э. Реклю в 1883 г. отмечает каракалпаков в Кубанской области (Э. Реклю. «Земля и люди», т. VI, СПб. 1883 г., стр. 327.).

² Карта взята из работы П. Небольсина «Очерки Волжского Низовья», 1852 г.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г., VIII, Казахская АССР.

Хаваса (Урсатьевской) кочевало племя каракалпаков. Бухарский хан Рахим-хан предложил им принять бухарское подданство (это свидетельствует о том, что данная группа впервые появилась в пределах Бухарского ханства). Глава этого племени изъявил согласие и после этого «около шести тысяч семей из этого племени (Кара-Калпаков) в сопровождении эмиров, посланных Рахим-ханом, откочевало к Канигилю»¹ (на реке Зеравшан), где они и были поселены. А. Д. Гребенкин, лучше других дореволюционных исследователей изучивший каракалпаков бассейна реки Зеравшан, писал, что переселение каракалпаков в долину реки Зеравшан происходило постепенно, небольшими группами — в основном, со второй половины XVIII в. (хотя, как мы упоминали выше, отдельные группы каракалпаков переселились туда раньше) вплоть до 40-х годов XIX в. Он приводит данные из народных легенд о переселении: каракалпаки «первоначально обитали в Ургенче, т. е. в Хивинском ханстве», но около 200 лет назад, в результате происходивших там междоусобиц войн, они были вынуждены откочевать из Хивинского ханства к Ак-Мечети², откуда каракалпаки «двинулись: на Туркестан, Чимкент, Ташкент, Чиназ, Джизак, и, лет 100 тому назад, достигли берегов Зеравшана. Насколько справедливо это предание, пока еще трудно решить; однако... остатки этого рода мы видим по всему вышеописанному пути... Такие переселения продолжались до 1840 г. Эмиграции эти, прибывшие из-под Чиназа и из-за Чирчика, еще свежи в памяти жителей Миянкана»³. Гребенкин там же отмечает, что каракалпаки старались держаться оседлых, пахотных мест, так как там они чувствовали себя в безопасности от нападений сильных кочевников и так как у основной массы каракалпаков было мало скота.

«По словам старожил, богатые из этого рода, обладающие большими стадами, остановились на Годун-Тау и у подошвы этих гор, а более бедные — ...по низовьям реки Зеравшана»⁴. Исторические легенды самаркандской этнографической группы «каракалпак» были записаны и нами во время экспедиционных исследований 1960 года. Информаторы сообщали нам, что каракалпаки с Едилы (Волги) переселились в Хорезм и на побережье Аральского моря, а оттуда, вследствие недостатка земель (пашен и пастбищ), некоторые группы их переселились в долину Зеравшана (на территорию современных Митанского⁵ и Булунгурского районов). Путей переселения в долину Зеравшана информаторы не помнят⁶, время же переселения определяют по-разному — от 5 поколений, т. е. 125 лет, до 250 лет — т. е. с начала XVIII в. до вто-

¹ Протоколы заседаний и сообщений Туркест. кружка любит. археологии, год XX, вып. II, стр. 102—103.

² Современная Кызыл-Орда.

³ А. Д. Гребенкин. Узбеки. стр. 94—95.

⁴ Там же, стр. 95—96.

⁵ Теперь Митанский р-н объединен с Иштыханским районом.

⁶ Возможно, что каракалпаки переселялись в долину Зеравшана именно по пути, указанному А. Д. Гребенкиным; но и возможно, что пути переселения из

рой четверти XIX в.¹, что соответствует и сведениям, сообщенным А. Д. Гребенкиным.

В XIX в. в исторических источниках уже часто упоминаются зеравшанские каракалпаки, принимающие активное участие в политической жизни Бухарского ханства² (см. ниже).

В пределах Бухарского ханства каракалпаки расселились не только в долине Зеравшана (хотя там была сосредоточена большая часть их), но и в некоторых других местах. Некоторая часть каракалпаков переселилась в южные районы Бухарского ханства — в бассейны рек Кашка-Дарья и Сурхан-Дарья. Небольшая группа каракалпаков, оказавшаяся в Шахрисябзском бекстве, была быстро ассимилирована узбеками и вошла в состав узбекских родов³. То же произошло и с каракалпаками, продвинувшимися южнее, в окрестности Дехканабада и Ширабада⁴. И, наконец,

Приаралья в долину Зеравшана отдельных групп каракалпаков были различными. Исторические легенды фиксируют всю сложность процесса перемещения отдельных групп того или иного народа, в данном случае каракалпаков, подчас и не отмеченную письменными источниками (так по легендам, записанным А. Д. Гребенкиным, получается, что какая-то группа каракалпаков двинулась из Хорезма в долину Зеравшана в конце XVII в., т. е. еще до того, как основная масса «книжных» каракалпаков переселилась с нижней Сыр-Дарьи в Хорезм. Но и по сообщениям письменных источников известно, что в конце XVII в. небольшие группы каракалпаков уже обитали в Хорезмском оазисе (см. Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпаков», стр. 141; Б. В. Андрианов «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)». Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III, М., 1958 г., стр. 47—52. (В связи с упоминанием в легендах зеравшанских каракалпаков о раннем выходе их из Хорезма, интересно также напомнить о том, что многие легенды хорезмских каракалпаков упоминают о вторичном заселении ими Хорезма (см. там же). Все эти вопросы нуждаются еще в дальнейшей доработке (главным образом, на основании изучения архивных материалов и восточных рукописей, поскольку сведения, содержащиеся по этому вопросу в русских письменных источниках и исторической литературе уже, в основном, изучены советскими историками).

¹ Полевые записи автора №№ 2, 14, 15 за 1960 г.

² См. В. Григорьев. Записки Мирзы Шемса Бухари. Учен. записки Казан. Университета, 1861 г., кн. 1, стр. 12—13; А. Д. Гребенкин. «Узбеки». Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политех. выставки. М., 1872 г., стр. 94—99. В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Записки РГО по отд. этнографии, т. VI, 1880 г., стр. 63. Из советской исторической литературы см. П. П. Иванов «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве». (1821—1825 гг.). М.—Л. 1937 г.

³ А. Кун. «Очерки Шахрисябзского бекства», стр. 218.

⁴ По сведениям, собранным Б. Х. Кармышевой во время историко-этнографических исследований в Сурхан-Дарьинской области, узбеки, принадлежавшие в прошлом к роду «каракалпак» проживали в кишлаке Хамкан, Ширабадского р-на, Сурхан-Дарьинской области, в количестве 250 хозяйств (теперь большинство из них переселено в Ангорский район и живут в Таали-Моракском с/с); есть семьи этой же группы и в Дехканабадском р-не. (Из дневника Б. Х. Кармышевой за 8 сентября 1954 г. Архив Ин-та этнографии АН СССР). А самаркандские узбек-каракалпаки сообщили нам о связях, существовавших в прошлом между зеравшанской и сурхандарьинской группами каракалпаков. (Полевые записи автора №№ 14, 15 за 1960 г.). (Здесь и ниже мы употребляем термин «самаркандские узбек-каракалпаки» исключительно для краткости, чтобы не повторять каждый раз «этнографическая группа «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области»).

группа каракалпаков переселилась на левый берег Аму-Дарьи, в пределы Афганского Туркестана, который в начале XIX в. входил в состав Бухарского ханства¹. Об этом имеются отрывочные упоминания в легендах разных групп каракалпаков, записанных в конце XIX в. Л. Соболев в 1874 г. записал среди чимбайских каракалпаков легенду, которая заканчивалась так: «Тому 180 лет назад произошла война. Каракалпаки оставили Туркестан и расселились в трех местах: часть ушла в низовья Сыра и на Яны-Дарью; другая часть заняла правый берег Зеравшана; шестьдесят же тысяч кибинок ушли в верховья Аму-Дарьи². Почти в это же время (1872 г.) зеравшанские митаны, близкие каракалпакам, сообщили А. Д. Гребенкину, что значительная часть их соплеменников «спустилась еще южнее и, перейдя Аму-Дарью, поселилась в так называемых Балхинских землях, где их в настоящее время весьма много»³. Остатками этой группы являются каракалпаки, живущие в настоящее время в Афганистане⁴ (см. выше, стр. 7). И, наконец, группа каракалпаков поселилась в северных районах Бухарского ханства — в степях к северу от Нур-Аты и Кенимеха. Об этом упоминается в сохранившемся письме бухарского эмира Хайдара от 1807 г.⁵ Сюда каракалпаки переселились с Жанга-Дарьи. В этот период жангадарьинские каракалпаки, вследствие тяжелого их положения — завоевательных походов хивинских ханов и набегов казахских феодалов, — сделали попытку найти себе поддержку у Бухары. П. П. Иванов так пишет об этом эпизоде из истории каракалпаков: «в виду полной изолированности от бухарских центров, связь каракалпаков с Бухарой выразилась в поборках с них в пользу бухарского эмира, в виде уплаты закята и хараджа и пребывании на территории Яны-Дарьи бухарского наместника (навваб)»⁶. И далее он замечает, что, поскольку попытка найти поддержку у Бухары не удалась, жанга-дарьинские каракалпаки, во главе с Орунбай-бием, были вынуждены признать хивинское подданство и были переселены в пределы Хивинского ханства. Однако, как мы видим теперь, часть каракалпаков все же переселилась в этот период на территорию Бухарского ханства, в степи к северу от Нур-Аты и Кенимеха. Об этом свидетельствуют упомянутые выше письменные источники, современное расселение

¹ См. П. П. Иванов «Очерки по истории Средней Азии», стр. 118.

² Л. Соболев. Письма об Аму-Дарьин. экспедиции. Рус. инвалид, 1874 г., № 213, 216, цит. по МИКК, стр. 250.

О расселении каракалпаков в трех направлениях после столкновений с казахами, записали также мы в 1960 г. в кишлаке Шор-Тебе, Кенимехского р-на Бухарской области. В этой легенде говорится, что одна часть каракалпаков поселилась в стороне Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, другая часть — в Шурахане и Турткуле; третья часть — по правому берегу Зеравшана в окрестностях Митана, Пай-Арыка, Булунгура, Жамбая, Актепе, Кенимеха (Полев. запись автора № 40 за 1960 г.).

³ А. Д. Гребенкин. Ук. соч., стр. 105.

⁴ С. М. Брук. Ук. соч., стр. 99.

⁵ МИКК, стр. 270.

⁶ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 76.

каракалпаков в Бухарской области¹, а также легенды бухарских каракалпаков о переселении, записанные нами во время экспедиционных историко-этнографических исследований в 1960 г. В преданиях каракалпаков Кенимехского района Бухарской области, в качестве мест прежнего обитания каракалпаков упоминается нижняя Сыр-Дарья, Жанга-Дарья, Ширик-Кала (Чирик-Рабат) и др. В качестве основной причины, вызвавшей переселение каракалпаков с этой территории как в сторону Чимбая, так и в сторону Нур-Аты и Кенимеха, указывается на столкновение с казахами. По преданиям, каракалпаки живут на данной территории 7—8 поколений (ата), т. е. 180—200 лет. Наряду с этим, в легендах упоминается имя Маман-бия, правившего каракалпаками, когда они жили на Жанга-Дарье. Маман-бий — историческая личность; из письменных источников известно, что он правил жангадарьинскими каракалпаками в конце XVIII — начале XIX в.² Таким образом, время переселения каракалпаков с Жанга-Дарьи в степи, примыкающие к Кенимеху, можно определить второй половиной XVIII — началом XIX века.

Вот отрывки из некоторых исторических легенд кенимехских каракалпаков:

«На берегах Жанга-Дарьи была каракалпакская крепость Ширик. Оттуда переселились каракалпаки после того, как их победили казахи»³.

«Каракалпаки раньше жили на этом берегу Сыр-Дарьи до Туркестана... Когда Маман-бий постарел, на каракалпаков напали казахи. Тогда сородичи пришли к Маман-бию и сказали: «На нас напали казахи, что теперь будем делать?» Маман-бий ответил: «Я теперь постарел, защитить вас не могу, идите, куда хотите». После этого каракалпаки на арбах и верблюдах переселились сюда... Большинство каракалпаков переселилось в Чимбай... более слабые направились сюда, в сторону Нур-Аты. Здешние каракалпаки переселились с севера, через пески. Переселение было очень трудным. Многие (особенно слабые, старики) не дошли, остались по дороге. Муйтены и конграты переселялись на арбах. От этого времени среди народа остались слова «арбалы конграт»⁴.

В степях к северу от Нур-Аты и Кенимеха каракалпаки расселились среди казахов и проживают там и в настоящее время⁵.

¹ См. выше, стр. 13, прим. 1.

² Материалы по истории каракалпаков. М.—Л., 1935 г., стр. 115—118.

³ Полевая запись автора № 54 за 1960 г. См. также полевые записи автора №№ 40, 42, 52 за 1960 г.

⁴ «Конграт с арбами». Полев. запись автора № 52 за 1960 г.

⁵ См. выше, стр. 13, прим. 1.

По-видимому, имело место и частичное обратное передвижение каракалпаков с территории Бухарского ханства на Жанга-Дарью, т. к. П. П. Иванов в своей работе «Очерк истории каракалпаков» отмечает, что две тысячи семейств каракалпаков возвратились «на Яны-Дарью из бухарских пределов, где они, по-видимому, неудачно пытались обосноваться». (стр. 76.) Но, как мы видим выше, немалое число каракалпаков осталось жить на указанной территории.

Бухарские каракалпаки были теснее, чем другие их группы, связаны с каракалпаками хивинскими и позже, на протяжении всего XIX в. Имели место переселения групп каракалпаков с территории Хивинского ханства к родичам, живущим на территории Бухары, в результате различных политических событий, происходивших в Хивинском ханстве. После подавления в Хивинском ханстве восстаний каракалпаков в 1855—56 и 1857—58 гг., часть каракалпаков переселилась в пределы Бухарского ханства. В. В. Григорьев в примечаниях к работе Бланкеннагеля «Путевые заметки о Хиве в 1793—4 г.» писал: «Вследствие политических волнений в Хивинском ханстве и потом бескормицы 1857 г. значительное число каракалпаков выселилось отсюда (из Хивинского ханства) в Бухарские пределы и до 700 семейств приключало к нам на Сыр-Дарью»¹. Об этом же упоминают Г. Я. Килевейн² и А. Л. Кун³, бывшие в Хивинском ханстве во второй половине XIX в. Между бухарскими и хорезмскими каракалпаками поддерживались также экономические, культурные (см. ниже) и родственные связи⁴.

В последней четверти XVIII в., во время правления в Фергане Нарбута-бия, происходит, по-видимому, переселение основной массы каракалпаков в Ферганскую долину.

В большинстве легенд о переселении, записанных среди ферганских каракалпаков, говорится, что это переселение произошло 7 ата (поколений) назад⁵. Поколение в нашей исторической литературе принято считать за 25 лет. Таким образом, 7 поколений — 175 лет, т. е. переселение произошло в 70-х годах XVIII века, что как раз соответствует времени правления Нарбута-бия. В некоторых случаях информаторы прямо говорят о том, что переселение произошло во время Нарбута-бия.

Подтверждение сведений народных легенд мы нашли также в архивных материалах. В одном из документов ЦГИА УзССР имеются данные о том, что во время Нарбута-бия каракалпаки в Ферганской долине были, и что распределение между каракалпаками по крайней мере части земель производилось Нарбута-бием. Документом этим является протокол, составленный в 1882 г. в г. Коканде, на основании допроса судебным следователем Маргеланского уезда Сологубом нескольких каракалпаков «по делу о вымогательстве 108 тиллей с жителей кишлака Хаузак бывшим

¹ Вестник РГО, 1858 г., т. XXII, отд. 3, стр. 97.

² Килевейн Г. Я. Отрывки из путешествия в Хиву. Записки РГО, 1861 г., кн. 1, стр. 102.

³ А. Л. Кун. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. Известия РГО, 1874 г., т. X, стр. 49.

Такие же сведения дают информаторы из нуратинских каракалпаков. Борибаяв Джаалид, каракалпак (рода кият), 54-х лет, из совхоза Кызылча, Нуратинского р-на, Самаркандской обл. сообщил, что его предки «переселились сюда с Аму-Дарьи, не вытерпев гнета хивинских ханов. Это произошло 4 ата (поколения) назад.» (Полев. запись С. Аметова под № 19, за 1959 г. Архив Ин-та истории, языка и литературы КК филиала АН УзССР.)

⁴ Полев. записи автора №№ 40, 47 и 48 за 1960 г.

⁵ Полев. записи автора №№ 11, 12, 52 и друг. за 1953 г.

Каракалпакским волостным управителем Арсланкулом Уста-Нурмановым». Один из опрошенных потерпевших — каракалпак Хальмурат Бекмуратов из кишлака Хаузак, рассказал: «В дачах кишлака Хаузак находится озеро Яр-Куль, заросшее камышом, и пахотная земля, прилегающая к озеру, находившаяся во владении (на правах собственности) жителей этого кишлака, которые имели на озеро и землю казиевский документ, выданный Нарбута-беком нашим праотцам и хранившийся у однокишлакаца нашего Манбека»¹. Однако переселение каракалпаков в Ферганскую долину в конце XVIII в. еще не завершилось. Оно происходило и позже. И, по-видимому, последним сколько-нибудь значительным переселением каракалпаков в Ферганскую долину было переселение в насильственном порядке пленных-каракалпаков, захваченных во время походов войск Алим-хана на Ташкент.

Преемник Нарбута-бия Алим-хан (1800—1809 г.г.), первый принявший ханский титул, после чего и сама Фергана получила название Кокандского ханства, расширил территорию ханства за счет присоединения к нему Ташкента и Чимкента. Войска Алим-хана неоднократно совершали походы на Ташкент. Во время этих походов под Ташкентом было захвачено большое количество пленных. В. Наливкин в своей работе «Краткая история Кокандского ханства» пишет, что Омар (который тогда еще не был ханом, а лишь возглавлял войска Алим-хана во время первого похода на Ташкент) «ограничил все ближайшие окрестности до самого Ташкента и захватил много пленных, большая часть которых, конечно, мирные жители»². В числе пленных, захваченных войсками Алим-хана, по-видимому, были каракалпаки, жившие в окрестностях Ташкента, которых Алим-хан и переселил в Ферганскую долину, чтобы увеличить количество своих подданных, а следовательно и плательщиков налога. Это последнее насильственное переселение наиболее и сохранилось в памяти населения. Нам информаторы рассказывали: «Залим-амир (прозвище Алим-хана) переселил 1000 семей каракалпаков насильно в Коканд.»³ Вызывает большой интерес также упоминание в ряде вариантов легенды о том, что каракалпаки были переселены в Ферганскую долину в качестве ак-уйли⁴. Этот термин у среднеазиатских авторов означал заложников⁵. Однако в качестве ак-уйли часто брали большие группы людей (сотни мужчин с семьями). С. П. Толстов в своей работе «К истории древнетюркской социальной терминологии» писал по поводу «aq-öylü (aq-öylük): «Речь идет, как правило, о выдаче туркменскими племенами заложников хивинскому хану, как заключительном акте военных действий между ханом и восставшими туркме-

нами, ... о переселении определенной части того или иного племени в Хиву в определенных политических целях и т. п.»¹. Такую же картину мы наблюдаем и в отношении каракалпаков Ферганы (определенной их части). По-видимому, каракалпаки, жившие под Ташкентом, особенно активно боролись против войск Алим-хана, и поэтому он переселил их в качестве ак-уйли в Ферганскую долину, давно подвластную область, чтобы легче было держать их в руках.

Таким образом, сопоставление данных народных легенд с данными литературных источников позволяет утверждать, что последняя значительная часть каракалпаков была насильственно переселена в Ферганскую долину Алим-ханом во время его походов туда.

Со времени правления в Фергане Алим-хана и его преемника Омар-хана каракалпаки в пределах Кокандского ханства нередко упоминаются в источниках². Русский переводчик Ф. Назаров, бывший в Кокандском ханстве в 1813—1814 г.г., во время правления Омар-хана, в своей книге (написанной на основании материалов этой поездки) «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», указывает, что на реке Сыр-Дарье, недалеко от г. Коканда, они шли «12 верст кочующими Каракалпаками, занимающимися изделием ковров, шерстяных тканей...»³. Следовательно, в начале XIX в. каракалпаки уже, безусловно, были на территории Кокандского ханства и успели там до известной степени обжиться.

Детальное изучение чрезвычайно интересных легенд ферганских каракалпаков, на которых мы здесь не имеем возможности остановиться, показывает, что основным направлением переселения каракалпаков в Ферганскую долину был путь непосредственно с низовьев Сыр-Дарьи через Ташкент⁴ (что соответствует и сведениям письменных источников). Однако, некоторая, хотя и незначительная, часть каракалпаков переселилась после предварительного (недолговременного) обитания в районах Бухары и Самарканда, на что есть отдельные указания в легендах.

Так происходило переселение «верхних» каракалпаков с их прежней территории между Туркестаном и Ташкентом в долину реки Зеравшан, Ферганскую долину и в другие места. Однако не все каракалпаки оставили среднее течение Сыр-Дарьи. Небольшие группы каракалпаков остались здесь и в более позднее время, и во

¹ См. С. П. Толстов. «К истории древнетюркской социальной терминологии», отд. оттиск., стр. 73—74.

² В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 99 и др.

³ Ф. Назаров. «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии». СПб, 1821 г., стр. 72.

⁴ Подробнее об этом см. о проблеме Жидели — Байсуна в работах Л. С. Толстовой «Каракалпаки Ферганской долины», Нукус, 1959 г., стр. 22—26. «Из истории ферганских каракалпаков (к вопросу о переселении группы каракалпаков в Ферганскую долину)». Учен. зап. КК Гос. Пединститута. Вып. 1, Нукус, 1957 г., «Материалы по этнографии ферганских каракалпаков». Краткие сообщ. Ин-та этнографии. В. XXI, М., 1954 г.

¹ ЦГИА УзССР, фонд 19, «Ферганское областное правление», опись 1, ед. хр. 737.

² В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 86.

³ Полев. запись автора № 17 за 1953 г. См. также полев. записи автора №№ 16 и 19 за 1953 г.

⁴ См. полев. записи автора за 1953 и 1954 г.г.

⁵ МИКК, стр. 219.

второй половине XVIII в., а также в XIX в. отмечались здесь русскими путешественниками¹. О каракалпаках на Сыр-Дарье в середине XIX в. упоминал казахский ученый Чокан Валиханов, называвший их степными соловьями и образно писавший о них: «Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась ночевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону реки Сыра»². Небольшие группы каракалпаков, в значительной степени ассимилировавшиеся с окружающим населением (узбеками и казахами), отмечаются на средней и нижней Сыр-Дарье рядом исторических работ конца XIX—начала XX вв., о чем мы упоминали выше³.

* * *

Таким образом, к началу рассматриваемого периода, к XIX в., наряду с каракалпаками, входившими в состав Хивинского ханства, были и значительные группы каракалпаков, входивших в состав Бухарского и Кокандского ханств, а также и в состав России (отдельные группы каракалпаков Казахстана). Сколько-нибудь подробными сведениями мы располагаем лишь в отношении каракалпаков Ферганской долины, а отчасти и о бухарско-самаркандской группе. Эти группы каракалпаков были обследованы нами путем экспедиционного изучения, а кроме того, о них имеются некоторые сведения в литературе и письменных источниках.

2. ПОЛОЖЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В БУХАРСКОМ И КОКАНДСКОМ ХАНСТВАХ В XIX в. (1800—1868 гг.).

В конце XVIII—начале XIX вв. после длительного периода хозяйственного упадка и политической раздробленности в Средней Азии начинается некоторый хозяйственный подъем и политическая консолидация вокруг трех центров — Бухары, Хивы и Коканда. В Бухарском ханстве, возникшем еще в XVI в., с середины XVIII в. правила мангытская династия. «В середине XVIII в. бухарские ханы владели более или менее прочно лишь окружающими г. Бухару туманами (Вабкент, Гиждуван, Варданзи, Каракуль и др.), Кашка-Дарьинской областью и долиной Мианкаля»⁴. Самарканд был фактически независим от Бухары. Обособилась Ферганская долина, где начало складываться Кокандское ханство. Ходжент, Ташкент, Хисар, а временами также Шахрисябз, Нурата и области по левому берегу Аму-Дарьи — Балх, Бадахшан и др. не соблюдали вассальной зависимости по отношению к Бухарскому ханству. Но уже первый хан мангытской династии Мухаммед-Рахим (1753—58 г.г.) начал проводить централизаторскую политику «собирания земель» вокруг Бухары. Продолжалась борьба за централизацию и при его преемниках. И в начале XIX в. «Бухарскому ханству, кроме Зе-

равшанской долины и долины Кашка-Дарьи, принадлежали уже: Сурхан-Дарьинская область, наиболее населенные области нынешнего Таджикистана с Хисаром, Ходжентом, Ура-Тюбе, Пянджикентом и верховьями Зеравшана, большая часть южного Туркестана, часть Туркмении до Мургаба включительно, а на севере — вся территория до района г. Туркестана»¹.

В конце XVIII—начале XIX веков на территории Ферганской долины возникло третье среднеазиатское ханство — Кокандское, в котором во все время его существования правила узбекская династия Минг². Объединил под своей властью всю территорию Ферганской долины Нарбута-бий (правивший в 1770—1800 гг.). Преемник и сын его — Алим-хан (1800—1809 гг.) первым принял ханский титул, в результате чего и область Ферганы получила название Кокандского ханства. Алим-хан значительно расширил территорию ханства, присоединив к нему Ташкент, занимавший очень важное экономическое и стратегическое положение, и Чимкент с окружающей территорией. Ближайшие преемники Алим-хана еще более расширили границы ханства, отобрав у Бухарского ханства г. Туркестан. Завоевание Туркестана привело к подчинению кокандским ханам казахских степей почти до устья Сыр-Дарьи. Была завоевана также значительная часть Семиречья и таджикские горные владения (Каратегин и др., впрочем, в последних власть кокандцев не была особенно прочной).

В XIX в. между тремя ханствами велись постоянные войны из-за пограничных областей. Из-за Ходжента, Джизака, Ура-Тюбе велись войны между Бухарским и Кокандским ханствами; эти города, особенно Ура-Тюбе, постоянно переходили из рук в руки. За область Мерва велась борьба между Бухарой и Хивой. Балх и другие районы Южного Туркестана в конце 50-х годов XIX в. были захвачены афганскими эмирами при помощи Англии³. Эти войны очень ослабляли среднеазиатские ханства. Кокандское ханство с 1842 г. и до присоединения к России неоднократно подвергалось вторжению бухарских войск и даже объявлялось присоединенным к Бухарскому ханству, потом вновь добиваясь самостоятельности. Несмотря на некоторую централизацию власти, не была окончательно преодолена и феодальная раздробленность. Среднеазиатские ханства раздирались внутренними междоусобицами — столкновениями между отдельными политическими группировками, борьбой за власть между членами правящего дома, столкновениями ханов с отдельными непокорными крупными феодалами. Чаще всего это были правители областей — вилайетов (хакимы, беки).

В Бухарском ханстве в середине XIX в. полунезависимым владением был Шахрисябз; Хисар и верховья Зеравшана временами

¹ Ф. Ефремов. «Странствование в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии». Казань, 1811 г., стр. 55—60; С. В. Жуковский. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г. Восточн. сборн., кн. II, СПб, 1916 г., стр. 320—321.

² Сочинения Ч. Ч. Валиханова. Записки РГО, т. XXXIX, стр. 223.

³ См. стр. 8—9.

⁴ История Узбекской ССР. т. I, кн. II, Ташкент, 1956 г., стр. 9.

¹ История Узбекской ССР, т. I, кн. II, Ташкент, 1956 г., стр. 9.

² Родоначальником этой династии был Шахрух-бий из узбекского племени Минг, захвативший еще в 1710 г. власть в части Ферганской долины (он владел территорией от Коканда до Чуста). Ист. Узб. ССР, т. I, ч. 1, стр. 416.

³ Там же, т. I, ч. 2, стр. 9—10.

являлись независимыми. Постоянные войны особенно тяжело отражались на положении трудящихся масс, совершенно разоряя их.

Бухарское и Кокандское ханства являлись феодальными государствами с неограниченной властью хана и огромной ролью духовенства. Крупнейшими феодалами в ханствах были прежде всего бухарский эмир и кокандский хан, их родственники, а также важнейшие административные лица (хакимы, беки и др.), владельцы мюльковых земель, многочисленное духовенство. В руках феодалов сосредотачивалась большая часть земель в государстве. Феодалы сдавали землю крестьянам в издольную аренду, беспощадно грабя последних. Кроме того, крестьяне должны были выплачивать многочисленные налоги и нести тяжелые трудовые (проведение и очистка каналов, строительство дворцов, дорог) и военные повинности в пользу феодальных государств.

Обстановка в ханствах была чрезвычайно тяжела. Сильнейшее влияние духовенства распространялось на все стороны жизни населения. Вся жизнь населения должна была определяться правилами шариата, а виновных в нарушении этих правил избивали палками или плетью, бросали в зиндан, а иногда и подвергали жестокой казни.

Некоторое оживление хозяйственной и культурной жизни, наблюдавшееся в первой половине XIX в. в среднеазиатских ханствах под влиянием экономических связей с Россией, не могло в тех условиях затронуть господствующего феодального способа производства. В недрах феодальных ханств еще не создалось условий для возникновения и развития капиталистических отношений (они стали развиваться лишь после присоединения значительной части Средней Азии к России). Такова была чрезвычайно тяжелая обстановка в среднеазиатских ханствах в этот период¹.

* * *

Разделяли судьбы населения Кокандского и Бухарского ханств и те группы каракалпаков, которые жили в этот период на их территории. Так, каракалпаки Ферганской долины, как и другие народы Кокандского ханства, должны были платить в казну многочисленные налоги. Основным был налог с урожая зерновых — херадж², который колебался от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ урожая. До тех пор, пока не был взят херадж, дехкане не могли использовать остального урожая. Сборщики (саркарда) взимали налог с огромными злоупотребле-

¹ О Хивинском ханстве мы здесь не говорим, поскольку это выходит за пределы нашей темы. Подробнее о Бухарском и Кокандском ханствах см. «История Узбекской ССР», т. 1, ч. 1, 2. «Материалы Среднеазиатской научной сессии по истории народов Ср. Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955 г. П. П. Иванов. «Очерки по истории Ср. Азии», «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве (1821—25 гг.)», «Казахи и Кокандское ханство» и др., а также некоторые дореволюционные источники, напр. В. Наливкин «Краткая история Коканд. ханства» и др.

² Этот налог каракалпаки также называли алым или салык.

ниями, присваивали себе значительную часть собранного урожая¹. Со скота собирали налог закят в размере $\frac{1}{40}$ стада. Кроме того, платили налог чоп-пулы — за пастбу скота на ханских лугах — в размере 1 барана с каждых 100 баранов² (это показывает, что пастбища ферганских каракалпаков находились в собственности ханов). Вся тяжесть налогов ложилась на плечи трудящихся, в то время как баи откупались от налогов взяткой.

Кроме того, с каракалпаков брали налог на содержание армии — кылкуйрук и ряд других налогов.

Особенно увеличил количество налогов последний кокандский хан — Худояр. Вот что пишет по этому поводу А. Кун в статье «Очерк Кокандского ханства»:

«Во время Худояр-хана все... виды податей... были развиты до тонкости. Статей для налогов было очень много, собирали со всего, что только возможно было. Народ был буквально обираем. Так, во время Худояр-хана существовал сбор на базарах: с продавца и покупателя взималось несколько чек... за совершенную куплю, чего бы то ни было. Брали за хворост, камыш, колючку и т. п., которые бедные люди собирали с полей на продажу. В последнее время... учредили налог на право пользования водой, проведенной каналами из горных речек, — оставался один воздух, за право дышать которым не бралось ничего. Это расширение налогов и было одною из главных причин неудовольствия против последнего хана»³.

Селились каракалпаки, в основном, на государственных (амляковых) землях. Хан предоставлял в длительное пользование определенным кишлакам те или иные участки земли, собирая с населения кишлаков херадж и другие налоги; но по желанию хана данная территория могла быть в любой момент отобрана у жителей кишлака. Так, например, жители кишлака Хаузак в течение длительного времени владели озером Яр-Куль и пахотной землей, прилегающей к нему, имели на то и другое казиевский документ, выданный еще Нарбута-бием. Но Худояр-хан отобрал у жителей документ, и озеро, с прилегающей к нему землей, отошло в казну; однако «за несколько лет до занятия ханства русскими Худояр-хан возвратил означенный документ снова жителям кишлака Хаузак и озеро перестало считаться казенным»⁴. Мы видим полный произвол верховного собственника земли — хана в отношении распоряжения государственной землей.

Но не все каракалпаки жили на государственных землях. Значительное количество их жило на вакуфных землях и платило налоги в пользу духовенства⁵. Некоторые обрабатывали частновладельческие (мюльковые) земли (например, в районе Алтынкула)⁶.

¹ Полевые записи автора №№ 8, 11, 24 и др. за 1953 г.

² Полев. записи автора № 8 за 1953 г.

³ А. Кун. «Очерк Кокандского ханства». Известия РГО, 1876 г., № 1, стр. 64—65.

⁴ ЦГИА УзССР, фонд. 19, Ферган. обл. правление. Ед. хр. 737.

⁵ Полев. записи автора №№ 1, 17 и др. за 1954 г.

⁶ ЦГИА УзССР, ф. 19. Ед. хр. 473.

Кроме налогов, каракалпаки должны были выполнять ряд повинностей. Одной из этих повинностей была чрезвычайно тяжелая физическая работа по проведению и очистке каналов (чапыш).

Другой важнейшей повинностью была служба каракалпаков в войсках кокандских ханов — солдатами (аскер), артиллеристами (топчи)¹, а также участие в вспомогательных войсках народного ополчения (кылкуйрук), которые должны были выполнять земляные, осадные и другие работы². Эта повинность была наиболее обременительной.

Каракалпаки в составе войск кокандских ханов принимали участие в войнах Коканда с Бухарой. Они упоминаются в составе войск Алим-хана во время похода его на Ташкент³, в составе войска Худояр-хана во время одного из походов его на Ура-Тюбе⁴.

Во время междоусобиц в Кокандском ханстве, борющиеся между собой за престол хан и его родственники старались привлечь на свою сторону разные народности, населяющие ханство, — в том числе и каракалпаков. Так, из «Таарихи Шахрохи» известно, что Малия-хан, составив заговор против Худояр-хана, бежал в Уч-Курган. «Там он привлек на свою сторону всех кочевников, киргизов, кыпчаков, тюрков, каракалпаков, племя Чон-Багыш, калмыков»⁵.

Таким же тяжелым было положение каракалпаков и в Бухарском ханстве. С тех полукочевых (а иногда и кочевых) групп каракалпаков, которые жили совместно с казахами в северных районах Бухарского ханства, на границе с пустыней, со времени их появления в пределах ханства, брали налог со скота — закят (сороковину)⁶. Однако уже в конце XVIII в., во время правления Шах-Мурад-бека был установлен налог кош-пул, который являлся платой «за 50 танапов земли, годной к обработке; при этом не обращается внимания на то, обрабатывается ли она в действительности или нет»⁷. Как указывал А. Д. Гребенкин, утверждение этого налога значительно ускорило переход каракалпаков к оседлости и земледелию⁸.

Каракалпаки, жившие с конца XVIII в. в долине реки Зеравшан и ведущие в больших или меньших размерах земледельческое хозяйство, должны были выплачивать те же налоги, что и окружающие узбекские племена: херадж (натуральный налог) — с зерно-

вых культур,¹ танап-пулы (денежный налог) — с садов и огородов, закят, военный налог — джул и целый ряд других налогов. Общая сумма налогов была очень велика, причем и здесь собирали их чрезвычайно жестокими способами, вплоть до пыток, и с большими злоупотреблениями.² Весь громоздкий аппарат центральной власти и войско эмира содержался за счет налогов, собранных с населения, а местная администрация не получала содержания от эмира и «кормилась» тоже за счет населения.³ Естественно, поэтому, что чиновники на местах старались выжать из населения все соки, чтобы наполнить и свой карман.

Каракалпаки, как и другие народы ханства, должны были нести тяжелые трудовые повинности по ремонту оросительных каналов, дорог, мостов, по постройке и ремонту крепостных стен. Особенно тяжелы были для населения непрерывные войны, во время которых почти все взрослое население должно было бросать сельскохозяйственные работы и идти в ополчение (кара-чирак)⁴. Часть каракалпаков служила и в регулярном войске эмира. Об этом А. Д. Гребенкин пишет: «... Он (род каракалпак) входил в состав родов, поставлявших воинов для эмировской армии. Все начальники эмировской армии говорили: каракалпаков можно набирать в конницу, но доверять им нельзя».⁵

Каракалпаки, как и другие народы Бухарского ханства, страдали от постоянных войн и междоусобиц, происходивших в ханстве. В оседлой земледельческой полосе каракалпаки были вынуждены селиться за стенами крепостей (курганча), чтобы защитить свои

¹ По шарпату налог с земли, орошаемой естественным путем, должен составлять $\frac{1}{10}$ часть урожая, а с земли, орошаемой искусственно, — $\frac{1}{20}$ часть урожая. Однако бухарские ханы значительно превысили эти первоначальные установки ислама; налог с земли (херадж) достигал временами $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ части урожая с разных культур, а иногда и половины урожая. (Полев. записи автора №№ 40 и 42 за 1960 г.; также Д. И. Лагофет. «Страна бесправия». СПб, 1909 г., стр. 48).

² П. П. Иванов. «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве», стр. 37. Описывая подробно положение в Бухарском ханстве узбекских племен ктаев и кипчаков, Иванов отмечает, что живущие на восток от этих племен каракалпаки «ни по условиям хозяйствования, ни по социально-бытовому своему укладу не отличались особенно резко от окружающих их соседей узбеков» (там же, стр. 31).

³ Население должно было делать определенный сбор в пользу мираба (мирабана), амина, аксакала и других представителей местной администрации. (Полев. записи автора № 40 за 1960 г.; Д. И. Лагофет. «В горах и на равнинах Бухары» (Очерки Средней Азии). СПб, 1913 г., стр. 180).

⁴ П. П. Иванов. «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве», стр. 41—42.
⁵ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 99.

О том, что каракалпаки служили в войсках бухарских эмиров, сообщали нам также информаторы в Самаркандской и Бухарской областях. (Полев. записи автора №№ 30, 52 за 1960 г.) Иногда в армию эмира отправляли в виде наказания человека, совершившего какой-либо проступок. (Полев. записи автора № 40 за 1960 г.) В эксплуатации каракалпаков большую роль играла также судебная система ханства. Гребенкин отмечает, что каракалпаки часто обращаются к казиям для разрешения спорных вопросов (там же, стр. 95). О разборе казиями судебных дел между казахами и каракалпаками, жившими совместно в районе Нураты, упоминается также в письме эмира Хайдара от 1807 г. (МИКК, стр. 270). Разумеется, казии обычно решали спорные вопросы в пользу власти имущих.

¹ Полев. записи автора №№ 8, 49 за 1953 г.

² Полев. записи автора № 1 за 1954 г.; В. Наливкин «Краткая история Кокандского ханства» стр. 174—175; «История Узб. ССР». т. I, кн. II, стр. 39.

³ В. Наливкин. «Краткая история Коканд. ханства», стр. 99.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ В. Бартольд. Извлечения из Таарихи Шахрохи, стр. 104.

⁶ Н. Ханыков. «Описание Бухарского ханства», стр. 74—75.

С 40 баранов в качестве закята брали одного барана; с 5 верблюдов — тоже одного барана; духовенству население должно было платить религиозный налог (питир). (Полев. записи автора №№ 49 и 52 за 1960 г.)

⁷ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 96.

⁸ Там же.

семьи, жилища и имущество от врагов.¹ Во время междоусобных войн эмир и его противники, наряду с другими народами ханства, старались привлечь на свою сторону и каракалпаков.² Все эти постоянные военные столкновения тяжело отражались на материальном положении каракалпаков, разоряли их.

Мы видели, что население как Бухарского, так и Кокандского ханств испытывало тяжелый гнет со стороны бюрократического аппарата ханств. Однако эта система угнетения не была единственной, поскольку трудящиеся массы каракалпаков подвергались жестокой эксплуатации и со стороны «своей» классовой верхушки. К рассмотрению общественных отношений каракалпаков Кокандского и Бухарского ханств мы теперь и переходим.

* * *

В XIX в. у каракалпаков, живущих в пределах Бухарского и Кокандского ханств, сохранилось деление на роды и управление биями, как и у их предков, живших на нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи. В исторической литературе упоминаются важнейшие родовые подразделения «нижних» каракалпаков 40-х годов XVIII в.³

Подробная схема родоплеменной структуры хорезмских каракалпаков конца XIX — начала XX вв. приводится в работе Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпаков».⁴ Как видно из этой работы, родоплеменная структура хорезмских каракалпаков конца XIX — начала XX вв. имела очень сложный характер, состоя из 5—6 ступеней. Все каракалпаки подразделялись на два отдела — он торт уру (состоявший из племен: ктай, кыпчак, кенегес и мангыт) и конграт (состоявший из отделений шулдук и жаунгыр с последующими более мелкими делениями).

Такой сложной родоплеменной структуры не было как у ферганской, так и у самаркандской групп каракалпаков. Здесь, как авторами XIX в., так и современными полевыми историко-этнографическими исследованиями отмечаются лишь основные племена (урук), изредка с делениями на более мелкие рода. При этом большинство из этих родоплеменных групп было то же, что и у каракалпаков Хорезмского оазиса. Так, одной из наиболее крупных родоплеменных групп у ферганских каракалпаков была родоплеменная группа мангыт, занимавшая большое место и в родоплеменной структуре хорезмских каракалпаков. Именно внутри нее дольше и полнее сохранялись воспоминания о более мелких подразделениях. По сведениям наших информаторов, мангыты делились на следующие группы: ак-мангыт, кара-мангыт, ток-мангыт, шок-мангыт, бек-мангыт,

бори-мангыт, тулки-мангыт, шуйит, темирхожа, жаманша.¹ Была представлена у ферганских каракалпаков и родоплеменная группа кенегес. Один из наших информаторов сообщил о том, что кенегесы происходят от мангытов.² Это интересно в связи с тем, что у хорезмских каракалпаков кенегесы и мангыты — две близкие между собою родоплеменные группы каракалпаков, легенды которых говорят об общем происхождении их от одного предка и которые расселены смежно друг с другом.³ Из подразделений, входящих у хорезмских каракалпаков в состав племени кенегес, здесь известен лишь род оймаут⁴ (но ферганские каракалпаки называют эти подразделения, как равнозначные, не включая оймаутов в состав племени кенегес). Была представлена у ферганских каракалпаков и родоплеменная группа кыпчак, но о ее более мелких подразделениях воспоминаний у населения почти не сохранилось. Некоторые информаторы сообщают о делении этой родоплеменной группы на два подразделения; сведения о том, какие именно это были подразделения, у разных информаторов расходятся. Некоторые информаторы сообщают, что родоплеменная группа кыпчак делилась на ктай-кыпчак и жау-кыпчак⁵. У хорезмских каракалпаков ктай и кыпчак — два разных крупных родоплеменных подразделения, но близких между собой, связанных частыми брачными связями.⁶ Сведений о родоплеменной группе ктай, отдельной от кыпчаков, у ферганских каракалпаков нам получить не удалось, хотя у них было представлено родовое подразделение бессары и некоторые другие, входящие в состав ктаев у хорезмских каракалпаков.

Почти не сохранилось воспоминаний у ферганских каракалпаков о делении родоплеменной группы конграт, которая у хорезмских каракалпаков являлась одной из наиболее крупных групп (арыс — отдел). О конгратах информаторы сообщали лишь наряду с другими группами. Впрочем, один из информаторов сообщил нам, что родоплеменная группа муйтен относится к конгратам, так же как и родоплеменные группы уйручи и телимин⁷ (у хорезмских каракалпаков последних двух групп не встречалось). Была у ферганских каракалпаков представлена и родоплеменная группа найман, существовавшая и у хорезмских каракалпаков.⁸

Если о родовых подразделениях ферганских каракалпаков мы располагаем лишь сведениями, полученными от стариков — информаторов, то о самаркандской группе каракалпаков есть кое-какие

¹ Полев. записи автора №№ 4, 10, 12 и др. за 1953 г.

² Полев. запись автора № 16 за 1953 г.

³ Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 50.

⁴ Полев. записи автора №№ 10, 12 за 1953 г.

⁵ Полев. запись автора № 11 за 1953 г. Другой информатор приводит деление на ктай-кыпчак и котыр-кыпчак; третий — на кара-кыпчак и жабы-кыпчак. Полев. записи автора №№ 12 и 18 за 1953 г.

⁶ Т. А. Жданко, цит. соч., стр. 94.

⁷ Полев. запись автора № 10 за 1953 г.

⁸ Р. Косбергенов. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — нач. XX вв. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III, М., 1958 г., стр. 217.

¹ Полев. запись автора № 26 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 43 за 1960 г.

³ Поездка из Орск в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 гг. Гладышев и Муравиным СПб, 1851 г., стр. 19—20.

⁴ Т. А. Жданко. «Очерки исторической этнографии каракалпаков», стр. 36.

сведения в исторической литературе XIX в. Наиболее подробные сведения об этом дает А. Д. Гребенкин. Он отмечает деление каракалпаков, живущих на среднем Зеравшане, на три крупные отделения: кунград-каракалпак, кипчак-ктай-каракалпак и уйшун-митан-каракалпак. Все эти названия представлены и у хорезмских каракалпаков.¹ Каждое из отделений делится на целый ряд «подотделений» (всего отмечено 25 подотделений). Вызывают большой интерес те подотделения, которые имеются и среди хорезмских каракалпаков. Так, в отделение кунград входят подразделения карамуин, ачамайлы, иргалы.² У хорезмских каракалпаков это тоже племена, входящие в арыс (отдел) конграт (ср. кара-мойын, ашамайлы, ыргаклы).³ Интересно объединение у самаркандских каракалпаков в одно отделение ктаев и кипчаков. У хорезмских каракалпаков это тоже два близкие между собою племени. В составе «ктай-кыпчаков» у зеравшанских каракалпаков отмечено также подотделение бес-сары, встречающееся у каракалпаков Хорезмского оазиса.⁴ Отделение митан существует у самаркандских каракалпаков отдельно от кунградов, тогда как у хорезмских племя муйтен входит в состав отдела конграт (но, по данным Т. А. Жданко, это племя вошло позже других в состав отдела конграт, вследствие чего и в фольклоре и культуре муйтенов имеются специфические особенности).⁵ Кроме каракалпаков-митанов А. Д. Гребенкин отмечает также узбекское племя митан, тоже очень близкое каракалпакам, имеющее общие с ними пути переселения. «Мы пришли из России, — говорили А. Д. Гребенкину в 1872 г. зеравшанские митаны, — мы ногаи, а не узбеки. У нас есть песни, в которых говорится о том времени, когда нам хорошо жилось в России, а мы все-таки вышли из нее и пошли к Самарканду».⁶ О близости зеравшанских митанов к каракалпакам писал в 1926 г. И. Магидович: «Митаны, по-видимому, родственны зеравшанским каракалпакам, и, если верить их легендам, проделали с ними общий исторический путь из заволжских степей. Родство их подтверждается тем, что среди митан есть род каракалпак, а среди каракалпаков Самаркандской обл., причисляющих себя к узбекам — род митан».⁷ Кроме тех названий, которые являются общими и для самаркандских и для хорезмских каракалпаков, А. Д. Гребенкин отмечает также неизвестные нам у хорезмских каракалпаков родовые группы, как например, биш-бала, каучи, ак-кауи, тунгатар, входящие в состав отделения кунград и др.⁸

¹ Конграт-арыс, отдел; муйтен — племя из этого отдела; ктай и кипчак — племена отдела он-торт уру.

² А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 99.

³ Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 36.

⁴ А. Д. Гребенкин, там же, стр. 99; Жданко, там же, стр. 36.

⁵ Т. А. Жданко, там же, стр. 52—54.

⁶ А. Д. Гребенкин, там же, стр. 104.

⁷ «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, Бухара, стр. 219.

⁸ В составе отделения «кипчак-ктай» Гребенкин отмечает также подотделения илетан-кипчак, кара-кисяк, бакальчак, ктай-каракалпак-тополяс, урай, сакман, бурляк; в составе отделения «уйшун-митан» — еты-уль, сарык-уча, бишь-уль, биш-сайт, обыслар, джюгантаяк, бара-кобяк, мирза-митан.

Более отрывочные и, безусловно, неполные сведения о родовом составе зеравшанских каракалпаков дают также другие авторы. Эти сведения могут служить дополнением к материалам А. Д. Гребенкина. Н. Ханьков в 1843 г. в составе узбекского племени кунград отмечает подотделения оинлы-каракалпак и куштамгалы-каракалпак.¹ Племя костамгалы мы видим и у хорезмских каракалпаков, тоже в составе отделения кунград.² Возможно, что на Зеравшане каракалпаки этого племени уже в середине XIX в. объединились с узбеками того же племени, ассимилировались с ними. В. Радлов в 1869 г. в составе зеравшанских каракалпаков называет рода оймаут, ак-койлы и кара-сенгир.³ Первое родовое подразделение имелось и у каракалпаков Хорезмского оазиса.

Опрос стариков-информаторов из этнографической группы «каракалпак» в Самаркандской области, проведенный во время полевых историко-этнографических исследований в 1960 г., подтвердил сведения А. Д. Гребенкина, но мало, чем пополнил эти сведения, т. к. в настоящее время прежние родовые деления забываются и не все может быть восстановлено. По собранным нами материалам наиболее распространены были у каракалпаков рассматриваемой группы родоплеменные подразделения конграт и муйтен (значительная часть узбек-каракалпаков Булунгурского района относилась в прошлом к этим подразделениям). Кроме того, информаторы называли нам такие родоплеменные группы, как ктай, кыпчак, кенегес, мангыт, кара-мойын, ашамайлы, балгалы, ыргаклы, кыят и др. Все эти родоплеменные подразделения являлись важнейшими и у хорезмских каракалпаков. Было распространено также родовое название уйручи (иручи), бытовавшее и у каракалпаков Ферганской долины.⁴ Воспоминаний о том, какова была здесь раньше родоплеменная система в целом, в настоящее время не сохранилось. Однако относительно некоторых, более крупных родоплеменных подразделений, сохранились воспоминания о том, на какие части они делились в прошлом. Так, информаторы нам сообщили, что племя муйтен делилось на 12 подразделений, в числе которых были жуан-таяк*, барракабак, итак*, абызлар*, татар-муйтен, байлар, парчалар* (помеченные звездочкой подразделения имеются и у муйтенов из хорезмских каракалпаков). Таким образом, наибольшее число родоплеменных подразделений, в том числе наиболее крупные, основные отделения, являются общими и для хорезм-

¹ Н. Ханьков. «Описание Бухарского ханства», стр. 52.

² Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 36.

³ В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 63.

⁴ У хорезмских каракалпаков есть род шеруши, входящий в состав племени ктай. Нас информаторы уверяли, что ируши и шеруши — это один и тот же род, поскольку эти названия имеют один смысл — пряха. (Полев. запись автора — 37 за 1960 г.) Называли нам информаторы также такие группы, как ак-кауи, беш-бала, кара-кесак и др., не бытовавшие у хорезмских каракалпаков (Полевые записи автора за 1960 г.).

⁵ Полев. записи автора №№ 1, 2 и др. за 1960 г.

кишлаков (для ферганской группы), как Найман, Кенегес (ныне Тюря-Курганский р-н Ферганской области), Муйтен, Оймаут (Фрунзенский р-н Ферганской обл. и др.). У зеравшанских каракалпаков названия родоплеменных групп также нашли отражение в названии ряда кишлаков, как например, Кара-муйон, Кият, Найман, Митан, Хитай и др.¹

У каракалпаков XVIII—XIX веков, как и у многих других кочевых и полукочевых народов, родовой оболочкой лишь прикрывались феодальные отношения. Родовые старшины (бии) старались искусственно консервировать видимость патриархально-родовых отношений, чтобы под их маской успешнее эксплуатировать своих сородичей. Такая система отношений получила в науке название патриархально-феодальной.² Патриархально-феодальные отношения и власть биев у каракалпаков XVIII в. на нижней Сыр-Дарье очень наглядно осветил П. П. Иванов в своей работе «Очерк истории каракалпаков»³. Он же, характеризуя социальный строй Бухарского ханства первой четверти XIX в. (в работе «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве»), обращает большое внимание на «одну общественно-бытовую его (Бухарского ханства) особенность, без учета которой невозможно правильное понимание как классовой структуры местного общества, так и многих происходивших в рассматриваемое время событий. Здесь нами имеется в виду наличие пережитков так называемого родового устройства, игравших в рассматриваемое время еще довольно значительную роль как среди узбеков, так и других народностей ханства, как, например, каракалпаков, туркмен и казахов, населявших северные окраины ханства».⁴

Имущественное неравенство внутри родовой общины достигло уже крайней степени. Непосредственные производители находились в экономической зависимости от родовой знати. Бии фактически распоряжались пастбищами и другими землями своего рода, присваивая лучшую часть. Для эксплуатации сородичей использовались старые формы родовой взаимопомощи. Бии и другие представители классовой верхушки каракалпаков, проживающих в северных частях Бухарского ханства, имевшие огромные стада, владели лучшими колodцами и пастбищами. Более бедные их сородичи, селившиеся неподалеку, за пользование пастбищами выполняли различные работы в хозяйстве биев и баев — пасли скот, стригли

¹ В 1925 г. эти кишлаки входили в состав Каракалпакской волости Самаркандского уезда. См. «Список населенных мест УзССР». Вып. II, Самаркандская обл. Самарканд, 1925 г., стр. 60—61. См. также полев. записи автора за 1960 г.

² С. П. Толстов. «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах». Изв. ГАИМК, вып. 103, 1934 г.; А. Н. Бернштам «Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии». Сов. этнография, 1934 г., № 6; Л. П. Потапов. «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана». Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955 г.

³ Ук. соч., стр. 32 и след.

⁴ П. П. Иванов. «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве», стр. 22.

овец, выполняли различные поручения и т. п. Кроме того, скот зажиточной верхушки пасли также наемные чабаны.¹ У каракалпаков Ферганской долины существовали такие формы эксплуатации, как «ярдам беру» — отдача бедняку коровы в пользование молоком, за что последний должен был исполнять различные работы в хозяйстве бия или бая; «хошар» — помочи, используемые эксплуататорской верхушкой для постройки дома, уборки урожая и т. п.; «асырау» — воспитание бием или баем ребенка бедного родственника с целью его эксплуатации.²

Власть каракалпакских биев в пределах Бухарского и Кокандского ханств была в значительной степени ограничена ханами. В произведении бухарского историка Мухаммеда Вефа Карминегии «Таарихи-Рахим-хани» имеется упоминание о том, как в 1754 г. в р-не Хаваса глава одного из каракалпакских племен, тюре, принял предложение бухарского Рахим-хана сдаться, явился к Рахим-хану «на поклон и удостоился даров и милости последнего», после чего все племя было поселено в Кани-Гиле.³ Однако здесь эмир оказывает еще «всякие почести» каракалпакскому тюре и его сыну, чтобы привлечь на свою сторону до того независимое от Бухары каракалпакское племя. В XIX в., когда верхние группы каракалпаков были окончательно покорены бухарскими и кокандскими ханами, власть ханов становится особенно деспотичной. Ханы боролись против чрезмерного усиления главарей отдельных племен, устраняли неугодных им биев. Но все же представители каракалпакской феодально-родовой верхушки пользовались известным политическим влиянием в Кокандском ханстве, занимали в нем ряд ответственных должностей. Так еще при Алим-хане некий Арслан-каракалпак играл видную роль в войсках хана под Ташкентом.⁴ Иногда представители каракалпакской знати занимали должности хакимов (правителей областей — вилайетов). Так, в 60-х годах XIX в. дважды упоминается на должности хакима каракалпак Дост-Мухаммед — в 1861 г. на должности хакима Ташкента,⁵ а в 1861—63 гг. — на должности хакима Балыкчи.⁶ Представители каракалпакской знати занимали и другие придворные должности (например, дастарханчи)⁷ и должности в войсках хана (пансат — пятисотенный⁸ и др.).

Меньше известно о роли каракалпакской родовой верхушки в политической жизни Бухарского ханства. Информаторы из бухар-

¹ Полев. запись автора № 42 за 1960 г.

² Полев. записи автора №№ 9, 24, 40, 44 за 1953 г.

³ Протоколы заседаний и сообщений Туркест. кружка любителей археологии, год XX, вып. II, стр. 102—103.

⁴ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 18, 99.

⁵ Н. П. Остроумов. Сообщение о последних по времени шейх-уль-ислам и кзы-калян г. Ташкента. Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии, год XX, вып. I, Ташкент, 1915 г., стр. 12.

⁶ В. В. Бартольд. «Извлечения из «Таарихи-Шахрохи», Зап. Вост. Отд. Рус. археол. общ., т. XI, стр. 110.

⁷ В. Наливкин, ук. соч., стр. 187.

⁸ Полев. записи автора №№ 8, 11, 32 за 1953 г., 10, 11, 28, 32 за 1954 г.

ских каракалпаков сообщали нам, что отдельные представители каракалпакской знати из рода Мангыт (как известно последняя правящая в Бухаре династия происходила из узбекского рода Мангыт) получали от эмира такие должности в аппарате управления, как токсоба, мухтар и др. Так, «каракалпак по имени Нуралы занимал при эмире должность токсоба, сын Нуралы Сатыпалды — должность мухтара»¹. Некоторые каракалпаки выдвигались на командные посты в войсках эмира бухарского: каракалпак Еримбет, являясь аскер-баши (командиром) в войске эмира, принимал участие в войне Бухарского ханства с Кокандским, во время которой и был убит (более 100 лет назад).²

Эксплуататорская верхушка бухарских и ферганских каракалпаков не ограничивалась представителями родоплеменной знати. Большую роль играло мусульманское духовенство, которому принадлежали значительные территории вакуфных земель³. В пользу духовенства население платило также налог (назир, питир) — деньгами и продуктами.

Подвергалось население эксплуатации также со стороны представителей торгово-ростовщического капитала — баев, которые начали выделяться у каракалпаков еще до переселения их с нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи. Впоследствии этот процесс усилился. Баи владели большими участками земли и тысячами голов скота. Информаторы из ферганских каракалпаков нам сообщали: «Во время кокандских ханов был бай Ареп. Он жил на территории Дамнал. У него было так много земли и скота, что считать было невозможно. Еще был Осырбай, у него было 1000 танапов земли».⁴ «У крупных баев было по 1000—2000 голов овец»⁵.) А. Д. Гребенкин сообщает, что наиболее богатые из зеравшанских каракалпаков имели до 2000 голов овец⁶.

Другой полюс составляло безземельное население и население, не имеющее скота. В долине Зеравшана в 60—70 гг. XIX в. количество безземельных достигало в отдельных районах до 25 процентов⁷. Положение беднейших слоев дехканства, особенно безземельных, было очень тяжелым как в Бухарском, так и в Кокандском ханствах. Большая часть их находилась на положении

¹ Полев. запись автора № 43 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 54 за 1960 г.

Вызывает большой интерес упоминание в восточных источниках у зеравшанских каракалпаков собственных ханов. «В первой половине XIX в. каракалпакские ханы упоминаются только на Зеравшане», пишет П. П. Иванов («Очерк истории каракалпаков», стр. 127). В работе «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве» он же, ссылаясь на бухарского историка Мухаммед Якуба, вновь упоминает о ханах у зеравшанских каракалпаков (стр. 66). Однако этот вопрос еще подлежит изучению.

³ Там же, стр. 35 и др.; полев. записи автора №№ 9, 31, 40 за 1953 г.

⁴ Полев. запись автора № 9 за 1953 г.

⁵ Полев. запись автора № 15 за 1954 г.

⁶ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98. См. также полев. записи автора №№ 42, 49, 53 и др. за 1960 г.

⁷ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 63 и др.

издольщиков, получая за свой труд от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{10}$ урожая, в зависимости от того, имели ли они рабочий скот, сельскохозяйственные орудия и семена для посева. Часть безземельных была вынуждена наниматься в батраки (карал, науша).¹ В степях бедняки, не имеющие скота (или имеющие несколько голов скота) нанимались в чабаны к баям, а также занимались углежжением и добычей соли (продавая уголь и соль на базарах — подробнее см. ниже).

Особенно ухудшалось положение беднейших слоев населения в неурожайные годы. «Так, например, в 1811 г. (в Бухарском ханстве — Л. Т.) вследствие почти полного отсутствия осадков зимой и бездождия весной все посевы на так называемых богарных... землях погибли, а орошаемые поля дали совершенно недостаточный урожай. Начавшийся в результате голод принял настолько жестокие формы, что из-за куска хлеба родители продавали своих детей, а стариков убивали или оставляли умирать голодной смертью».² Мы видим, что положение каракалпакского населения было чрезвычайно тяжелым как в Бухарском, так и в Кокандском ханствах. Трудящиеся каракалпаки находились под двойным гнетом — со стороны своей эксплуататорской верхушки — баев, духовенства, баев, и со стороны деспотических феодальных государств, облагавших население непомерными налогами и повинностями. Бесконечные разорительные войны и феодальные междоусобицы делали положение населения, в том числе и каракалпаков, невыносимым.

Тяжелое положение населения приводило к частым восстаниям против гнета бухарских и кокандских ханов. Принимали участие в этих восстаниях и каракалпаки. Как пишет А. Д. Гребенкин: «Этот род всегда шел против эмиров бухарских».³ Выше упоминалось, что каракалпаки принимали участие в восстании против власти бухарских ханов уже в 1681 г. Одним из наиболее крупных восстаний в Бухарском ханстве было восстание узбекских племен ктаев и кипчаков в 1821—1825 гг., в котором приняли участие и зеравшанские каракалпаки.

* * *

В 1821 г. против эмира Хайдара, ведшего постоянные войны и разорявшего население чрезмерными налогами, восстали узбекские племена острова Миянкаля — ктаи и кипчаки. Племена Миянкаля не имели достаточного количества скота и пастбищ для ведения скотоводческого хозяйства; но и для ведения оседлого земледель-

¹ П. Иванов. «Восстание китай-кипчаков», стр. 19—20; полев. запись № 5 за 1960 г. Баи, как и представители феодально-родовой верхушки, использовали для эксплуатации бедных родственников и пережитки родовых отношений (см. выше). И напротив, бии для ведения своего хозяйства не только пользовались «помощью» бедных родственников, но и эксплуатировали наемных чабанов и издольщиков (особенно в более поздние времена).

² Туркестанские Ведомости за 1872 г., № 17. Цит. по ук. соч. П. П. Иванова, стр. 21—22.

³ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98.

ческого хозяйства у них было недостаточно орошенных земель; поэтому в рассматриваемый период многие из племен Миянкаля, в частности ктай, кыпчаки, так же как и каракалпаки, частью жившие на Миянкале, а в большинстве к северо-востоку от него (по правому берегу Зеравшана и Ак-Дарьи), вели полукочевой образ жизни. Миянкаль являлся самой плодородной частью долины Зеравшана и поэтому подвергался наиболее ожесточенной эксплуатации. Восстания на Миянкале происходили на протяжении всей истории Бухарского ханства. Непосредственным поводом для восстания 1821—25 гг. послужил набор в войска, направлявшиеся в Мерв, а также досрочный сбор хераджа, взимавшегося очень жестоко, с пытками и истязаниями населения.¹ Доведенные до крайности ктай-кипчаки подняли восстание. Восставшими были захвачены укрепленные города Янги-Курган, Катта-Курган, Чилек и некоторые другие. Эмирская администрация была ими перебита и изгнана. В Катта-Кургане восставших поддержала беднейшая часть городского населения. К восстанию примкнули и каракалпаки, проживавшие в Миянкале. «Автор «Мунтахаб-ат-таварих» Мухаммед-Хаким... говорит, что ктай-кипчаки начали свое восстание совместно с каракалпаками, что... совпадает как с рассказом Мухаммед-Якуба, так и другого современника — Мир-Алима»². Об этом же упоминается в «Записках Мирзы Шемса Бухари»: «Тем же временем, по наущению хатайцев и кипчаков, восстав против эмира, каракалпаки овладели крепостью Чапар, находящуюся в восьми фарсах от Самарканда».³ Примкнув к восстанию, каракалпаки, по словам бухарского историка Мухаммед-Якуба, «свергли своего хана (имя не указывается) и возвели на его место племянника его, Хаким-хана, после чего объединились с кипчаками»⁴. Восставшие ктай-кипчаки, совместно с каракалпаками, двинулись к Самарканду и осадили его. Эмир выслал против восставших войска, но им удалось овладеть лишь городом Катта-Курганом. Другие крепости, несмотря на кровопролитные сражения, эмирские войска не смогли взять ни в 1821 г., ни в следующем. Положение эмира особенно осложнялось в связи с тем, что на северные и северо-восточные окраины ханства совершали набеги хивинцы, действовавшие в союзе с ктай-кипчаками. Особенно острым стало положение в ханстве, когда предводители ктай-кипчаков и каракалпаков обратились за помощью к кокандскому хану (Омару), осаждавшему в это время Джизак. Они приглашали Омар-хана выступить против Самарканда и Бухары, предлагая ему помощь со своей стороны. Омар-хан не согласился на активное выступление, но утвердил предводителей восставших в должности

хакимов «и отправил обратно вместе со своим приближенным, Исхаком-диванбеги, назначив последнего начальником в районе ктай-кипчаков и каракалпаков»¹. Обращение восставших к Омар-хану было воспринято современниками, как подчинение района восстания власти кокандского хана, который в некоторых документах называется «повелителем всех узбеков Миянкаля Самаркандского».² Однако вскоре кокандский отряд вернулся в Фергану, а восставшие оставили осаду Самарканда и вернулись в захваченные ранее крепости.

Эмир Хайдар с отрядом и присоединившийся к нему правитель Ура-Тюбе с 3000 всадников прибыли в Самарканд, а оттуда направились к крепости Чапар, захваченной ранее каракалпаками. Вот как описывается осада этой крепости в «Истории эмира Насруллы» Мухаммед мир Алима Бухарского: «Пройдя мимо Янги-Кургана, эмир направился к крепости Чапар, где находилось племя каракалпаков. Каракалпаки (также) выступили против эмира и вступили в сражение с его войсками. В конце концов эмир победил, а каракалпаки бросились в бегство и заперлись в своей крепости Чапар. Эмир приступил к осаде крепости, каракалпаки стали отстреливаться. В это время на помощь эмиру прибыл Мухаммед Рахим-диван-беги, сын Худояр-аталыка, и помог ему завоевать крепость».³ Во время захвата крепости 50 каракалпаков было убито; 500 каракалпаков, годных к военной службе, эмир присоединил к своему отряду и двинулся против Чилека.⁴ Взять Чилек не удалось эмиру, хотя он опустошил все окрестности города — сжег дома сельских жителей и уничтожил их посевы. Временно был заключен мир между эмиром и восставшими. Однако, воспользовавшись внешними осложнениями государства (новым нападением хивинцев), восставшие приступили к вторичной осаде Самарканда. Восставшие вновь обратились за помощью к Омар-хану кокандскому, осаждавшему в это время Ура-Тюбе. Омар-хан отправил с ними отряд, во главе со своими приближенными — Хушвактом-кушбеги и Арслан-беком-датха. Кокандский отряд, а также отряд Даниял-аталыка из Шахрисябза, и Катта-бека (правителя Ургута) приняли участие в осаде Самарканда⁵. В записках Мирзы Шемса Бухари упоминается об этом так: «Хатайцы с Кипчаками, Алим-хан из Хоканда,⁶ Даниял-Аталык из Шегрисябза, Каракалпаки, все это опять привалило под Самарканд».⁷ Подвоз продовольствия к городу прекратился. Город готов был слаться, однако среди осаждавших начались разногласия, вызванные различием интересов, и осада была снята.

¹ Там же, стр. 62.

² Там же.

³ П. П. Иванов. Там же. Приложение II, стр. 121—122.

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 67, 69.

⁶ Хронологическая ошибка. В это время в Кокандском ханстве правил Омар-хан.

⁷ В. Григорьев. Записки Мирзы Шемса Бухари, стр. 13.

¹ П. Иванов. «Восстание ктай-кипчаков», стр. 55—57. Ист. Узб.ССР, т. I, ч. II, стр. 48.

² П. Иванов, там же, стр. 58.

³ В. Григорьев. «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре». Зап. Мирзы Шемса Бухари, стр. 12.

⁴ П. Иванов, ук. соч., стр. 66.

Восставшими была предпринята также попытка расширить район восстания к западу, в бухарском направлении. Восставшие осаждали крепости Пейшамбе и Хатырчи и даже дошли до Зияудина. Такое продвижение на запад оказалось возможным вследствие поддержки восстания другими узбекскими племенами — джеллаирами, киятами и митанами.¹ Однако бухарские войска, поддержанные племенем найман, нанесли им поражение. Неудача под Самаркандом и поражение на западе привело к сужению района восстания.

В течение четырех лет войска эмира Хайдара не могли подавить восстание в Миянкале. И лишь весной 1825 года, в конце своего правления, эмиру удалось захватить главные крепости восставших — Янги-Курган и Чилек. Однако и в этот период восставшие представляли собой значительную силу, и эмир должен был дать письменную гарантию личной неприкосновенности восставших и лишь после этого восставшие сдали остальные свои крепости.

Восстание племен Миянкаля в 1821—25 гг. — одно из наиболее значительных крестьянских стихийных восстаний в Бухарском ханстве. В нем приняли участие широкие массы крестьянства, временами в восстание вовлекались жители соседних районов и некоторых городов. В основном требования восставших носили аграрный характер, хотя в восстании участвовала и феодально-родовая знать, стремившаяся использовать его в своих классовых интересах.

К поражению восстания привело отсутствие общего руководства и недостаточное понимание целей восстания, недостаточная поддержка движения жителями городов и соседних районов, участие в восстании феодально-племенной знати. Стихийные крестьянские восстания всегда обречены на поражение.

Миянкальское восстание вызвало большие потрясения в политической жизни Бухарского ханства. Прекращение поступления налогов из богатейшего района Бухарского ханства — Миянкаля, так же, как военные издержки, сильно ослабили казну эмира. Большая часть войск была занята умирением восстания, что отразилось на безопасности границ ханства. Все это способствовало общему ослаблению Бухарского ханства, понижению его политического значения. Восстание существенно отразилось и на хозяйственной жизни жителей Миянкаля, в том числе каракалпаков. В период восстания ханскими войсками сжигались дома, вытаптывались поля; значительно сократилось поголовье скота. «Войны с эмиром Сейдом, в которых принимали участие каракалпаки, как союзники кипчаков и китаев, вконец разорили их и заставили обратиться к оседлости и приняться за хлебопашество», — писал А. Д. Гребенкин.²

¹ П. Иванов, ук. соч., стр. 71.

² А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 96.

Миянкальское восстание послужило хорошим уроком для бухарского феодализма. А. Д. Гребенкин еще в конце 60-х годов XIX в. указывал, что «эмиры всегда боялись китаев и особенно кипчаков».¹ Это восстание явилось одной из самых ярких страниц борьбы народов Бухарского ханства за свое раскрепощение.²

3. ПОЛОЖЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ И ВАССАЛЬНОМ БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ (1868—1920 гг.).

В 60—70-х годах XIX века значительная часть Средней Азии была присоединена к России. В 1868 г. был заключен договор между Россией и Бухарой, по которому «вся ранее завоеванная территория до Зерабулака, с городами Ходжентом, Ура-Тюбе, Джизаком, Самаркандом и Катта-Курганом присоединялась к России, образовав Зеравшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства».³ В 1873 г. этот договор был дополнен новым договором, по которому Бухара объявлялась протекторатом России и ей запрещалось иметь самостоятельные внешнеполитические связи с иностранными государствами. В 1876 г. было ликвидировано Кокандское ханство.⁴ Присоединение значительной части Средней Азии к России имело для всех среднеазиатских народов, в том числе и для каракалпаков, большое прогрессивное значение. Трудящиеся массы были освобождены от деспотической ханской власти, была уничтожена феодальная раздробленность, прекратились постоянные феодальные междоусобицы и войны, которые велись прежде между среднеазиатскими ханствами, разоряя население и препятствуя нормальному развитию экономики, было ликвидировано рабство.

Присоединение Средней Азии к России, стоявшей значительно выше в экономическом отношении, способствовало росту производительных сил в стране, развитию в ней исторически более прогрессивных капиталистических отношений и втянуло Среднюю Азию в систему мировой капиталистической экономики. В Туркестане начал складываться рабочий класс. Трудящиеся Средней Азии сближались с русским народом и его культурой, под влиянием самого передового в мире русского рабочего класса приобщались к рево-

¹ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 103.

² Подробнее об этом восстании см. П. П. Иванов «Восстание китая-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.». О каракалпаках см. стр. 8, 20, 22, 31, 58—59, 61, 62, 66, 67, 91, 121—122; В. Григорьев. «Записки Мирзы Шемса Бухари».

³ История Узб. ССР, т. I, ч. 2, стр. 90.

⁴ На причинах и ходе завоевания Россией Ср. Азии мы не останавливаемся, поскольку эти вопросы широко освещены в исторической литературе (см. «История Узб. ССР», т. I, ч. II; Б. Гафуров. «История таджикского народа», 1952 г. и др.).

люционной борьбе. Это впоследствии имело решающее значение для исторических судеб народов Средней Азии.¹

Каракалпаки, во всех трех среднеазиатских ханствах входившие в состав наиболее эксплуатируемых национальностей, видели в присоединении к России избавление от невыносимого гнета ханов. Как и ряд других народов, они добровольно изъявили желание принять русское подданство.

Академик А. Н. Раджабов в тезисах своего доклада «К вопросу о присоединении Средней Азии к России», сделанного на Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, указывает: «Присоединение Средней Азии к России происходило далеко не одинаковым путем. Одни районы Средней Азии были завоеваны, другие присоединены к России мирным путем. В период завоевания население многих городов и кишлаков, недовольное тяжелым гнетом кокандского, хивинского ханов и бухарского эмира, феодалов, беков, манапов, духовенства, добровольно изъявляли желание перейти в русское подданство. Северные киргизы, туркмены отдельных районов Мургабского оазиса, узбеки Ферганской долины, таджики Памира и Каратегина, каракалпаки и др. не раз обращались к русским властям с просьбой присоединить их территории к Российской империи и принять их в русское подданство».² В советской исторической литературе неоднократно отмечалось стремление амударьинских каракалпаков освободиться от власти Хивы и принять русское подданство.³ То же наблюдалось и у зеравшанских, и у ферганских каракалпаков. Информаторы из ферганских каракалпаков отмечали, что в период завоевания Кокандского ханства Россией каракалпаки указывали дорогу русским войскам.⁴ В. Радлов в своей работе «Средняя Зеравшанская долина» отмечает «то замечательное явление», что «киргизы» (казахи), а также каракалпаки, жившие по соседству с казахами и, как последние, «чуждые магометанского фанатизма», с самого начала примкнули к русским».⁵ Информатор Т. Яхшимуратов из кишлака Ак-Тепе-Митан, Булунгурского района, Самаркандской области (этнографическая группа «каракалпак», бывшее родовое подразделение муйтен) сообщил нам: «После присоединения Средней

Азии к России здешний народ поддерживал дружеские отношения с русскими. Налоги стали меньше, чем во времена эмира. Прекратились войны между родами из-за земель, из-за скота. Через кишлаки была проведена старая Ташкентская каменная дорога (тас жол). Во время эмира этой дороги не было. Вдоль дороги посадили деревья, поставили телеграфные столбы. На арбах стала ездить почта».¹

Каракалпакский народ давно мечтал об освобождении от невыносимого гнета ханов. И действительно положение населения было несколько облегчено в колониальный период. Однако все объективно положительные последствия присоединения Средней Азии к России не зависели от царского правительства, проводившего в Туркестанском крае реакционную колониальную политику. Подлинное освобождение каракалпаки, как и другие народы Средней Азии, получили только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В рассматриваемый период управление Туркестанским краем было сосредоточено в руках военного ведомства, которому помогала местная «выборная» администрация. Такая система управления, при помощи которой царские власти стремились прочнее укрепиться на новой территории, создав в Туркестанском крае сильный военный аппарат и одновременно опираясь на эксплуататорскую верхушку местного населения, получила название «военно-народного управления».²

В конце 90-х годов Туркестанское генерал-губернаторство делилось на пять областей: Сыр-Дарьинскую, Семиреченскую, Ферганскую (образованную в 1876 году на месте южной части Кокандского ханства), Самаркандскую (образованную в 1887 г. из Зеравшанского округа) и Закаспийскую. Небольшие группы каракалпаков были расселены в (Андижанском³, Наманганском⁴, Кокандском⁵ и Маргеланском⁶ уездах Ферганской области; Самаркандском⁷, Катта-Курганском⁸ и Джизакском⁹ уездах Самаркандской области; а также в Ташкентском, Туркестанском¹⁰, Каза-

¹ Полевая запись автора № 2 за 1960 г.

² История Узбекской ССР, т. I, ч. 2, стр. 106.

³ В Нарынской, Алтынкүльской и Балыкчинской волостях.

⁴ В Кепинской и Киргиз-Курганской волостях.

⁵ В Кара-Калпакской и Кипчакской волостях.

⁶ В Шариханской и Яз-Яванской волостях. См. Л. С. Толстова «Каракалпаки Ферганской долины».

⁷ В Кара-Калпакской, Тюя-Татарской, Кабудской и Челекской волостях.

⁸ В Ак-Тепинской и Митанской волостях. См. Материалы Всероссийских переписей населения 1920 г., стр. 40—41. Здесь упоминается о расселении узбекского рода «каракалпак». До присоединения к России каракалпаки в средней части долины Зеравшана селились в Самаркандском бекстве (Тюмень или Туман Сугут — см. Хорошхин, «Сб. статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 145—146), а отчасти в Челекском бекстве.

⁹ В Кургантепинской волости. См. И. И. Зарубин, «Население Самаркандской области».

¹⁰ В Иканской волости. См. А. Каримов, А. Пахратдинов, С. Ниятуллаев, ук. соч.

¹ «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России». Ташкент, 1959 г.

² А. Н. Раджабов, указ. работа. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России». Ташкент, 1959 г., стр. 26. Ниже он отмечает: «Большинство простого народа смотрело на русских, как на своих спасителей от постоянных грабежей и насилий, от непрерывных нападений на их хозяйства, от бедствий, от постоянного страха за свою жизнь в междоусобных войнах» (там же, стр. 28).

³ Р. Косбергенов. «Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве», стр. 212. Т. А. Жданко. «Очерки исторической этнографии каракалпак-ков», стр. 154—156 и др.

⁴ Полев. запись С. Аметова № 16 за 1959 г. Архив Каракалпакского филиала АН УзССР.

⁵ В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 73.

линском и Аулие-Атинском¹ уездах Сыр-Дарьинской области. (Основная же масса каракалпаков проживала в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области).

Западная часть зеравшанских каракалпаков оказалась отрезанной от восточной государственной границей и вплоть до 1920 г. находилась под гнетом бухарских эмиров. В вассальном Бухарском ханстве каракалпаки проживали в Кермининском, Нур-Атинском и отчасти Шахриябзском бекствах, а также в Кенимехском тюмене, подчиненном непосредственно Бухаре.²

Рассмотрим теперь подробнее систему «военно-народного» управления на примере волостей Ферганской области, населенных каракалпаками.

Во главе каждой области стоял военный губернатор и при нем было областное управление; уезды возглавлялись уездными начальниками, которых население по старой привычке называло «хакимами». Это была русская военная администрация, в руках которой сосредотачивалась вся полнота власти в области. Более мелкие административные единицы — волости и сельские общества — возглавлялись низовой «выборной» администрацией из представителей зажиточных слоев местного населения, на которую и опиралась русская военная администрация.

Во главе волости стоял волостной управитель (мингбаши). Волостные находили множество способов обогащаться за счет подвластного им населения, собирая с него многочисленные незаконные поборы. В документах ЦГИА УзССР об этом содержится обширный и очень яркий материал. Значительная часть документов фонда «Ферганское областное правление» посвящена разбору дел о злоупотреблениях волостных управителей и сельских старшин при сборе налогов, о незаконных вторичных их взысканиях, о растрате собранных налогов и др. Но волостные управители не ограничивались присвоением части собранных налогов. Они пользовались любым удобным случаем для вымогательства с населения взятки в виде денег, продуктов, вещей, использовали труд населения своей волости для обслуживания собственного хозяйства и даже иногда насильно отбирали у отдельных дехкан земельные участки. В 1882 г. в г. Н. Маргелане и Коканде разбиралось дело волостного управителя Каракалпакской волости Кокандского уезда Арслан-кула Уста-Нурманова. На Арслан-кула поступил целый ряд жалоб со стороны населения, из которых видно, что этот представитель местной эксплуататорской верхушки не оставался ни перед какими средствами для личной наживы и буквально обирал население своей волости, присваивая, по-видимому, значительно больше той суммы, которая в виде официального налога сдавалась им русским властям. В одной из жалоб, поданных на волостного управителя, указывается, что в официальных

квитанциях о сборе налогов, выданных Арслан-кулом жителям, «значится только половина того, сколько было им с нас взыскано. Сдал он деньги казенные, по дефтеру, в котором записано столько, сколько значится в выданных жителям квитанциях, а остальные деньги оставил у себя... Кроме того, он скрыл от казны земли, засеянные дыней, принадлежащие кишлаку Текелик, и два года брал по 300 рублей с означенных земель. Когда приезжал танапчий записывать эти земли, то волостной управитель не приказывал ему записывать, говоря, что они принадлежат Яз-Яванской волости».¹ Многие жители обвиняли Арслан-кула в вымогательстве взяток в виде денег, вещей (шубы, халаты, седельный прибор и др.), зерна, арбузов, баранов, дров и др.; некоторые из этих предметов были отобраны у населения силой. Тот же волостной в 1876 г. заставил жителей кишлака Хаузьяк собрать 108 тиллей, якобы для передачи уездному начальнику, чтобы тот закрепил за ними озеро Яр-Куль и землю, прилегающую к нему. Эти деньги были также им присвоены. Для постройки курганов в Сары-Кургане он отобрал землю у двух дехкан. Он же эксплуатировал население под видом старого обычая помочей² (см. ниже). Это далеко не полный список способов эксплуатации волостным Арслан-кулом населения Каракалпакской волости. Многочисленны жалобы населения и на злоупотребления других волостных управителей и сельских старшин (аминов или аксакалов)³.

Во время выборов волостных между претендентами развертывалась ожесточенная борьба, нередко доходившая до драк между сторонниками того или другого из них. Иногда столкновения между двумя партиями принимали такой ожесточенный характер, что для восстановления порядка уездными властями высылались роты солдат. Широко была распространена система подкупов. Жители, писавшие жалобы на Арслан-кула, заканчивали их так: «Денег у него много, боимся также и от того, чтобы он при выборе не подкупил пятидесятников для выбора его снова, но если он останется опять на настоящей должности, то мы готовы даже оставить наши жительство в этой волости — до такой степени он нам надоел»⁴. В документах 1893 года упоминается, что подкупы при выборах местной администрации «принимают уже грандиозные размеры»⁵. При таких условиях в волостные могли попасть только наиболее богатые жители, имевшие возможность подкупать своих избирателей и при этом угодные царским властям.

Население подвергалось эксплуатации также со стороны других представителей местной администрации — сельских старост

¹ В Кара-Калпакской волости. См. А. Нусупбеков, ук. соч.

² См. «Территория и население Бухары и Хорезма» и др. вышеуказанные материалы.

¹ ЦГИА УзССР. Фонд 19. Ферган. обл. правление. Опись 1, ед. хр. 517.

² Там же.

³ Там же, ед. хр. 746, 753, 813, 1030 и др.

⁴ Там же, ед. хр. 517.

⁵ Там же, ед. хр. 3613.

(аминов или аксакалов), пятидесятников (елликбаши), надзирателей водного хозяйства — мирабов, а также со стороны так называемых «народных судий» — казы. Вся административная система сверху донизу была основана на подкупах, в интересах власти имущих. Судьи за взятки решали дело в пользу богатей; мирабы, целиком завися от байской верхушки кишлака, пускали воду в первую очередь на байские участки, в ущерб бедняцкой части населения. И так во всем.¹ Защищая интересы эксплуататорской верхушки кишлака и обогащаясь сами, представители местной администрации были также верными слугами царизма.

Налоговое обложение после присоединения к России было значительно облегчено в областях Туркестанского генерал-губернаторства. Вместо хераджа (доходившего временами до $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ части урожая), потанального сбора и многих других налогов (см. выше, стр. 34—38), в первые годы после присоединения стали взимать с населения денежную оброчную подать, составлявшую $\frac{1}{10}$ валового дохода.

Впоследствии, в 1890—1900 годах в областях проводились поземельно-податные работы, уточнялась валовая доходность земельных участков. В результате поземельный налог, по сравнению с прежней оброчной податью значительно вырос: например, по Нарынской волости Наманганского уезда стали взимать 55813 р. 43 к. вместо прежних 33649 р. 93 к., по Каракалпакской волости Кокандского уезда — 25021 р. 51 к. вместо 9315 р. 90 к.²

Информаторы из ферганских каракалпаков сообщали нам, что величина налога колебалась в разных местах (в зависимости от качества земли и состава сельскохозяйственных культур) от 50 к. до 1 руб. с танапа, т. е. от 3 до 6 руб. с десятины.³

Кроме основного поземельного налога население должно было также платить земский сбор, сбор на содержание местной администрации (волостных и сельских старост). В каждом кишлаке с населения собирали определенную долю урожая (кепсен) в пользу елликбаши, мирабов и сторожей. Были также различные сборы в пользу духовенства.

¹ Такая же система управления существовала и в других областях Туркестанского генерал-губернаторства и, следовательно, в других местах расселения там каракалпаков (Об административных лицах в прошлом у узбек-каракалпаков Самаркандской области см. полев. запись автора № 21 и др. за 1960 г.). И здесь информаторы подчеркивают, что вся административная система была основана на подкупах, взяточничестве (пара). Волостные управители (мынгбаши) выбирались из самых богатых лиц, обогащаясь еще больше во время пребывания на этой должности. Таким был, например, волостной управитель Каракалпакской волости Самаркандского уезда Мулла Махмуд Расулбердиев, живший в кишлаке Беш-Бала (некоторые сведения об этом каракалпакском бае мы приводим ниже — стр. 60—61).

² Материалы для статистического описания Ферганской обл. Вып. I, прилож. III, вып. IV, приложение IV.

³ Полев. записи автора №№ 4, 8, 11 и др. за 1953 г. В Ферганской долине танап составлял $\frac{1}{6}$ десятины.

Кочевые группы каракалпаков, жившие совместно с казахами в степях в пределах Курган-Тюбинской волости Джизакского уезда, платили подымный (покибиточный) налог — тутин-пул, плату за пастбища (шоп-пул), а также бажи-пул — сбор за уголь, выжигаемый из саксаула (плата устанавливалась с каждого груженного верблюда).¹

Таким образом, хотя налоговое обложение после присоединения к России заметно сократилось в областях Туркестанского генерал-губернаторства, по сравнению с периодом ханской власти, все же оно лежало тяжелым бременем на плечах трудящегося дехканства. Злоупотребления местной администрации при распределении и взимании налогов, а также многочисленные местные поборы усугубляли тяжесть налогового гнета.

Натуральные же повинности были значительно облегчены по сравнению с периодом ханской власти. Отпали многочисленные военные повинности. Население должно было выполнять дорожную и ирригационную повинность, т. е. поддержание в порядке дорог и ирригационных сооружений, а также строительство новых объектов.²

Таково было управление и налоговая система в Туркестанском генерал-губернаторстве (в частности, в волостях, населенных каракалпаками).

* * *

Основной задачей экономической политики царской России в Средней Азии было превращение ее в сырьевую базу для текстильных фабрик Центральной России. Главным хлопководческим районом в Туркестанском крае, в силу благоприятных природных условий, стала Ферганская долина. В Ферганской области хлопок в рассматриваемый период стал ведущей сельскохозяйственной культурой, вытеснив другие культуры далеко на задний план. В некоторых волостях Ферганской области площадь, занятая под хлопком, составила к концу данного периода 40 и даже 50 процентов ко всем посевам. В 1913 г. Ферганская область давала более 62 процентов всего хлопка, отправляемого из Туркестанского края в Россию. В Самаркандской области, где было значительное количество богарных земель, большое место занимали зерновые культуры. В начале XX в., когда усилилось общественное разделение труда между различными районами Туркестана, хлеб регулярно вывозили из Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей в Ферганскую. Однако хлопководство значительно развилось в этот период и в Самаркандской области (в Катта-Курганском, Самаркандском и Ходжентском уездах) и в Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области: в Катта-Курганском и Ташкентском уездах хлопчатник

¹ Полев. записи автора №№ 47, 49, 52 и др. за 1960 г.

² См. Обзоры Ферганской области за 1884—1900 гг. Н. Маргелан (Скобелев), 1889—1916 гг.

занимал 17—18 процентов всей площади. Значительно увеличились посевы хлопчатника и в Бухарском ханстве: в вилайетах, расположенных в долине Зеравшана, в 1909 г. посевная площадь хлопчатника составляла 25 процентов всех поливных земель.¹

Быстрое развитие хлопководства привело к большим социально-экономическим сдвигам в областях Туркестанского генерал-губернаторства, к быстрому развитию там капиталистических отношений, что сопровождалось резкой классовой дифференциацией дехканства — обезземеливанием беднейшего дехканства и концентрацией земельной собственности в руках баев. Получило широкое распространение применение наемного труда в сельском хозяйстве. Особенно быстро капиталистические отношения развивались в Ферганской области — основном хлопководческом районе Туркестана. Однако развивающиеся капиталистические отношения существовали в Туркестанском крае наряду с преобладанием феодальных отношений. Ведущую роль в эксплуатации дехканства продолжали играть различные формы издольной аренды; существующие формы ростовщического кредита также носили докапиталистический характер.

Что касается промышленности, то численное превосходство сохранялось за кустарными ремесленными предприятиями. Стремясь превратить Туркестанский край в аграрно-сырьевой придаток центральных районов России, царизм намеренно тормозил здесь рост промышленности. Сколько-нибудь широкое развитие получили лишь заводы по первичной обработке хлопчатника — хлопкоочистительные и маслобойные, необходимые для русских капиталистов, так как они облегчали транспортировку продуктов хлопководства в центральную Россию. Но царизм не допускал развития в Туркестане текстильной промышленности, т. к. она явилась бы конкурентом для русских текстильных фабрик, а также тяжелой промышленности. В резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», принятой X-м съездом РКП(б), сказано: «...Неравенство выражалось прежде всего в том, что окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний и полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого сырья, которое обрабатывалось в центре»². Таково было основное направление общественно-экономического развития Туркестанского края в колониальный период.

Значительные изменения произошли и в социально-экономических отношениях у каракалпаков, в частности ферганской и самаркандской их групп.

Общественные отношения ферганских и самаркандских каракалпаков, как и их соседей узбеков, накануне Октябрьской революции характеризовались сложным переплетением развивающихся капиталистических отношений с еще сохранившимися и накладыва-

ющими значительный отпечаток на всю общественную жизнь феодальными отношениями. Развитие хлопководства приводило к разрушению натурального хозяйства. Разведение культуры хлопка требовало больших денежных затрат. Нуждой дехканина в деньгах пользовались бай-ростовщики, ссужавшие весной, в самое трудное для дехканина время, деньги под огромные проценты — от 25 до 100 процентов годовых. Ростовщичество называлось «осимге бериш». Некоторые бай вели свои ростовщические операции самостоятельно, но значительная часть их (так называемые «посредники») была связана с русскими хлопкозаготовительными фирмами, получая от них ссуды под небольшие проценты (6—8) с обязательством вернуть долг хлопком. Посредники же давали полученные деньги дехканам небольшими суммами под огромные проценты. Дехканин обязан был отдать посреднику свой урожай хлопка; если же урожай был недостаточен, чтобы оплатить и долг и проценты, то баю-посреднику переходила земля бедняка, его дом и все имущество; если же и этого не хватало — заставляли работать на бая.¹ Дифференциация крестьянства, обезземеливание его беднейших слоев и концентрация земли в руках баев происходили очень быстрыми темпами, особенно у каракалпаков Ферганской долины, где быстрее развивалось хлопководство; но эти же процессы наблюдались и у самаркандских каракалпаков.²

В описываемый период в кишлаках каракалпаков Ферганской и Самаркандской областей можно было выделить следующие социальные прослойки: эксплуататорская верхушка, которая была представлена прежде всего баями. Роль баев после присоединения к России значительно возросла, изменились и способы эксплуатации баями беднейшего дехканства (см. ниже, стр. 62 и след.). Бай сосредоточили в своих руках огромные участки земли, занимающие у крупных баев сотни, а иногда и тысячи танапов. Информаторы из ферганских каракалпаков называли нам самого крупного землевладельца Андижанского уезда Мир-Камиль-бая (узбека по национальности), владевшего тысячами танапов земли. Этот же бай был владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов.³

В кишлаке Бессары (ныне Тюря-Курганский р-н Ферганской области) нам называли бая-каракалпака Абдуллу Исматуллаева, у которого было 200 танапов земли и 30 голов скота; его земля обрабатывалась батраками, издольщиками, поденщиками.⁴

В «Материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.» указывается, что в Каракалпакской волости Кокандского уезда 0,6 процента населения имело земельные участки свы-

¹ Полев. запись автора № 8 за 1953 г. и № 18 за 1954 г.; см. также Н. Корытов «О денежном кредите у туземцев». Ежегодник Ферган. области, вып. III.

² Об эксплуатации в хлопководстве у самаркандских каракалпаков см. полев. запись автора № 29 за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 4 за 1953 г.

⁴ Полев. запись автора № 3 за 1954 г.

¹ История Узбекской ССР, т. I, ч. 2 стр. 108, 210, 240.

² Резолюция X Съезда РКП(б).

ше 15 десятин (90 танапов), причем 0,2 процента владело землями свыше 25 десятин (150 танапов)¹. Баи владели обычно также десятками голов скота (а иногда количество голов скота превышало сотню). Оседлому земледельческому населению такое количество скота, конечно, не нужно, и разводили его каракалпакские баи для различных торговых операций. Нам рассказывал Дихканбай Гаиров, 75 лет, из кишлака Жабы (Фрунзенский р-н Ферганской обл.), работавший в прошлом батраком у Нышан-бая: «Бай продал кому-то хлопок за 800 рублей и купил на эти деньги 50 голов овец. Я пас этих овец. Когда овцы стали жирными, бай их опять продал и купил 55 голов овец».² Посредством таких торговых операций баи наживали большие состояния.

И у самаркандских каракалпаков шел процесс расслоения дехканства; у них тоже в начале XX в. в руках крупнейших баев сосредоточились огромные участки земли. В материалах Центрального Государственного Архива КК АССР были обнаружены документы о земельно-водной реформе, проведенной в 1926 г. в Каракалпакской волости Самаркандского уезда. В этих документах содержится богатый материал, характеризующий социально-экономические отношения в кишлаке самаркандских каракалпаков в указанное время и, безусловно, до известной степени отражающий положение там и в предыдущий период, в предреволюционные годы. Самым крупным землевладельцем Каракалпакской волости Самаркандского уезда был волостной управитель (минг-баши) этой волости Мулла Махмуд Расулбердиев, земельные владения которого составляли 246 танапов, т. е. 61,5 десятины³. У него было 11 голов рабочего скота, большое количество сельскохозяйственного инвентаря, 4 дома. Его земли обрабатывали 13 человек: 5 чайриkerов и 8 малоземельных.⁴ Во время этнографической экспедиции 1960 г. нам удалось побывать в бывшем центре Каракалпакской волости — кишлаке Беш-Бала, Булунгурского района, Самаркандской области, где население старшего поколения еще хорошо помнит, какой тяжелой эксплуатации подвергались они до Октябрьской революции со стороны Расулбердиева. Старики-информаторы дополнили наши сведения об этом крупном бае. По сообщению информаторов, кроме огромных участков земли и рабочего скота, Расулбердиев имел также 15—20 коров, около 30 лошадей; ему принадлежали кирпичный завод (кумнан гербич заводы), рисо-рушка (абжуваз), маслобойня (май жуваз). Число работающих на него временами достигало 25 человек (издольщики-чиракар, бат-

раки-навша и др.). Фактически весь кишлак Беш-Бала находился в полной зависимости от М. Расулбердиева¹. Кроме Расулбердиева информаторы называли нам также других крупных баев. Так, в кишлаке Ак-Тепе-Митан (ныне входящем в совхоз Булунгур-2, Булунгурского района, Самаркандской области) крупнейшим баем был Ешпек-бай, который имел около 400 танапов земли, более 1000 овец, около 100 голов крупного рогатого скота и примерно столько же лошадей. Скот бая пасли пастухи (чопан, жылкычи, падачи); его земли обрабатывали издольщики, батраки, поденщики (кунликичи)². В материалах того же архива по Каракалпакской волости отмечены также 11 крупных торговцев, причем некоторые из них владели крупными участками земли, которые также обрабатывались чайрикерками и батраками³.

Среди эксплуататоров, как ферганских, так и самаркандских каракалпаков большую роль продолжало играть духовенство (ламулла, казии, ишаны). Значительная часть вакуфных земель была сохранена после присоединения к России⁴. Например, в Балыкчинской волости Андижанского уезда было оставлено за мечетями, медресе, мазарами и т. п. 8 владений с общей площадью 338,2 десятины, в Каракалпакской волости Кокандского уезда — 4 владения⁵. Вакуфные владения отмечены и на «Чертежах земельных участков» ряда кишлаков Каракалпакской волости Самаркандского уезда: например, в кишлаках Бек-Бута, Пирман-Сырман, Галая-Капа⁶. Основным способом эксплуатации населения духовенством была сдача в аренду вакуфных земель. Кроме того, духовенство собирало в свою пользу различные обязательные подношения: так, например, у ферганских каракалпаков население должно было платить духовенству налог назир (определенную часть урожая и деньги)⁷. Такова была зажиточная, эксплуататорская верхушка каракалпакского кишлака. Родовая знать утратила свое значение в связи с постепенным изживанием пережитков родового строя; частично представители родовой знати влились в состав байской верхушки.

На другом полюсе сосредотачивались беднейшие слои дехканства. Минимумом земли, необходимым для самостоятельного ведения хозяйства в Ферганской долине, было 6—10 танапов в разных

¹ Полев. записи автора №№ 21, 24, 25 за 1960 г.

² Полев. записи автора №№ 2, 5, 6 за 1960 г.

³ Материалы ЦГА КК АССР, тетрадь II, стр. 55. У всех этих лиц в период проведения земельно-водной реформы земля была конфискована.

⁴ За конфессиональными учреждениями оставались чаще ненаселенные вакуфы, т. е. такие, на которых не было постоянного населения, а обрабатывались они трудом краткосрочных арендаторов. Населенные вакуфы после присоединения к России передавались во владение населяющих их дехкан с уплатой налогов в пользу государства.

⁵ Материалы для статистического описания Ферганской обл. Вып. I, стр. 160; вып. IV, стр. 58—59.

⁶ Материалы ЦГА КК АССР, тетрадь II, чертежи 14, 20, 21.

⁷ Полев. записи автора № 4 за 1953 г.

¹ Материалы Всероссийск. сельскохозяйств. переписей 1917 г., вып. II, табл. 2, стр. 34—35.

² Полев. запись автора № 26 за 1954 г.

³ В Самаркандской области в десятине содержалось 4 танапа, тогда как в Ферганской долине танап составлял $\frac{1}{6}$ десятины.

⁴ Материалы Центрального Гос. Архива ККАССР, тетрадь I, стр. 1, 35, 74 и др.

районах¹. По данным «Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.» число хозяйств с наделом менее 6 танапов в Балыкчинской волости Андижанского уезда достигало 47,4 процента, в Каракалпакской волости Кокандского уезда — 36,8 процента.² Таким образом, прожиточного минимума не имели от $\frac{1}{3}$ почти до половины хозяйств. Естественно, что все эти хозяйства были вынуждены в той или иной мере прибегать к посторонним заработкам. Процент безземельных в ряде волостей Ферганской области был довольно высок. Так, в кишлаках, в которых преобладающей национальностью являлись каракалпаки, в Нарынской, Алтынкульской и Балыкчинской волостях Андижанского уезда безземельных было 10—15 процентов³ (в Каракалпакской волости Кокандского уезда, где в силу неблагоприятных природных условий хлопководство получило меньшее развитие, и процессы расслоения крестьянства, обезземеливания происходили более медленными темпами, процент безземельных был значительно ниже — 3 процента).

Значительное количество хозяйств не имело рабочего скота, а иногда и вообще было лишено домашних животных. Так, по Каракалпакской волости Кокандского уезда количество хозяйств без всякого скота составляло 19,1 процента, без рабочего скота — 27,9 процента⁴. Хозяйства, лишенные рабочего скота, не могли самостоятельно заниматься земледелием и были вынуждены прибегать к посторонним заработкам. По данным «Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.» число хозяйств, занимающихся теми или иными промыслами, составляло в Балыкчинской волости 57,7 процента, в Каракалпакской волости Кокандского уезда — 32,5 процента.

Процент же **среднепосредственных** хозяйств был невелик. В волостях Ферганской области, населенных каракалпаками, он колебался в пределах 20—25 процентов, сокращаясь с каждым годом⁵. При этом менее обеспеченные слои среднего крестьянства не всегда могли свести концы с концами и часто вынуждены были прибегать к посторонним заработкам. Это показывает, как далеко зашел процесс дифференциации дехканства.

Тяжелым было также положение беднейшего населения Каракалпакской волости Самаркандского уезда. Когда в 1926 г. во время проведения земельно-водной реформы наделялись землей 80 беднейших хозяйств, то оказалось, что на все эти хозяйства до ре-

формы приходилось всего 37 десятин земли, 42 головы рабочего скота, 24 омача (другого сельскохозяйственного инвентаря тоже было недостаточно)¹; земельный надел у этой группы дехканства составлял от 0,25 до 1,005 десятины², чего, безусловно, было недостаточно для ведения собственного хозяйства; рабочего скота же не было у половины этой беднейшей группы хозяйств. Процент безземельных был среди самаркандских каракалпаков несколько ниже, чем в Ферганской долине (в силу того, что слабее развивалось хлопководство). Так, в Каракалпакской волости Самаркандского уезда из 2521 хозяйств 66, или 2,6 процента, было безземельных; в Кабудской волости, значительную часть населения которой тоже составляли каракалпаки, из 3209 хозяйств было 146 безземельных (4,5 процента)³. Однако в отдельных селениях процент безземельных был значительно выше. Например, в кишлаке Каракисак-каракалпак Челекской волости из 42 хозяйств 15 было безземельных⁴.

Остановимся теперь подробнее на **формах эксплуатации**, бытовавших у ферганских и самаркандских каракалпаков. Значительная часть беднейшего дехканства каракалпаков Ферганской долины арендовала землю издольно. Издольщик — чаракар-кошчи — получал у бая землю, орудия производства, скот и семена. Условия аренды были различны. Обычно арендовали за долю урожая — от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$, в зависимости от условий. Из $\frac{1}{2}$ доли урожая бай сдавали землю дехканам, имеющим свой кош, т. е. пару быков с омачом, при помощи которых издольщик вел обработку. Если же издольщик обрабатывал землю при помощи байского скота и байскими сельскохозяйственными орудиями и не имел своего посевного материала, то доля его при дележе урожая значительно понижалась⁵.

Отдача земли в издольную аренду была распространена и у самаркандских каракалпаков. В упомянутых выше архивных материалах относительно Каракалпакской волости Самаркандского уезда неоднократно говорится о чайрикерах и шериках, арендовавших байскую землю. Например, земли крупнейшего бая Муллы Махмуда Расулбердиева из кишлака Беш-Бала обрабатывало 5 чайрикеров и 8 малоземельных дехкан⁶. В кишлаке Кара-кесак той же волости работали в качестве чайрикеров 8 человек; в кишлаке Шерикент 3 человека; в том же кишлаке шерик Шамрот Худойкулов обрабатывал 38 танапов земли крупного торговца Ягудаева

¹ В. И. Юферов. Хозяйство сартов Ферганск. обл. Россия. Переселенческое управление. Ташкент, 1911, стр. 21. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 41.

² Материалы Всероссийских с/х переписей 1917 г. Вып. II, стр. 50, 51. Если же к низшей группе отнести хозяйства с наделом менее 10 танапов, то окажется, что более половины хозяйств не имело прожиточного минимума.

³ Список населенных мест Ферганской обл. Скобелев, 1909 г., стр. 9, 21, 23, 35, 37, и т. д.

⁴ Материалы Всероссийск. с/х переписей 1917 г. Вып. I., стр. 32—33.

⁵ Там же, вып. II, табл. 3, стр. 50—51. Имеются в виду хозяйства с наделом от 10 до 18 танапов.

¹ Материалы ЦГА КК АССР, тетрадь II, стр. 48.

² Там же, стр. 45.

³ Материалы Всероссийской переписи населения 1920 г. Вып. V, стр. 52—53.

⁴ Там же, стр. 68—69.

⁵ Полев. записи автора №№ 4, 8 и 24 за 1953 г.; № 26 за 1954 г., а также «Материалы Всеросс. с/х переписей 1917 г.». Вып. II, стр. 34—35.

⁶ Материалы ЦГА КК АССР, тетр. I, стр. 35. По сведениям, полученным от информаторов, количество издольщиков у М. Расулбердиева доходило до 18 человек. (Полев. запись автора № 21 за 1960 г.)

Боруха¹. На каких условиях арендовали землю чайрикеры и шерикеры в Самаркандском уезде, в архивных материалах, к сожалению, нет данных.

Наши информаторы рассказывали нам об этом следующее: если дехканин имел землю, но не имел посевного материала, он брал посевной материал у бая. За это он должен был отдавать баю половину собранного урожая. Работающий на таких условиях дехканин назывался шерик². Условия работы чайрикера (чиракар), были значительно тяжелее: «бай давал бедняку землю, семена, рабочий скот и сельскохозяйственные орудия (куш кулик). Во время обмолота бедняк из 8 батманов зерна 7 отдавал баю и лишь один брал себе»³. Иногда чайрикер получал лишь $\frac{1}{10}$ часть урожая⁴.

Таким образом, феодальная форма эксплуатации — издольщина — попрежнему преобладала в то время в кишлаках ферганских и самаркандских каракалпаков, как и повсюду в Туркестанском крае⁵.

Но распространялись и другие формы эксплуатации: все шире применялся наемный труд. Условия найма были различны. Безземельные дехканы часто шли к баям в батраки, называемые у ферганских каракалпаков — карал. Батрачество было наиболее тяжелой формой эксплуатации. Батрак нанимался обычно на год; за работу он получал 60—100 руб. в год, одежду и пищу. Но бывали случаи и несравненно более тяжелых условий эксплуатации. Информатор А. Таджибаев (с/с Етти-Қашка Чинабадского района Андижанской области) рассказывал нам, что он работал у одного бая вместе с женой и сыном за 17 руб. в год. «Иногда бай давал жене и сыну старую одежду. Такие работающие у бая семьями бедняки назывались малай»⁶. Особенно мизерную плату получали батраки-подростки, помогавшие в домашнем хозяйстве бая или пасшие байский скот (взрослые же батраки обычно работали в поле). Подростки в основном работали за одежду и пищу, а денежная плата им сводилась к нескольким рублям (3—10) в год.⁷ Бат-

раки иногда попадали в полную зависимость от бая, занимая у него деньги или продукты и не имея возможности отдать. В таких условиях батрачество носило еще полуфеодалный характер.

Несколько лучше было положение поденных рабочих (мардикер) и помесячных (айлык). Поденщики получали в день от 1 до 5 тенге (т. е. от 20 коп. до 1 руб.) — в зависимости от рода работы и от количества выполненной работы. Нанимались они особенно часто в период уборки урожая. Айлык нанимались на один, а иногда и 3—4 месяца и получали по 10—15 рублей в месяц.¹ Это уже были чисто капиталистические формы эксплуатации.

Найм беднейших, безземельных дехкан в батраки отмечается в архивных материалах и у самаркандской группы каракалпаков.² Информаторы нам сообщали, что положение батраков (навша, жетим) было очень тяжелым. Старик Абдираимов Гобей, 82 лет, из кишлака Беш-Бала, Булунгурского района, Самаркандской области, рассказал нам, что он в возрасте 20—25 лет работал в качестве навша у бая М. Расулбердиева (всего в доме этого бая было 3—4 навша). Своего дома он не имел, жил при доме бая, и за 44 тенге в месяц перевозил на арбе удобрения, а также занимался земляными работами. Иногда навша получал за свою работу не деньгами, а продуктами (зерном), причем бай часто нарушал то условие об оплате, о котором договаривались при приеме на работу: «например, обещав дать в год 10 батманов зерна, при расчете, дав 1—2 батмана, выгоняли.»³ Байский скот пасли чабаны (чопан) и пастухи (падачи, жылкычи). Так, отары овец Ешпек-бая (см. выше) пасли 5 чабанов, коров и лошадей — по 2 падачи и жылкычи. Для земледельческих же работ во время посева и уборки урожая нанимали поденщиков (кунликчи).⁴

Таким образом, перед Октябрьской революцией у ферганских и самаркандских каракалпаков мы видим сложное переплетение феодальной и капиталистической систем эксплуатации. И, наряду с этим, феодальная верхушка продолжала использовать для эксплуатации сородичей и односельчан и пережитки патриархальных отношений. Патриархально-феодальными формами эксплуатации были для ферганской группы, например, такие, как описанные выше (см. стр. 43—44) ярдам беру, асырау, хошар. У самаркандских каракалпаков также некоторые формы эксплуатации были завуалированы отношениями родства, «помощи», которую, якобы, оказывал бай своему более бедному сородичу. Например, такой формой являлся пайда-шерик (буквально компаньон в прибыли): бедняк покупал за деньги бая овец, в течение года пас их, откармливал, а потом продавал за большую сумму; основная часть прибыли шла баю, беднякам же доставалась мизерная доля.⁵

¹ Материалы ЦГА КК АССР, тетр. I, стр. 35, 42, 45.

² Полев. запись автора № 5 за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 21 за 1960 г.

⁴ Полев. запись автора № 5 за 1960 г.

⁵ Феодальный характер носил и ростовщический кредит, описанный выше. Как мы указывали, ростовщический кредит в этот период часто бывал связан с возделыванием культуры хлопчатника (особенно в Ферганской долине) и носил денежный характер. Однако, это не была его единственная форма. Информаторы из Булунгурского района Самаркандской области, сообщали нам: «Раньше бедняки брали у баев в долг (карызга) зерно. Например, если бедняк брал в долг 10 пудов зерна, то посеяв его и собрав урожай, в конце года он должен был вернуть баю 20 пудов. Если он не мог вернуть зерна в течение 2—3-х лет, то долги накапливались. А если он совсем не был в состоянии вернуть долг, то бай отнимал у бедняка землю.» (Полев. запись автора № 16 за 1960 г.; см. также полевую запись автора № 5 за 1960 г.).

⁶ Полев. запись автора № 24 за 1953 г.

⁷ Полев. записи автора №№ 9 и 24 за 1953 г.

¹ Полев. запись автора № 26 за 1954 г.

² Материалы ЦГА КК АССР, тетрадь II, стр. 41.

³ Полев. запись автора № 23 за 1960 г.

⁴ Полев. запись автора № 5 за 1960 г.

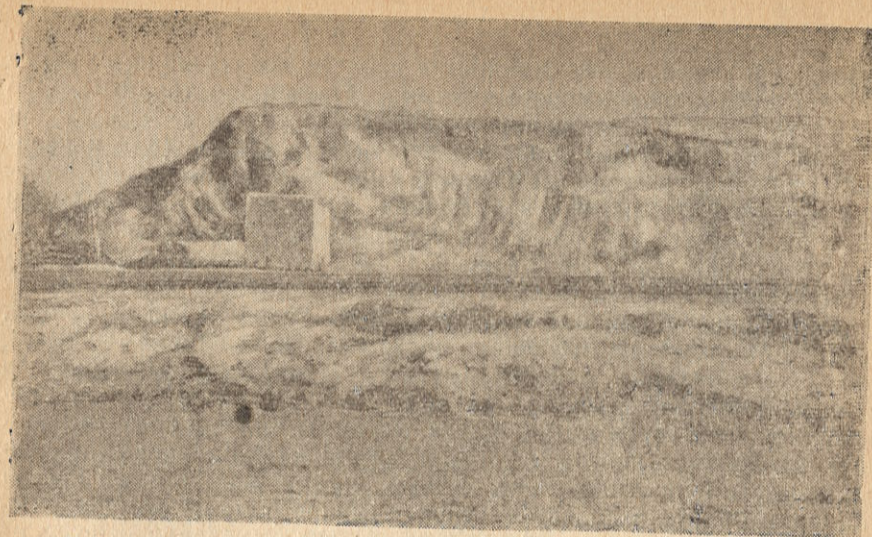
⁵ Полев. записи автора №№ 5 и 6 за 1960 г.

В особенно широких размерах эксплуатация населения под видом старого обычая помочей происходила со стороны должностных лиц — волостных и др. В документах ЦГИА Уз ССР упоминается о том, что волостной Каракалпакской волости Кокандского уезда Арсланкул при строительстве курганчи в Сары-Кургане в 1877 г. «по существующему обычаю созвал помочь», в которой участвовали и жители других каракалпакских кишлаков. Участвовавшие в помочи не только строили курганчу, но и возили на место постройки камни и лес, за что им тоже не было заплачено. На волостного была подана жалоба, в которой упоминается, в частности, и то, что он не платил жителям кишлака Ак-Тепе за перевозку камней. Это свидетельствует о том, что и сами жители считали такой вид «помочей» эксплуатацией со стороны волостного.¹

Однако следует заметить, что значительное развитие капиталистических отношений в хлопководческой Фергане привело к быстрому изживанию пережитков родовых отношений у ферганских каракалпаков. Способствовало этому и влияние соседних узбеков, не имевших родо-племенного деления. У каракалпаков Ферганы перестал соблюдаться принцип расселения по родственному признаку, что привело к образованию кишлаков со смешанным родовым составом населения; исчезла какая-либо видимость родовой собственности на землю и воду; совершенно исчезла столь прочно сохранявшаяся у хорезмских каракалпаков экзогамия (запрет вступать в брак внутри своего рода). Таким образом, у ферганских каракалпаков разложение пережитков родового строя к началу XX в. зашло значительно дальше, чем у каракалпаков Хорезмского оазиса. У самаркандских каракалпаков, у которых капиталистические отношения развивались медленнее, т. к. основные места их поселения были в стороне от центров хлопководства Самаркандской области, пережитки патриархально-родовых отношений сохранялись несколько сильнее (имело значение также то, что они жили в окружении узбеков с родо-племенными делениями): селились они по-прежнему родоплеменными группами (пережитки такого расселения можно наблюдать и теперь), однако родовая экзогамия в описываемый период у них уже исчезла.

Подводя итоги, можно сказать, что после присоединения к России положение каракалпаков в областях Туркестанского генерал-губернаторства несколько улучшилось, по сравнению с временами ханской власти, однако оно все же продолжало оставаться очень тяжелым: трулящиеся дехкане-каракалпаки, как и все трудящиеся массы Туркестанского края, находились под двойным гнетом — как местной эксплуататорской верхушки, так и русского капитализма, превратившего Среднюю Азию в колонию Российской империи.

Но в особенно тяжелом положении находились те группы каракалпаков, которые вплоть до 1920 г. находились под гнетом бухар-

Развалины крепости Курган-Тюбе — бывшей резиденции правителя Кенимехского тюмена.

ского эмира — это каракалпаки, живущие в западной части долины Зеравшана и к северу от нее, в степях (по южным окраинам пустыни Кызыл-Кум), в пределах Нуратинского и Кермининского бекств и Кенимехского тюмена¹ вассального Бухарского ханства. Положение бухарских каракалпаков было значительно более тяжелым, чем тех, которые оказались в пределах России. Несмотря на то, что Бухарское ханство находилось в вассальном подчинении России, государства с несравненно более совершенным государственным строем, его внутреннее устройство осталось в рассматриваемый период почти без изменения, поскольку это не противоречило интересам русского царизма. «Царизм способствовал сохранению деспотического режима и феодальных отношений в Бухаре и Хиве. Царская армия покровительствовала неограниченному произволу и кровавым злодеяниям эмиров и ханов, режиму средневековья, мракобесия...»² Деспотический гнет бухарских ханов,³ тяжелое налоговое обложение, усугубляемое произволом местной администрации, многочисленные трудовые, а также военные повинности, постоянные внутренние междоусобицы, сильнейшее влияние реакционного мусульманского духовенства на все стороны жизни народа.

¹ Наши информаторы постоянно называли его Кенимехским бекством (полев. записи автора №№ 40, 42, и др. за 1960 г.), что однако не соответствует сведениям, имеющимся в исторической литературе. См. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I. Бухара, стр. 64—65 (список бекств).

² С. Раджабов. «Присоединение Средней Азии к России», стр. 40—41.

³ Применявших такие жестокие меры наказания виновных, а часто и невиновных, как сбрасывание с минарета, пожизненное тюремное заключение в подземную темницу (зиндан), наказание плетью и др. (Полев. записи автора №№ 40, 42 за 1960 г. Подробнее об этом см. Д. И. Лагофет «Страна бесправия», СПб, 1909 г.).

¹ ЦГИА УзССР, фонд 19. Ферган. обл. правление. Ед. хр. 517.

особенно в земледельческой полосе, разорение беднейших слоев — все это делало положение населения чрезвычайно трудным. Обо всем этом нам рассказывали информаторы.

Основным налогом, собираемым с каракалпаков (как и казахов), живущих в степях, был закят, налог со скота (с 40 баранов — одного барана, с 5 верблюдов — тоже одного барана); они платили также бажи-пул — сбор за уголь, выжигаемый из саксаула (с каждого верблюда, транспортирующего этот уголь);¹ в пользу духовенства платили религиозный налог — питир.²

Положение каракалпаков, живших в земледельческой полосе, было еще тяжелее. Основной поземельный налог — херадж — собирали в размере $\frac{1}{4}$ части урожая с так называемых посевов ак-егин (пшеницы, ячменя, льна) и в размере $\frac{1}{3}$ части урожая с посевов кок-егин (джугары, кунжута, хлопка); налог с посевов хлопчатника достигал иногда $\frac{1}{2}$ урожая. За один танап садовых насаждений брали по 20 тенге. Кроме того, с каждого хозяйства собирали налоги в пользу местной администрации.³ «Амину каждое хозяйство давало по 16 кг зерна в год, аксакалу — по 8 кг зерна. Мираб получал от людей деньги, зерно — это называлось мирабана.»⁴ О трудовых и военных повинностях в Бухарском ханстве нам рассказывали следующее:

«Того, кто занимался воровством, увозили и делали солдатом (сарбаз) эмира. Если человек, совершивший воровство, был стариком, то его бросали в темницу (зиндан). При строительстве своей крепости эмир брал людей с Кенимехского бекства. Людей распределяли по аулам. Аксакалы посылали людей со своего аула, в зависимости от количества хозяйств.»⁵ Тяжелым бременем на населении лежала также ирригационная повинность. Наши информаторы отмечали, что положение каракалпаков на стороне России было легче, чем в Бухарском ханстве: «На территории, подчиненной русским, не было междоусобных войн. И налоги здешние (т. е. бухарские) были тяжелее. Много каракалпаков переселилось туда (в Джизакский уезд Самаркандской области)»⁶.

¹ Бажи-пул собирался сторожами (караул), назначенными со стороны Туркестанского генерал-губернаторства. (Полев. записи автора №№ 47, 49). Сторожа наблюдали за тем, чтобы не производилось хищнического истребления зарослей саксаула (См. В. Пельц «Очерк южных Кызыл-Кумов». Самарканд, 1912 г.)

² Полев. запись автора № 49 за 1960 г.

³ Основными представителями местной администрации были следующие: во главе бекства стоял бек, назначаемый обычно из узбеков (он не получал от эмира жалования, но собирал с населения намного больше налогов, чем сдавал эмиру, излишек оставлял себе; старшина группы селений назывался амин, во главе отдельного аула стоял аксакал. Амины и аксакалы бывали из каракалпаков: нам называли каракалпаков Абдирамана (из рода ктай), Борибая, Науруза, которые были раньше аминами в Кенимехском тюмене. (Полев. запись автора № 42 за 1960 г.)

⁴ Полев. запись автора № 40 за 1960 г.

⁵ Полев. запись автора № 40 за 1960 г.

⁶ Полев. запись автора № 48 за 1960 г.

В Бухарском ханстве прочнее сохранялись феодальные отношения, а у полукочевников и кочевников — и патриархально-феодальные отношения; капиталистические же отношения, хотя развивались и там, но значительно медленнее, чем в Туркестанском крае. Основным способом эксплуатации трудящихся каракалпаков, живших в бухарской части долины Зеравшана, где тоже развивалось хлопководство, была издольная аренда и ростовщический кредит, приводивший к обезземеливанию массы крестьянства.

Положение основной массы каракалпаков, живших в селении Жангиабад (на арыке Кенимех), так охарактеризовал с грустной иронией талантливый сказитель из кенимехских каракалпаков Шангкот-жырау, живший в XIX в.:

„Жангиабад деген жақсы жай,
Бес ечкили—қапта бай,
Жазда жейди сары май,
Қыста жүреді жарамай.“

т. е. „Жангиабад—хорошее место,
Тот, кто имеет 5 коз—большой бай,
Летом ест масло,
А зимой ходит, ничего не имея.“¹

Речь идет именно о положении основной массы каракалпаков, живших в земледельческой полосе и едва сводивших концы с концами. Положение беднейших слоев было еще тяжелее: они часто вовсе не имели скота, имели по 3—6 танапов земли, которой многие из них лишились за долги; земельные участки концентрировались в руках баев. Баи в земледельческой полосе имели по 50—60 и более танапов земли, по несколько сотен голов скота.² В степях же количество скота у крупных баев исчислялось тысячами голов. Нам называли таких каракалпакских баев, живших в степях, как Жорбек-бай, Ташпулат-бай, Кокен-бай. У Жорбек-бая, например, было 1900 овец и коз, 400—500 верблюдов, 100—150 лошадей.³

В степях господствовали патриархально-феодальные отношения, сохранившиеся здесь вплоть до Октябрьской революции значительно в большей степени, чем у каракалпаков, живших в земледельческой полосе. Каракалпакские баи, имевшие сотни и тысячи голов скота, владели лучшими колодцами и пастбищами. Их сородичи-бедняки за пользование колодцами и пастбищами были вынуждены выполнять различные работы в хозяйстве баев — пасли скот, доили коров, стригли овец и т. д.

Байский скот пасли также наемные чабаны (шопан). За работу в течение шести месяцев чабан получал козу с козленком и овцу

¹ Полев. запись автора № 42 за 1960 г.

² В Кенимехе, например, был каракалпакский бай по имени Араббай. У него было 600 овец, 7—8 верблюдов, 2—3 лошади (Полев. запись автора № 40 за 1960 г.).

³ Полев. запись автора № 42 за 1960 г.

с ягненком. Не имевшие скота бедняки работали у баев также в качестве батраков (жетим),¹ которые жили при доме бая и, кроме выпаса скота, выполняли различные работы по дому.² В противоположность богатым байским хозяйствам значительная часть бедняков-скотоводов имела лишь по несколько голов скота — по 2—3 овцы, 4—5 верблюдов. Не имея возможности вести самостоятельное скотоводческое хозяйство, они добывали себе средства к жизни различными промыслами и прежде всего углежжением: «В степи они жгли саксаул, собирали уголь от него и на верблюдах отвозили продавать на Гиждуванский базар. На вырученные деньги покупали пшеницу и так жили».³ Окончательно разорившись, они шли служить в качестве чабанов и батраков в байские хозяйства. В эксплуатации трудящихся скотоводов, казахов и каракалпаков, принимали участие не только «свои» же бай, скотоводы-кочевники, но также бухарские и гиждуванские бай, отправлявшие свои стада на выпас в степи.

Каракалпаки совхоза «Кзылча», Нуратинского района, Самаркандской области сообщили нашим сотрудникам: «Мы пасли скот бухарских и гиждуванских баев. Они за это давали зерно: за 500 баранов давали 10 батманов зерна. Баранью шерсть и ягнят брали сами бай: каждый год во время ягнения бай приходил сам и считал овец».⁴

Кочевое население подвергалось эксплуатации также со стороны нуратинских торговцев и скупщиков скота. В. Пельц в работе «Очерк южных Кызыл-Кумов» писал об этом следующее: «Бараны нередко закупаются осенью годовалыми и угоняются скупщиком нуратинским торговцам весной. Пасутся, следовательно, всю зиму бесплатно хозяином с убытком от падежа за свой счет. Киргиз убыточность продажи при таких условиях мало сознает, а если и замечает, то не всегда в силах выпутаться из рук коммерсанта-таджика — приятеля местных почетных людей. Бухарский город Нур-Ата является центром продажи баранов южных Кызыл-Кумов».⁵

Таково было положение каракалпаков, живших в описываемый период на территории Бухарского ханства. Рассмотренные выше материалы показывают, что жизнь населения в этой остальной феодаль-

ной деспотии была еще более тяжелой, чем в областях Туркестанского генерал-губернаторства.

Реакционная колониальная политика царизма и эксплуатация со стороны местной феодально-байской верхушки вызывали недовольство населения Туркестанского края, в том числе и каракалпаков, которое неоднократно приводило к открытому выступлению против эксплуататоров. Наиболее массовыми были выступления дехкан в различных уездах Туркестана в период революции 1905 г. и во время восстания 1916 г., вызванного ухудшением положения трудящегося дехканства в годы первой мировой империалистической войны. Это восстание развернулось по всему Туркестанскому генерал-губернаторству. Ферганская область, где были наиболее сильны классовые противоречия, явилась одним из основных районов восстания. Происходят массовые волнения и восстания и в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях, а также волнения крестьян в ряде бекств Бухарского ханства¹. И хотя восстание 1916 г. окончилось поражением, но оно имело огромное значение, т. к. явилось большим вкладом в дело борьбы трудящихся России против царизма. В ходе восстания трудящиеся Туркестанского края учились борьбе против своих классовых врагов, что помогло им прийти к победе во время Октябрьской революции под руководством русского рабочего класса и его авангарда Коммунистической партии. Только Великая Октябрьская Социалистическая революция привела к освобождению от всякого гнета всех трудящихся Туркестанского края, в том числе и каракалпаков.

¹ Подробнее об этом см. Х. Т. Турсунов. «О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Материалы научной сессии по истории народов Ср. Азии и Казахстана в дореволюционный период. «История УзССР», т. I. ч. II. стр. 322—323, 383—400. Степень участия отдельных групп каракалпаков в этих волнениях и восстаниях еще подлежит изучению историков, как и многие другие вопросы их истории.

¹ Жетим — буквально сирота, беспризорный.

² Полев. записи автора №№ 42 и 53 за 1960 г. Формы эксплуатации, существовавшие у кенимехских каракалпаков, живших как в степях, так и в долине Зеравшана, были разнообразны и еще нуждаются в более детальном изучении. Например, эксплуатацией бедных сородичей со стороны более зажиточных нередко являлся фактически сбор средств у сородичей на выплату калыма и другие расходы по поводу семейных событий (подробнее см. ниже).

³ Полев. записи автора № 42 за 1960 г. Промежуточное место занимали хозяйства середняков, имевшие десятки голов скота.

⁴ Полев. запись С. Аметова под № 19 за 1959 г. Архив КК филиала АН УзССР.

⁵ В. Пельц. «Очерк южных Кызыл-Кумов», Самарканд, 1912 г., стр. 12.

ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО.

Несмотря на то, что отдельные группы каракалпаков, в результате описанных выше исторических событий, оказались разделенными друг от друга иногда тысячами километров, в их хозяйстве, особенно в более ранние периоды (вплоть до середины XIX века), наблюдалось много общих черт. Селились каракалпаки, в основном, в дельтах и долинах крупных рек — Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и ее притока Кара-Дарьи, Зеравшана, Урала и Волги, что было вызвано комплексным характером хозяйства каракалпаков, в котором сочеталось занятие земледелием, скотоводством (с преобладанием разведения крупного рогатого скота), рыболовством и домашними промыслами, среди которых ведущую роль играло изготовление цыновок из камыша. В долинах больших рек можно было найти наиболее подходящие условия для ведения такого комплексного хозяйства. Этот тип хозяйства уходит далеко вглубь веков, ведет нас к предкам каракалпаков, обитавшим в Приаралье — массагетам, эфталитам, огузо-печенежским племенам.

С. П. Толстов пишет о племени апасианов, входивших в состав массагетской конфедерации и живших в середине I-го тысячелетия до н. э. в низовьях Сыр-Дарьи: «Это были полуоседлые племена, соединявшие древние традиции рыболовства и земледелия (теперь, вероятно, плужного), с развитым полукочевым скотоводством».¹

Тот же тип хозяйства выявил С. П. Толстов на основании археологических раскопок и у эфталитов V в. н. э.² и у огузо-печенежских племен X—XI веков.³ «Есть основания предполагать, — пишет тот же автор, — что обитатели северного Хорезма и прилегающих областей бассейна нижней Сыр-Дарьи и Приаралья в целом, сохранившие традиции полуоседлой рыболовческо-скотоводческой культуры с сильной ролью каирного земледелия, составили в ходе дальнейшей истории этническую базу предков каракалпакского народа».⁴

¹ С. П. Толстов. «По следам древнехорезмийской цивилизации», М., 1948 г., стр. 99.

² Там же, стр. 214.

³ С. П. Толстов. «Города гузов». Ж. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 71.

⁴ С. П. Толстов. «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1947 г., вып. 2, стр. 72.

Каракалпаки низовьев Сыр-Дарьи XVII—XVIII в.в. вели тот же комплексный тип хозяйства, что отмечается в показаниях русских путешественников того времени¹. Вынужденные оставить низовья Сыр-Дарьи и переселиться в другие места, отдельные компактные группы каракалпаков долго сохраняли комплексный тип хозяйства и селились преимущественно в сходных условиях — на каирных землях в дельтах или долинах рек.

Русские путешественники XIX века, побывавшие в низовьях Аму-Дарьи (Гельмерсен, Данилевский, Бутаков, Каульбарс) отмечают комплексное земледельческо-рыболовческо-скотоводческое хозяйство у амударьинской группы каракалпаков². Тот же тип хозяйства сохраняли и «верхние» каракалпаки при переселении в южные области Узбекистана. Еще в 1762 г. П. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал: «Сии Верхние каракалпаки живут от устья Сыр-Дарьи, впадающей в Аральское море, вверх к Ташкенту. Пропитание их наипаче от земледелия и содержания рогатого скота, которым они весьма изобилуют, и живут зимой в юртах, а летом кочуют».³

Обосновавшись в новых местах, в долинах крупных рек, каракалпаки в течение длительного времени вели привычный для них образ жизни. Но в более позднее время, особенно после присоединения Средней Азии к России, под воздействием новых социально-экономических отношений, а также под влиянием соседних народов, тип хозяйства некоторых групп каракалпаков (например, ферганской, самаркандской) меняется, приближается к земледельческому хозяйству соседних народов.

Различие природных условий в местах расселения отдельных групп каракалпаков также оказывает влияние на то обстоятельство, что дальнейшее развитие их хозяйства идет в разных направлениях (например, земледельческое хозяйство с преобладанием культуры хлопка у ферганской группы каракалпаков, земледельческое хозяйство с преобладанием посевов зерновых и бахчевых культур у самаркандской группы и т. д.).

Особняком стоят те очень незначительные группы каракалпаков, которые, оказавшись в окружении кочевников-казахов, переняли тип хозяйства последних, занявшись в основном кочевым или полукочевым скотоводством (например, бухарские каракалпаки, живущие в степях по южным окраинам Кызыл-Кумов).

После этих вводных замечаний мы перейдем к более детальной характеристике хозяйства некоторых малых групп каракалпаков.

¹ Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 г. г. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Геогр. изв. РГО, 1850 г., стр. 588—589.

² См. Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса.

³ П. Рычков. «Топография Оренбургской губернии», 1762 г., стр. 26.

1. ХОЗЯЙСТВО КАРАКАЛПАКОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Ферганская долина вытянута с северо-востока на юго-запад на протяжении 300 км. Со всех сторон она окружена высокими горными хребтами: с севера ее ограничивают хребты Чаткальский и Ферганский, с юга — Алайский и Туркестанский, являющиеся отрогами Тянь-Шаня. Разомкнуты горы лишь в юго-западном углу долины, у Ленинабада. К горам примыкают предгорья. Третий пояс представляет дно долины, низменная местность. В направлении с севера-востока на юго-запад по Ферганской долине протекает одна из крупнейших рек Средней Азии — Сыр-Дарья, образующаяся из слияния рек Нарына и Кара-Дарьи несколько к югу от Намангана. Во время переселения каракалпаков в Ферганскую долину пойма Сыр-Дарьи была в значительной степени заболочена: обширные озера и болота, заросли камыша, кустарника, а иногда и рощи туранглыла наполняли долину реки.¹

После переселения в Ферганскую долину каракалпаки расселились в низких местах вдоль рек Сыр-Дарьи и Кара-Дарьи. Это отмечают русские путешественники XIX в.² В. Наливкин, говоря о расселении каракалпаков в низменных местах, поросших кустарником и камышом, вдоль Сыр-Дарьи, замечает: «Весьма возможно, что это был совершенно произвольный выбор, в основании которого лежали привычки и симпатии, выработанные веками еще на почве их прежней родины».³ Как видно из вышеизложенного, в данном случае, по-видимому, Наливкин прав.

В народных легендах ферганских каракалпаков дается разъяснение, почему они расселились именно вдоль берегов Сыр-Дарьи: «Каракалпаков сначала переселили в Коканд. Им отвели место Ганджираван. Но каракалпаки сказали хану: «У нас много скота, разрешите нам поселиться вдоль берегов Сыр-Дарьи.» (По другому варианту: «Мы поселимся по берегам Сыр-Дарьи, потому что здесь есть камыш, мы будем делать бойра (цыновки) и продавать их, а также продавать кашак (молодой камыш — корм для скота), а также заниматься рыболовством». Еще в одном варианте легенды говорится: «Каракалпаки расселились вдоль берегов Сыр-Дарьи, так как это удобно для скота, можно делать бойра из камыша, удобно заниматься земледелием». — Кокандский хан поручил следить за каракалпаками: какие у них намерения — враждебные или мирные, и собираются ли они уйти из Коканда или нет. Доносчики донесли, что каракалпаки покупают на базаре скот — баранов, коз, коров. Тогда хан сказал: «Эти люди никуда не уйдут», — и по-

¹ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 20, 22, 25, 55. Полев. запись № 45 за 1953 г. и др.

² См. Ф. Назаров. «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», стр. 72; «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», стр. 190.

³ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 14.

зволил им поселиться по берегам Сыр-Дарьи. Каракалпаки расселились по Сыр-Дарье от Саур-Тепе до Бабагазы».¹

Мы видим, что в народных легендах очень ярко отражены особенности комплексного хозяйства ферганских каракалпаков. Интересно отметить, что в легендах хорезмских каракалпаков мы находим подобное же объяснение причин расселения их близ воды (например, в легенде, записанной в 1946 году Т. А. Жданко в Муйнакском районе Каракалпакской АССР)².

Земледелие и орошение.

Поселившись в условиях заболоченной поймы Сыр-Дарьи, ферганские каракалпаки первоначально занимались полукочевым кайрным земледелием. Земледелие велось в чрезвычайно тяжелых условиях. Участки для посевов предварительно приходилось очищать кетменем от камыша, кустарника, а иногда и вырубать лес. Сеяли сначала такие культуры, как просо, джугару, рис, дыни, арбузы. Урожай в то время были плохие, случалось, что и совсем нечего было собирать. Обработанные участки часто приходилось бросать (их заливало водой, или наоборот — они высыхали) и переселяться в новые места в поисках более удобных земель. Нам сообщали информаторы: «Здесь было много озер, камыша; хорошей земли, годной для земледелия, не было. Поэтому долго не могли заниматься земледелием всерьез; сеяли рис и ак-джугару, но иногда совсем не собирали урожая, иногда собирали мало урожая».³ «Здесь было много камыша. У кого в семье было много рабочих рук, те очищали кетменем землю от камыша и жынгыла и сеяли джугару и дыни. Кто не мог, те продавали на базаре жынгыл... Землю обрабатывали кетменем и омачем. Здесь было много озер, когда озера подсыхали, то сеяли джугару и др. Такой посев иногда давал урожай, иногда нет».⁴ «Раньше арыков и каналов не было; когда бывало половодье, то затопляло берега на 2—3 км, после того, как вода схлынет, на этих землях сеяли».⁵

Спустя некоторое время каракалпаки, освоившиеся в пойме реки Сыр-Дарьи, стали заниматься осушением заболоченных местностей (рыли осушительные арыки, отводившие излишнюю воду, засыпали болота землей). Осушение ряда болот позволило использовать освободившиеся участки для земледелия. И в то же время кайрное земледелие в тех местностях, где подпочвенной влаги было недостаточно и не каждый год можно было собрать урожай, начало постепенно заменяться земледелием, основанным на искусственном орошении.

Первоначально каракалпаки стали проводить арыки из озер,

¹ Полев. запись автора №№ 19, 26 и 52 за 1953 г.

² Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 494.

³ Полев. запись автора № 49 за 1953 г.

⁴ Полев. запись автора № 52 за 1953 г.

⁵ Полев. запись автора № 1 за 1954 г.

близ которых жили, — Дам-Куль, Аши-Куль (наиболее крупных), Минг-булак и др. Об этом имеются упоминания в литературных источниках;¹ об этом же сообщали нам информаторы из ферганских каракалпаков.² Отведение арыков от главных рек Ферганской долины — Сыр-Дарьи и Кара-Дарьи — практиковалось реже, так как было связано с большими трудностями.³ Каракалпаками, живущими близ Коканда, использовались для орошения также воды реки Сох, из которой были отведены арыки Каракалпак, Ак-Тепе-сай, Киялы-сай, являвшиеся важными источниками орошения земель данной группы каракалпаков.⁴ Позже, уже в XIX в., кокандскими ханами был прорыт целый ряд крупных оросительных каналов, в значительной степени изменивших систему орошения Ферганской долины. В 1819 году, во времена Омар-хана, была начата постройка крупного канала Янги-Арык, выведенного из реки Нарын напротив Уч-Кургана и в течение ряда лет доведенного до реки Сыр-Дарьи у Киргиз-Кургана. Этот канал оросил земли Наманганского оазиса, страдавшего от маловодья.⁵ В 40-х годах XIX в. по инициативе временщика Мусульман-Кула был прорыт канал от Кара-Дарьи к озеру Дам-Куль (этот канал в 80-х годах XIX в. был разрушен массой воды, хлынувшей в него из Кара-Дарьи);⁶ этот канал проходил непосредственно через земли, населенные каракалпаками.

На левом берегу реки Нарын, в местности Ики-Су-Арасы (между Нарыном и Кара-Дарьей) кокандскими ханами был проведен Уч-Курганский арык, оросивший эту местность, также являющуюся одним из основных районов расселения ферганских каракалпаков. Наконец, крупнейшие каналы Ферганской долины — Шарихан-сай, Андижан-сай и Улуг-нар (последние два канала были построены при Худояр-хане) были отведены от реки Кара-Дарьи и оросили южную часть Ферганской долины (см. карту № 6).

Строительство новых каналов проводилось путем принудительной натуральной повинности. Тяжелый ручной труд, ложившийся на плечи трудящегося дехканства, жестокость ханских надсмотрщиков вызывали большое недовольство населения, иногда перераставшее в открытые восстания, которые жестоко подавлялись ханами. Ханы были заинтересованы в проведении новых каналов, так как увеличивалось количество орошенных земель, а следовательно и поступления хераджа в ханскую казну.

Все названные выше каналы, построенные во времена коканд-

ских ханов, частично проходили и через территорию, заселенную каракалпаками, и каракалпаки отводили от них небольшие арыки. В литературных источниках, документах ЦГИА УзССР и устных сообщениях информаторов упоминается выведение каракалпаками арыков из Улуг-нара, Шарихан-сая, Хан-арыка и др.¹

Осушение ряда заболоченных местностей и проведение оросительных арыков улучшило условия земледелия каракалпаков, сделало его более надежной отраслью хозяйства, создало условия для более или менее длительной эксплуатации отдельных земельных участков. Каракалпаки смогли расширить круг обрабатываемых культур и кроме тех, что возделывали ранее, стали сеять также пшеницу, кукурузу, маш, кунжут, морковь и местные сорта хлопка, используемые для собственного употребления.²

Значительные изменения произошли в хозяйстве каракалпаков Ферганской долины после присоединения к России. В этот период направление хозяйства ферганских каракалпаков изменилось в сторону сближения с сельскохозяйственным хозяйством соседних узбеков. Ведущей сельскохозяйственной культурой у каракалпаков, как и у узбеков, под влиянием экономической политики русского капитала стал хлопок. Хлопководство начало бурно развиваться, как и во всей Ферганской области, и в основных районах расселения ферганских каракалпаков. По результатам поземельно-податных работ, опубликованным в «Материалах для статистического описания Ферганской области» (1897—1912 гг.) можно видеть, что в волостях, значительную часть населения которых составляли каракалпаки, от 20 до 40 процентов земель было занято под хлопком.³ И лишь в Каракалпакской волости Кокандского уезда к 1917 г. посевы хлопка составляли 17,7 процента.⁴ Это являлось следствием того, что в волости было очень много земель, не пригодных для возделывания хлопчатника.

Вообще в описываемый период наметились некоторые различия в хозяйстве прикокандских каракалпаков, с одной стороны, наманганских и андижанских, с другой. У всех каракалпаков Ферганской долины земледелие в рассматриваемый период становится ведущей отраслью хозяйства, что видно из материалов «Первой всеобщей переписи населения 1897 г.»: около 92 процентов каракалпаков Ферганской области жили за счет земледелия.⁵ Однако у каракалпаков Андижанского и Наманганского уездов, живших в более благоприятных природных условиях и расселенных менее

¹ В. Н. Кушелевский. «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области», 1890 г., т. I, стр. 77—78.

² Полев. запись автора № 49 за 1953 г.

³ Полев. запись автора № 52 за 1953 г.

⁴ Россия. Переселенческое управление. «Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области». Ташкент, 1915 г.; Полев. записи автора № 5, 19 и др. за 1954 г.

⁵ В. Навикин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 27—29.

⁶ В. Я. Непомнин. «К истории ирригации в Узбекистане». Ташкент, 1940 г. стр. 21. Н. Петров. «Об ирригации в Туркестанском крае». Ташкент, 1894 г., стр. 72.

¹ А. Миддендорф. «Очерки Ферганской долины». Прибавление IV А. Стр. XXII; ЦГИА УзССР, ф. 19. Ферг. обл. правление, ед. хр. 290 и 5987; полев. запись автора № 32 за 1954 г.

² Полев. записи автора № 12, 24, 25 и др. за 1953 г.

³ «Материалы для статистического описания Ферганской области.» Н. Маргелан, 1897—1912 гг. Вып. I—IV.

⁴ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г. Вып. 2, стр. 36—37.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., СПб. 1905, т. 89, табл. XXII, стр. 122—123.

компактно, вследствие чего они больше подверглись узбекскому влиянию, земледелие окончательно становится доминирующей отраслью хозяйства, а скотоводство и, особенно, рыболовство отходят на задний план. Каракалпаки же Кокандского уезда (Каракалпакской волости) жили в менее благоприятных природных условиях — в волости было много заболоченных, не пригодных для развития земледелия земель, к тому же расселены они были компактной массой, более изолированно от узбеков; поэтому у них, при ведущей роли земледелия, скотоводство, рыболовство и изготовление изделий из камыша до самой революции продолжали играть существенную роль в хозяйстве, которое сохраняло, таким образом, комплексный характер.

Вследствие распространения культуры хлопка хозяйство каракалпаков Ферганской долины из полунатурального, каким оно было во времена кокандских ханов, стало товарно-денежным, так как каракалпаки были теперь вынуждены покупать не только некоторые изделия ремесленников-узбеков, но и значительную часть продовольственных культур.

Однако многие продовольственные культуры продолжали возделываться и в хозяйстве каракалпаков: из зерновых основными являлись джугара, пшеница, рис, просо; в меньшем количестве разводились кукуруза и ячмень; большое место занимало разведение бахчевых — дынь, арбузов, тыкв; в числе основных сельскохозяйственных культур можно назвать также кормовую культуру — люцерну. В значительно меньшем количестве культивировали бобовые — горох, маш; технические — кунжут, кендырь, используемые исключительно для изготовления масла; огородные — лук, морковь, репу. От узбеков каракалпаки научились садоводству и в описываемый период у них были виноградники, яблони, груши, гранатовые деревья, но в меньшем количестве, чем у издавна занимавшихся этим узбеков.¹

Вообще в составе сельскохозяйственных культур узбеков и каракалпаков Ферганской долины наблюдались известные различия. Если общий состав сельскохозяйственных культур у них был почти одинаковым, то пропорциональные соотношения между отдельными культурами довольно сильно различались: каракалпаки предпочитали разводить в большом количестве одни культуры (так излюбленными культурами каракалпаков были просо и бахчевые), узбеки — другие культуры (у них большую роль в хозяйстве играло разведение технических и огородных культур, а также садоводство).

В составе сельскохозяйственных культур ферганских каракалпаков можно проследить традиции, уводящие вглубь их истории, а также параллели с составом сельскохозяйственных культур у хорезмских каракалпаков XIX века. Так, просо было излюбленной

культурой у предков каракалпаков — печенегов¹. Каракалпаки первой половины XVIII века в низовьях Сыр-Дарьи также всего более разводили просо, а кроме того — пшеницу, ячмень и бахчевые культуры². Наконец, у хорезмских каракалпаков XIX века в числе ведущих сельскохозяйственных культур были просо, пшеница, джугара, рис, бахчевые, люцерна,³ т. е. все те же культуры, что и у ферганских каракалпаков (существенное отличие заключалось лишь в том, что в силу менее благоприятных условий там медленнее развивалось хлопководство).

Сельскохозяйственные орудия у ферганских каракалпаков не отличались от тех, которыми пользовалось окружающее узбекское население и какие бытовали по всей Ферганской долине. Орудия были довольно примитивные: деревянная соха (хамач) с чугунным сошником, запрягаемая лошадьми или быками; употребляемая для боронования тахта-мала; серп — орак; кетмень, широко используемый в сельскохозяйственных и строительных работах; лопата — бел; деревянная лопата, применяемая для веянья — курак и др.⁴ Помол производился обычно на водяных мельницах — су дигирман. Ручные мельницы давно перестали здесь бытовать и в описываемый период употреблялись лишь изредка.⁵

Орошение в период вхождения Ферганской области в состав России оставалось, в основном, таким же, каким было во времена кокандских ханов. Царские власти за все время своего управления Ферганой не построили там ни одного крупного канала и ограничивались лишь некоторым расширением существующей ирригационной сети. Само население по мере надобности отводило новые небольшие арыки от ранее существовавших каналов или выводило их из озер. Об этом имеются упоминания в документах ЦГИА УзССР (например, о том, что жители Мамаханского сельского общества Каракалпакской волости вывели арык из озера Сары-Су),⁶ об этом же нам рассказывали информаторы.⁷

Относительно большое место продолжали занимать посевы на каирных землях. Особенно много было их в Кокандском уезде. В «Материалах для статистического описания Ферганской области» говорится, что в ряде кишлаков Тайпакского сельского общества Каракалпакской волости «посевы производятся в расчете исключи-

¹ См. С. П. Толстов. «К вопросу о происхождении каракалпакского народа», стр. 72.

² См. Гладышев. «Поездка из Орска в Хиву и обратно...»

³ Р. Косбергенов. «Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX вв.», стр. 218.

⁴ Сельскохозяйственные орудия амударьинских и ферганских каракалпаков отличались лишь некоторой разницей в деталях, т. к. вообще их формы по всей Средней Азии довольно близки между собой.

⁵ В отличие от амударьинских каракалпаков, где ручные мельницы были широко распространены до недавнего времени и лишь в годы Советской власти стали постепенно вытесняться мельницами, работающими на электроэнергию.

⁶ ЦГИА УзССР, фонд 19, ед. хр. 564.

⁷ Полев. запись автора № 49 за 1953 г.

¹ О с. х. культурах у ферганских каракалпаков см. полевые записи автора №№ 4, 5, 6, 10, 11, 53 и др. за 1953 г., а также «Материалы для статистич. описания Ферганск. обл.» Вып. I—IV и «Материалы Всесоюзных переписей 1917 г.»

тельно на подпочвенную влагу»¹. Об этом же нам сообщали и информаторы во Фрунзенском и Яз-Яванском районах Ферганской области. Саккизбай Рыскулов, 83 лет, из кишлака Сарыг-су Яз-Яванского района, например, сообщил нам: «Раньше из озера текли 11 саев, зимой бывало половодье, наполнялись сая и текли через край в обе стороны — так орошали. Летом воды в озере и саях оставалось очень мало. На местах, орошенных зимой, мы сеяли (вода спадала). На озере вода оставалась на дне, по краям оставалась влажная земля (каир) — сеяли и там»².

Использовали для орошения и отработанную воду коллекторов (заур). Так, например, население Каракалпакской волости пользовалось водою заура Ески-Тайпак³.

Местные ирригационные сооружения из бревен, досок, камыша, хвороста и земли (плотины, дамбы и др.) были очень непрочными и часто сносились во время паводков, что приводило к большим бедствиям населения. В документах ЦГИА УзССР содержится множество сообщений о затоплении полей каракалпаков, гибели их посевов, разрушении домов, хозяйственных построек и других бедствиях вследствие разливов воды в Сыр-Дарье и крупных арыках во время дождей и таянья снегов в горах, вследствие прорыва берегов арыков.⁴ Между тем царские власти не принимали фактически никаких мер по защите населения от наводнений и не заменяли местных ирригационных сооружений сооружениями инженерного типа даже на магистральных каналах.

Система водопользования оставалась, в основном, той же, какой она была во времена кокандских ханов. Жители каждого кишлака совместно отводили от крупного канала (или от реки, из озера) небольшие арыки, орошавшие их земли; два раза в год — весной и осенью — производили очистку каналов — чапыш (вручную, кетмеңями), что было тяжелой физической работой. Каждое домохозяйство, имевшее землю, посылало на чапыш по одному работнику, и только баи посылали вместо себя батраков (карал) или нанимали за деньги кого-нибудь из бедняков-дехкан. В порядке натуральной повинности выполнялись также работы по ликвидации последствий наводнений.⁵

В местностях, имеющих достаточное количество воды для орошения, пуск её в арыки кишлаков был безочередным — пускали по мере надобности (например, в Хан-Арыкской группе). Там же, где воды не хватало, соблюдалась строгая очередность (наубет), как между кишлаками, так и внутри них.

¹ «Материалы для статистического описания Ферганской области». В. IV. стр. 63.

² Полев. запись автора № 28 за 1954 г.

³ Полев. записи автора №№ 5, 9 и др. за 1954 г.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 291, 353, 996 и др.

⁵ Полев. записи автора №№ 40, 49 и 52 за 1953 г., ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 2107.

Во главе водного хозяйства кишлака стоял мираб (мураб). Иногда он ведал водным хозяйством двух-трех кишлаков. Так, например, в кишлаках Оймаут, Муйтен и Шур-Кишлак Каракалпакской волости был один общий мираб, тогда как в кишлаках Ходжа-Кишлак и Тайпак имелось по отдельному мирубу. Общее наблюдение за исправностью ирригационной сети осуществлял уездный арык-аксакал. Мирабы и арык-аксакалы постоянно подкупались эксплуататорской верхушкой кишлаков. За взятки они давали воду в первую очередь богатым, а беднякам доставались лишь ее остатки, что в маловодные годы приводило последних к разорению.¹

Вследствие многочисленных злоупотреблений в распределении воды часто возникали ссоры, драки, иногда доходившие до убийства. Нередки были ссоры из-за воды и между жителями разных кишлаков, о чем имеются неоднократные упоминания в архивных материалах.²

Скотоводство.

Во времена кокандских ханов земледелие хотя и играло важную роль в хозяйстве каракалпаков, но не могло обеспечить их всем необходимым. Поэтому, наряду с земледелием, довольно значительное место занимали и другие отрасли хозяйства.

В исторической литературе есть ссылки на то, что большое значение в хозяйстве каракалпаков в данный период играло скотоводство. Так, в «Обозрении Кокандского ханства» (1849 г.) говорится: «Небольшое число каракалпаков рассеяно по берегам Сыр-Дарьи, где они занимаются скотоводством и отчасти земледелием.»³ В. Наливкин в «Краткой истории Кокандского ханства» пишет, что каракалпаки «связали... земледелие с более и менее широким скотоводством, стали впоследствии строить просторные курганчи, в которых зимовали со своим скотом».⁴ Скот каракалпаки пасли, прежде всего, в зарослях камыша по берегам Сыр-Дарьи: обилие там корма для скота было одной из основных причин расселения их вдоль берегов этой реки. Каракалпаками, живущими близ Каракалпакской степи, в качестве пастбищ использовалась и эта степь (отсюда и название степи)⁵.

После присоединения к России скотоводство у ферганских каракалпаков было оттеснено на задний план значительно выросшим земледелием. Однако в качестве подсобной отрасли хозяйства оно продолжало у них играть существенную роль, было более развито по сравнению со скотоводством у соседних узбеков.

Основное место в скотоводстве каракалпаков занимало разведение

¹ Полев. запись автора № 40 за 1953 г.

² ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 2512, 2797. Подробнее об орошении, и водопользовании см. Л. С. Толстова «Каракалпаки Ферганской долины», Нукус, 1959 г., стр. 32—35, 62—68.

³ «Обозрение Кокандского ханства», стр. 190.

⁴ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 35.

⁵ Полев. запись автора № 16 за 1953 г.

дение крупного рогатого скота. В. Массальский в работе «Туркестанский край» сообщает: «Каракалпаки живут оседло, усердно занимаясь земледелием и скотоводством (крупный рогатый скот)».¹

Разведение крупного рогатого скота было свойственно каракалпакам и до их переселения с низовьев Сыр-Дарьи², а также разным группам каракалпаков после их переселения как в низовья Аму-Дарьи,³ так и в южные области Узбекистана.

Кроме крупного рогатого скота каракалпаки разводили лошадей, овец, коз; совсем немного — ослов и верблюдов, а также домашнюю птицу — кур, уток и гусей.⁴ Наглядное представление о пропорциональном соотношении разных видов скота у каракалпаков дают «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года». По Каракалпакской волости Кокандского уезда, большинство населения которой составляли каракалпаки, было:

крупного рогатого скота	—	49%
овец и баранов	—	32%
лошадей	—	14,7%
коз	—	3,8%
ослов и мулов	—	0,3%
верблюдов	—	0,2% ⁵

Особый характер носило скотоводство каракалпакских баев, которые разводили, в основном, мелкий рогатый скот (особенно овец), причем, главным образом, с целью продажи. Баи выпасали свой многочисленный скот летом на горных пастбищах, нанимая по нескольку пастухов. Об отгонном скотоводстве каракалпакских баев писал В. Наливкин в своих работах «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы». Он писал, что «обработка земли поручалась обыкновенно работникам и младшим членам семьи (сыновья и младшие братья), а главы семей продолжали оставаться скотоводами, проводившими большую половину года со скотом на пастбищах»;⁶ в качестве же летних пастбищ для скота баев служили горы и предгорья. Об этом же нам сообщали информаторы.⁷

Что же касается основной массы каракалпакского населения, то оно не имело возможности ежегодно перегонять свой немногочисленный скот в горы. Во времена ханов преобладающее большинство каракалпаков летом переселялось со своим скотом на летов-

¹ В. Массальский. «Туркестанский край», стр. 390—391; см. также полевые записи автора №№ 25, 55 за 1953 г.

² См. ук. соч. Гладышева и Муравина.

³ См. Р. Косбергенов, ук. соч., стр. 219—220.

⁴ Полев. записи автора №№ 5, 7, 25 за 1953 год.

⁵ «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.», табл. 2, стр. 32—33.

⁶ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 19; см. также В. и М. Наливкины «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», стр. 225.

⁷ Полев. записи автора №№ 24 и 25 за 1953 г.

ки (жазлау), расположенные довольно близко (в 1—3 км) от зимовок, обычно на берегах озера, где было достаточно корма для скота (там же можно было заниматься рыболовством, плести цыновки и др). Сеяли в таких случаях иногда на жазлау, а иногда и на жазлау и кышлау, в зависимости от конкретных условий. Один из информаторов нам рассказывал: «Летом мы брали кара уй и переселялись со скотом на берега озера. Там на жазлау сеяли дыни, джугару, просо, хлопок, с другой стороны пасли скот. Поздней осенью возвращались в кышлау. Летовка располагалась за 1—2 км от зимовки, место выбирали травянистое».¹ Такой же полукочевой образ жизни вели и «нижние» каракалпаки на Сыр-Дарье, а позже и на Аму-Дарье.²

После присоединения к России переселение на жазлау стало практиковаться реже. Обычно бедняцкие хозяйства совместно нанимали пастуха, выпасавшего их скот близ кишлака. Зимой скот содержали в хлевах: малхана, атхана, бастырма; для мелкого рогатого скота делали легкие постройки — кора (остов кора делали из согнутых жердей, покрывали камышом).

Для скота на зиму запасали корм: сено (пшен, пая, кашак), стебли кукурузы и джугары, солому риса (пахал), а также мелкорубленную солому пшеницы и других зерновых культур (саман); для лошадей заготавливали также люцерну (беде) и джугару. Однако по возможности мелкий рогатый скот, а иногда и коров, старались держать на подножном корму, выпасая их около кишлака. Таким образом, скотоводство основной массы каракалпаков в данный период было связано с вполне оседлым образом жизни.

Скот и продукты скотоводства играли существенную роль в хозяйстве и быту каракалпаков: скот использовали в качестве тягловой силы (быков и лошадей), транспортных средств (лошадей и ослов). Широко использовалось в хозяйстве молоко (коровье, а также овечье и козье), из которого изготавливали многочисленные молочные продукты; мясо же могли употреблять лишь в байских семьях (бедняки ели его только по большим праздникам). Из бараньей шерсти валяли кошмы (кигиз), ткали паласы (алача), ковры (глем) и грубую шерстяную материю (чекмен)³.

Сравнивая скотоводство каракалпаков Ферганской долины со скотоводством хорезмских каракалпаков, мы видим, что оно, в основном, имело одинаковый характер — и по составу стада, и по содержанию скота, и использованию продуктов скотоводства.⁴

¹ Полев. запись автора № 32 за 1954 г.

² См. С. Камалов. «Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в». Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III. М., 1958 г., стр. 137—138.

³ О скотоводстве ферганских каракалпаков см. полев. записи автора №№ 10, 25 и 53 за 1953 год.

⁴ О скотоводстве у хорезмских каракалпаков см. указ. работы С. Камалова и Р. Косбергенова.

Рыболовство.

Рыболовство играло существенную роль в хозяйстве каракалпаков во времена кокандских ханов. Свои рыболовецкие навыки ферганские каракалпаки принесли с собой с низовьев Сыр-Дарьи¹. Каракалпаки ловили в реке и озерах сазанов, щук, сомов и другую рыбу. Для ловли рыбы употребляли сети (илашма), остроги (шанышкы), удочки (кармак), загородки из камыша (газа), вентеря (тор) и др.

После присоединения к России рыболовство сохранило значение в хозяйстве каракалпаков западной части Ферганской долины (в Каракалпакской волости Кокандского уезда); у восточных же групп каракалпаков Ферганы (Андижанского и Наманганского уездов) рыболовство перестало играть сколько-нибудь существенную роль².

Рыболовство ферганских каракалпаков обнаруживает ряд общих черт с рыболовством хорезмских каракалпаков, в частности, употребление обеими группами одинаковых рыболовных снастей. Но в хозяйстве хорезмских каракалпаков рыболовство играло большую роль, особенно у их северных групп, где оно являлось ведущей отраслью хозяйства; вследствие этого у них имеется ряд снастей, не употребляемых ферганскими каракалпаками.

Домашние промыслы.

Подсобную роль в хозяйстве ферганских каракалпаков играли домашние промыслы (пряжение, ткачество, ковроткачество, выделка паласов, кошмовалание, изготовление из камыша циновок (бойра, чий) и корзин (сават), обеспечивая их многими необходимыми предметами домашнего обихода. Некоторые из этих предметов (ковры, бойра) изготавливались и для продажи. Каракалпаки были известны в Ферганской долине как специалисты по выделке изделий из камыша. Продажа циновок, разнообразных корзин (нан-сават, миуа-сават, басма-сават), мешков (бардан), а также самого камыша (который покупали у них как топливо и как корм для скота) доставляла каракалпакам дополнительные средства к существованию.

Широкую известность получило ковроткачество ферганских каракалпаков. Уже в 1814 г. в «Записках о некоторых народах и землях Средней части Азии» Ф. Назаров пишет, что они прошли «12 верст кочующими каракалпаками, занимающимися изделием ковров, шерстяных тканей»³. В «Обозрении Кокандского ханства», составленном в 1849 г., о каракалпаках сказано: «Они выделяют из-

рядные ковры, расходящиеся по всей Киргизской степи».¹ Имеются упоминания о коврах ферганских каракалпаков и в литературе более позднего периода, после присоединения к России.²

У ферганских каракалпаков было более распространено, чем у хорезмских, изготовление больших ковров. Что же касается многочисленных ковровых изделий, украшающих юрту хорезмских каракалпаков (жамбау, есик-кас, каршин), то у ферганских каракалпаков, в связи с ранним изживанием юрты, они давно перестали изготавливаться.

Каракалпаки Ферганы занимались также тканьем грубой хлопчатобумажной материи (боз), служившей основным материалом для их одежды, особенно беднейших слоев. Ткали также толстую шерстяную материю (чекмен), употребляемую для изготовления теплых халатов.

Таковы, в основном, были домашние промыслы ферганских каракалпаков, которыми занимались все каракалпакские семьи в свободное от сельскохозяйственных работ время. После присоединения к России среди каракалпаков начался уже процесс выделения ремесленников-профессионалов. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» около 5,6 процента каракалпаков, зарегистрированных в Ферганской области, добывали себе средства к существованию теми или иными ремеслами, основным из которых было деревообделочное производство (т. е. изготовление арб, бешиков, сундуков, деревянной посуды и др.)³. Другие же виды ремесел у ферганских каракалпаков сколько-нибудь широкого распространения не получили, чем их занятия резко отличались от занятий соседних узбеков, у которых издавна были развиты различные профессиональные ремесла (ткачество, гончарство, кожевенное ремесло, кузнечное, ювелирное дело и др.)⁴.

Если провести сравнение домашних промыслов ферганских и хорезмских каракалпаков конца XIX — начала XX века, то мы увидим, что основные домашние промыслы этих двух групп (пряжение, ткачество, ковроткачество, кошмовалание, изготовление изделий из камыша) были одинаковыми, но у хорезмских каракалпаков получили большее развитие профессиональные ремесла.

Подводя итоги рассмотрению хозяйства ферганских каракалпаков в данный период, можно сказать, что во времена кокандских ханов оно носило полунатуральный характер: каракалпаки снабжали себя всеми необходимыми продуктами и большинством предметов домашнего обихода, покупая у ремесленников-узбеков

¹ С. Камалов. Ук. раб., стр. 137.

² О рыболовстве см. полев. записи автора №№ 11 и 46 за 1953 г., №№ 7, 28 и др. за 1954 г.

³ Ф. Назаров. «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», стр. 72.

¹ «Обозрение Кокандского ханства», стр. 190.

² А. А. Семенов. «Ковры Русского Туркестана». Этнограф. обозрение, 1911 г., стр. 153—154.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 89. СПб, 1905 г., стр. 122—123.

⁴ Там же; полев. запись автора № 10 за 1953 г.; В. и М. Наливкины, «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 26.

лишь некоторые предметы, не изготавливаемые ими самими, — металлическую и гончарную посуду, обувь, ювелирные изделия, сельскохозяйственные орудия и др.

После присоединения к России хозяйство ферганских каракалпаков, особенно их восточных групп, получило, в основном, товарно-денежный характер, главным образом вследствие быстрого развития хлопководства. Кроме ремесленных изделий, каракалпаки были вынуждены покупать на базаре значительную часть продовольственных культур. Продавали же они хлопок, дыни и другие сельскохозяйственные продукты, а также скот, продукты животноводства и изделия своих домашних промыслов.

Таким было хозяйство ферганских каракалпаков в конце XIX — начале XX веков.

Зеравшанских 3. ХОЗЯЙСТВО ~~БУХАРСКИХ~~ КАРАКАЛПАКОВ.

Территория бывшего Бухарского ханства занимала центральную часть среднеазиатского междуречья. Природные условия различных частей ханства значительно отличались друг от друга. Северную часть ханства занимали безводные степи; здесь проходит южная окраина пустыни Кызыл-Кум; кое-где степные пространства пересекают невысокие горные хребты. Обширные степные пространства имелись и в юго-западной части ханства (Каршинская степь). Восточную часть Бухары занимали высокие горы Памиро-Алайской горной системы. И, наконец, наиболее важную для населения часть ханства составляли обработанные земли оазисов, расположенные вдоль крупнейших рек ханства: Зеравшана, Кашка-Дарьи и Аму-Дарьи (ее верхнего и среднего течения).

Жаркий засушливый климат Бухарского ханства вызывал необходимость искусственного орошения: земли могли быть обработаны лишь там, где была вода, т. е. главным образом вдоль рек. Общее годовое количество осадков на равнине составляло 100 — 150 мм., причем выпадали они лишь в холодное время года, а летние осадки на равнине представляли исключение и не имели значения для хозяйства. В горах и предгорьях количество осадков было выше и там в некоторых местах возможно было богарное земледелие.

Зима в Бухаре сравнительно сурова (в январе температура падает до — 18°), так как территория открыта для ветров с севера и закрыта с юга; ветры здесь преобладают северные.¹

Обработанная территория составляла лишь незначительную часть земель Бухарского ханства. Н. Ханьков в своей работе «Описание Бухарского ханства» (1843 г.) писал, что вся территория ханства составляет приблизительно 5600 кв. миль, а обработаны лишь 500—600 кв. миль.² Л. Соболев в 1874 г. писал, что из тер-

ритории Зеравшанского округа (составленного из северо-восточной, присоединенной к России, части Бухарского ханства) только 6 процентов занимали орошенные земли, 12 процентов — земли, где возможно было богарное земледелие и 82 процента — невозделываемые земли, часть из которых являлась пастбищами.¹

Главным источником орошения равнинной части Бухарского ханства являлась река Зеравшан, берущая начало из Зеравшанского ледника, высоко в горах. Длина реки — 640 км. До Пянджикента — это бурная горная река, потом ее долина расширяется, течет она более спокойно. Начиная от Самарканда, вдоль Зеравшана тянется сплошь возделанная полоса (шириной в 20—40 км.). Общая площадь орошенных земель в долине Зеравшана в середине XIX века составляла 16 000 кв. верст.² Выше Самарканда Зеравшан делится на два рукава — Ак-Дарью и Кара-Дарью, между которыми лежит обширный остров Миянкаль (эти рукава сливаются вместе около г. Хатырчи). Ниже г. Кермине Зеравшан — широкая степная река, обработанная полоса там значительно сужается, а ниже г. Каракуля Зеравшан, разобранный в значительной мере на орошение, теряется в песках.³

Как и для других народов Бухарского ханства, воды реки Зеравшан играли огромную роль и в хозяйстве поселившихся здесь каракалпаков.

В работах А. Д. Гребенкина «Узбеки» и А. П. Хорошхина «Сугут» подробно описываются природные условия долины Зеравшана в местах расселения каракалпаков. «Вся эта очень низменная местность, — писал А. Д. Гребенкин, — когда-то изрезана была сетью ирригационных каналов. Хотя каналы эти и существовали по приходе каракалпаков, но были окончательно заброшены: плотины и насыпи разрушились, вода... разливалась по бывшим пашням, а в более углубленных местах образовала озера и топи. Вообще вся эта часть округа состояла из ряда озер и болот, была богата камышами и колючкой...; она изобиловала разными птицами и животными, о которых теперь и помину нет в зеравшанской долине: в ней, по показаниям старожил, жили фазаны, свиньи и даже тигры.»⁴ Если А. Д. Гребенкин, используя рассказы стариков и народные предания, дает описание природных условий в местах расселения каракалпаков во время их переселения в долину Зеравшана (XVII—XVIII вв.), то А. П. Хорошхин описывает современные ему (1876 г.) природные условия в Сугутском тумане (расположенном по правому берегу р. Зеравшана, недалеко от г. Самарканда) — одним из основных мест расселения зеравшанских каракалпаков.

¹ Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. СПб, 1874 г., стр. 177.

² Н. Ханьков, ук. соч., стр. 27.

³ О Зеравшане см. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I. Бухара, стр. 17 и след.; Н. Ханьков, ук. соч., стр. 27—30. Л. Соболев «Записка о долине р. Зеравшана и ее ирригационной системе», Самарканд, 1872 г., стр. 14—15.

⁴ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 96.

¹ Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, стр. 54—59.

² Н. Ханьков. «Описание Бухарского ханства». СПб, 1843 г., стр. 7.

Восточная часть Сугута (где и жили каракалпаки) «во многих местах представляет большие, нетронутые плугом, пространства, покрытые частью пригодными для скота травами, частью тонким, своеобразным камышом, идущим в топливо»;¹ там же он отмечает множество небольших озер и болот.

О том, каковы здесь были природные условия в прошлом, нам рассказывали также информаторы из зеравшанских узбек-каракалпаков. Т. Якшимуратов из кишлака Ак-Тепе-Митан (совхоз «Булунгур» — 2, Булунгурского района, Самаркандской области) сообщил, что в первое время после переселения каракалпаков в долину Зеравшана здесь было очень обводненное место: разливы Зеравшана занимали значительно большую территорию, чем теперь, повсюду были озера, камыши, заросли джынгыла.² Огромная территория, заливаемая в прошлом Зеравшаном, и сейчас хорошо видна с возвышенностей Чапан-Ата, Ак-Тепе и других, расположенных между горами Гобдун-Тау и Зеравшаном.

Таким образом, природные условия в местах расселения этой группы каракалпаков были, в основном, теми же, что и в местах расселения ферганских каракалпаков; выбор таких земель для поселения в значительной мере определялся специфическими особенностями хозяйства каракалпаков.

Во время переселения в долину реки Зеравшан каракалпаки вели полукочевой образ жизни. Об этом нам сообщает А. Д. Гребенкин в своей работе «Узбеки», но он дает неправильное объяснение процесса развития каракалпакского хозяйства. Согласно принятой в дореволюционной литературе точке зрения, он считал, что прежде, на Сыр-Дарье, каракалпаки были кочевниками, но потом ослабели от баранты со стороны более сильных народов, лишились значительной части скота и были вынуждены держаться ближе к оседлым пахотным местам и сами перешли к полuosедлости.³ Однако из современной исторической литературы известно, что каракалпаки и даже их предки никогда не вели кочевого скотоводческого хозяйства: им свойственно было с давних пор полукочеевое комплексное (земледельческо-скотоводческо-рыболовное) хозяйство.⁴ И здесь, в долине Зеравшана, каракалпаки первоначально вели такое привычное для них хозяйство, занимаясь каирным земледелием, скотоводством, развитыми домашними промыслами, а в качестве подсобных, вспомогательных отраслей хозяйства — охотой и рыбной ловлей. В хозяйстве богатых каракалпаков скотоводство играло большую роль, и селились байские хозяйства, а основном, к северу от долины Зеравшана — у подножья гор Гобдун-Тау. «По словам старожилков, — пишет А. Д. Гребенкин, — богатые из этого рода, обладающие большими стадами, остановились на Гобдун-Тау и у

подошвы этих гор, — а более бедные... — по низовьям реки Зеравшан»¹.

О комплексном хозяйстве каракалпаков во времена переселения в долину Зеравшана нам рассказывали и информаторы. Старик Хамре Махаммаджаров из кишлака Жан-Кораз (к-з имени Ленина, Булунгурского района, Самаркандской области) рассказал нам то, что сам слышал от дедов: «После переселения каракалпаки здесь занимались скотоводством. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, верблюдов (но верблюдов было мало). После стали заниматься земледелием. Сеяли пшеницу, рис, ячмень. Раньше здесь было много воды, говорят, что занимались рыболовством. Еще тогда занимались охотой (ангылык) — охотились на фазанов, зайцев, уток... Делали чий (цыновки)»².

Постепенно земли были осушены (этому способствовало также уменьшение разливов Зеравшана), проведены оросительные каналы и роль земледелия стала возрастать.³ Из письменных источников известно, что переход самаркандских каракалпаков к оседлости и земледелию, как основной отрасли хозяйства, усиливается с конца XVIII века. Этому способствовала налоговая система Бухарского ханства. Эмир Шах-Мурад (1785—1800 гг.) ввел новый налог кош-пул: «Кош-пул есть плата за 50 танапов земли, годной к обработке; при этом не обращается внимания на то, обрабатывается ли она в действительности или нет.»⁴ Естественно, что введение этого налога привело к тому, что многие каракалпакские семьи окончательно оседают, и все большее место в их хозяйстве начинает занимать земледелие. Но особенно усилился переход каракалпаков к оседлости и хлебопашеству после разгрома эмиром Хайдаром восстания ктай-кипчаков, (1821—1825 гг.), в котором, как известно, принимали активное участие и каракалпаки; разгром восстания сопровождался разорением хозяйства массы народа, в частности истреблением скота. «Войны с эмиром Сейдом⁵, в которых принимали участие каракалпаки, как союзники кипчаков и ктаев, вконец разорили их и заставили обратиться к оседлости и приняться за хлебопашество... Правда, что и до этих войн уже были между ними оседлые, но все-таки в весьма незначительном количестве»⁶.

Для благоустройства своих земель каракалпакам пришлось провести большие ирригационные работы. «Каракалпаки потратили много времени и труда, стараясь сделать свою территорию вполне годною для земледелия, но и до сего времени они не вполне

¹ А. П. Хорошхин. Сб. статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 145.

² Полев. запись автора № 2 за 1960 г.

³ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 94—95.

⁴ См. выше, стр. 71—72.

¹ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 95—96.

² Полев. запись автора № 14 за 1960 г. Об этом же см. полев. записи автора №№ 23, 29 и др. за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 2 за 1960 г.

⁴ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 96.

⁵ Прозвище эмира Хайдара (1800—1826 гг.).

⁶ Там же, стр. 96. См. также П. П. Иванов. «Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве», стр. 91; П. П. Иванов «Очерки по истории Средней Азии», стр. 127.

достигли этой цели,— писал А. Д. Гребенкин в 1872 году.— И теперь еще не все болота осушены, завалены землею. Богатая ирригационная система их земли еще не получила законченности»¹.

Ко времени присоединения к России основная масса каракалпаков Зеравшанской долины жила оседло, о чем имеются сообщения в работах русских исследователей конца 60—70-х годов XIX века. Так, В. В. Радлов в работе «Средняя Зеравшанская долина» указывает: «Теперь они (каракалпаки — Л. Т.) живут здесь оседло.»² А. П. Хорошхин в работе «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края» сообщает, что в Сугутском тумане, восточная часть которого была населена каракалпаками, главным занятием населения являлось земледелие: им было занято 99 процентов населения³ (сведения относятся к 1876 г.)⁴.

Остановимся теперь подробнее на отдельных отраслях хозяйства каракалпаков долины р. Зеравшан.

Земледелие.

Основными сельскохозяйственными культурами, разводимыми каракалпаками в средней части Зеравшанской долины, являлись зерновые и бахчевые культуры. Наиболее подробные сведения о земледелии этой группы каракалпаков мы получаем из работ А. Д. Гребенкина и А. П. Хорошхина, а также из сообщений стариков-информаторов Булунгурского и Джамбайского районов Самаркандской области. А. Д. Гребенкин сообщает, что в долинах многоводных арыков Янги, Махау и Биш каракалпаки имеют возможность «с успехом возделывать... все посевные хлебные растения, свойственные климату и почве Средней Азии; но больше всего они сеют рис, джугару и просо. По Палван-арыку и Булунгуру каракалпаки преимущественно сеют пшеницу и ячмень и только отчасти джугару и просо. Арбузы и дыни разводятся ими в обеих местностях, однако, во второй, как более высокой, они родятся лучше.»⁵ А. П. Хорошхин сообщает, что на орошаемых землях Сугутского тумана (а таких земель там было большинство) сеются прежде всего такие зерновые культуры, как пшеница, ячмень, рис, джугара, просо. Кроме того, там возделывается хлопок, лён, мак, маш и кунжут. На богатых землях, расположенных в более возвышенных местностях — в предгорьях — сеются только пшеница и ячмень. Овощи и огородные растения, — пишет он же, — «сеются на полях, куда жители обычно переселяются летом, как бы на

дачу.»¹ По-видимому, в это время (1876 г.) население еще частично придерживалось полукочевого образа жизни и летом переселялось на жазлау, где и сеяло огородные культуры. Садов же в Сугуте мало, — сообщает Хорошхин. — «Сады принадлежат Самарканду, а Сугут сеет и сбывает почти исключительно хлеб»².

После присоединения к России и в Самаркандской области стало более быстрыми темпами развиваться хлопководство. Однако хлопководческие центры области были расположены в стороне от мест расселения зеравшанских каракалпаков. Так, хлопководство получило большое развитие в Катта-Курганском уезде и в ряде волостей Самаркандского уезда, примыкающих к Катта-Курганскому.³ В волостях же, населенных каракалпаками, по-прежнему преобладало возделывание зерновых культур. Об этом имеются материалы, относящиеся к самому концу 90-х годов XIX в. Так, из «Статистических сведений по городам и волостям уездов Самаркандской области за 1897 г.», составленных М. Вирским, мы узнаем, что в Каракалпакской, Кабутской и Челекской волостях Самаркандского уезда преобладали посевы пшеницы и риса, а в Тюя-Тартарской волости Самаркандского уезда и Митанской волости Катта-Курганского уезда — пшеница⁴. Как нам известно из вводной главы, эти волости составляли основные места расселения каракалпаков средней части долины Зеравшана. Из статьи С. П. Мансырова «Базарная торговля в Самаркандском уезде» (1898 г.) мы узнаем, что базар Джанбай (пункт сбыта сельскохозяйственной продукции Каракалпакской, Кабутской, частей Тюя-Тартарской и Джумабазарской волостей) занимал первое место в уезде по сбыту пшеницы, второе — по сбыту риса. «Разного рода хлебных продуктов на Джанбайский базар поступает до 250 тыс. пудов, хлопка же сбывается ничтожное количество, за слабым распространением культуры этого продукта в окрестных волостях»⁵. Однако небольшие посевы хлопчатника все же были в этих волостях и торговля хлопком велась на Джанбайском базаре, а также на базаре Чукур (в Каракалпакской волости).

Сведения о хозяйстве самаркандских каракалпаков, полученные из письменных источников конца XIX — начала XX в., подтверждаются также сообщениями наших информаторов. По рассказам информаторов, более всего каракалпаки возделывали такие культуры, как рис (шалы), которого сеяли особенно много,⁶ пшеница (бугдай), ячмень (арпа), джугара (жугери), просо (тарык). В меньших количествах сеялись кукуруза (макке), маш, фасоль

¹ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 96—97.

² В. В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 69.

³ А. П. Хорошхин. «Сб. статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 146.

⁴ Старики-информаторы также нам сообщали, что основой хозяйства самаркандских каракалпаков во времена их детства было земледелие (Полев. записи автора №№ 13, 25, 29 и др. за 1960 г.).

⁵ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 98.

¹ А. П. Хорошхин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 148.

² Там же.

³ С. П. Мансыров. «Базарная торговля в Самаркандском уезде». Справочная книга Самаркандской обл., 1898 г., стр. 140, 150.

⁴ Справочная книга Самаркандской области, 1898 г.

⁵ Там же, стр. 144.

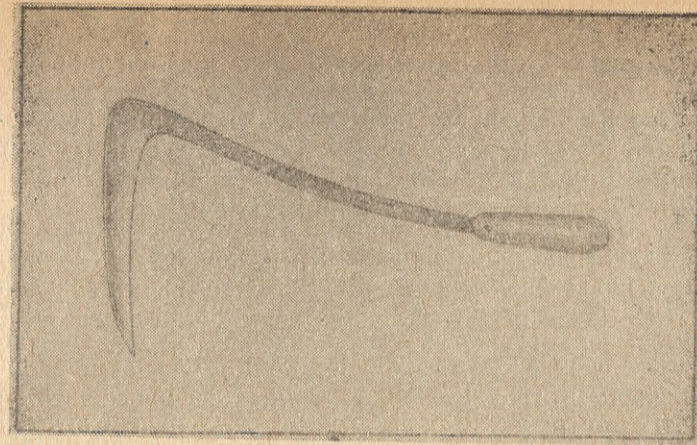
⁶ Полев. записи автора №№ 13, 16 и др. за 1960 г.

(ловия), кунжут, лен (зыгыр); из бахчевых и огородных культур возделывались дыни (кауын), тыквы (ашкабак, палаугади), арбузы (карбыз), репа (шалгам), лук (пияз), чеснок (сарымсак-пияз), морковь (совзи).¹ Имелись также и небольшие посевы хлопчатника: «Сначала дехкане сеяли малле-пахта (местные сорта хлопка) немного, только для изготовления одежды. Во времена Николая (русский царь Николай II—Л. Т.) здешние каракалпаки стали сеять американский хлопок,— посевы хлопчатника увеличились»².

О способах возделывания сельскохозяйственных культур самаркандскими каракалпаками некоторые сведения мы получаем из работы А. П. Хорошихина³ и из рассказов наших информаторов.

Все посевы делились на ак-егин⁴ и кок-егин⁵. К посевам ак-егин относились пшеница, ячмень, лён и мак. Пшеницу и ячмень сеяли в сентябре и октябре (землю начинали подготавливать в августе);⁶ собирали же урожай в мае-июне. Рис, джугара, просо, хлопок, маш и др. культуры относились к посевам кок-егин и сеялись весной. «Система засева — плодопеременная. Например, сняв в начале июня ячмень, немедленно засевают поле рисом или джугарой; убрав в июле пшеницу, сеют маш, кунжут — к осени они поспевают»⁷. В богатых хозяйствах, имевших много земли, ежегодно часть земли отдыхала и называлась шудгар; остальные же хозяйства ограничивались сменой посевов.

Сельскохозяйственные орудия, как и повсеместно в Средней Азии, были чрезвычайно примитивными: соха, называемая этой группой населения жер-агач, местный тип бороны — доска (мала) с прикрепленными сзади ветвями джынгыла, кетмень, серп (орак), деревянные и железные лопаты. «Зерно обмолачивали на хирмане, гоняя по разложенным снопам скот. Хранили зерно в ямах (ура) и

Серп (орак) бухарских каракалпаков.

мешках, плетеных из камыша (мардан). Муку мололи на водяных мельницах (тигирман) и ручных мельницах (яргишак).»¹ Низкий уровень сельскохозяйственной техники делал труд земледельца чрезвычайно тяжелым.

Почва во многих местах низины была солончаковой и требовала усиленного удобрения (навозом, а также землей со старых построек).

Посевы приходилось неоднократно орошать. Особенно усиленного орошения требовали посевы риса (шалы), который в период своего созревания в течение 40 дней должен находиться под водой. Пшеницу и ячмень поливали один раз осенью и 3 раза в весенне-летний период; просо — 4—5 раз.²

Таковы были условия земледелия у каракалпаков среднего течения реки Зеравшан в рассматриваемый период.

Орошение.

Как уже указывалось выше, в засушливом климате долины Зеравшана (как и всей Средней Азии) орошение играло решающую роль для развития земледелия и в конечном счете для развития всей исторической жизни в земледельческой полосе. Где вода — там и жизнь, — это было известно издавна. Все земли долины Зеравшана делились на искусственно орошаемые (оби), расположенные в ровной, низменной местности, и орошаемые атмосферными осадками (ляльми, богари), расположенные в предгорьях и горах, окружающих долину, где осадков выпадает значительно больше, чем в низине, и их хватает, чтобы орошать такие культуры, как пшеница и ячмень (яровые).³

¹ Полев. записи автора №№ 3, 24, 29, за 1960 г.

² Полев. запись автора № 29 за 1960 г. Материалы Центрального Государственного архива КК АССР (ряд дел Кара-Калпакской волости Самаркандского уезда за 1926 г.) также свидетельствуют о том, что посевы зерновых оставались преобладающими в этих волостях и в начале XX века. На основании «Чертежей земельных участков по Кара-Калпакской волости Самаркандского уезда» оказывается, что в распределяемых хозяйствах Кара-Калпакской волости хлопком было занято всего 16,5 десятин, тогда как рисом — около 105 десятин. (Материалы Центр. Гос. архива КК АССР по Кара-Калпакской волости Самаркандского уезда, тетрадь II).

³ А. П. Хорошихин, ук. соч.—см. материалы по Сугуту. Вообще же о возделывании сельскохозяйственных культур в долине Зеравшана см. Н. Ханьков «Описание Бухарского ханства», стр. 120—149; Л. Соболев. «Записка о долине р. Зеравшана и ее ирригационной системе».

⁴ Буквально белые посевы—посевы, которые рано поспевают (в мае—июне); часть из них озимые (пшеница, иногда ячмень), часть яровые (лён, мак).

⁵ Буквально зеленые посевы — посевы, поспевающие осенью; все они являются яровыми.

⁶ Сорт кара-арпа (черный ячмень) можно сеять и весной и осенью (полев. запись автора № 3 за 1960 г.).

⁷ А. П. Хорошихин, стр. 148. Об этом см. также полев. запись автора № 29 за 1960 г.

¹ Полев. запись автора № 29 за 1960 г.

² Л. Соболев. Ук. соч., стр. 3.

³ Л. Соболев. «Записка о долине р. Зеравшана», стр. 1; А. П. Хорошихин. Ук. соч., стр. 147.

Земли первой категории значительно преобладали у зеравшанских каракалпаков.

В первое время после переселения в долину Зеравшана каракалпаки использовали для посевов каирные земли, т. е. берега озер, протоков, которые при маловодии подсыхали и могли употребляться под посевы.

Однако в конце XVIII — начале XIX веков, когда в результате названных выше причин среди каракалпаков усилился процесс оседания на землю, переход к земледелию, как основной отрасли хозяйства, они провели значительные ирригационные работы в местах своего расселения. «С обращением каракалпаков в земледельцев, — писал А. Д. Гребенкин в 1872 г., — воду начали собирать в арыки, рыть отводные каналы для стока оросившей поля воды (карасу), высушивать болота и озера, уничтожать колючку и камыш. Каракалпаки потратили много времени и труда, стараясь сделать свою территорию вполне годною для земледелия.»¹

Для орошения своих полей каракалпаки отводили небольшие арыки и от крупных магистральных каналов, выведенных из р. Зеравшана и ее двух рукавов — Ак-Дарьи и Кара-Дарьи — и проходящих недалеко от мест расселения каракалпаков. Относительно ирригационной системы реки Зеравшана имеются сведения во многих исторических работах. Специально этому вопросу посвящена работа Л. Соболева «Записка о долине реки Зеравшана и ее ирригационной системе» (1872 г.). В этой работе указывается, какие каналы орошали туманы² Зеравшанского округа, в том числе и те туманы, где, как известно нам из других источников, расселялись каракалпаки. Так, основными арыками, орошавшими Ширазский туман, были Тюя-Тартар, Булунгур, Мирза и Пейхлеван-арык;³ в Сугутском тумане — Булунгур, Мирза, Улкен Кара-су и Токуз-арык; в Челекском тумане — Мирза-арык и Пай-арык; в Митанском тумане Самаркандского отдела — Янги-Кент и Ак-Курган.⁴ В том же 1872 году А. Д. Гребенкин писал: «Самое густое каракалпакское население находится по арыкам: Янги, Махау и Биш; по Палван-арыку и другим оно уже реже и в смеси с другими родами.»⁵ Далее он указывает, что каракалпаки селились также по арыку Булунгур.

Подробные сведения об орошении волостей Самаркандского уезда в начале XX века имеются в «Списке населенных мест Узбекской ССР», а также в материалах Каракалпакского Государственного архива. Согласно этим данным, Каракалпакская волость Самаркандского уезда орошалась следующими арыками, выведенными из Зеравшана: Мирза-арык, Тогуз-арык, Ак-арык, Кара-арык, Тюя-Тартар, Махау-арык и др.; Кабудская волость —

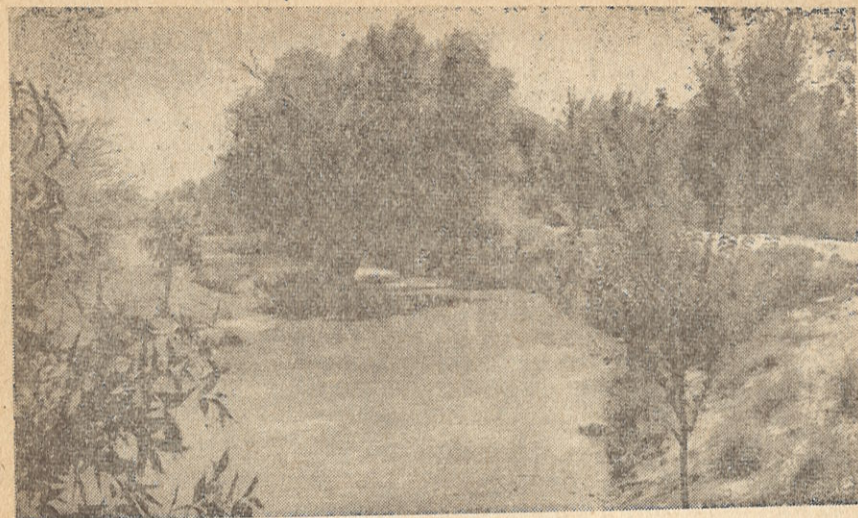
¹ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 96—97.

² В те годы в Зеравшанском округе еще сохранялось административное деление времен Бухарского ханства на туманы.

³ В других работах называемый Палван-арык.

⁴ Л. Соболев, ук. соч. стр. 17—18.

⁵ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 97.

арыками: Кара-арык, Беш-арык, Тайлян, Кара-су, Таш-арык, Янги-арык и др.; Тюя-Тартарская волость — арыками: Булунгур, Тюя-Тартар, Ак-арык, Тайлян, Беш-арык. Митанская волость Катта-Курганского уезда орошалась арыками, выведенными из Ак-Дарьи: Палван-ата, Митан-арыком, а также Янги-арыком.¹

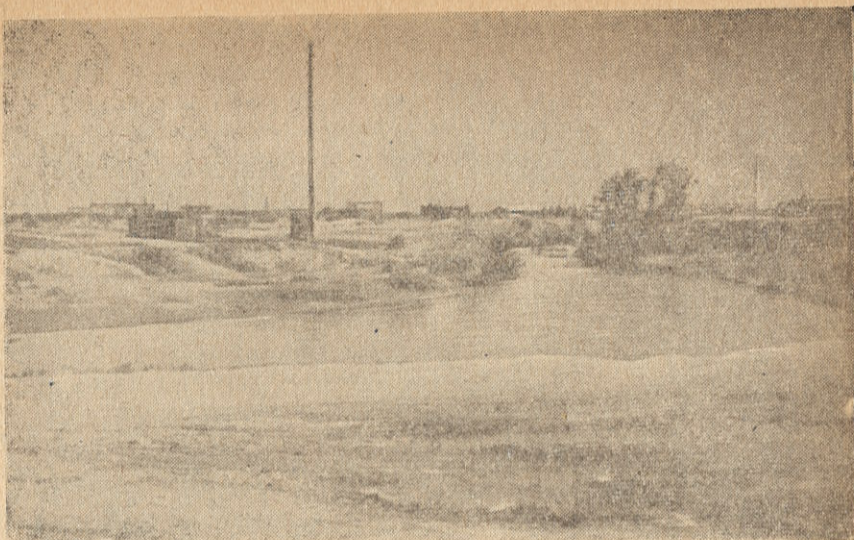
Каракалпаки, жившие в западной части долины Зеравшана, также орошали свои земли арыками, выведенными из Зеравшана, такими как Кенимех, Калкан-ата и др. В значительно меньшей степени каракалпакским населением использовались воды южного канала Нарпай, выведенного из Кара-Дарьи². (См. карту № 7.)

Некоторые из крупных каналов долины Зеравшана очень стары: так, Мирза-арык был построен еще во времена Улуг-бека; арыки Булунгур и выведенный из него Тюя-Тартар были построены во второй половине XVI в., во время правления Абдулла-хана³. Однако развитие ирригационной сети долины Зеравшана не было непрерывным. «Тому 170—150 лет назад, — писал в 1872 г. Л. Соболев, — вследствие политических обстоятельств, северная часть нынешнего Зеравшанского округа почти совершенно обезлюдела. Население разбредлось по странам соседним... Долина же Зеравшана покры-

¹ «Список населенных мест Узбекской ССР». Вып. II, Самарканд. обл. (1925 г.), стр. 32—33, 53—55, 65. Материалы Каракалпак. Гос. архива, тетрадь II, чертежи № 1—34. Также полев. запись автора № 17 за 1960 г.

² Его водами пользовались для орошения, например, каракалпаки кишлака Мир-Базар, Кермининского вилайета. Об орошении земель каракалпаков западной части долины Зеравшана см. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I. Бухара, стр. 112—113, 258—259, 261. Карта № 7 является выкопировкой из этой работы.

³ Л. Соболев. «Записка о долине реки Зеравшана».

Арык Кенимех.

лась болотами, камышом, колючкой и рощами. Кое-где бродили по ней кочевники¹. Здесь имеются в виду события 20-х годов XVIII века, когда после джунгарского нашествия на нижнюю и среднюю Сыр-Дарью масса кочевников-казахов, (а вместе с ними частично и каракалпаков) хлынули в долину Зеравшана, что привело к серьезному подрыву хозяйственной жизни оседлого населения Зеравшанской долины². «Тому 80—70 лет назад,— пишет далее Л. Соболев,— при бухарском эмире Ша-Мурад-бие на Зеравшане снова появились хлебопашцы и проведено было значительное количество новых арыков»³.

Новое хозяйственное освоение долины Зеравшана, строительство многих новых каналов проводилось во время правления Шах-Мурада (1785—1800 гг.) и эмира Хайдара (1800—1826 гг.). В годы их правления были построены, например, такие арыки, как Караарык, Тогуз-арык и другие⁴. Каракалпаки, наряду с другими народами ханства, принимали участие в строительстве некоторых крупных каналов, а также потратили немало труда для отведения небольших арыков, орошающих их посевы, и для осушения ряда заболоченных местностей.

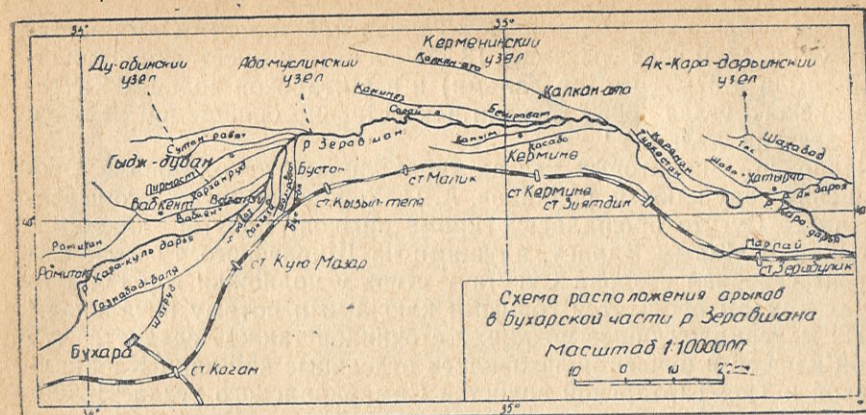
Состояние оросительной сети в долине Зеравшана, несмотря на огромный труд, вкладываемый народными массами для поддержания в порядке оросительных сооружений, находилось в рассматриваемое время не в лучшем положении, чем в Ферганской долине. Примитивные головные сооружения каналов постоянно разруша-

¹ Л. Соболев «Записка о долине реки Зеравшана».

² См. «История Узбекской ССР», т. 1, ч. I, стр. 414—417.

³ Л. Н. Соболев. «Записка о долине реки Зеравшана».

⁴ Там же.

Карта N7

лись; неравномерное распределение воды между отдельными каналами (вследствие отсутствия распорядительных сооружений и неизученности потребностей сельского хозяйства в отдельных районах) приводило к тому, что в одних местностях посевы гибли от засухи, тогда как другие местности из-за обилия воды оказывались заболоченными.

После присоединения к России остро стоял вопрос о распределении воды Зеравшана между Бухарским ханством и Самаркандской областью. Согласно договору 1868 года на бухарскую часть приходилась $\frac{1}{3}$ воды Зеравшана, в результате чего в бухарской части воды не хватало, особенно в низовьях реки, что сказывалось на значительном снижении урожайности посевов¹. Ежегодное заиливание каналов требовало огромной работы по их очистке, что, при ручном труде, являлось тяжелой обязанностью для населения.

Орошение посредством ирригационных сооружений хотя и играло ведущую роль у зеравшанских каракалпаков в описываемый период, но не было единственным. Мы уже видели, что посевы на каирных землях играли значительную роль в более ранние периоды их истории. Кое-где у них бытовали и богарные посевы, о чем имеются упоминания в исторической литературе. Так, А. Д. Гребенкин, говоря о земледелии и орошении зеравшанских каракалпаков, указывал: «На севере от Палван-арыка, в нагорной, холмистой местности, поливного земледелия нет: здесь сеется только богара»². По материалам 1897 г. из волостей, где наряду с другими народами проживали каракалпаки, сколько-нибудь существенное значение

¹ Эта несправедливость была устранена сразу же после Октябрьской революции, и Бухара стала получать примерно половину воды Зеравшана. См. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, Бухара, стр. 38.

² А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98. Также и А. П. Хорошкин указывает, что в Сугутском тумане, как и во всей долине Зеравшана, существует деление земель на оби и льяльми. (Ук. соч., стр. 147.)

богарное земледелие имело в Тюя-Тартарской волости Самаркандского уезда (там возделывалось 13 736 десятин искусственно орошаемой земли и 3725 десятин льяльми) и в Митанской волости Катта-Курганского уезда (6869 десятин искусственно орошаемой земли и 2025 десятин льяльми).¹

Наконец, в некоторых местах каракалпаки использовали для орошения воду ключей, родников. А. П. Хорошкин писал, что северная часть Сугута орошалась (кроме арыков) двумя ключами: Большим и Малым Карасу, идущими из Ширазского тумана. Самая же северная сторона Сугута — степь у подножья гор Гобдун-Тау «с трудом орошается горными ключами и потому печальна».²

Из материалов более поздних источников также следует, что водой ключей и ручьев пользовались отдельные кишлаки Каракалпакской и Тюя-Тартарской волостей Самаркандского уезда.³ Наши информаторы также рассказывали о том, что в Каракалпакской волости большую роль играло орошение при помощи ключей (булак), таких, как Кара-су, Миуа-кант-булак, Актам-булак, Чауки-булак.⁴

Таково было положение с орошением в районах расселения зеравшанских каракалпаков.

Скотоводство.

Скотоводство играло важную роль в хозяйстве каракалпаков во времена бухарских ханов, когда значительная часть их вела полукочевой образ жизни. В качестве пастбищ основная масса каракалпаков использовала заросли камыша и трав в окрестностях селений; богатые же каракалпаки, имеющие много скота, выпасали свой скот в предгорьях и горах, ограничивающих долину Зеравшана с севера.⁵

Информаторы сообщали нам, что каракалпаки переселились в долину Зеравшана в поисках пастбищ, т. к. в тот период скотоводство играло большую роль в их жизни. «Мы издавна занимались скотоводством. В этих местах раньше был лес (тогайлык), заросли камыша, воды было много. Это было благоприятно для скотоводства. Поэтому мы переселились сюда со скотом».⁶ Каракалпаки старались в тот период располагать свои небольшие селения на значительном расстоянии одно от другого, чтобы не мешать друг другу в выпасе стад.⁷ Однако успешному развитию скотоводства

¹ Справочная книга Самаркандской области за 1898 год.

² А. П. Хорошкин, ук. соч. стр. 144.

³ Так, например, кишлак Чим-Курган Кок-Гумбазского сельского общества Каракалпакской волости, населенный каракалпаками и кипчаками, брал воду из ключей. См. «Список населенных мест Узбекской ССР». Вып. II, Самаркандская область. Самарканд. 1925 г., стр. 60—61.

⁴ Полев. записи автора №№ 17 и 29 за 1960 г.

⁵ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 95.

⁶ Полев. запись автора № 20 за 1960 г. См. также полев. записи автора №№ 23 и 29 за 1960 г.

⁷ Из полевого дневника автора за 1960 г.

у каракалпаков, как и у других полукочевых народов и родоплеменных групп (ктаев, кипчаков и др.) Зеравшанской долины препятствовали многие причины: нехватало пастбищ, мешали постоянные внутренние войны.¹ После разгрома восстания ктай-кипчаков 1821—1825 г.г., в котором принимали участие каракалпаки, последние лишились значительной части своего скота и в основном занялись земледелием. Особенно же усилился процесс оседания и перехода к земледелию, как основной отрасли хозяйства, после присоединения к России.² Уже в 1876 г. А. П. Хорошкин сообщал, что жители Сугута скотоводством занимаются «настолько, насколько это необходимо для земледелия».³ Наши информаторы также сообщали, что накануне Октябрьской революции каракалпаки «основное внимание уделяли земледелию, т. к. земли для скота было мало».⁴

У большинства каракалпаков скотоводство в тот период было связано с вполне оседлым образом жизни,⁵ но некоторые еще являлись полукочевниками, выпасая свой скот на летних пастбищах (жайлау), расположенных километрах в 10 от зимних селений.⁶

Каракалпаки разводили крупный рогатый скот, лошадей, баранов, ослов. Крупнейшие каракалпакские баи имели стада до 2000 голов мелкого скота; баями разводились бараны, обычные и курдючные, в значительной степени для продажи в городе, где очень ценилась баранина. Основная же масса населения в колониальный период разводила крупный рогатый скот и лошадей, т. к. для выпаса отар мелкого скота в земледельческой полосе условий не было, а гонять баранов в горы средние хозяйства (а тем более бедняки) не имели возможности. Информаторы нам сообщали: «Лошадей и коров у каракалпаков было больше по сравнению с баранами».⁷ «Для разведения овец здесь не было возможности».⁸ Но в небольшом количестве бараны имелись в средних каракалпакских хозяйствах.

Крупный рогатый скот использовали как рабочую силу для обработки земли, а также для получения молока и мяса. Большая часть лошадей употреблялась для различных работ (сельскохозяйственных, а также в качестве транспорта); лучших лошадей трени-

¹ П. П. Иванов. «Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве», стр. 15.

² Общий процесс сокращения количества скота у полукочевого населения долины Зеравшана после присоединения к России виден из следующих данных: в 70-х годах XIX в. на 1 семью полукочевого населения приходилось в среднем 10 овец, 0,04 верблюда, 1,8 лошадей и 3 головы рогатого скота, а в 1890 г. — 1,47 овец, 0,07 лошади, 1,56 рогатого скота (в волостях с поливным земледелием) и 8,07 овец, 0,77 лошади, 1,53 рогатого скота (в богарных волостях). См. Н. Васильев «Кочевники Туркестана» Самарканд, 1890 г., стр. 84.

³ А. П. Хорошкин. «Сб. статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 148.

Полев. запись автора № 25 за 1960 г.

⁵ В. В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 63.

⁶ Из полевого дневника автора за 1960 г.

⁷ Полев. запись автора № 29 за 1960 г.

⁸ Из полевого дневника автора за 1960 г.

ровали для участия в скачках. «Лошади каракалпаков уступают только наймановским», — писал А. Д. Гребенкин.¹ Ослы употреблялись для верховой езды и перевозки предметов внутренней торговли, а также для перевозки удобрений на поля и других работ. «Верблюдов в Сугуте весьма немного», — писал А. П. Хорошкин, — и то у полукочевых каракалпаков». ² О разведении каракалпаками верблюдов писал и А. Д. Гребенкин: «Есть у них (каракалпаков — Л. Т.) и верблюды: они пасутся по Полван-арыку, где в изобилии растет янтак». ³ По сообщению наших информаторов верблюды были в некоторых хозяйствах каракалпаков, но их было немного. ⁴

Продукты скотоводства (в частности верблюжья и баранья шерсть) использовались также в домашних промыслах каракалпаков: каракалпаки ткали ковры, армячину (чекмен), сбивали кошмы и т. д.

Охота и рыболовство.

Охота и рыболовство являлись вспомогательными отраслями хозяйства каракалпаков во времена бухарских ханов, когда они осваивали местности, изобилующие «разными птицами и животными, о которых теперь и помину нет в зеравшанской долине», ⁵ и селились по берегам многочисленных протоков и озер, где водилось много рыбы.

Наши информаторы рассказывали об этом следующее: «В то время, когда каракалпаки сюда переселились, здесь был лес (тогайлык), камыш, воды было много. Тогда занимались охотой и рыболовством». ⁶ Рыбу ловили в Зеравшане, а также в арыках, протоках и озерах. Для ловли рыбы употреблялись следующие снасти: сети (чаппа-тор), сачки для рыбы (чомич-тор), удочки (кармак), остроги (чангак). По рассказам информаторов, в тех местах водилась такая рыба, как сом (ылака), сазан, карась (табан-балык) и др. ⁷

Охотились на фазанов, перепелок, кекликов, гусей, уток, диких коз (киик), зайцев, лисиц, диких кошек и др. Способы охоты были различными — охотились с ружьями (мылтык), с помощью ястребов (каршыга), которых ловили для этой цели в горах и обучали, с силками (дузак). ⁸

Каракалпаки, жившие к северу от долины Зеравшана, охотились за пушными зверями — лисами и куницами, которых они продавали в городах Бухарского ханства. ⁹

¹ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98.

² А. П. Хорошкин, ук. соч., стр. 148.

³ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98.

⁴ Полев. запись автора № 14 за 1960 г.

⁵ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 96.

⁶ Полев. запись автора № 23 за 1960 г.

⁷ Тилла-балык, загара-балык, шир-майи и др. породы рыб. Полев. запись автора № 35 за 1960 г.

⁸ Полев. записи автора №№ 13, 26, 35 и др. за 1960 г.

⁹ Н. Ханьков. «Описание Бухарского ханства», стр. 160.

Домашние промыслы и ремесла.

Домашние промыслы играли существенную роль в хозяйстве зеравшанских каракалпаков и во времена бухарских ханов, и после присоединения к России. В дореволюционной литературе наиболее подробно охарактеризованы домашние промыслы этой группы каракалпаков у А. Д. Гребенкина. «Кроме земледелия, — писал он, — каракалпаки занимаются деланием керегов (у них много рощ), плугов, граблей, рукояток для кетменей и айбалт; ткут патлак, челем (мохнатые ковры), тесьму для обвязки кибиток, подпруги (на манер известных каршинских, но не такой высокой доброты); из верблюжьей шерсти приготавливают плохую армячину (кокма-чекмень); женщины их ткут из хлопка весьма тонкие нити для адрыса, делают фитили для огнестрельного оружия и сбивают кошмы». ¹

На основании данных исторической литературы и рассказов стариков-информаторов у каракалпаков долины Зеравшана можно выделить следующие домашние промыслы:

Ткачество и ковроткачество: каракалпаки ткали ковры (глем), паласы (алача), дорожки для обвязки (укрепления) юрты, подпруги, переметные сумы (хурджин), мешки с ковровой отделкой для одежды (каршин). О ковроткачестве зеравшанских каракалпаков неоднократно упоминалось в литературе. Например, А. Семенов в работе «Ковры русского Туркестана» упоминает: «Ковры и паласы ткуются в некоторых местностях Самаркандского уезда, в особенности в Каракалпакской волости (где выделяются простые грубые ковры с высоким ворсом)». ² О коврах зеравшанских каракалпаков упоминает также целый ряд других авторов, и дореволюционных, и советских. ³ Существуют различные мнения о том, какие ковровые изделия Самаркандской области типичны для каракалпаков, ⁴ но никто из исследователей не опровергает самого факта широкого бытования ковроткачества у зеравшанских каракалпаков. Наши информаторы также сообщили некоторые сведения о ковроткачестве и ткачестве зеравшанских каракалпаков. Ковры (глем, кали-глем) ткали целиком при помощи гребня (тарак), сделанного из тутового дерева; один ковер ткали 5—6 женщин в течение 3-х недель. Джулхырсов же (грубые ковры, с очень длинным, неровным ворсом, которые ткались при помощи ормека, как и паласы, отдельными полосами и затем сшивались) каракалпаки не делали, в отличие от своих соседей — представителей племени туюклы. Ковровые изделия ткались только из бараньей шерсти. Из шерсти ткались

¹ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 96.

² А. Семенов. «Ковры русского Туркестана», стр. 150.

³ А. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», июнь, 1915 г., стр. 37—38; С. М. Дудин «Ковровые изделия Средней Азии», Сб. МАЭ. т. VII, Л., 1927 г., стр. 82, 100, 140—144 и др. «Народное декоративное искусство советского Узбекистана. Текстиль». Ташкент, 1954 г., стр. 86—89.

⁴ Т. А. Жданко. «Народное орнаментальное искусство каракалпаков», «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков». М., 1958 г., стр. 374, 375, 391, 393.

также паласы (алача), бокжама (вытканная паласной техникой ткань, в которую завертываются одеяла и подушки), мешки (кап), портянки (пайтаба), грубая шерстяная материя (чекмен). Наряду с этим, караалпаки занимались также изготовлением хлопчатобумажных тканей (боз, калеми-боз).¹

Кошмоваляние, хотя и упоминается А. Д. Гребенкиным в качестве одного из домашних промыслов караалпаков, в конце XIX — начале XX в. уже большой роли в хозяйстве караалпаков среднего Зеравшана не играло, по-видимому, в связи с тем, что нехватало бараньей шерсти.²

Из камыша, в изобилии растущего в местах расселения караалпаков, изготавливались цыновки (особенно много изготавливали чия, меньше бойра).³

Изделия домашних промыслов в первую очередь использовались в быту, но излишки их поступали на продажу.

Развита у караалпаков было и деревообделочное производство — изготовление кереге для юрт, омачей, граблей, рукояток для кетменей и др. Об этом тоже не раз упоминалось в литературе. Так, в работе С. П. Мансырева «Базарная торговля в Самаркандском уезде» (1898 г.) упоминается, что в селениях Джанбай и Чукур (важных центрах расселения самаркандской группы караалпаков) была распространена торговля деревянными изделиями: там продавали «колыбельки, грабли, кровати, игрушки — все кустарного производства». По-видимому, деревообделочным производством занимались уже специалисты-ремесленники.

Те предметы, которые не производились в домашнем хозяйстве караалпаков (обувь, железные изделия, чай, соль и др.), они приобретали на базарах. В жизни караалпаков средней части долины Зеравшана наибольшее значение имели такие базарные пункты, как Джанбай, Чукур, Ак-Тепе, Челек и другие; ездили караалпаки для торговли и в Самарканд.⁵ На базарах караалпаки сбывали некоторые изделия своих домашних промыслов, зерно, продукты скотоводства, хлопок (очень немного). «Довольно значительны размеры торговли строевым материалом (балками, бревнами, досками) и древесным топливом, идущим как в северные, безлесные волости, так и в значительной степени в Самарканд (лесом изобилует Кабутская волость); бойко идет торговля камышом, которого

¹ Хлопок очищали от семян при помощи чигирчика, а хлопчатобумажные нити пряли на прядильном станке — чарык, тогда как шерстяные нити пряли на веретене — урчик. (О ткачестве и ковроткачестве см. полевые записи автора №№ 10, 14, 29 и др. за 1960 г.).

² За время нашей экспедиции нам не пришлось встретить ни одной кошмы в домах зеравшанской группы «караалпак», тогда как ковры и особенно хурджины и сейчас встречаются в домах этой группы довольно часто.

³ Полев. записи автора №№ 16 и 29 за 1960 г.

⁴ Справочная книга Самаркандской области за 1898 г., стр. 137.

⁵ А. П. Хорошхин, ук. соч., стр. 149—150; С. П. Мансырев. «Базарная торговля в Самаркандском уезде», Справочная книга Самаркандской области, 1898 г., стр. 104—106, 145—147.

На базаре в Ак-Тепе.

немало в заболоченных обилием воды низинах в Каракалпакской и Сиобской волостях», — писал в 1898 году С. П. Мансыров о Джанбайском базаре.¹

Таково было хозяйство каракалпаков средней части долины Зеравшана в конце XIX — начале XX века.

3. ХОЗЯЙСТВО БУХАРСКИХ КАРАКАЛПАКОВ.

Большой интерес представляет бухарская группа каракалпаков. В исторической литературе о хозяйстве этой группы имеется лишь несколько отрывочных высказываний. Во время этнографической экспедиции нам удалось собрать некоторые сведения о том, чем занимались бухарские каракалпаки в прошлом, путем расспросов стариков-информаторов.

Переселившись с Жанга-Дарьи в степи, примыкающие к Нур-Ате и Кенимеху, данная группа каракалпаков оказалась в совершенно иных природных условиях, чем те, в которых они жили на Жанга-Дарье и Сыр-Дарье. На прежних местах обитания они вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство, издавна свойственное основным группам каракалпаков. Воспоминания о занятиях каракалпаков земледелием (с разведением культур проса, ячменя, пшеницы и дынь) на прежних местах обитания до сих пор сохранилось у кенимехских каракалпаков.² Здесь же, в степях, не было условий для ведения такого хозяйства.

Севернее долины Зеравшана расположена система гор Нура-Тау, являющаяся западным продолжением Тянь-Шаньских гор. К северу от Нуратинских гор находится пустыня Кызыл-Кум (где на сотни километров тянутся пески, южные окраины пустыни местами заняты такырами и солончаками). Южная часть пустыни Кызыл-Кум пересекается грядами небольших холмов (северо-западное продолжение Нуратинских гор), тянувшихся до гор Бука-Тау. Между началом Кызыл-Кумских песков и горами Нура-Тау (а также к югу от этих гор — до долины Зеравшана) располагаются полупесчаные, каменистые и подгорные лёссовые степи, используемые кочевым населением (при наличии колодцев) для выпаса скота.

В пустыне Кызыл-Кум, а также в степях, расположенных к югу от нее, воды очень мало. Немногочисленное кочевое население, живущее здесь, использовало в качестве водных источников колодцы и так называемые «хаки» — лужи, которые высыхали летом и наполнялись водой во время зимних и осенних дождей. В горах же населением использовались ключи и горные потоки. Кое-где в предгорьях Нура-Тау были прорыты подземные арыки — кяризы. Растительность была здесь также очень скудной, вследствие недостатка воды. Незначительное оседлое население жило в долине между хребтами Нуратинской системы и в узких горных ущельях

В степях Кенимехского района.

у водных источников (отдельными хуторами), а также узкой полосой вдоль северных отрогов Нуратинских гор. Кочевое же казахское население выпасало свои стада в травянистых степях, пользуясь водой колодцев (а кое-где около гор и водой родников); оно занималось, кроме скотоводства, извозом, заготовкой саксаула и другими промыслами, поддерживая торговую связь с Нуратой, а также с Бухарой. Степень зависимости кызыл-кумских кочевников-казахов от Бухарского ханства была различной в разные времена. Н. Ханыков в 1843 году писал, что некоторые из кочевых казахских племен «подходят близко к границам обработанной земли, платят подати и находятся в непосредственной зависимости от Бухары. Другие же свободны и лишь считаются подданными эмира».¹

О поселении каракалпаков в северных частях Бухарского ханства упоминал еще Н. Ханыков. Он писал: «Киргизы и каракалпаки занимают степи северной части ханства; каракалпаки ближе придерживаются к обработанным полосам оною и в особенности охотно кочуют между Джизаком и Ура-тюпя, вообще должно сказать,

¹ Н. Ханыков. «Описание Бухарского ханства», стр. 5.

Общая характеристика р-на дана по следующей литературе: Л. Соболев. «Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем». Военный сборник, 1873 г. № 5, т. 91. «Территория и население Бухары и Хорезма». Ч. I. Бухара, стр. 83—88, 246; В. Пельц. «Очерк южных Кызыл-Кумов», Самарканд, 1912 г.

¹ С. П. Мансыров, ук. соч., стр. 145.

² Полев. записи автора №№ 52 и 54 за 1960 г.

что они гораздо беднее наших киргизов, особенно те, которые ко-чуют между Кара-тагой и Кызыл-Кумом, у них айрян заменяет кумыс и верблюды заменяют лошадей».¹ Л. Соболев в работе «Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем», на-писанной в 1873 году, сообщает: «Далее от колодцев Бисчапан до колодца Рру включительно, сидят каракалпаки; они распростра-няются влево и к югу от дороги, которая соединяет названные колод-цы. При хорошей воде в колодцах население расположено здесь довольно густо».² Названные колодцы расположены к северо-запа-ду от Нуратинских гор.³ Небольшая группа каракалпаков, ока-завшись в казахском окружении, восприняла основные особенности хозяйства и культуры своих соседей.

Основой их хозяйства стало кочевое скотоводство, с преоблада-нием разведения мелкого рогатого скота, а кроме того верблюдов и лошадей. Скотоводство давало каракалпакам основные продукты питания, а также шерсть, из которой они, как и их соседи — казахи, ваяли кошмы (кииз), ткали ковры (глем), паласы (алаша и ала-ша-глем — последний с более сложным орнаментом, но тоже без ворса), хурджины, каршины и многочисленные дорожки, служащие для укрепления и украшения юрты (бау, баскур и др.), из шерсти также ткали грубую материю (шекпен), шедшую на изготовление верхней одежды, мешки (кап), веревки (аркан) и др. Шкуры живот-ных употреблялись для изготовления одежды и предметов домаш-ней обстановки (так, из овечьей шкуры шились шубы — тон, верх-ние штаны — шалбар, шапки-ушанки — кулакшин, подстилки для сидения (постек); из козьей шкуры делали бурдюки (мес) и др.).⁴

Иногда на местах зимовок каракалпаки имели небольшие бо-гарные посевы пшеницы и ячменя; у подножья хребта Кара-Тау, входящего в систему Нуратинских гор, пользовались для ороше-ния небольших посевов (более всего бахчевых культур — арбузов и дынь) водой ключей (булак) и ручьев, стекающих с гор.

Подсобной отраслью хозяйства являлась и охота — на лисиц и куниц, на рысей, зайцев и диких коз. Охотились с помощью капка-нов (какпан), борзых собак (тазы ит), ловчих птиц (беркут). Скот, продукты скотоводства и изделия своих домашних промыслов, а

также шкурки пушных зверей каракалпаки продавали на базарах в Нурате, Гиждуване и Кермине, где, в свою очередь, приобретали недостающие им сельскохозяйственные продукты и изделия ремесленни-ков.

Бедняки занимались также выжигом угля из саксаула и добычей соли в соленом озере Туз-Кане; соль и уголь также продавали на базарах.¹

Живые рассказы стариков — информаторов о хозяйстве в про-шлом подтверждаются также некоторыми высказываниями в исто-рической литературе середины и конца XIX в., касающимися этой группы каракалпаков. Л. Соболев в работе «Обзор доступов к Хи-винскому ханству и краткие сведения о нем» (1873 г.) указывает, что группа каракалпаков, проживающая по южной окраине Кызыл-Кумов, занималась скотоводством, производством угля из саксаула и добычей соли из озера Туз-Кане. «Скот, уголь и соль доставляют-ся ими на базары ближайших городов Бухарского ханства, Нур-Аты и Гиждувана».² Н. Ханыков в «Описании Бухарского ханства» (1843 г.) упоминает об охоте на пушных зверей, «которая произво-дится наиболее в северных частях ханства, Киргизами и Каракал-паками, они ловят преимущественно лис и куниц и отдают первых 5, 5½ и 6 штук за одну тиллу, куниц же по 3 и по 4 на одну тил-лу».³

Таково было основное направление хозяйства каракалпаков, живущих в степях, на южной окраине Кызыл-Кумов. Оно было тем же, что и хозяйство их соседей — казахов.

Но некоторая часть каракалпаков не осталась в степях, а про-двинувшись южнее, поселились в долине нижнего Зеравшана, глав-ным образом вдоль канала Кенимех, где они вели оседлое земле-дельческое хозяйство. Разницу в хозяйстве степных и оседлых каракалпаков подчеркивают наши информаторы, говоря, что «Степ-ные (шолдеги) каракалпаки занимались скотоводством (шаруашы-лык), а живущие у воды (су бойындагы каракалпаклар) — земле-делием (диханшылык)».⁴ Направление хозяйства этой группы каракалпаков было в конце XIX — начале XX вв. тем же, что и у каракалпаков средней Зеравшанской долины (см. выше), за исклю-чением того, что здесь мало сеяли риса, вследствие недостатка воды в низовьях Зеравшана. Вдоль арыка Кенимех каракалпаки сеяли пшеницу, ячмень, джугару, просо, лен, кунжут, бахчевые культуры, а также хлопок местного сорта (гоза), шедший, главным образом, на удовлетворение собственных нужд, но частично продававшийся и на базаре в Кермине и Гиждуване. У некоторых были сады, где выращивали виноград, яблоки, урюк. Скота в хозяйстве было не-много — столько, сколько необходимо для сельскохозяйственного хо-зяйства (держали крупный рогатый скот, баранов, коз и немного

¹ Н. Ханыков, ук. соч., стр. 74.

² Л. Соболев. «Обзор доступов к Хивинскому ханству...», стр. 139—140.

³ Как показали наши экспедиционные исследования, эта группа каракал-паков до сих пор проживает здесь — в степях на территории Кенимехского и Тамдынского р-нов Бухарской обл. и отчасти в Нуратинском р-не Самарканд-ской области — к северо-западу от гор Нура-Тау и вплоть до южных окраин песков Кызыл-Кум (см. статью автора «Некоторые сведения о бухарских кара-калпаках», «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1961 г., № 1).

⁴ Полев. записи автора №№ 49, 40, 42 и др. за 1960 г. По сообщению ин-форматоров, в скотоводстве казахов и каракалпаков были некоторые различия: казахи разводили овец казахской породы, а каракалпаки — арабской породы (каракульских); кроме того, каракалпаки меньше разводили верблюдов, чем казахи. Казахи из кобыльного молока делали кумыс, каракалпаки не делали; ис-пользуя лошадей лишь для передвижения. (Полев. записи автора №№ 42 и 43 за 1960 г.).

¹ Полев. записи автора №№ 40, 42 и 49 за 1960 г.

² Л. Соболев. «Обзор доступов к Хивинскому ханству», стр. 139—140.

³ Н. Ханыков. «Описание Бухарского ханства», стр. 160.

⁴ Полев. запись автора № 42 за 1960 г.

верблюдов; последние употреблялись для того, чтобы возить на базар полынью (жусан), собираемую на возвышенностях (кыр) в окрестностях кишлаков). Из хлопка оседлые каракалпаки ткали грубую материю — боз, ткали при помощи ормека, а также с помощью вертикального ткацкого стана — козак. Между оседлыми и кочевыми каракалпаками происходила постоянная торговля, а часто и натуральный обмен ценностями, производимыми в их хозяйстве, например, степные каракалпаки покупали у оседлых хлопчатобумажную материю боз или обменивали ее на вещи, сделанные из шерсти — на хурджины и др.; таким же образом скот обменивали на зерно и т. п.¹

Таково было направление хозяйства бухарских каракалпаков, живших в оазисе.

4. ХОЗЯЙСТВО КАРАКАЛПАКОВ, ЖИВУЩИХ ВДОЛЬ СЫР-ДАРЬИ.

Незначительные группы каракалпаков, оставшиеся жить вдоль среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи (в Перовском, Туркестанском и Кураминском (Ташкентском) уездах) после переселения оттуда основной массы каракалпаков, продолжали в конце XIX в. вести земледельческо-скотоводческое хозяйство, связанное с полукочевым, а иногда и оседлым бытом. А. И. Макшеев в 1871 г. писал, что 150 хозяйств каракалпаков жило в то время в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области и 420 хозяйств — в Ташкентском уезде.² Макшеев относит каракалпаков к кочевому населению области (вместе с казахами и киргизами), однако указывает: «Каракалпаки живут в кибитках, но занимаются преимущественно хлебопашеством»;³ и далее: «Киргизы и особенно Каракалпаки Ташкентского уезда занимаются в значительной степени хлебопашеством».⁴ Эти замечания показывают, что каракалпаки тех мест были по крайней мере полукочевниками (а отнесение их к кочевникам — следствие традиционного деления всего населения Средней Азии на кочевое и оседлое). В работе Н. Васильева «Кочевники Туркестана» упомянуты каракалпаки Кураминского уезда, как полукочевники.⁵ Н. Аристов, считавший, что каракалпаки вошли в состав курамы, обитающей за Чирчином, писал, что эта группа населения живет зимой в селениях, «летом же выезжает на пашни для земледелия и скотоводства».⁶ Конечно, эта точка зрения еще нуждается в проверке, однако в пользу ее говорит то, что среди селений курамы долины Ангрена встречается название «каракалпак».⁷

¹ Полев. записи автора №№ 40, 42, 43 за 1960 г.

² А. И. Макшеев. «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае». Записки РГО по отделению статистики, 1871 г., т. II, стр. 53.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ Н. Васильев. «Кочевники Туркестана». Самарканд, 1890 г., стр. 46.

⁶ Н. Аристов. «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», стр. 386.

⁷ А. И. Макшеев, ук. соч., стр. 45.

В начале XX в., а особенно после Октябрьской революции, происходит переход сыр-дарьинских каракалпаков от полуседлости к прочной оседлости. Из современных исследователей о каракалпаках Ташкентского оазиса писал В. В. Решетов: «В Ташкентском оазисе каракалпаки встречаются в низовьях реки Келес, а также к востоку от реки Чирчик, — одним массивом в местности Майдан-тал и отдельными селениями, сохранившими название «Каракалпак».¹ Указав на то, что живущие там каракалпаки быстро теряют свои национальные особенности и сливаются с узбеками и казахами, автор далее упоминает о земледельческом быте каракалпаков.² Члены фольклорной экспедиции Каракалпакского Комплексного научно-исследовательского института, побывавшие в 1958 г. у влиившихся к настоящему времени в состав узбекской социалистической нации остатков каракалпакского населения Туркестанского района Южно-Казахстанской области, также сообщают об оседлом быте и о сочетании в хозяйстве этой группы земледелия и скотоводства.³

5. ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ КАРАКАЛПАКОВ (УРАЛЬСКОЙ, АСТРАХАНСКОЙ).

Некоторые сведения о хозяйстве небольшой северной группы каракалпаков содержатся в работах П. Небольсина «Очерки Волжского низовья».⁴ А. Харузина «Киргизы Букеевской орды»⁵ и в ряде других работ.⁶

Хозяйство приуральской группы каракалпаков отличалось от кочевого скотоводческого хозяйства их соседей — казахов. В 70-х годах XIX в. А. П. Хорошин отмечал специфические особенности их хозяйства: «Уральские каракалпаки — полукочевники и по языку, одежде и образу жизни отличаются от живущего с ними бок-обок другого, чисто кочевого... колена казак».⁷ Каракалпаки раньше, чем окружающее казахское население, перешли к оседлости и стали заниматься земледелием. Уже в 80-х годах XIX в. полностью осели и перешли к земледелию, как основной отрасли хозяйства, каракалпаки таловской группы. В 1889 г. А. Харузин писал: «Каракалпаки отличаются от киргизов большей хозяйственностью, трудолюбием и большею дисциплиною в работе. Так, каракалпаки Талов-

¹ В. В. Решетов. «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке». Бюллетень АН УзССР, 1947 г., № 3, стр. 19.

² Там же, стр. 22.

³ А. Каримов, Х. Пахратдинов и С. Ниетуллаев, ук. соч., стр. 89.

⁴ СПб, 1852 г., стр. 117—124.

⁵ Вып. I, 1889 г., стр. 38—40.

⁶ А. П. Хорошин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 496—497. А. Бирзе. «К истории каракалпаков XVIII в.» Красный архив, 1938 г., № 6 (91); Уральский округ и его районы. Вып. VIII. Уральск, 1929 г., стр. 8, 9 и 11.

⁷ А. П. Хорошин. «Сб. статей, касающ. до Туркестанского края», стр. 496—497.

ской группы занимаются исключительно хлебопашеством».¹ Этому способствовали как земледельческие навыки, существовавшие у каракалпаков с давних времен, так и благоприятные природные условия Таловской части, способствовавшие более быстрому экономическому развитию ее. Каштановые почвы, более плодородные, чем в окружающих степях; достаточные атмосферные осадки (250—275 мм); разливы рек Большого и Малого Узеней, которые заливали значительную часть земель и делали их еще плодороднее; близость железной дороги, зерновых районов и крупных торговых центров (Александров-Гай, Ново-Узенск) — все это способствовало быстрому экономическому развитию района. «Отмеченные обстоятельства способствовали проникновению в район земледелия. Им занялись сначала каракалпаки, затем появились посевы и в казакском хозяйстве».² На обработанных участках каракалпаки сеяли рожь, пшеницу, овес и просо.³ Скотоводство же у этой группы каракалпаков стало играть в хозяйстве второстепенную роль.

Некоторые сведения о хозяйстве уральской группы каракалпаков сообщил информатор Нургалиев Рахмет, по национальности казах (из рода байулы, тире алаша, малке), ныне живущий в пос. Кунграде КК АССР, но родившийся и выросший в Западном Казахстане — в бывшей Уральской губернии, Джамбентинском уезде. Он сообщил, что немногочисленные каракалпакские семьи, жившие в их уезде, занимались земледелием — сеяли просо, рожь и дыни; изжиточные семьи имели также скот. Бедняки подрабатывали извозом: брали в наем у баев верблюдов (с телегами, а зимой с санями) и перевозили из одного города в другой товары крупных городских богачей (баю, давшему верблюдов, отдавали более 75% выручки); занимались также и другими промыслами.⁴

Таковы основные сведения об уральской группе каракалпаков. Что же касается астраханской группы каракалпаков, то по сведениям П. Небольсина, относящимся к середине XIX века, прежде, когда эта группа проживала совместно с казахами в Нарын-песках (см. выше, гл. 1, стр. 28), там они занимались кочевым скотоводством. Но ко времени переселения в Астраханскую губернию у них осталось мало скота (вследствие массовых падежей скота, а также вследствие разорения их ханами Букеевской орды); «по сим уважениям им осталось только приняться за земледелие, ...они и начали ходатайствовать об обращении их в крестьянское сословие».⁵ Оказавшись в пределах Астраханской губернии, те каракалпаки, у которых еще был скот, за плату стали кочевать на калмыцких землях около Черного Яра и на землях кундровских татар (по левому берегу нижней Волги, около Красного Яра). Другие же «жили по де-

ревням и нанимали поля под разные посевы».¹ В 1847 г. астраханскими каракалпаками было засеяно хлебом 116,5 десятин и бахчевыми культурами — 25,5 десятин.

Более поздних сведений об этой группе каракалпаков не имеется.

* * *

Подводя итоги рассмотрению хозяйства каракалпаков за исследуемый период, мы можем отметить, что там, где каракалпаки жили более или менее компактной массой (ферганские, зеравшанские, сыр-дарьинские, до известной степени уральские каракалпаки), они в течение длительного времени вели свойственное их предкам комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство, характеризующееся рядом общих черт (первоначальные посевы на каирных землях, роль проса и бахчевых в земледелии, разведение крупного рогатого скота и др.). Позже у всех этих групп каракалпаков, в результате общего экономического развития районов их расселения и под воздействием соседних народов (русских, узбеков) земледелие становится доминирующей отраслью хозяйства. Конечно, наряду со сходными чертами, в хозяйстве отдельных групп каракалпаков наблюдаются и существенные различия, вызываемые различием природных условий в местах их расселения и другими причинами. Отдельные же малочисленные группы каракалпаков утратили характерные особенности своего хозяйства и под воздействием кочевников-казахов перешли к скотоводству (кочевому или полукочевому), как основной отрасли хозяйства (степная бухарская, отчасти северная группа каракалпаков).

¹ П. Небольсин «Очерки Волжского низовья», стр. 122—124.

¹ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 40—41.

² Уральский округ и его районы, стр. 11.

³ А. Харузин, ук. соч., стр. 64.

⁴ Полев. запись. И. Косымбетова, сотрудника Института истории, языка и литературы КК ФАН УзССР, 1960 г.

⁵ П. Небольсин. «Очерки Волжского низовья», стр. 122—124.

ГЛАВА III.

КУЛЬТУРА И БЫТ.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

Селение и жилище.

Как мы видели из предыдущей главы, малые группы каракалпаков в течение долгого времени после поселения на новых местах вели полукочевой образ жизни. С этим было связано продолжительное сохранение у них жилищ временного типа — юрт, шалашей из камыша (кепе) и землянок. Этот тип жилищ издавна был свойственен каракалпакам. Нам известно из источников, что в первой половине XVIII века у каракалпаков обеих групп — как «нижней», так и «верхней», основным жилищем являлась юрта. П. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал: «Сии Верхние Каракалпаки... живут зимою в юртах, а летом кочуют».¹ Для зимовок каракалпаки выбирали обычно постоянные места — где-либо близ зарослей камыша, так как эти заросли защищали от сильных ветров; кроме того, камыш являлся основным топливом. Для защиты от военных нападений каракалпаки строили глинобитные укрепления — кала, куда собирались со своими юртами во время военной опасности.²

После переселения с нижней и средней Сыр-Дарьи, как на низовья Аму-Дарьи, так и в южные области Средней Азии — в долину реки Зеравшана и в Ферганскую долину — каракалпаки в течение долгого времени продолжали сохранять в основном жилища временного, переносного типа. Так, у хорезмских каракалпаков основным жилищем служила юрта; беднейшие семьи жили в шалашах (ылашык) и землянках (жертоле). Жилища постоянного типа — глинобитные дома (там) — получили у них некоторое распространение лишь после присоединения к России³ и только после Октябрьской революции распространились повсеместно.

¹ П. Рычков. «Топография Оренбургской губернии», 1887 г., стр. 26.

² Там же, стр. 349. О жилище «нижних» каракалпаков см. также П. Ивов «Очерк истории каракалпаков», стр. 48—49; С. Камалов, ук. соч., стр. 137.

³ В 1912 году в центре распространения хорезмских каракалпаков — районе Чимбая — приблизительно на 3 юрты приходилась одна глинобитная постройка. На севере же расселения хорезмских каракалпаков юрта являлась основным типом жилища до самой революции. См. Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 526.

Жилища временного типа являлись основными и у ферганских каракалпаков на протяжении почти всего периода власти кокандских ханов. Только к самому концу правления ханов, уже во второй половине XIX века, у ферганских каракалпаков начинают появляться первые постройки постоянного типа.

Переселившись в Ферганскую долину, некоторые каракалпаки перевозили с собой юрты. Однако не всем удалось довести юрты до Ферганской долины (переселились они разоренными, многие были насильственно переселены в качестве пленных). Большинство на новых местах вынуждено было строить шалаша из камыша — кепе. В дальнейшем новые юрты делали для себя лишь более зажиточные каракалпаки. Существование юрт у ферганских каракалпаков отмечается в исторической литературе. Так, в «Обзрении Кокандского ханства» (1849 г.) говорится: «Каракалпаки живут в войлочных юртах...».¹ У зажиточных каракалпаков юрты продолжали существовать вплоть до Октябрьской революции, о чем нам сообщали информаторы.² Судя по рассказам информаторов, устройство юрты было у них тем же, что и у хорезмских каракалпаков, и названия составных частей юрты были одинаковыми или аналогичными.³

Основным жилищем ферганских каракалпаков во времена кокандских ханов служило кепе. Часто кепе делали круглыми в плане, т. е. при строительстве кепе по возможности повторялась привычная форма юрты. Остов кепе делали из несколько согнутых жердей и покрывали цыновкой (бойра), сверху которой клали камыш. Иногда кепе обмазывали снаружи глиной, но иногда и не делали этого. «Очаг был посредине кепе. Над очагом в крыше делалось отверстие, оно покрывалось цыновкой, к которой с двух сторон привязывали веревки. При помощи одной веревки отверстие открывалось, при помощи другой — закрывалось (как в юрте). Эта цыновка называлась какмак». «Двери кепе завешивались чием».⁴

Иногда кепе бывало и прямоугольной формы; остовом его также служили жерди. Остов покрывался цыновками или просто слоями камыша и иногда обмазывался глиной.

В более позднее время кепе стало служить только в качестве летнего жилища, а потом — лишь как хозяйственная постройка.

¹ Обзорение Кокандского ханства. Зап. РГО, 1849 г., III, стр. 140.

² Полев. записи автора №№ 13 и 24 за 1953 год.

³ Информатор называл нам следующие составные части юрты: кереге (покрываемое цыновкой из камыша — чий); уык, чангарак (или чангалак), двухстворчатая дверь юрты — ерганак; туйник (у хорезмских каракалпаков — тунглик); ак-кур и кзыл-кур — тканые полосы, поддерживающие кошмы, покрывающие куполообразное перекрытие юрты; в центре юрты был расположен треножник (темир очаг), в который вставлялся котел (казан). (Полев. записи автора № 13 за 1953 г.). До настоящего времени юрты ферганских каракалпаков не сохранились. О юртах хорезмских каракалпаков см. Т. А. Жданко «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 562—563; У. Х. Шалекенов. «Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем», стр. 322—328.

⁴ Полев. записи автора №№ 31 и 45 за 1953 г.

Впрочем, беднейшие слои каракалпаков до самой революции (и в первые годы после нее) жили в кепе. Как сообщил нам Х. Т. Зарифов, бывший у ферганских каракалпаков в 20-х годах, в то время еще бытовали кепе в качестве жилых помещений.¹

Землянки (жертоле) широкого распространения здесь не получили, хотя иногда сооружались бедняками и служили в одних случаях как жилые помещения, в других — хлевами для скота.²

После переселения в Ферганскую долину каракалпаки первоначально не образовывали больших кишлаков. Им свойственен был разбросанный тип расселения, т. е. группы, состоящие из нескольких кепе, населенных обычно близкими родственниками, отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Впоследствии кепе сменились домами, но расселение отдельно стоящими усадьбами еще продолжало некоторое время бытовать. Несколько юрт, кепе или домов близко родственных семей окружались обычно глинобитными стенами с бойницами, образуя, таким образом, курганчи (крепостцы), где жители укрывались во время непрерывных войн и междоусобиц, раздиравших Кокандское ханство. Об этом нам сообщали информаторы.³ Об этом же писали в 80-х годах XIX в. Наливкины: «Там, где основную массу населения составляют кипчаки, каракалпаки, курама и недавно еще осевшие киргизы, кишлаки сравнительно редки и их место заступают отдельные курганчи, хутора, окруженные высокими, нередко зубчатыми, с бойницами, глинобитными стенами, которым в былое, смутное время не раз приходилось играть роль маленьких крепостей, отчего, собственно говоря, и получилось их название (курган — крепость; курганча — крепостца)»⁴. В другой работе В. Наливкин сообщает, что каракалпаки зимовали в курганчах со своим скотом.⁵ Пережитки разбросанного типа расселения можно кое-где наблюдать и сейчас — например, в кишлаках Кенегес и Кызыл-Тал, (входящих ныне в Тюря-Курганский р-н Ферганской области).

Во второй половине XIX в., а особенно после присоединения к России, в связи с переходом каракалпаков Ферганы к оседлости, у них, наряду с временными, появляются жилища постоянного типа.

Остановимся теперь подробнее на рассмотрении домов постоянного типа каракалпаков Ферганской долины. Первоначально дома служили лишь в качестве зимнего жилища, а летом жили в кепе. Технике строительства домов ферганские каракалпаки учились у соседних узбеков. Строительным материалом вначале служил кесак — бесформенные куски сухой глины; дома строились тогда без

деревянных стоек. Позже стали строить дома из гуаля (округлые катыши из глины, высушенные на солнце). Строительство таких домов было распространено в Ферганской долине повсеместно. В местах, где наиболее высоко стояли подпочвенные воды, в качестве строительного материала употребляли кирпичи из дерна (чим), так как такие дома лучше противостояли действию подпочвенной влаги. Первоначально дома были чрезвычайно неприглядны и неблагоустроены. «Дома были низкие, без окон. В середине дома был очаг, а над ним — отверстие для выхода дыма. Днем дом освещался через дверь и через отверстие в крыше. Вечером освещали дом при помощи светильников — кара-чирак, в которых жгли кунжутное, кандырное и хлопковое масло. В более давние времена не было и кара-чирак, освещались при помощи горящего камыша»¹, — так рассказывал один из наших информаторов о домах каракалпаков времен его детства. Интересно отметить перенесение из юрты и кепе в дом обычая устраивать очаг в середине помещения; иногда в центре дома ставили даже железный треножник — темир-очаг². Условия жизни в таких домах были лишь немногим лучше, чем в юртах и кепе.

С течением времени жилой дом ферганских каракалпаков был несколько усовершенствован и получил больше сходства как в технике постройки, так и — до известной степени — в планировке с домами коренного оседлого узбекского населения.

Дома строились обычно без фундамента, с небольшим цоколем, под который в качестве изолирующей прокладки клалась цыновка (бойра или чий).³

Преобладающими являлись каркасные постройки (сынч) с заполнением из гуаля. Если была возможность, каркас делали двойной — вдоль внутренней и наружной сторон стены; когда не хватало дерева, ставили стойки лишь с внутренней стороны стены. При недостатке дерева дома иногда строили просто из гуаля, без деревянных креплений. Стены покрывались слоем глино-саманной обмазки — обычно как снаружи, так и внутри.

Стены домов изнутри были изрезаны нишами (дагча). В западной стене устраивалась большая ниша — почти во всю высоту стены; иногда таких ниш было две. В больших нишах ставили сундуки, на которых аккуратно складывали одеяла и подушки. Вдоль остальных стен располагались ниши меньших размеров.

Окна в домах имели деревянные ставни — дарча, открывавшиеся, в отличие от дверей, наружу. Кроме того, над дверями делалось небольшое отверстие, защищенное деревянной решеткой (табага-

¹ В настоящее время кое-где можно встретить кепе, используемые в качестве хлевов для мелкого рогатого скота (например, у каракалпаков Задарьинского района Наманганской области).

² Полев. записи автора №№ 6, 7 и 24 за 1953 год.

³ Полев. записи автора №№ 53 и 59 за 1953 год, № 7 за 1954 год.

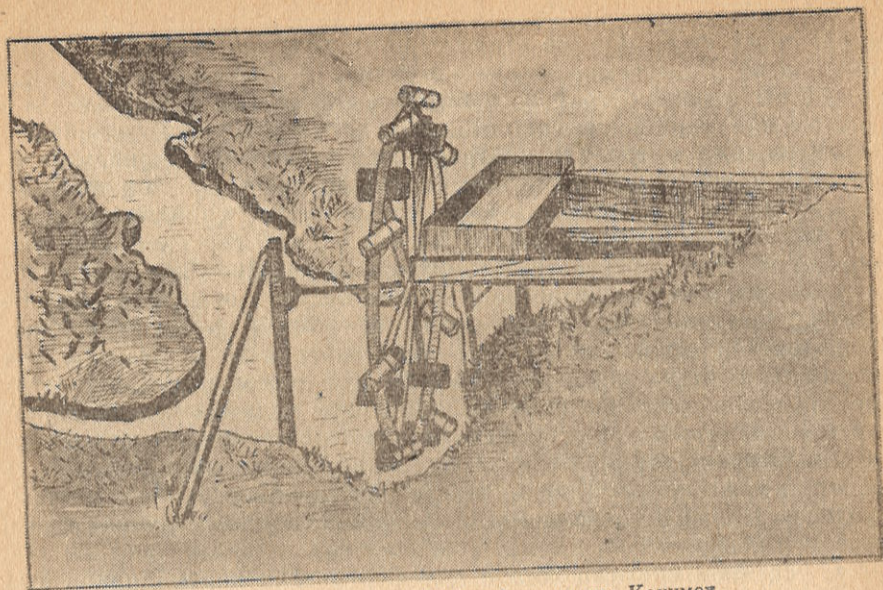
⁴ В. Наливкин и М. Наливкина. «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», стр. 7.

⁵ В. Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 35.

¹ Полев. запись автора № 41 за 1953 г.

² Полев. запись автора № 31 за 1953 г. Позже этот очаг был вытеснен традиционным для домов всей Ферганской долины камином.

³ Этот прием вообще широко известен для местностей с высоким уровнем грунтовых вод. См. А. К. Писарчик. «Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.» Среднеазиатский этнографический сборник. 1, М., 1954 г., стр. 254.

Водоподъемное сооружение (чигирь) на арыке Кенимех.

дан), которое одно при закрытых ставнях пропускало свет в комнату. Застекленные окна до революции делались лишь в домах баев и широкого распространения не получили.

Устройство крыши было следующим: на стены клались основные прогоны (хары), сверху них — балки (тусун, тусим), на балки укладывались васа — распиленные вдоль тонкие жердочки, округлой стороной вниз. Сверху на васа клали цыновки (бойра), потом слой камыша, далее слой земли и сверху все это смазывалось глиносаманной обмазкой.

Полы были глинобитными. Для отопления комнаты служил пространенный всюду в Ферганской долине камин (мори). На нем же зимой готовили пищу. Обогревались также при помощи сандала. Зимой температура в комнате мало отличалась от внешней температуры, так как у камина не было никаких заслонок, а окна не были застеклены и лишь в лучшем случае заклеивались промасленной бумагой. Таким образом, условия жизни в этих, хотя и усовершенствованных несколько по сравнению с прежними жилищами, домах все же оставались довольно тяжелыми¹.

Строительная техника была заимствована каракалпаками у узбеков (эта же строительная техника распространена у всех народов Ферганской долины) и ничем существенным от узбекской тех-

ники строительства не отличается (те же каркасные стены с многочисленными нишами, то же устройство крыши, камин, дарча и т. д.). Эта строительная техника неоднократно описывалась в литературе.¹ Однако, каракалпаки, лишь сравнительно незадолго перед этим начавшие строить дома, строили их менее умело, дома были ниже, каркасные конструкции примитивнее, иногда дома не обмазывались снаружи и т. п.

В планировке жилого участка узбеков и каракалпаков была существенная разница, вызванная различиями в их семейном укладе. Хотя на семейный быт ферганских каракалпаков узбеки оказали сильное влияние, но все же затворничество женщины у них не приняло такого характера, как у узбеков, что и сказалось на планировке жилого участка.

У узбеков жилой участок обычно делился на внешний двор (ташкари), где владелец занимался ремеслом и принимал гостей, и внутренний двор (ичкари), где была сосредоточена жизнь семьи и куда не допускались посторонние мужчины.² В узбекских домах двор всегда окружался со всех сторон глухими стенами, построенными из гуаля или пахсы, и окна жилых домов никогда не выходили на улицу.

У каракалпаков же деления на ташкари и ичкари не было. Старались, правда, для гостей устроить отдельное помещение — михман-хана, но обычно это была лишь комната в составе жилого дома; только у наиболее богатых баев строился отдельный дом. В бедных хозяйствах михман-ханы не было вовсе.³ Жилые участки каракалпаков часто вовсе не огораживались или огораживались лишь легкой загородкой из камыша или кустарника. Это наблюдалось (и теперь наблюдается) в большинстве каракалпакских кишлаков, особенно более изолированных от узбекского влияния (например, кишлак Кенегес, кишлак Кама-Баши). Глухие же заборы из гуаля или пахсы строились лишь там, где было наиболее сильно узбекское влияние, обычно в смешанных узбекско-каракалпакских кишлаках.

В наиболее бедных семьях дом состоял из одной комнаты (уй) и передней (дализ), перед которыми располагалась крытая терраса (айван). Иногда дом состоял из двух комнат (уй, михман-хана), дализа и айвана; в таком случае дализ обычно располагался между двумя комнатами. В зажиточных домах число комнат увеличивалось, и, кроме жилых, имелись следующие помещения: михман-хана, кладовая (амбар), кухня (ашхана), дализ и айван.

Ориентация дома была почти всегда южной, причем айван рас-

¹ См. В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы». В. Л. Воронина. «Узбекское народное жилище». А. К. Писарчик. «Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.»

² В семьях бедняков, особенно в кишлаках, деления на ташкари и ичкари не было, но в этих случаях перед калиткой, на некотором расстоянии от нее, ставилась небольшая стенка, которая закрывала от посторонних глаз двор. В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 74—75.

³ Полев. запись автора № 27 за 1953 г. и № 7 за 1954 г.

¹ Со строительной техникой ферганских каракалпаков в дореволюционный период мы познакомились как путем расспросов (полев. записи автора №№ 18 и 32 за 1953 г.), так и путем непосредственного наблюдения, т. к. в настоящее время сохранились дома, выстроенные еще до революции.

полагался перед фасадом. Южная ориентация с айваном перед фасадом вообще характерна для жилого дома Ферганской долины.¹ В одной из стен айвана часто устраивали камин, где летом готовили пищу. На айване обычно располагался деревянный топчан — суре (реже — глинобитная суфа), где летом проходила, в основном, жизнь семьи — здесь ели, спали, отдыхали, принимали гостей.

Хозяйственные помещения располагались большей частью с одной или двух сторон участка, вдоль забора (или вдоль края участка, если забора не было). Хлева — малхана, бастырма — представляли собой постройки из гуаля, сделанные без фундамента и не обмазанные. Где-либо близ айвана располагалась хлебная печь — тандыр.

После присоединения к России произошли изменения и в форме селения ферганских каракалпаков. Была устранена опасность постоянных войн и междоусобиц, и под влиянием узбекского населения, издавна жившего большими кишлаками, хуторский тип расселения (за высокими стенами) постепенно заменялся кишлачным. Возник и ряд смешанных по национальному признаку кишлаков, заселенных узбеками, каракалпаками, кыпчаками и другими народностями и этнографическими группами Ферганской долины. И чем теснее был контакт с узбеками, тем более концентрированными были поселения каракалпаков, четче выявлялась в их кишлаках система улиц и переулков и чаще жилые участки бывали огорожены глухими заборами из гуаля или пахсы.

Таковы изменения, происшедшие после присоединения к России, в селении и жилище каракалпаков Ферганской долины.

Перейдем теперь к рассмотрению селений и жилищ других малых групп каракалпаков.

В долине реки Зеравшан каракалпаки также в течение долгого времени жили в юртах и шалашах из камыша (кепе). А. Д. Гребенкин сообщает, что, поселившись в низменной местности, где было много озер и болот, «каракалпаки поставили свои кибитки на более возвышенных местах, разбросанных то там, то сям, оазисами и окруженных целыми лесами камыша. Естественно, что группы кибиток были одна от другой на более или менее значительных расстояниях. Эти группы дали основание теперь существующим каракалпакским деревням».² После перехода каракалпаков к земледелию, как основной отрасли хозяйства, вокруг их юрт стали появляться роши и часто вместо войлочных юрт стали делаться постройки из камыша (кепе). Ко времени присоединения к России кое-где у каракалпаков появляются и жилища постоянного типа — «сакли», как называют их русские исследователи³; впрочем таких «сакель» было тогда немного.

¹ В. Л. Воройина. «Узбекское народное жилище», стр. 64.

² А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 36.

³ Там же, стр. 97, а также А. П. Хорошхин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 145.

О жилищах каракалпаков в прошлом мы знаем также из рассказов наших информаторов. В кишлаке Жаман-Коянчи (колхоз им. Ленина, Булунгурского района, Самаркандской области) нам рассказывали: «Раньше здесь были юрты и кепе. Кепе делали из камыша (вверху камыш связывали в один пучок, в середине был столб — бахан). Потом стали жить в домах. Раньше в доме печи не было, в середине дома разжигали костер, а дым выходил через отверстие в потолке (патик). Дома делали из глины. Потом стали делать каркасные постройки (шопкер)».¹ Информатор из кишлака Беш-Бала Булунгурского района сообщил: «Раньше большинство жилищ делали из камыша; низ кепе был широкий, кверху оно сужалось; в середине стоял шест (бахан). Жили также в юртах. Мой дед жил уже в доме (жай). Раньше дома делали из глины (ылайдан) с каркасом (чопкер). Огонь разжигали в середине дома, дым выходил через отверстие в крыше».²

В предгорьях бедняки, не имеющие юрт, рыли иногда для себя в склонах обрывов искусственные пещеры (толе), где и жили в чрезвычайно тяжелых условиях; иногда в том же помещении, за легкой загородкой, содержался и скот. И теперь еще можно видеть эти мрачные пещеры, которые в настоящее время иногда используются в качестве хлева, а также для хранения топлива и корма для скота.

Во времена Бухарского ханства каракалпаки селились за стенами курганчей, укрываясь там от постоянной военной опасности. В Булунгурском районе (между кишлаками Беш-Бала и Кара-Кесак) нам показывали место, где еще несколько лет назад стояла курганча, постройку которой предания приписывают легендарной Жупар-кемпир (см. ниже гл. III, раздел 3). В стены крепости, сложенные из пахсы, жители, по преданию, вмазывали зерна проса, чтобы во время длительной осады и голода растирать в порошок куски стены и вынимать оттуда эти зерна. Перед крепостью было пастбище и родник. Кроме этой крепости, на территории расселения каракалпаков были разбросаны ряд других крепостей (Кара-курбан, Балянд-курбан, Чим-курбан и др.), где укрывалось население (по сообщению информаторов, внутри крепости помещалось около 1000 человек), а между крепостями были пастбища для скота.³ Описание селения зеравшанских каракалпаков, данное А. Д. Гребенкиным в 70-х годах XIX в., подтверждает и уточняет сведения об этом, полученные нами от информаторов: «У каракалпаков деревни состоят из совершенно изолированных хуторов (рабат), разбросанных на 10 кв. верстах, — писал Гребенкин. — В промежутках между хуторами находятся пашни. Такие рабаты по большей части имеют одинаковый внешний вид: они состоят из более или менее правильного четырехугольника, ограниченного высокими глиняными стенами, ворота одни. В рабатах живут по

¹ Полев. запись автора № 15 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 23 за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 29 за 1960 г.

Пещера в склоне горы, используемая прежде для жилья.

несколько не всегда родственных между собою семейств, в камышовых, редко войлочных юртах и еще реже в саклях. Каждый рабат представляет небольшое укрепление.¹ Таким образом, жилища временного типа (юрты, кепе) и разбросанный тип поселения, со строительством укреплений (курганча, рабат) были здесь в основном такими же, что и у каракалпаков Хорезмского оазиса² и Ферганской долины.

После присоединения в 1868 году Самаркандской области к России прекратились внутренние междоусобицы и постоянные войны и отпала необходимость в крепостях. Население перестало поддерживать стены крепостей, и они мало по малу разрушались.

В конце XIX — начале XX вв. дома постоянного типа приобретали все большее значение для самаркандских каракалпаков. Преобладали здесь каркасные постройки (шопкери жай) с заполнением из сырцового кирпича, распространенные повсеместно у оседлого населения Самаркандской области³. Как мы упоминали, первоначально они были очень неблагоустроенными — не имели

¹ А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 97.

² Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 520—521, 529.

³ См. В. Л. Воронина. «Узбекское народное жилище», ж. «Советская этнография», 1949 г., № 2, стр. 75.

печей, окон (вместо окон служили небольшие отверстия сверху — панджара); огонь разжигали посреди комнаты, дым выходил в отверстие в крыше. Постепенно дома были несколько благоустроены, но лишь после Октябрьской революции они приобрели свой современный вид (деревянные полы, печи, застекленные окна и др.). Для домов самаркандских каракалпаков характерны следующие основные черты (наблюдаемые в старых домах и теперь): крыши домов односкатные или плоско-двухскатные. Ориентация домов обычно южная (но не всегда). Жилые комнаты в большинстве случаев вытянуты в одну линию (часть планировка с коридором между двумя жилыми комнатами). Перед фасадом часто делали айван.

Наряду с домами в течение всего рассматриваемого периода большую роль в жизни каракалпаков продолжали играть юрты, употребляемые в качестве летнего жилища. В качестве таковых юрты бытовали у них вплоть до середины 30-х годов нашего столетия.¹ По сообщению наших информаторов разницы между юртами зеравшанских каракалпаков и узбеков не было, тогда как от казахских юрты их отличались своими меньшими размерами.²

В рассматриваемый период, после того, как отпала необходимость в укреплениях, основной формой поселения самаркандских каракалпаков стал кишлак. Размер каракалпакских кишлаков в средней части долины Зеравшана невелик, наиболее часто встречались селения, состоящие из 15—30 дворов, как это можно видеть из различных обследований, проводившихся в Самаркандской области в конце XIX века.³ Небольшой размер поселений сохранился и до настоящего времени у этой группы населения, как показывают результаты этнографического обследования 1960 г. Все кишлаки, в которых нам удалось побывать, невелики (обычно домов 20—25). Застройка свободная, в старых кишлаках редко соблюдается уличная планировка.

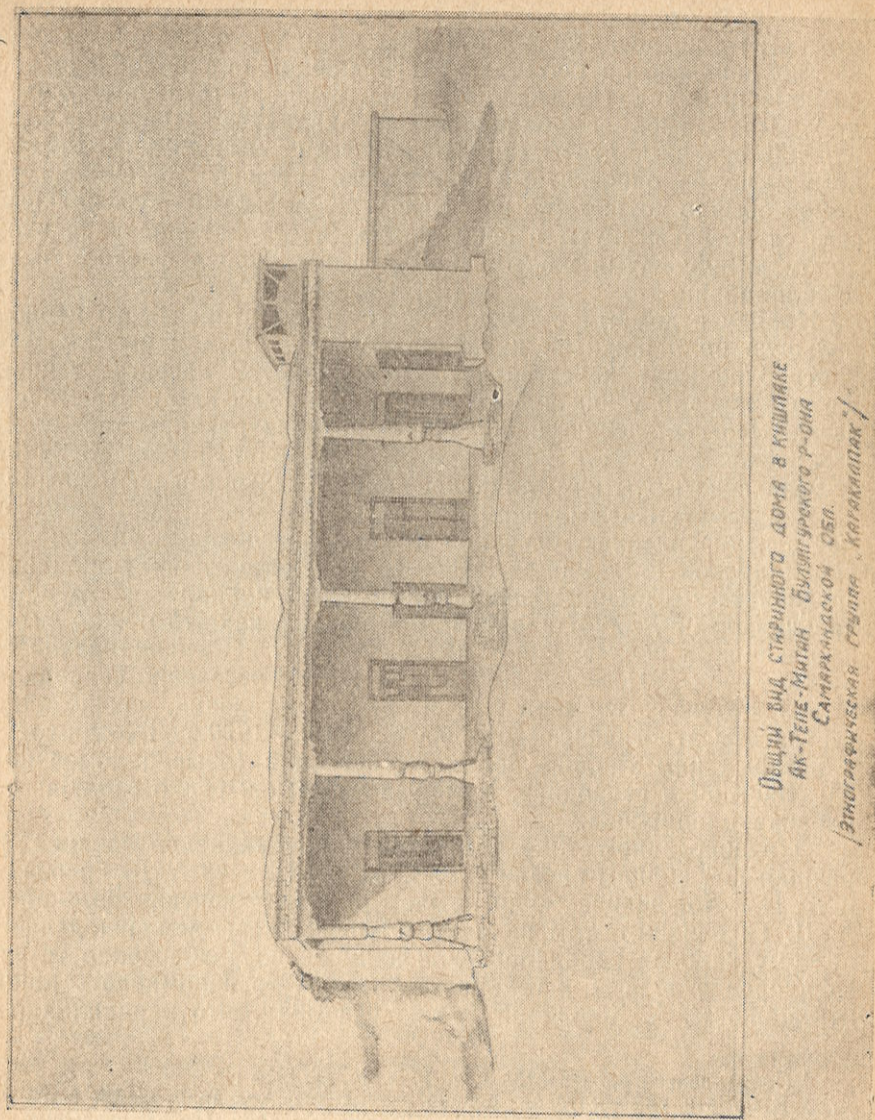
О разбросанном типе поселения у каракалпаков средней Зеравшанской долины писали в 70-х годах XIX века А. Д. Гребенкин и А. П. Хорошхин. «Где были кибитки кочевников,— писал А. Д. Гребенкин,— там находятся теперь дворы землевладельцев, поэтому каждый каракалпакский кишлак, по разбросанности своих дворов отдельными группами, более всего напоминает стоянку кочевников»⁴. А. Хорошхин также указывал, что каракалпаки —

¹ Полев. записи автора №№ 1, 2, 14 и др. за 1960 г.

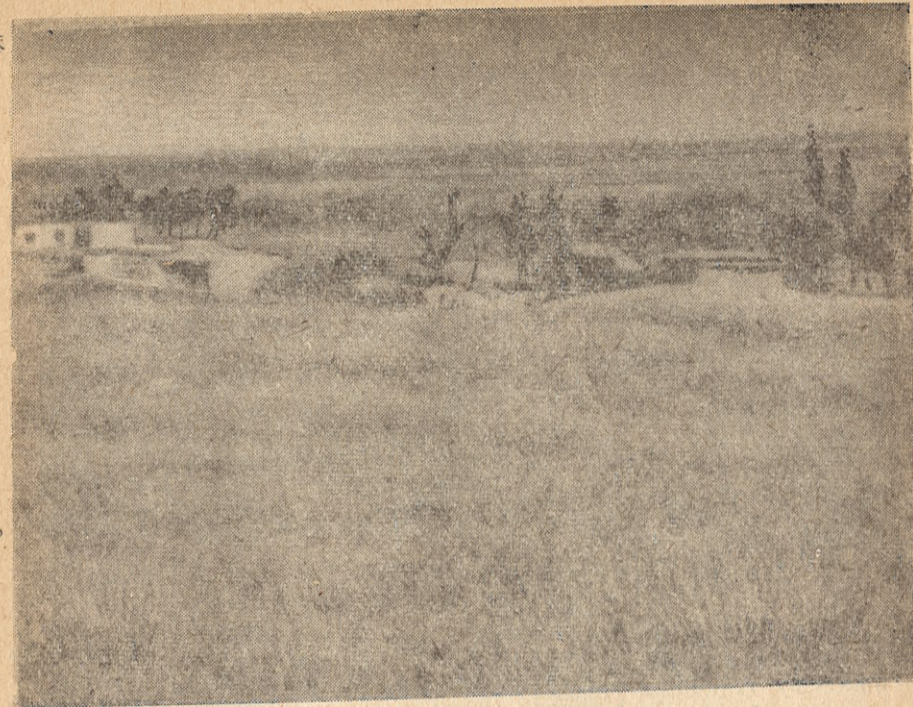
² В памяти информаторов хорошо сохранились названия частей юрты, такие как кереге, чангарак, эрганек-ешик, желпекей-ешик (дверь, сделанная из чия), узик, тунглик, ак-бау, белдеу (веревка, опоясывающая юрту), башкур, манглайча и др. (Полев. записи автора №№ 1, 4, 8, и др. за 1960 г.).

³ А. П. Хорошхин. «Статистические сведения о Сугуте». См. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 154—155. Л. Н. Соболев. «Список населенных мест Зеравшанского округа». Приложение к работе «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе», 1874 г. Кроме таких размеров кишлака встречаются и значительно большие и меньшие (от 7 до 84 дворов).

⁴ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 97.

Общий вид старинного дома в кишлаке
Ак-Тепе-Митан Булунгурского р-она
Самаркандской обл.
(этнографическая группа «Каракалпак»)

Общий вид селения Ак-Тепе-Митан Булунгурского района Самаркандской области.

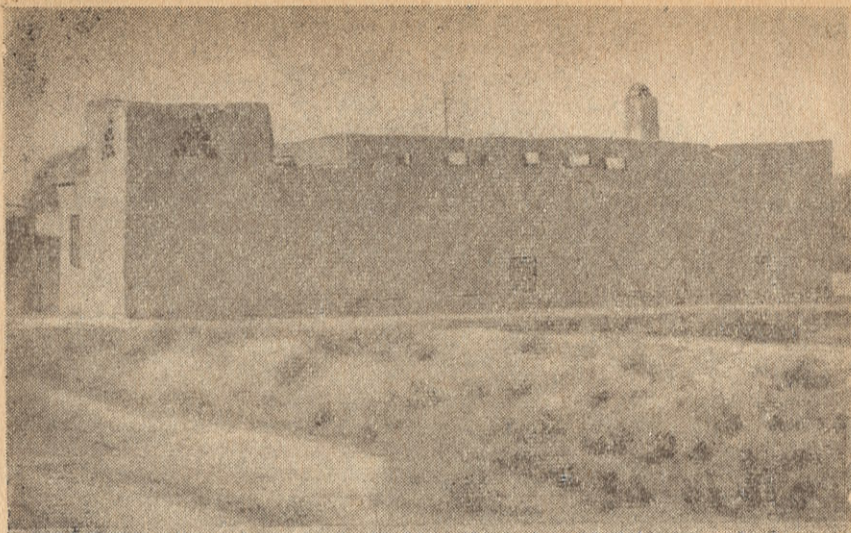
«не охотники селиться густо, подобно другим узбекам и таджикам и живут «по большей части особняком; зимою — в саклях, разбросанных иногда на большие одна от другой расстояния, летом — в юртах».¹ Однако при этом следует заметить, что разбросанный тип поселения отдельно стоящими хуторами или небольшими группами в долине Зеравшана (и на некоторых других территориях, например, в Хорезмском оазисе) свойственен был не только каракалпакам, а также ряду узбекских племен, перешедших к оседлой жизни примерно тогда же, когда и каракалпаки.²

О селении и жилище бухарских каракалпаков никаких сведений в исторической литературе нет (если не считать упоминания в работе А. П. Хорошхина «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», что в степях, в районе колодца Байман-Тапты они встретили юрты каракалпаков).³ Некоторые сведения по этому вопросу мы получили во время полевых историко-этнографических исследований.

¹ А. П. Хорошхин, ук. соч., стр. 145.

² А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 97. «Материалы Всероссийских переписей населения 1920 г.», стр. 10; «Территория и население Бухары и Хорезма». Ч. 1. Бухара, стр. 253.

³ А. П. Хорошхин, ук. соч., стр. 405.

Дом старого типа в кишлаке Шор-Тебе Кенимехского района Бухарской области.

Между жилищем каракалпаков, проживавших в оазисе, по нижнему течению Зеравшана (вдоль арыка Кенимех) и каракалпаками, живущими в степях (шол), была коренная разница. Поселившись вдоль арыка Кенимех, каракалпаки стали строить дома постоянного типа — из глины и сырцового кирпича, иногда с каркасом (шопкери жай), юрт у этой группы каракалпаков было очень мало. Информаторы так рассказывали нам об этом:

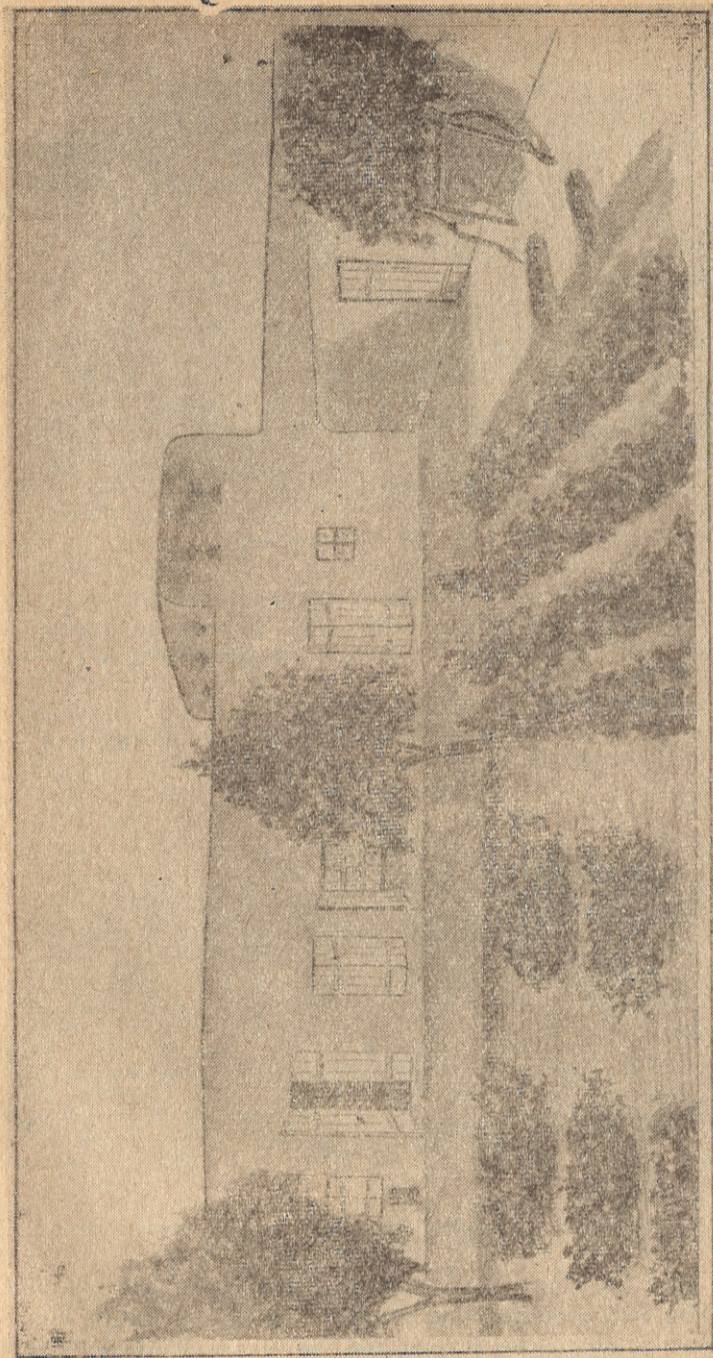
«Здесь было мало юрт, а в степях — много. Здешние каракалпаки после переселения стали строить дома и поселились в них. Дома строили из глины, кирпича, в сырых местах с каркасами (шопкер)».¹

«Каракалпаки, живущие у вод и занимающиеся земледелием, после переселения сюда построили дома и стали жить в них. Сначала делали временные укрытия (баспана). Позже стали строить дома из глины (ылайдан), меньше современных. В некоторых местах дома делали с каркасом (шопкери жай), но окон (терезе) не было. ...У каракалпаков, живших около вод, юрт не было, жили в домах».²

Позже многие каракалпаки заимствовали от соседних узбеков обычай окружать свои дома глинобитными стенами. Такие стоящие отдельно друг от друга усадьбы, окруженные глинобитными стенами (хаули), и теперь часто встречаются в каракалпакских кишлаках, расположенных вдоль Кенимеха (но не повсеместно, есть дома и не огороженные). В хаули жилые и хозяйственные

¹ Полев. запись автора № 43 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 42 за 1960 г.

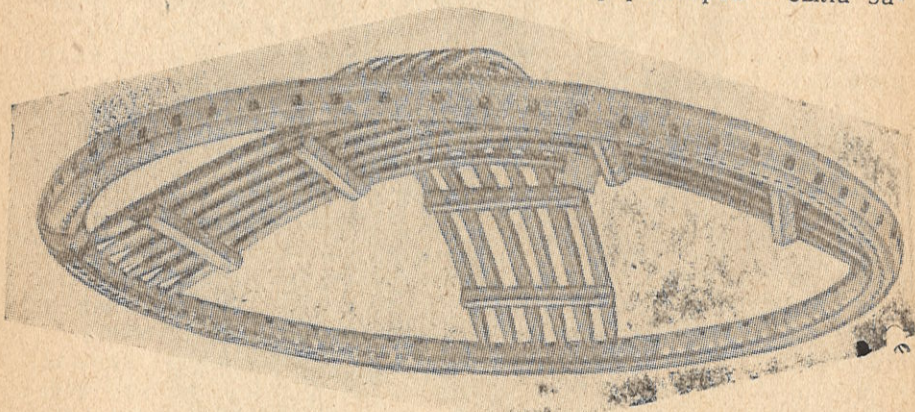
Каракалпакский дом в кишлаке Шор-Тебе Кенимехского района Бухарской области.

Юрта бухарских степных каракалпаков.

постройки расположены по периметру стен, образуя в середине внутренний двор. Айваны встречаются лишь изредка. Ориентация домов чаще южная. Система отопления та же, что и в средней Зеравшанской долине (мори).

Если у каракалпаков, живших вдоль Кенимеха, безусловно преобладающими были жилища стационарного типа, техника постройки которых — по рассказу самих информаторов — была за-

Верхний круг юрты (шангарак) у бухарских степных каракалпаков.

имствована ими от узбеков, то в степях единственным жилищем на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до Октябрьской революции, была кочевническая юрта. Бухарские степ-

ные каракалпаки жили в юртах казахского типа, в отличие от каракалпаков Хорезмского оазиса, юрта которых имела свои характерные особенности в устройстве деревянных частей и в убранстве¹ (остов юрты бухарских каракалпаков, устройство верхнего круга — шангарак — было тем же, что и у их соседей — казахов; крылись юрты, разумеется, только войлоком, т. к. здесь, в степях, не было камыша, используемого для изготовления цыновок (ший), которыми крыли свои юрты хорезмские каракалпаки; существовал ряд отличий от юрт хорезмских каракалпаков и во внутреннем убранстве — например, не было жамбау; куполообразная часть юрты изнутри была украшена орнаментированной — путем аппликации — полосой войлока — так называемый туырлык-кас и т. д.)².

Бедняки, не имевшие юрт, жили в землянках (жертале); а также в шалахах, построенных из 3—4 кереге, без шангарак (ылашык).³ Для хозяйственных надобностей (хлев, кладовая, кухня) иногда делали постройки из стволов саксаула (шайле).

Селились небольшими аулами — по несколько близко родственных семей — около колодцев (кудук).

Относительно селений и жилищ других малых групп каракалпаков сведения в литературе чрезвычайно скудны, полевых же этнографических исследований там не проводилось. Однако и из отдельных отрывочных упоминаний в литературных источниках видно, что на протяжении почти всего XIX века юрта являлась основным жилищем и у других малых групп каракалпаков. А. И. Макшеев в 1871 г. писал, что каракалпаки Казалинского, Перовского и Ташкентского уездов «живут в кибитках».⁴ Из работы А. Харузина «Киргизы Букеевской орды» (1889 г.) известно, что в то время юрта являлась основным жилищем также уральской группы каракалпаков, причем здесь каракалпаки сохранили свою традиционную форму юрты, отличающуюся от казахской: «...существует у каракалпаков отличие и в форме кибиток, — писал А. Харузин, — они построены по калмыцкому типу (в большинстве случаев). Разница типов кибиток (киргизских и калмыцких или в данном случае каракалпакских) заключается в том, что у кирги-

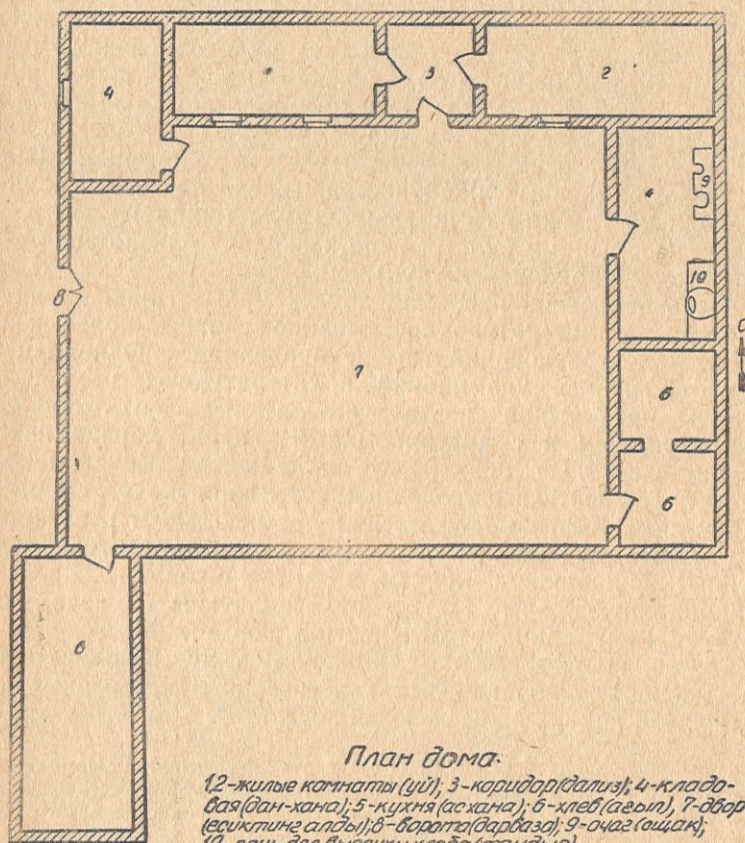
¹ См. У. Х. Шалекенов «Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем». Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III, стр. 324—325. Т. А. Жданко «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 562—564.

² Составные части юрты, по сообщению наших информаторов (в их же произношении) были следующие: шангарак, уык, кереге, канат, есик, мангдайша, табалдырык (порог) таяныш (косяк), мангдай уык (уык над дверью), туырлык (кошмы, покрывающие куполообразную часть юрты изнутри), туырлык кас (орнаментированная часть туырлыка), тунглик, бау, узик (кошмы, покрывающие куполообразную часть юрты извне), дизбе (узкая тканая полоса, связывающая канаты), уык бау (веревка, при помощи которой уык привязывается к кереге), баскур, белдеу аркан (веревка, которая скрепляет все кошмы, внутри и снаружи), аяк бау (кисти), киз есик (войлочная дверь) и др. (Полев. запись автора № 45 за 1960 г.). О внутреннем убранстве юрты см. ниже.

³ Полев. записи автора №№ 42 и 52 за 1960 г.

⁴ А. И. Макшеев. «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», стр. 41.

М 1:100

План дома:

1-2-жилые комнаты (уй); 3-коридор (дализ); 4-кладовая (дан-хана); 5-кухня (асхана); 6-хлеб (агыл); 7-дверь (есиктинге алды); 8-дверь (бардаза); 9-очаг (ошак); 10-печь для выпечки хлеба (тандыр)

зов верхний круг кибитки (чангарак) большой и поддерживающие его палки согнуты — этим обуславливается куполообразная форма киргизских кибиток, у калмыков и каракалпаков верхний круг мал и поддерживающие его палки прямы — чем обуславливается конусообразная форма кибиток».¹ Эта форма юрты вообще была характерна для каракалпаков; такие юрты бытовали и у каракалпаков Хорезмского оазиса, о чем неоднократно писали исследователи.² Сохранение традиционной формы юрты такой немногочисленной группой каракалпаков, как уральская, удаленной от основной территории расселения каракалпаков и окруженной со всех сторон казахами, свидетельствует о том, что этнические традиции в ряде случаев бывают очень устойчивыми.

В конце XIX — начале XX вв. жилища постоянного типа появляются у каракалпаков почти повсеместно. Появляются они и у каракалпаков, живущих в районе Туркестана³ и в Ташкентском оазисе.⁴ Каракалпаки уральской группы, оседая, тоже начинали строить дома постоянного типа. Строительную технику они заимствовали у русских и татар, живущих неподалеку. Уральские каракалпаки оседали раньше казахов и раньше последних восприняли оседлый тип жилища, а также более компактный тип селения. А. Харузин в 1889 г. писал: «Каракалпаки Таловской группы... живут более тесно сгруппированными, чем киргизы; в их зимовьях нет той раскинутости, как это видно у киргизов: напротив, при постройках домов замечается даже желание соблести известную правильность и образовать улицы.»⁵

Таковы сведения, которыми располагаем мы в настоящее время относительно селения и жилища малых групп каракалпаков, разбросанных на разных территориях за пределами Хорезмского оазиса.

Подводя итоги изучению этого вопроса, мы можем сказать, что каракалпаки, не имевшие до середины XIX века домов оседлого типа, при переходе к оседлости заимствуют строительную технику соседних народов (узбеков разных локальных групп, русских), в связи с чем в технике строительства домов постоянного типа у разных групп каракалпаков сходства не обнаруживается. Так, например, у ферганских каракалпаков распространились каркасные постройки с заполнением из гуаля, с чертами, характерными вообще для жилого дома Ферганской долины; для самаркандских каракалпаков характерны каркасные постройки с заполнением из сырцового кирпича, с рядом особенностей, свойственных домам сельских жителей средней Зеравшанской долины

¹ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды». Вып. 1, 1889 г., стр. 40.

² См. У. Х. Шалекенов. «Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем»; Труды Хорезмской экспедиции, т. III, стр. 324—325.

³ Каримов, Пахратдинов, Ниетуллаев, ук. соч., стр. 89.

⁴ А. И. Макшеев. «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», стр. 45.

⁵ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 41.

(например, характерная система старинного отопления — мори, иная, чем в Ферганской долине); хорезмские же каракалпаки строили глинобитные постройки (техника пахсы, которая была распространена повсюду в сельских местностях Хорезмского оазиса). Но, как мы видели на примере ферганских каракалпаков, их дома не являются точной копией узбекских домов, а — при сходстве в главном — имеют некоторые характерные особенности. Наряду с домами постоянного типа, большую роль в дореволюционный период у основных групп каракалпаков играли и постройки временного типа (юрты, кепе), причем некоторые из этих групп сохранили основные особенности устройства каракалпакской юрты (уральские каракалпаки), другие же эти особенности утратили, подвергшись влиянию со стороны своих соседей — казахов (бухарская степная группа). При этом только у одной группы каракалпаков — бухарской степной — юрта является единственным жилищем вплоть до Октябрьской революции (что связано с окружающими их природными условиями, типом хозяйства и образом жизни).

* * *

Во внутреннем убранстве жилищ каракалпаков хорезмской, ферганской и самаркандской групп наблюдалось значительно больше сходства, нежели в технике строительства домов в указанный период. В этом отношении национальные традиции оказались устойчивее, медленнее подвергались влиянию соседних народов и в меньшей степени зависели от некоторой разницы природных условий в местах расселения этих групп. Ферганские каракалпаки, как и хорезмские, полы застилали цыновками (бойра), кошмами (кигиз), коврами (глем) и паласами (алача). Сундуки, стоящие в нишах, украшали резьбой по дереву;¹ на сундуки клали, кроме подушек и одеял, также каршин (мешки для одежды, боковая часть которых, обращенная внутрь жилища, была ковровой) и бокжама (паласная ткань, в которую завертывали постельные принадлежности, перед тем, как положить их на сундук)². Каршин и бокжама до настоящего времени широко распространены у каракалпаков Хорезмского оазиса.

В убранстве жилищ самаркандских каракалпаков также большую роль играли паласы (алача), ковры (глем). В нишах, а иногда просто у стен домов ставили сундуки (агач-сандык, арча), причем старинные деревянные сундуки и здесь украшались резьбой. Такие сундуки до сих пор встречаются в кишлаках Жалгыз-Агач, Кара-Конграт, Жан-Кораз и др., (ныне входящих в состав колхоза им. Ленина, Булунгурского района, Самаркандской обла-

¹ Кое-где такие сундуки встречаются еще и теперь, но значительно реже, чем у хорезмских каракалпаков.

² Полев. запись автора № 17 за 1954 г.

сти). На сундуки складывались каршины, бокжама,¹ одеяла и подушки. Ковры и небольшие коврики, паласы, кошмы, а также дорожки для скрепления юрт самаркандских каракалпаков неоднократно упоминаются в исторической и искусствоведческой литературе.²

Близка у этих групп каракалпаков также домашняя утварь, в частности посуда. Так, у ферганских каракалпаков посуда несколько отличалась от узбекской. У них преобладала деревянная, плетеная и выделанная из тыквы посуда. Бытовали, например, следующие предметы: столик для раскатывания теста (доска на подставке) — тахта; скалка — ухлав; маленькая скалка для раскатывания лепешек — джува; деревянная миска — ягач тавак (табак); большое деревянное блюдо — тагара; деревянная ложка — кашык; деревянный черпак — чомич; маслбояка — куви и пестик — пишкак; ступа — кели и пест — келисап; сито — элак, галвыр (галбыр); корзина для лепешек (нан-сават), для ложек (кашык-сават), для фруктов (мива-сават); плетеный черпак для лапши — шолпы; черпак из тыквы; кожаный сосуд для хранения муки, круп и молочных продуктов — санаш. Большую роль посуды этой группы отмечали наши информаторы.³ У ферганских узбеков посуда этого типа хотя и была распространена, но играла значительно меньшую роль. Наливкины в «Очерке быта женщины оседлого населения Ферганы» указывали, что у оседлого населения «большая часть домашней посуды глиняная, меньшая — медная, чугунная и деревянная», и далее: «Деревянные чашки и блюда (ореховые или таловые) у оседлого населения мало употребительны».⁴ (Каракалпаков Наливкины относили к полукочевникам, а под оседлым населением подразумевали таджиков и узбеков (без родовых делений).

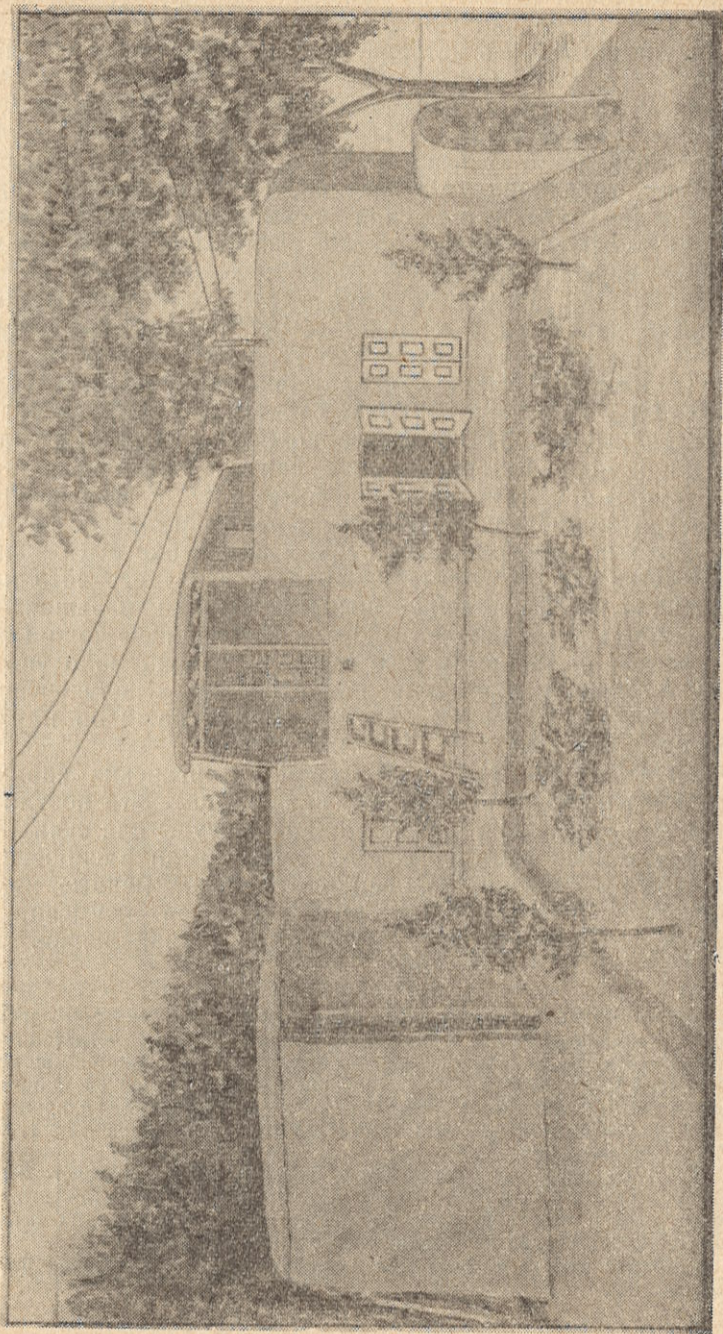
Однако некоторое распространение у ферганских каракалпаков имела и глиняная и металлическая посуда. Эта посуда была такая же, как у соседних узбеков: пиалы, сосуды для супа — каса, блюда — тавак. Из металлической посуды были распространены чугунные котлы — казан, половники — кабгир, медные кувшины для умывания — афтава, для кипячения чая — кумган, мысчайник и др. Но эта посуда в хозяйстве каракалпаков имела

¹ Паласы, ковры и хурджины (переметные сумы) и до сих пор повсеместно встречаются у самаркандских узбек-каракалпаков; бокжама встречали мы изредка (причем иногда в качестве бокжама теперь употребляется не паласная ткань, а просто материя, один угол которой украшен вышивкой и бахромой); каршины же нам не встречались, но на то, что они были здесь в прошлом, неоднократно указывали нам информаторы. (Полев. запись автора №№ 1, 14 и др. за 1960 г.).

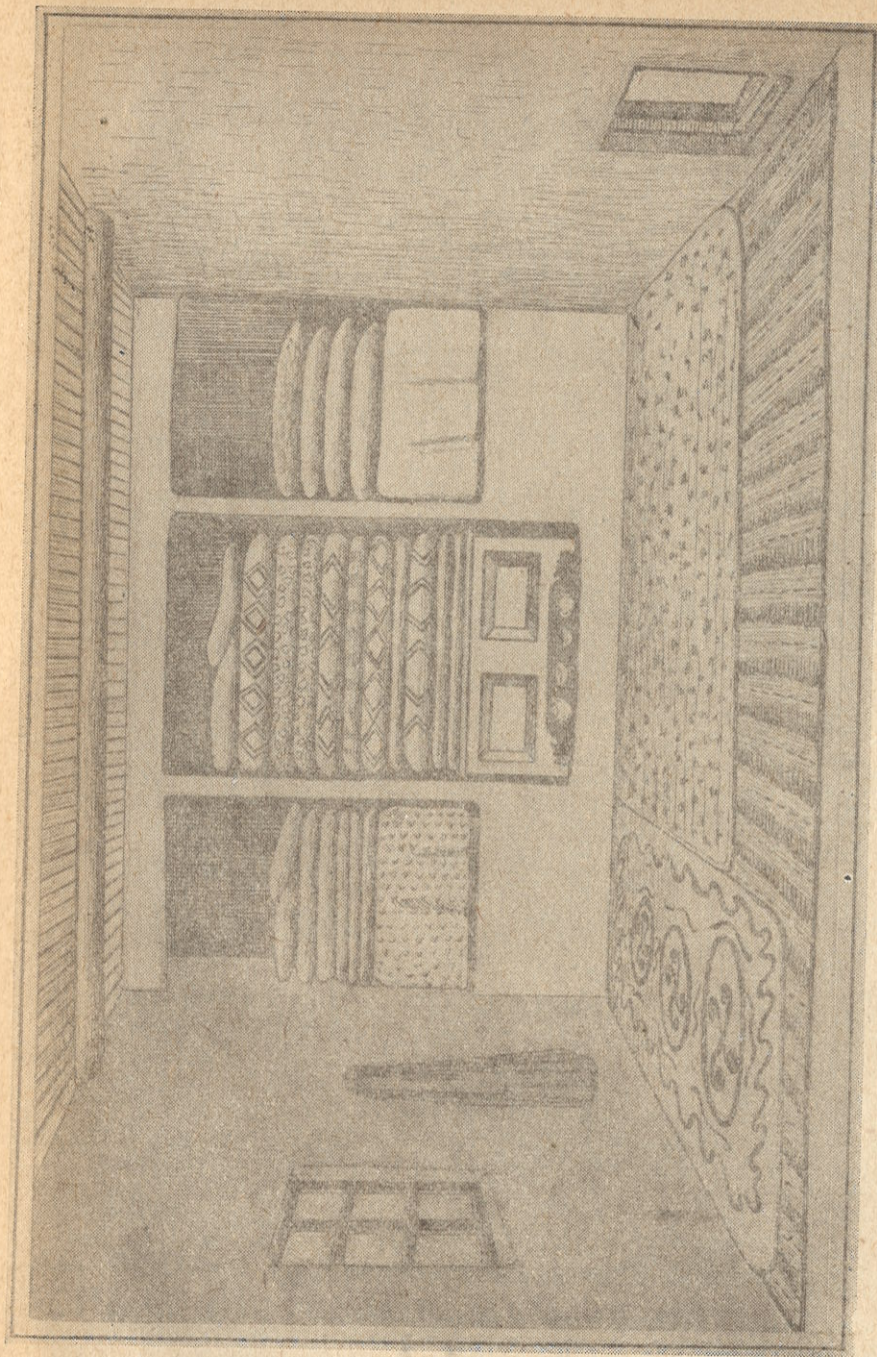
² А. Д. Гребенкин, ук. соч., стр. 98; А. Семенов. «Ковры русского Туркестана», стр. 150; Дудин. «Ковровые изделия Самаркандской области», стр. 81.

³ Полев. запись автора № 13 за 1954 г. Многие из перечисленных выше предметов бытуют у ферганских каракалпаков и в настоящее время.

⁴ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 85, 86.

Каракалпакский дом в кишлаке Беш-Рабат Кенимехского р-на Бухарской области.

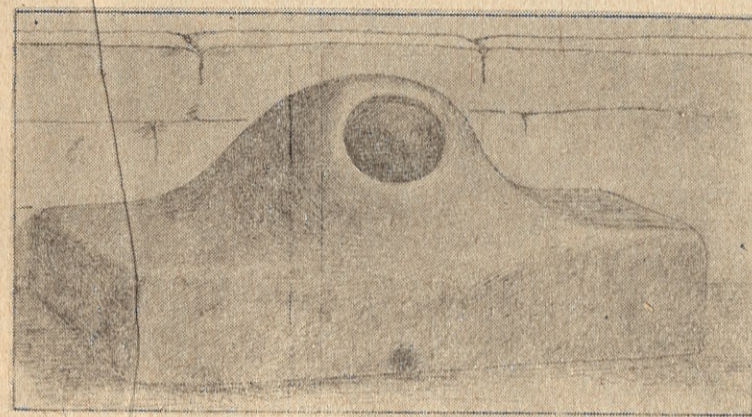
Внутреннее убранство дома бухарских каракалпачков. К. Шор-Тебе Кенимехского р-на Бухарской области

Старинная утварь этнографической группы «каракалпак». Булунгурский р-н Самаркандской области. 1, 3 — табак (деревянные миски), 2 — катта кашик (большая деревянная ложка), 4 — кубэ и пишкэк (маслобойка и пестик), 5 — кели, келисап (ступа, пест), 6 — гуза (глиняный сосуд), 7 — чолпы (черпак), 8 — кабэ (сосуд из тыквы), 9, 10 — чайдош (чугунные сосуды для кипячения воды).

меньшее распространение, чем посуда первого типа. По распространению в хозяйстве деревянной, тыквенной и кожаной посуды в прошлом ферганские каракалпаки имели большое сходство с хорезмскими. То же самое можно сказать и о самаркандских каракалпаках.¹ Многие формы посуды были одинаковыми (или очень близкими) у этих трех групп.²

Хлебная же печь (тандыр), играющая большую роль в жизни всех народов Средней Азии, имела у каждой из этих групп каракалпаков свои характерные особенности. Она не отличалась от тандыров соседних народов, проживающих в Хорезмском оазисе, Ферганской долине и долине Зеравшана: у хорезмских каракалпаков тандыр стоит широкой частью на земле, а горловиной вверх, у ферганских каракалпаков тандыр укреплен на специальном помосте, горловиной вбок, а в долине Зеравшана распространена промежуточная форма тандыра — отверстие располагается наклонно.

Тандыр в каракалпакском доме в кишлаке Шор-Тебе Кенимехского р-н Бухарской области.

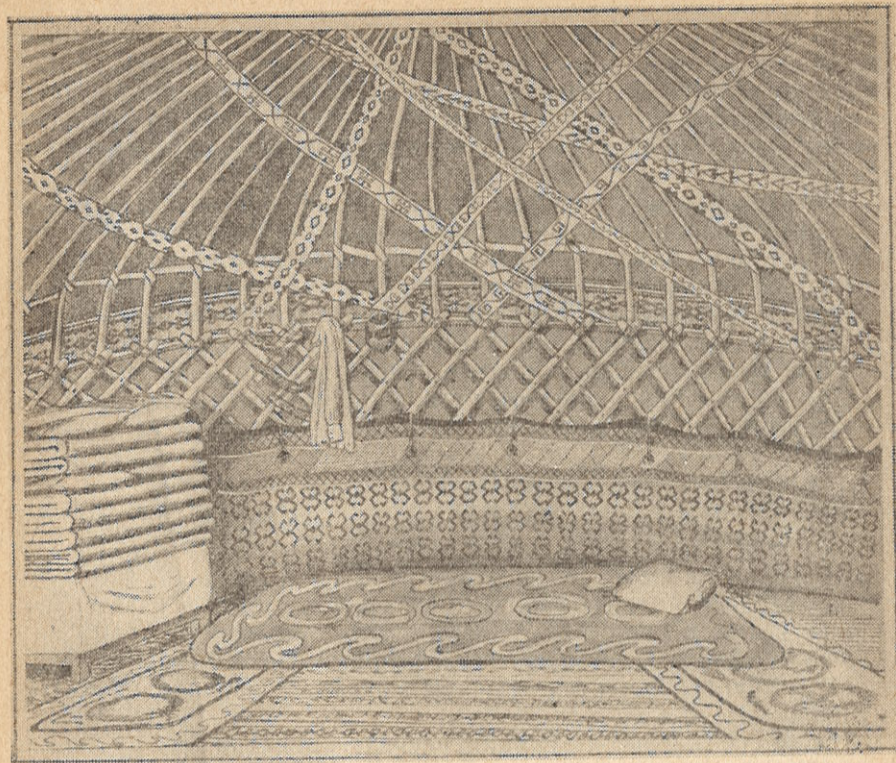
Остановимся теперь вкратце на убранстве жилищ бухарских степных каракалпаков. Юрты степных каракалпаков украшались изнутри разнообразными ткаными дорожками (бау), перекрещи-

¹ Из старинной посуды нам пришлось наблюдать у самаркандских узбек-каракалпаков такую, как кели, келисап (ступа и пест), кубэ и пишкэк (маслобойка и пестик), деревянные ложки (кашкы), блюда (табак), чолпы (плетеный черпак), кабэ (сосуд из тыквы), чугунный котел (казан), чайдош (чугунный сосуд для кипячения чая), гуза (гончарный сосуд) и др. Однако сопоставления утвари самаркандских каракалпаков с утварью соседних этнических (в прошлом племенных) групп и выявление особенностей, характерных именно для этнографической группы «каракалпак» здесь еще не проводилось. Это предстоит в будущем.

² У хорезмских каракалпаков до настоящего времени широко распространена следующая посуда: деревянные ложки (касык), деревянные миски (агаш табак), сито (елгезер), маслобойки (губи), ступы (кели), тыквенные сосуды для масла и воды (кабак), черпаки из тыквы для воды и кожаные сосуды (тулып, чанап).

В юрте бухарских степных каракалпаков.

Внутреннее убранство юрты бухарских степных каракалпаков.

вающимися над тѳром, кистями (аяк-бау); широкая тканая орнаментированная полоса (баскур) опоясывала кереге юрты; по куполообразной части юрты проходила полоса орнаментированного аппликацией войлока — туырлыккас (как мы указывали выше, этот элемент убранства отсутствует в юртах каракалпаков Хорезмского оазиса.) Пол юрты застилался кошками (тускииз, текимет), паласами (алаша, алаша-глем); кое-где встречались и ворсовые ковры (глем). На кошки или паласы клались подстилки (корпеше). На сундуки складывались каршин или бокжама, одеяла (корпе), подушки (дастык, копшик). На кереге юрты справа (на женской половине) вешалась сумка для мелких хозяйственных предметов (керги), передняя сторона которой была ковровой или вытканной паласной техникой. Предметы хозяйственного обихода и посуда — астахтай (доска, на которой раскатывалась мука),

октау (скалка), ун елек (сито) и др. — были обычными для кочевых и полукочевых в прошлом народов.¹ Соседние казахи, конечно, оказали известное влияние на внутреннее убранство юрты бухарских степных каракалпаков, но в какой мере проявлялось это влияние, пока сказать трудно, в силу неизученности этого вопроса.

Что касается других малых групп каракалпаков, то полевых этнографических исследований среди них не проводилось, а высказывания в исторической литературе ограничиваются лишь замечанием А. Харузина о татарском влиянии на убранство жилищ уральской группы каракалпаков. «Каракалпаки, — писал этот исследователь, — ...украшают кибитки развешанными шитыми полотенцами. В этом можно усмотреть известное влияние татар: действительно каракалпаки тяготеют к татарам быть может даже в большей степени, чем киргизы».²

Одежда.

Малые группы каракалпаков, разбросанные среди других народов, к концу XIX — началу XX вв. восприняли, в основном, одежду окружающих их народов (ферганские и самаркандские каракалпаки — узбекский тип одежды, бухарские степные — казахский). Однако в этот период у малых групп каракалпаков еще бытовали отдельные элементы национальной одежды, существовавшей у них ранее; о других элементах старинной одежды каракалпаки сохраняли воспоминания.

Так, у ферганских и самаркандских каракалпаков из национальной каракалпакской одежды довольно долго бытовал головной убор замужней женщины — кимачак (у хорезмских каракалпаков называемый кимешек). Как известно, у хорезмских каракалпаков кимешек имел чрезвычайно красочный вид. «Кимешек — сложный головной убор, передняя часть которого представляет треугольник из красного сукна с отверстием для лица, а задняя — «куйрукша» (хвост) — накидку из бухарского шелка («падшои»), отороченную сукном с вышивкой и бахромой. Вышивка на передней части кимешека располагается по определенному стандарту, орнамент ее своеобразен... Кимешек — ритуальная одежда, вышивалась женщиной после свадьбы, в доме отца, а надевалась впервые при вступлении в аул мужа, знаменуя переломный момент в ее жизни».³

У ферганских каракалпаков в настоящее время кимешеки совершенно не сохранились,⁴ однако пожилые женщины помнят,

что в дни их детства женщины носили кимешеки: молодые — красные, а старухи — белые; у тех и у других кимешеки были с вышивками. Позже кимешеки оставались лишь частью одежды старух и делались из белого боза, без вышивки. Форма кимешек, судя по описаниям старух, была той же, что и у хорезмских каракалпаков.¹

Пожилые женщины из самаркандских узбек-каракалпаков также вспоминают, что во времена их молодости каракалпачки носили кимешеки с вышивками (причем кимешеки молодых были из красной материи, как и у хорезмских каракалпачек);² вспоминают также о том, что в старину вороты и нарукавники платьев каракалпачек были вышитыми³ (у хорезмских каракалпаков такие нарукавники назывались жентге);⁴ сохранились воспоминания и о том, что примерно 100 лет назад богатые невесты носили головной убор под названием саухилин⁵ (саукеле хорезмских каракалпаков).

Информаторы из кенимехских (бухарских степных) каракалпаков также рассказывали нам о саукеле. Так, информатор Омаров Казакбай (50 л., каракалпак, корпе-ктай) из селения Жанга Казган, ныне входящего в совхоз «Коммунизм», Кенимехского района, Бухарской области) рассказывал: «В старину у богатых каракалпакских девушек был головной убор саукеле, сделанный из золота и серебра; он имел длинный конец, разделенный на две части. Эти саукеле носили дочери самых богатых баев на берегах Сыр-Дарьи — так мы слышали. Делали саукеле каракалпакские ювелиры. Когда другие народы нападали на каракалпаков, в первую очередь отбирали саукеле».⁶

¹ Полев. записи автора №№ 4, 6, 25, 34 за 1953 г. и № 21 за 1954 г.

² В настоящее время под названием «кимачак» у узбек-каракалпаков Самаркандской области и каракалпаков Бухарской области известен кусок марли, иногда подвязываемый под подбородком пожилыми женщинами. Этот элемент головного убора был распространен в прошлом в большинстве районов Узбекистана и в ряде других мест Средней Азии и носил обычно название лачак. (См. О. А. Сухарева. «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии». Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М., 1954 г., стр. 305—306). О. А. Сухарева в своей работе отмечают единство происхождения лачака и кимешека (более сложный кимешек развился из куска ткани типа лачака) (стр. 306). Повидимому, самаркандские узбек-каракалпаки (и бухарские каракалпаки), утратив национальный головной убор кимешек, заменили его общераспространенным в Узбекистане лачаком. Кимешека же в прямом смысле слова нам не пришлось встретить среди изучаемых групп населения.

³ Из полевого дневника автора за 8/V—1960 г.

⁴ Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 564.

⁵ Полев. запись автора № 37 за 1960 г.

⁶ Полев. запись автора № 54 за 1960 г. В 1959 г. в совхозе «Кзылча» Нуратинского р-на информатор из казахизированных каракалпаков сообщил сотруднику КК Комплексного НИ института АН УзССР С. Аметову: «До 1920 г. каракалпаки отличались по одежде от узбеков и казахов. Женщины носили кимешек, жегде, а еще раньше — саукеле. Саукеле носила моя бабушка. Начиная с 20-х годов, перестали носить старую одежду, кроме кимешека» (Полев. запись С. Аметова под № 19 за 1959 г.). Эти сведения представляют несомненный интерес, однако необходимо детально изучить элементы одежды нуратинских кара-

¹ Полев. записи автора №№ 42, 45 и др. за 1960 г.

² А. Харузин, ук. соч., стр. 40.

³ Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 554 и рис. 27.

⁴ В противоположность хорезмским каракалпакам, у которых сотрудником Каракалпакского филиала АН УзССР И. В. Савицким была собрана богатая коллекция кимешек и других элементов старинной одежды, хотя в быту эта одежда теперь не употребляется.

Как среди ферганских, так и среди самаркандских каракалпаков сохранились предания о том, что название «каракалпак» связано с цветом головного убора, носимого их предками. Так, один из информаторов — каракалпак Ферганской долины рассказывал нам: «Когда каракалпаки сражались с казаками, они носили черные шапки, сделанные из овчины. Поэтому их называли каракалпаками».¹

Если у ферганских и самаркандских каракалпаков национальный головной убор — черные шапки из овчины (кураш, шогирме) к концу XIX века уже отошли в область преданий, то у уральских каракалпаков они в тот период еще бытовали. А. Харузин в 1889 году писал: «...Каракалпаки носят из черного мерлушечьего меха высокие шапки. Это один из их главных отличительных признаков. Кроме этих шапок характерны в их костюме тибетейки, называемые «джатак».² А. П. Хорошин в 1876 г. тоже упоминал, что уральские каракалпаки по одежде отличаются от казахов,³ не раскрывая однако своего замечания. Однако в целом можно сказать, что малые группы каракалпаков к концу XIX — началу XX вв. уже заимствовали элементы костюма окружающих больших народов.

Так, к этому времени одежда ферганских каракалпаков уже мало чем отличалась от одежды узбеков Ферганы. Костюм каракалпаков Ферганы в это время состоял из следующих элементов: мужчины носили яхта — распашную длинную рубаху туникообразного покроя. Рубахи такого типа входили в состав узбекского ферганского костюма.⁴ У хорезмских же каракалпаков в это время были распространены рубахи с горизонтальным разрезом ворота или со стоячим воротником.⁵ Далее, мужчины носили штаны с широким шагом (ыштан) из белого боза. Зимой поверх них надевали другие штаны — шим — из шерстяной или плотной хлопчатобумажной черной материи. Рубахи подпоясывали поясным платком (бельбеу, бельбаг, бельваг) — у молодых из красной хлопчатобумажной материи (чалпар), у стариков — из белого боза.

калпаков и сопоставить их с одеждой соседних казахов, т. к. известно, что кимешек и до настоящего времени часто носят пожилые казахи (хотя казахские и каракалпакские кимешеки различались между собой), а саукеле бытовало в прошлом не только у каракалпаков, но и у казахов. Во время экспедиционных работ саукеле или каких-либо его частей нам встретить не удалось.

¹ Полев. запись автора № 41 за 1953 г. См. также полев. запись автора № 21 за 1960 г.

² А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 39. В другом месте он упоминает, что иногда каракалпаки заменяют свой национальный головной убор шапкой, заимствованной у татар и называемой «таукельбарык» (стр. 40).

³ А. П. Хорошин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 497.

⁴ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 94; О. А. Сухарева и М. А. Бекжанова. «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 116.

⁵ Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 555 и рис. 29.

Верхней одеждой являлся халат — тон, чапан. У бедняков и халаты шились из домотканной материи — боза; халаты молодых бывали полосатыми, реже черными. Богатые носили шелковые халаты — жипек-тон. Халаты стариков бывали преимущественно темных тонов — из черного боза или серой хлопчатобумажной материи — малле. По сведениям информаторов, халаты ферганских каракалпаков были немного шире, чем халаты соседних узбеков.¹ Зимой сверху чапана надевался халат из домотканного сукна — чекмень (у молодых темнокоричневый, у стариков — чаще белый) и тулуп — постын.

В качестве головных уборов молодые носили тибетейки (допы), а зимой — шапки (тельпек) с донышком из темной материи, отороченные по краям мехом лисьим, выдры, бараньим или козьим; старики же надевали ак-куля — белые шапочки, похожие на тибетейки; поверх шапочки повязывали чалму — салля — из белой материи, хлопчатобумажной или тонкой шерстяной. Головной убор ферганских каракалпаков был совершенно иным, чем хорезмских, у которых были распространены большие шапки из черной овчины — кураш и шогирме.²

На ногах молодые мужчины носили сапоги (етик), а старики — маси (мягкие сапоги с подошвой без каблуков) и кожаные галоши — кауш.

Одежда стариков, таким образом, отличалась более скромной расцветкой, а также иным характером головных уборов и обуви.

Остановимся теперь на женской одежде.

Девушки и молодые женщины носили платья (койнак) преимущественно красных тонов (бедные — из боза, более зажиточные — из покупной хлопчатобумажной материи — чал, чалпар, а жены и дочери богатых баев — из шелка (шайи и атласа). Платья шили широкие (шире, чем у узбеков) и длинные, с широкими и длинными рукавами.

Наши информаторы подчеркивали, что красный цвет платьев был излюбленным именно у каракалпачек (девушек и молодых женщин), тогда как узбечки носили платья разных цветов.³ Это предпочтение красного цвета сближает ферганских каракалпаков с хорезмскими.⁴ Однако, в отличие от платьев хорезмских каракалпачек, платья ферганских каракалпачек вышивками не украшались.

Штаны (лазым) с широким шагом, делались тоже из красных хлопчатобумажных материй.

Верхней женской одеждой служил халат (тон, чапан), который шили из цветной хлопчатобумажной материи — обычно из чалпара

¹ Полев. запись автора № 28 и 34 за 1953 г.

² Именно о таких шапках имеются упоминания в преданиях ферганских каракалпаков, но в быту последних в конце XIX в. их уже совершенно не встречалось.

³ Полев. запись автора №№ 15, 34, 41 и др. за 1953 г. и № 21 за 1954 г. См. также Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 95.

См. У. Х. Шалекенов, ук. соч., стр. 342.

(бедняки — из боза); у наиболее богатых бывали халаты из полушелковых материй — адрас и бекасам. Халат являлся и основной зимней одеждой.

Были распространены у ферганских каракалпачек и камзолы с длинными рукавами (калта-тон).

Головным убором девушки являлся платок — лёнги — из красной хлопчатобумажной материи; носили также платки из шелка (жипек румал), а зимой — шерстяные платки. Головным убором замужних женщин, как мы уже упоминали, был кимешек красного цвета, с вышивкой. Поверх кимешека каракалпачки повязывали чалмообразную повязку — лакки, один конец которой свешивался на спину. Как отмечали информаторы, способ повязки головы каракалпачками значительно отличался от узбекского: на чалму каракалпачки шло до 5—6 метров материи, тогда как у узбеков они были намного меньше. Чалмы молодых женщин были обычно также красного цвета.¹

Обувью девушек и молодых женщин служили маси черного цвета и кауш — кожаные галоши на высоком каблуке. В бедных семьях маси надевали лишь когда шли в гости, а дома, даже зимой, ограничивались галошами.

Из украшений каракалпачки носили серебряные кольца (жужик), браслеты (блязик, бларзик), серьги (сырга и балдак), бусы (маржан). Украшениями также служили серебряные и позолоченные амулеты — тумар.

Под влиянием узбеков у ферганских каракалпаков некоторое распространение в качестве женской выходной одежды получили паранджи (длинный халат из темной материи, набрасываемый на голову, с длинными ложными рукавами, скрепленными сзади снизу ниткой) и волосяные сетки — чиммет, которыми закрывали лицо. Однако паранджи у ферганских каракалпачек были меньше распространены, чем у узбеков. Паранджи и чиммет у узбеков считались обязательной частью выходного костюма, и не имели их лишь наиболее бедные женщины.² Каракалпачки же носили паранджи только в кишлаках, сильнее подвергшихся узбекскому влиянию. В более изолированных кишлаках паранджи встречались изредка, там женщины при встрече с посторонним мужчиной лишь прикрывались халатом, а в наиболее отдаленные каракалпакские кишлаки вообще обычай затворничества женщины не проник, там женщины не закрывались.³ У хорезмских же каракалпачек хотя и бытовал халат-накидка — джегде, напоминающая паранджи, но волосяной сетки — чиммета — у них не было, т. к. там затворничества женщин не существовало и женщины от мужчин не закрывались.

Одежда старух отличалась от одежды молодых замужних женщин лишь более скромным цветом тканей. Старушечьи платья (койнак) и штаны (лазым) делались обычно из белого боза; халат (тон), обычно черного цвета, шился из боза или фабричной хлопчатобумажной материи. В качестве головного убора служили белые чалмы — лакки; излюбленной материей для чалмы была белая кисея (даха), бедные же делали чалмы все из того же боза. При выходе из дома старухи надевали большой платок.

В состав старушечьего костюма входил и кимешек, делаемый у них обычно из белого боза и часто без вышивки.

В качестве обуви служили маси и кауш, которые у старух бывали синими.

Таков был костюм ферганских каракалпаков 50—60 лет назад.

Сравнивая этот костюм с одеждой ферганских узбеков, довольно подробное описание которого дано в работах Наливкиных¹ и В. Н. Кушелевского,² мы видим, что одежда эта была в основном одинаковой. Отличия наблюдались лишь в деталях — более широкие платья и халаты у каракалпаков, предпочтение платьев красного цвета молодыми женщинами и девушками — каракалпачками, несколько иной способ повязывания головы и т. д.; существенным отличием было лишь меньшее распространение паранджи у каракалпачек и бытование кимешек у замужних женщин.

Если одежда каракалпаков Ферганы в основном повторяла одежду окружающего узбекского населения, то в одежде самаркандских каракалпаков также сказывалось влияние одежды соседних узбекских племен, которая, кроме этнических особенностей, свойственных отдельным племенам, имела и некоторые областные отличия, характерные для всего узбекского населения долины Зеравшана. Так, пожилые мужчины из самаркандских каракалпаков надевали поверх белья национального покроя (рубahi с горизонтальным воротом и штанов с широким шагом) распашную легкую одежду до колен — т. наз. яхтак, из серой или цветной материи, и стеганный темный халат (чапан), который подпоясывали поясным платком (бельбеу). Иногда яхтак надевали поверх халата. Обычной верхней мужской одеждой являлись также чекмень и постын (тулуп). На ногах молодые носили сапоги (етик) и обувь из кожи прубой выделки (чарык), а старики — маси и галоши. На голове поверх тибетейки повязывали чалму (салле), из голубой или белой материи, один конец которой свешивался с левой стороны. Зимой носили меховые шапки (тельпек).

Что касается женской одежды, то платья в старину носили туникообразного покроя, просторные, с круглым воротом (теперь кое-где такой покрой платья носят пожилые женщины); сверх платья надевали безрукавки, у молодых короткие (кокрекче), у

¹ Полев. записи автора №№ 4 и 6 за 1953 г. и 21, 26 и 32 за 1954 год.

² См. О. А. Сухарева и М. А. Бекжанова. «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 177.

³ Полев. записи автора №№ 20 и 53 за 1953 г.

¹ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 92—107.

² В. Н. Кушелевский. «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области», т. II. Н. Маргелан, 1891 г., стр. 336—349.

Самаркандские узбек-каракалпаки
в традиционной одежде.

га, катта латибе), бусы (мончак, марджан), кольца (жузик), браслеты (блазик), серебряные пуговицы (туйме), налобные украшения (тилла каш).

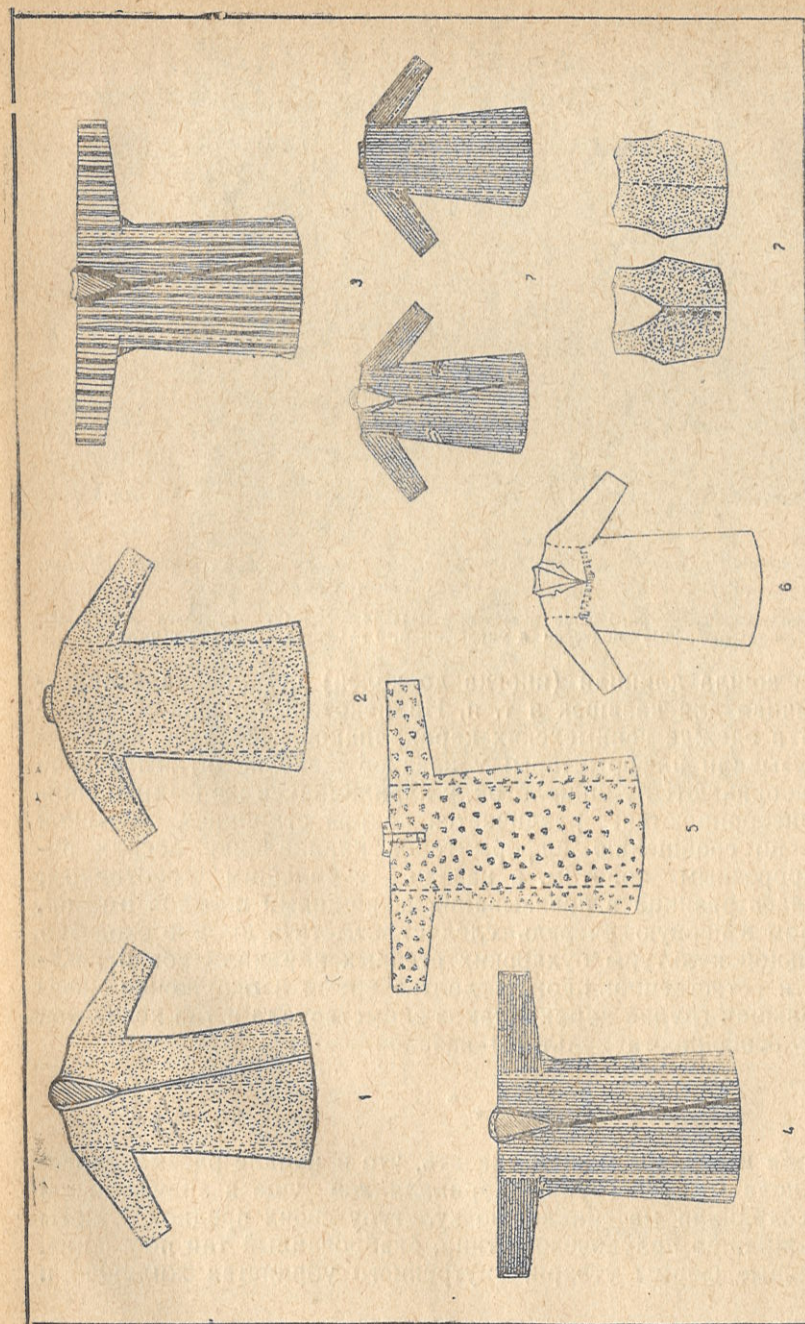
Разумеется, в одежде различных социальных пролоек были существенные отличия. Если беднейшие слои общества были в состоянии шить одежду лишь из домотканых материй — боза и калами — и не каждый имел даже чапан, то у богатых имелся полный комплект одежды, причем из тканей фабричных хлопчатобумажных, а также шелка и бархата.¹

Не останавливаясь подробно на описании одежды бухарских степных каракалпаков, упомянем лишь, что одежда этой группы подверглась сильному казахскому влиянию: у них получил распространение такой казахский головной убор, как зимняя шапка из лисьего меха — тулки-тума; носили каракалпаки также широко бытующую у казахов войлочную шапку — калпак; головной убор замужних женщин и девушек, как и у казашек, различается здесь цветом материи: женщины носили белые платки, девушки — красные (тогда как у хорезмских каракалпаков и женщины носят головные повязки красного цвета); в состав костюма пожилой

пожилых — более длинные — калтече; далее, в состав женского костюма входили длинные штаны, камзол (камзор) и халат (чапан); в качестве выходной одежды некоторое распространение получила паранджи, но волосной сетки (чиммета) каракалпачки здесь не носили и вообще лица не закрывали, в отличие от их соседей узбеков племен кырк и юз, женщины которых при встрече с посторонним мужчиной закрывали лицо желек-бошем (покрывало типа паранджи). На голове женщины носили кимешеки, сверху которых накручивали головную повязку. Способ повязывания головы был различным у разных племен. Так, у женщин племени конграт головная повязка была больше, чем у их соседей. Обычной женской обувью являлись маси и галоши.

В качестве украшений этой группой в старину употреблялись различные серьги (губбалы сыр-

¹ Об одежде самаркандских узбек-каракалпаков см. полев. записи автора №№ 1, 10, 14, 21 и др. за 1961 г.

Одежда этнографической группы «каракалпак». Булунгурский и Джамбайский р-ны Самаркандской области.
1, 2 — ахтак (легкая распахнутая мужская одежда), 3 — чапан (стеганный мужской халат), 4 — чапан (праздничный халат молодого мужчины), 5 — кофрак (платье старухи), 6 — кофрак (платье на короткой кокетке), 7 — кофрак (безрукавка), 8 — кофрак (платье на короткой кокетке), 9 — кофрак (платье на короткой кокетке).

качан
7 — (женский халат)

Старинные женские украшения этнографической группы «каракалпак». Кишл. Жалгыз-агач. Булунгурский р-н, Самаркандской обл.

1 — Тилаз-каш — налобное украшение невесты. 2. Блазик — браслет. 3. Серьга «катта латбе». 4 — Серебряные подвески к украшениям. 5 — Серьга «Губаллы сырға».

женщины вошла длинная (иногда до колен) безрукавка (каркеспе), типичная для казашек и т. п. На некоторые незначительные различия в одежде кенимехских каракалпаков и казахов нам, однако, указывали информаторы: у казахов женские штаны короче и не присбориваются у щиколоток, у каракалпачек же штаны длиннее и присбориваются; различается покрой старинной мужской рубахи — по сообщению информаторов каракалпаки носили рубаху с прорезным воротом, а казахи — с большим воротником; наблюдалась разница в повязывании женщинами платков и т. п.¹. Но в целом в первую очередь следует отметить именно сходство материальной культуры бухарских степных каракалпаков и казахов. Это и естественно: прожив долгое время в окружении казахов, небольшая группа каракалпаков заимствовала и тип хозяйства и многие особенности культуры казахов.

* * *

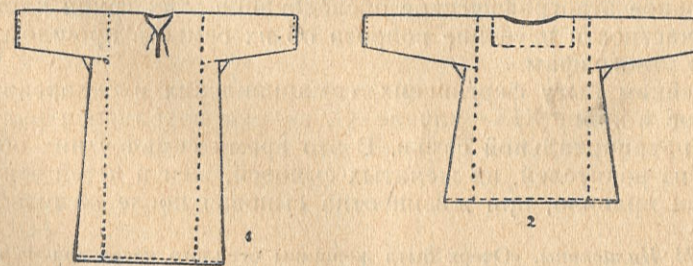
Подводя итоги, мы можем сказать, что в начале рассматриваемого периода малые группы каракалпаков еще в значительной степени сохраняли материальную культуру своих предков — юрты и другие жилища полукочевоего типа, разбросанный тип поселения, национальные формы утвари, внутреннего убранства жилища и

¹ Полев. записи автора №№ 50 и 51 за 1960 г.

Молодая женщина из бухарских степных каракалпаков (Селение Жанга-казган.)

одежды. Но постепенно, под влиянием окружающих их более крупных народов (узбеков, казахов) происходит изменение материальной культуры малых групп каракалпаков. У некоторых групп каракалпаков (ферганской, зеравшанской, уральской), в связи с изменением типа хозяйства (переход к земледелию, как основной

Старинный покрой женской и мужской рубахи с воротом «ойма-жага» (1 — женская рубаха, 2 — мужская). Кенимехский р-н Бухарской области.

отрасли хозяйства), появляются жилища постоянного типа, техника строительства которых была заимствована у соседних народов (узбеков разных локальных групп, русских) и повторяет технику строительства, принятую в данной местности (пахсовая кладка в Хорезмском оазисе; каркасная техника в Ферганской долине и районе Самарканда). У малых групп каракалпаков постепенно исчезают (полностью или частично) старинные элементы одежды, воспринимается одежда соседних народов (узбеков, казахов).

Однако некоторые отличия в материальной культуре малых групп каракалпаков от соседних народов наблюдаются и позже (особенно в бытовании наряду с домами и жилищ временного типа, в национальных формах утвари, а частично и в одежде). Детально изучить процесс изменения форм материальной культуры каракалпаков под влиянием соседних народов, а также сохранившиеся особенности культуры малых групп каракалпаков еще предстоит этнографам.

2. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

В настоящее время о семейных отношениях малых групп каракалпаков известно очень мало. Имеются отдельные упоминания по некоторым вопросам семьи и свадебных обрядов интересующих нас групп населения в работах В. и М. Наливкиных¹ (по ферганским каракалпакам), А. Д. Гребенкина² (по зеравшанским каракалпакам) и А. Харузина³ (по уральским каракалпакам), относящиеся к концу XIX века. Однако это лишь отрывочные замечания, из которых невозможно составить связного представления о семье малых групп каракалпаков. Поэтому главным источником изучения семейных отношений этих групп в прошлом являются воспоминания стариков-информаторов. В настоящее время проведены записи по семье у ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков. Эти записи и были положены в основу при написании данного раздела. Воспоминания стариков-информаторов относятся в основном к концу XIX—началу XX вв. Отрывочные же замечания, встречающиеся в литературе и относящиеся к другим группам каракалпаков, мы вынуждены использовать лишь в качестве сравнительного материала. Детальное этнографическое обследование этих групп каракалпаков, в частности изучение вопроса об их семье в прошлом, еще предстоит этнографам.

В семейном быту ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков в конце XIX—начале XX вв. еще сохранялся ряд черт большой патриархальной семьи. В это время семья у них обычно состояла из родителей, их женатых сыновей, жен и детей этих сыновей. Как правило, при жизни отца сыновья после женитьбы не

выделялись, а продолжали вести общее хозяйство с отцом, живя в отдельных комнатах того же дома; в зажиточных семьях иногда для женившихся сыновей строили отдельные дома в той же усадьбе, но земля, скот и другое имущество оставались общими, и даже питалась вся семья из одного общего котла. (У бухарских степных каракалпаков для женатого сына, когда у него рождался ребенок, выделяли отдельную юрту)¹. Случаи выделения женатых сыновей при жизни отца встречались, но редко, и осуждались общественным мнением. У каракалпаков Ферганы такие случаи наблюдались значительно реже, чем у соседних узбеков. Об этом нам сообщали информаторы;² не противоречит этому и замечание Наливкиных о том, что у узбеков в 70—80-х гг. XIX века было принято выделять молодых через год после свадьбы, и неразделенными оставались лишь наиболее зажиточные семьи.³

По сообщению информаторов из ферганских каракалпаков в одной семье обычно бывало 13—17 человек. Реже, особенно в богатых семьях, где было распространено многоженство, их численный состав достигал значительно больших размеров. Так, информатор Бектемир Ходжанкулов сообщил нам, что в семье его отца было 32 человека: у его отца было три жены и 6 сыновей; у старшего сына было 4 жены, у второго — 3 жены, у остальных сыновей — по одной жене, внуков всего было 7, внучек — 4.⁴

Информаторы из самаркандских и бухарских каракалпаков также сообщали нам, что обычный размер семьи прежде был 18—20 человек.⁵ Однако в отдельных случаях размер каракалпакской семьи был значительно большим. Так, информатор Абдугани Рустамов, 60 лет, из кишлака Караки, Булунгурского района, Самаркандской области сообщил нам следующее: «Раньше в нашей семье 50—60 человек питались из одного котла и жили в одной усадьбе (хаули). Отец руководил всеми. Все члены семьи свои доходы (заработки) объединяли вместе»⁶. Далее он рассказал, что у его деда Абдурахмана было 7 сыновей, и все они, вместе со своими женами и детьми, жили одной семьей и вели общее хозяйство.

Семейная жизнь регламентировалась нормами шариата и обычного права, которое, так же, как и шариат, утверждало господство мужчины и приниженное положение женщины.

Во главе семьи стоял отец, пользующийся нераздельной властью; в его руках было все имущество семьи, его решения должны были беспрекословно выполняться всеми членами семьи. Женщиной руководила жена старика-отца.

В рассказах Абдугани Рустамова оживает прежний быт этой отмирающей формы семьи. «Каждый из членов семьи имел свои

¹ Полев. запись автора № 52 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 14 за 1953 г.

³ В. и М. Наливкины, ук. соч., стр. 212—214.

⁴ Полев. запись автора № 14 за 1953 г.

⁵ Полев. записи автора №№ 16 и 42 за 1960 г.

⁶ Полев. запись автора № 21 за 1960 г.

¹ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 72.

² А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98.

³ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 40.

обязанности по хозяйству, — рассказывал информатор. — Например, 5 коров доили 2 женщины; 1 женщина пекла хлеб, 2 женщины готовили обед, 1 женщина топила печи. Также был распределен труд между остальными членами семьи.

Наша семья имела 15 танапов земли, 4 быка, 2 лошади. Была у нас одна маслобойка. Все заработанные (на стороне) деньги мы приносили отцу. Он покупал все необходимые для хозяйства вещи, посуду, одежду.

Вечером все женщины ели в одном месте, мужчины — в другом. Женатые спали в отдельных комнатах; неженатые — в мехмонхона. У нас было 6 юрт и 7 домов (стоявших рядом, в одной усадьбе); в каждом доме было 2 комнаты. Кроме того, была одна общая мехмонхона¹.

Этот рассказ показывает, что пережитки большой патриархальной семьи здесь были еще очень сильны. Такие неразделенные семьи кое-где сохранялись еще в начале XX в. и у некоторых других народов Средней Азии.² Интересно, что даже после смерти старика — главы семьи (деда информатора) эта семья не распалась: взрослые женатые сыновья его продолжали жить вместе и вести общее хозяйство; главой семьи стал старший из сыновей — Рустам (отец информатора). Распалась эта семья в начале 30-х годов, в годы коллективизации сельского хозяйства. Но в большинстве случаев после смерти старика-отца семья в рассматриваемый период распадалась, и поэтому семьи редко достигали таких размеров, как в приведенном выше примере. Непрочный характер неразделенной семьи, распадение ее на отдельные малые семьи после смерти главы семьи были связаны с разложением натурального хозяйства, с развитием в областях Туркестанского генерал-губернаторства капиталистических отношений.

Тяжело было положение женщины в семье. Она считалась неполноправным членом семьи, должна была беспрекословно подчиняться отцу, а потом мужу. Отец за калым продавал дочь мужу, не спрашивая на то ее согласия. Муж в любой момент без всякого повода мог дать жене развод. Особенно тяжело было положение в семье невестки (келин), которая должна была выполнять все работы по дому и подчиняться всем членам семьи. Таково было положение женщин и у ферганских, и у самаркандских, и у бухарских каракалпаков. В старинных свадебных песнях казахизированных каракалпаков Нуратинского района Самаркандской области³ —

¹ Полев, запись автора № 21 за 1960 г.

² См. М. В. Сазонова. «К этнографии узбеков южного Хорезма», Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, стр. 302.

³ При дальнейшем изложении эту группу каракалпаков мы будем называть коротко нуратинскими. Нуратинские каракалпаки, по нашему мнению, в этнографическом плане составляют одну группу с бухарскими степными, т. е. с каракалпаками степной части Кенимекского и Тамдынского р-нов. Название «нуратинские» мы употребляем в связи с тем, что эта группа проживает вне пределов современной Бухарской области. (По этой группе материалы собраны не нами лично, а С. Аметовым, сотрудником теперешнего КК филиала АН УзССР).

терме и насихат — воспевается покорность мужу и его родителям, как одна из добродетелей женщины. В одной из таких песен, записанных в 1959 году сотрудником КК Комплексного НИ института АН УзССР (ныне КК филиал АН УзССР) С. Аметовым, говорится:

«Раз ты пришла с родной земли,
Уважай свекора, свекровь и мужа.
Никогда не возражай им и не ссорься ни с кем.
Даже если тебя кто-нибудь будет ругать, ты молчи.
Для тебя не будет беды, если ты промолчишь (не возразишь).»

Женщина не могла называть мужа и его родственников по имени. Этот обычай, являющийся пережитком патриархально-родовых отношений и унижающий достоинство женщины, бытовал и у ферганских, и у самаркандских, и у бухарских каракалпаков, также как и у амударьинских каракалпаков и некоторых других народов (казахов, узбеков и др.).

В свадебной песне «Бир-салам», записанной у нуратинских каракалпаков, например, говорится:

«Вот сидит младший брат мужа (каинингиз),
Приветствуй этого мальчика.
Если спросишь его имя,
Для тебя он свет — мырзага.»

Даже маленького мальчика — брата мужа — невестка не могла называть по имени.

К ферганским каракалпакам от узбеков до известной степени проник тяжелый и унижительный обычай затворничества женщины. Правда, деление дома на две половины у каракалпаков Ферганы распространения не получило, а паранджи несколько распространялись лишь в кишлаках, близких к узбекским, но во многих каракалпакских кишлаках женщины к гостям не выходили, прятались, а при встрече с посторонним мужчиной прикрывались платком или халатом. Эти обычаи совершенно не свойственны хорезмским каракалпакам: у них женщина всегда ходила с открытым лицом и присутствовала при приеме гостей — мужчин. Не было среди ферганских каракалпаков и таких совместных вечеринок мужской и женской молодежи, как отырыспа, распространенная у хорезмских каракалпаков. Однако в более отдаленных кишлаках ферганских каракалпаков обычай затворничества женщины укоренился слабо, а в самых отдаленных и изолированных от узбекского влияния кишлаках (таких, как кишлак Кенегес, кишлак Сары-су) этот обычай вообще не имел места.

По сообщению информаторов из самаркандских узбек-каракалпаков, у них затворничества женщины не существовало; каракалпачки хотя и носили в прошлом паранджи, но без волосной сетки — чиммета — и лица не закрывали, в отличие от женщин пле-

мен юз и кырк, которые прикрывали лицо желек-бошем (покрывало типа паранджи).¹

У бухарских каракалпаков обычая затворничества женщин не существовало, как и у живущих по соседству с ними казахов.

У туркестанских каракалпаков также не было затворничества женщины, несмотря на сильное узбекское влияние на многие стороны их жизни: положение женщины у них было иным, чем у соседних узбеков. Кое-какие отличия в семейных отношениях этой небольшой этнической группы наблюдаются еще и сейчас. Члены фольклорной экспедиции КК Комплексного НИИ института, побывавшие в 1958 г. у небольшой группы узбекизированных каракалпаков, живущих в ауле Ихан, Туркестанского района, Южно-Казахстанской области, сообщают: «...если узбеки, когда выдают девушку замуж, жениха не пускают в дом, у них (иханских каракалпаков) жених может приходиться (в дом девушки) до женитьбы...»²

Из старинных семейных обычаев, бытовавших прежде у ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков, следует отметить также левират: если умирал муж, то его вдова должна была выйти замуж за его брата (старшего или младшего). Нам рассказывали информаторы из ферганских каракалпаков: «Если раньше у нас умирал женатый мужчина, говорили «жесиримизди башкага бермеймиз», т. е. «не отдадим свою вдову другим». Если у него был брат, выдавали вдову замуж за него, если не было — выдавали за кого-нибудь из близких родственников». Это же сообщали нам информаторы из самаркандских и бухарских каракалпаков.⁴ Особенно строго соблюдался этот обычай в тех случаях, если у вдовы были дети. Выйти замуж за постороннего вдова могла лишь в том случае, если брат умершего разрешал ей это, оставив при этом детей в семье покойного мужа. Левират был очень тяжелым для женщины обычаем. Иногда он приводил к браку взрослой женщины с малолетним мальчиком, что вызывало впоследствии семейные драмы: женщина должна была годами ждать, когда подрастет ее малолетний муж, а, когда он подрастал, она зачастую уже старилась.

У соседних с каракалпаками узбеков Ферганской долины левират не бытовал. В. и М. Наливкины писали об этом: «Со смертью мужа все обязанности, лежащие на женщине по части калыма, рушатся. Женщина делается вполне свободна; лишь общественные приличия не допускают особенно скорого выхода ее замуж, почему она переживает обыкновенно около года — до полутора или даже 2-х лет. Вдова-сартянка, смотря по обстоятельствам, или продол-

жает жить в доме, оставшемся ей и детям от мужа, или же уходит жить куда-нибудь на сторону». И далее — в примечании: «У кочевого населения положение вдовы совсем иное. Там она обязана сочетаться браком с одним из братьев покойного ее мужа.»¹ Левират существовал в прошлом и у каракалпаков Хорезмского оазиса,² а также у ряда других народов, сохранивших пережитки патриархально-родовых отношений. Левират, возникший в далеком прошлом как следствие группового брака, впоследствии подкреплялся, кроме традиции, имущественной заинтересованностью семьи умершего в том, чтобы вдова оставалась в семье: в этом случае в семье оставалось и имущество умершего брата, а также и сама невестка, на которую смотрели в значительной степени, как на даровую работницу.

Некоторое распространение получил и обычай сорората — выдачи замуж младшей сестры вместо умершей старшей, хотя этот обычай не носил такого обязательного характера. Информаторы из ферганских каракалпаков нам сообщали: «Если умирала после сговора старшая сестра, то, если ее родители хотели, отдавали вместо нее младшую сестру, если не хотели — возвращали калым. Если старшая сестра умирала после свадьбы, то иногда женились на младшей сестре — в таких случаях калым не платили, только уставляли той.»³

Положение женщины было особенно тяжелым в богатых семьях, где было распространено многоженство. По шариату разрешалось иметь до четырех жен. Однако позволить себе иметь даже двух жен могли лишь богатые, так как за жен надо было платить большой калым. Вечные ссоры жен в таких семьях делали еще более тяжелой жизнь женщины. Особенно невыносимым было положение младшей жены — токал, которая должна была выполнять все работы.

О двоеженстве зажиточных каракалпаков Ферганы писали в конце XIX века В. и М. Наливкины: «У зажиточного сельского населения двоеженство наиболее часто практикуется теми каракалпаками, кипчаками и недавно осевшими киргизами, у которых одновременно с более или менее значительными запашками, находящимися на дне долины, имеется еще и скот, уходящий ежегодно летом на горное пастбище. В этих семьях одна жена находится постоянно при земле, а другая — весну, лето и часть осени проводит в предгорьях и горах со скотом.»⁴ Информаторы называли нам семьи, где было 3—4 жены (например, отец и братья Б. Хожанкулова (см. выше), из ферганских каракалпаков; бай М. Расул-

¹ Полев. записи автора №№ 1 и 6 за 1960 г.

Вызывает однако интерес замечание А. Д. Гребенкина о родственных каракалпам митанах: «Митанские женщины пляшут и поют, но не при посторонних мужчинах. Жены богатых людей закрываются, а простонародье ходит с открытым лицом». (А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 105.) Возможно, что элементы затворничества у самаркандских митанов имели место.

² А. Каримов, А. Пахратдинов, С. Ниетуллаев, ук. соч., стр. 89.

³ Полев. запись автора № 5 за 1954 г.

⁴ Полев. записи автора №№ 16, 31 и 53 за 1960 г.

¹ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 231.

² См. Т. А. Жданко. «Быт каракалпакского колхозного аула». Журнал «Сов. этнография», 1949 г., № 2, стр. 54.

³ Полев. запись автора № 14 за 1954 г.

⁴ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 225.

бердиев, имевший 3-х жен, из самаркандских каракалпаков и др.).¹

Женитьба сыновей и замужество дочерей находились всецело в руках отца и были связаны с такими тяжелыми и унижительными обычаями, как сговор малолетних и выплата калыма за невесту. Девушек обычно выдавали замуж рано — в 13—15 лет. Сыновей богатые старались женить рано — в 17—18 лет, а иногда и раньше. Сыновья же бедняков часто не могли жениться в течение долгого времени, т. к. у них нехватало денег для выплаты калыма.

При заключении брака у ферганских и самаркандских каракалпаков родовая принадлежность жениха и невесты во внимание не принималась — они могли быть и из одного родового подразделения и из разных. Например, юноша из рода ак-мангыт мог жениться на девушке из этого же рода; юноша из рода жуантаяк-муйтен мог брать в жены девушку того же рода.² У хорезмских же каракалпаков брак между юношей и девушкой из рода ак-мангыт, например, был совершенно немыслим, т. к. род ак-мангыт, как и другие роды (уру) у них был экзогамен, в то время как браки внутри племени (улкен уру, тохым), в данном случае внутри племени мангыт, разрешались.

Таким образом, экзогамия, так прочно сохранявшаяся у хорезмских каракалпаков,³ у ферганских и самаркандских каракалпаков исчезла настолько давно, что даже память о ней не сохранилась. Это еще раз показывает, что процесс изживания пережитков родовых отношений здесь в период вхождения в состав России зашел довольно далеко.

Обычай родовой экзогамии сохранялся в описываемый период у бухарских каракалпаков. Однако экзогамия у них выступала несколько в ином виде, чем у хорезмских каракалпаков. У последних сколько бы поколений не разделяли юношу и девушку одного рода, они не могли вступать в брак между собой. У бухарских же каракалпаков по прошествии 7 поколений (ата) вступление в брак между сородичами разрешалось. Здесь прослеживается казахское влияние, т. к. у последних — в разных местах их расселения — разрешаются браки между сородичами по прошествии 7, 9 или 11 поколений. Однако, как упоминают информаторы, в более ранний период, «внутри» своего рода каракалпаки не брали девушек, а потом стали брать, по прошествии 7 ата.»⁴

Считались предпочтительными и преобладали браки между каракалпаками. Об этом сообщали информаторы из ферганских,⁵ самаркандских и бухарских каракалпаков.⁶ Об этом же сообщал А. Д. Гребенкин относительно зеравшанских каракалпаков: «С дру-

гими узбекскими родами каракалпаки вступают в брак редко, с таджиками — никогда».¹ Вызывает интерес то явление, что ранее существовали брачные связи между ферганскими и самаркандскими каракалпаками — первые ездили выбирать невест среди самаркандских каракалпаков.² Однако, хотя браки между каракалпаками, безусловно, преобладали, но встречались и в то время браки с представителями других национальностей. У ферганских каракалпаков, например, считалось возможным жениться на девушках других национальностей — обычно узбечках (в то же время девушек-каракалпачек совершенно не выдавали замуж за узбеков — это осуждалось общественным мнением). Встречались браки между узбеками и каракалпаками и в долине реки Зеравшана. В кишлаке Ак-Тепе-Митан, Булунгурского района, Самаркандской обл. нам рассказывали: «Раньше у нас обменивались девушками с узбеками, но только не с рабами (кул).»³ А в кишлаке Шор-Тебе (ныне входящем в совхоз «Гигант», Кенимехского р-на, Бухарской обл.) говорили: «Здесь каракалпаки у узбеков девушек брали, но своих дочерей замуж за узбеков не выдавали. А с казахами обменивались девушками.»⁴ Также и бухарские степные каракалпаки сообщали нам, что при безусловном преобладании браков между каракалпаками, те из них, которые жили среди казахов в течение долгого времени, в ряде случаев обменивались девушками с казахами.⁵ А. Харузин, говоря об уральской группе каракалпаков, замечает, что у последних «...заметно желание слиться с киргизами (казахами — Л. Т.), так что они охотно добиваются родственных связей с последними.»⁶ Такие смешанные браки, хотя встречались изредка, были прогрессивным явлением, так как посредством их усиливались связи между народами, взаимно обогащалась культура каждого народа.

* * *

Изучение старинной каракалпакской свадьбы представляет большой интерес для историков и этнографов, так как в свадебных обрядах прослеживаются пережитки глубокой старины, патриархально-родовых отношений, а иногда и отношений матриархальных.

Прежде у каракалпаков Ферганы был довольно распространен сговор малолетних, а иногда даже и не родившихся еще детей (последний обычай назывался аклай куда тусу). Сговор между родителями до рождения детей был распространен и среди хорезмских

¹ Полев. запись автора №№ 14 за 1953 г.; 16, 21 и 52 за 1960 г.

² Полев. запись автора №№ 3, 15, 31 и др. за 1953 г.; № 1 и 2 за 1960 г.

³ См. Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 514.

⁴ Полев. запись автора № 43 за 1960 г.

⁵ Полев. запись автора №№ 5, 15, 17 и др. за 1953 г.

⁶ Полев. запись автора №№ 31, 43, 49 за 1960 г.

¹ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98.

² Устное сообщение Х. Т. Зарифова.

³ Полев. запись автора № 2 за 1960 г.

⁴ Полев. запись автора № 40 за 1960 г.

⁵ Полев. запись автора № 49 за 1960 г.

⁶ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 41.

каракалпаков.¹ В то же время у узбеков Ферганы обычай «сватовства с колыбели», как отмечали М. и В. Наливкины, в 80-х годах XIX века уже встречался довольно редко. Они писали: «Теперь обычай этот практикуется по преимуществу среди кочевого населения, где обычно размеры калыма значительно больше, чем у сартов».²

Иногда сговаривали юношу и девушку, уже достигших брачного возраста. Во время сговора в доме невесты устраивали небольшой той, называемый келешу тойи или баш байлар тойи. На келешу тойи присутствовали родители жениха и невесты (которые между собой становились с тех пор «куда» — сватами) и некоторые близкие родственники. Родственники жениха приводили с собой барана, приносили рис и масло для пира, а также подарки для невесты (платье, платок, маси и галоши и др.). Во время этого пира окончательно договаривались о размере калыма и о времени свадьбы.³ Выплата калыма за невесту была непременным условием заключения брака и у ферганских, и у самаркандских, и у бухарских каракалпаков. Размеры калыма (калынг малы, калынг пулы) были довольно велики, причем основной частью калыма у каракалпаков являлся скот.

По сообщению А. Д. Гребенкина у зеравшанских каракалпаков «калым простирается от 20 до 200 овец. Без калыма не женятся»⁴ (замечание относится к 1872 году). У каракалпаков Ферганской долины калым брали тоже скотом, хотя и в меньшем количестве: в семьях середняков он составлял 7—9 голов скота, некоторое коли-

¹ См. С. Камалов. «Каракалпакская свадьба», рукопись.

² В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 200. Как мы уже упоминали, каракалпаков Наливкины относили к полукочевому населению.

³ Информаторы из самаркандских узбек-каракалпаков также рассказывали нам о том, как проходило сватовство. Молодые люди не могли сами выбирать себе пару, даже часто не видели друг друга до свадьбы, все решали за них родители; родители жениха посылали своих представителей в дом девушки, а потом — при согласии обеих сторон на брак — совершалась помолвка (патия оку), в которой принимал участие и отец жениха. Одним из обязательных обрядов во время помолвки было ломание лепешки (нан сындыру); обе стороны давали, таким образом, обещание (клялись на хлебе) не нарушать сговора. Помолвка сопровождалась небольшим тоем. (Полев. записи автора №№ 16, 18 и 31 за 1960 г.).

О том, как происходили сватовство и сговор у нуратинских каракалпаков, информаторы сообщали так: «Если я хочу стать с кем-то сватом (куда), я посылаю старших родственников (жасы улкенлерди) в дом девушки. Если согласны отдать девушку, то сватоз хорошо принимают, угощают; их хурджины (переметные сумы) наполняют баурсаками. После этого мы приглашаем представителей родителей девушки. На это приглашение отец девушки посылает своих близких родственников, а сам не приходит. В этот раз окончательно решают, согласны ли сваты на брак. После этого встречаются сваты (бел куда) и устанавливают день свадьбы. (Полев. записи С. Аметова № 19 за 1959 г.)»

⁴ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98. Позже, в начале XX в. основную часть калыма здесь стали платить деньгами, скотом отдавали меньшую часть. Невесте же жених должен был подарить 9 разных одежд. (Полев. записи автора №№ 18 и 31 за 1960 г.)

чество продуктов и денег.¹ У богатых калым достигал 30—35 голов скота. У узбеков Ферганы размеры калыма были значительно меньше. Наливкины в своей работе неоднократно отмечают «незначительные размеры калыма» у узбеков, у которых калым иногда составлял всего 12—15 рублей (и лишь в богатых купеческих семьях поднимался иногда до нескольких сот рублей).² Наши информаторы отмечали, что у узбеков калым не обязательно брали скотом, и поэтому те, у кого не было скота, иногда женились на узбечках.³ Бухарские степные каракалпаки калым платили также скотом, причем размеры калыма здесь были очень велики (более 80 голов скота у богатых).⁴ В свадебных песнях нуратинских каракалпаков упоминается (в советах — насихат, обращенных к невестке): «Весь скот отдал за твой калым».

У каракалпаков Хорезмского оазиса размеры калыма также были большими и основной частью калыма являлся скот (богатые платили по 40—80 голов скота, бедные — меньше, по своему состоянию).⁵

Большой калым у каракалпаков был связан с продолжительной сохранностью в их быту патриархально-родовых пережитков.⁶

Выплата калыма за невесту серьезно подрывала хозяйственное положение середняков, бедняки же годами служили батраками или издольщиками, чтобы скопить деньги на калым, иногда не могли жениться до 40 лет, а женившись и отдав при этом все накопленное имущество в качестве калыма, вновь оказывались в безысходной нужде.

У ферганских каракалпаков, как и у хорезмских, родители невесты давали, в свою очередь, приданое — одеяла, подстилки, подушки, одежду для невесты и жениха, посуду, а также готовили подарки родителям жениха (обычно халаты и др. одежду). Размеры приданого были значительно меньше калыма. По сообщению информаторов, у самаркандских и бухарских каракалпаков в приданое девушке (если ее родители были богатыми) давали свадебную юрту (ак отау) и иноходца.⁷

Срок, проходивший между сговором и свадьбой, был различным. Он зависел от возраста жениха и невесты и от выплаты калыма. Часто между сговором и свадьбой проходило 2—3 года.

Наконец, наступал день основной свадьбы — катта-той или

¹ Артыкбай Умирзаков, 76 лет, из кишлака Кудук Фрунзенского района, Ферганской обл. сообщил нам: «Я сам отдал в качестве калыма 7 коров, 2 овцы, 150 тенге, 5 пудов риса и 5 пудов муки» (Полев. записи автора № 17 за 1954 г.).

² Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 195, 200—202, 207 и др.

³ Полев. записи автора № 14 за 1954 г.

⁴ Полев. записи автора № 49 за 1953 г.

⁵ См. С. Камалов. «Каракалпакская свадьба», рукопись, стр. 45.

⁶ О происхождении и сущности калыма см. Н. А. Кисляков «Семья и брак у таджиков», стр. 177—180.

⁷ Полев. записи автора №№ 13 и 49 за 1960 г.

неке-той.¹ Калым к этому времени уже должен быть выплачен. Накануне свадьбы родители жениха переправляли в дом невесты продукты, предназначенные для свадьбы, — рис, муку, масло, морковь, лук — все это в довольно значительных количествах; перегоняли также баранов, а кроме того быка, лошадь или корову. Переправлять продукты к дому невесты родителям жениха помогали его товарищи, каждый из которых получал по поясному платку (бельеу).

Свадебные тои у ферганских каракалпаков принимали огромные размеры. Информаторы сообщали: «В тое участвовали все люди из кишлака невесты, а также ее ближайшие родственники, живущие и в других кишлаках. Их обязательно приглашали на той, хотя бы они находились на расстоянии двухдневного пути».² Со стороны жениха в тое принимали участие его родственники и товарищи. Приглашения на свадебные тои рассылались во все места расселения каракалпаков в Ферганской долине «от Саур-Тепе до Бабагазы», а иногда на свадьбы ферганских каракалпаков приезжали даже самаркандские каракалпаки.³ У ферганских же узбеков той в доме невесты имел сравнительно небольшие размеры — у них основное празднество сосредоточено было в доме жениха, а в доме невесты устраивалось лишь скромное угощение.⁴

Такой же широкий размах имели свадебные тои в доме невесты и у хорезмских,⁵ и у бухарских каракалпаков. У последних на свадебные тои приглашались родственники в количестве нескольких сотен человек, иногда живущие в отдаленных аулах. Выплата большого калыма была делом не только семьи жениха, но и более дальних сородичей; совместно собирали средства также на призы (салым) победителям в козлодрании и скачках, устраиваемых во время свадьбы. В качестве призов служили лошади, верблюды, бараны, ковры, паласы, кошмы, отрезки шелковой материи (шайи), платки и многое другое.⁶

¹ У ферганских и самаркандских каракалпаков этому пиру предшествовал небольшой предварительный пир (пата-той, чачу-той или кичкине той) в доме невесты. Но поскольку свадебная обрядность по другим малым группам каракалпаков не разработана, мы на этом тое здесь не останавливаемся.

У бухарских каракалпаков большую роль в серии свадебных обрядов играл маслахат-той (совещательный пир), на котором старшие представители жениха и невесты советовались о порядке проведения основного свадебного тоя, о том, сколько нужно приготовить для тоя скота (сойымлык), сколько ценностей надо припасти в качестве призов победителям в скачках, козлодрании и др. (Полев. запись автора № 49 за 1960 г.).

² Полев. запись автора № 14 за 1954 г.

³ Устное сообщение Х. Т. Зарифова.

⁴ В. и М. Наливкины. «Очерк быта женщины...», стр. 210.

⁵ С. Камалов. «Каракалпакская свадьба», рукопись.

⁶ Полев. записи автора №№ 48 и 49 за 1960 г. Свадебный обряд каракалпаков самаркандской группы, по-видимому, уже к концу XIX века изменился под влиянием узбеков. А. Д. Гребенкин сообщает, что у них «свадебное празднество бывает: незначительное у отца невесты и большое — у отца мужа или самого мужа, если последний отделен и когда молодая уже переедет в свой дом.» (А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 98).

Такие огромные размеры свадебного пира, безусловно, являлись пережитком родовых отношений, когда в свадьбе принимали участие все члены родов жениха и невесты, при этом устройство основного тоя в доме невесты являлось отголоском отдаленных матриархально-родовых отношений. Устройство свадебного тоя, а также других семейных праздников и памятных дат было, конечно, очень трудным делом и, несмотря на помощь сородичей, приводило неминуемых к разорению. Сбор средств у сородичей на выплату калыма и другие расходы по поводу семейных событий нередко выливался в прямую эксплуатацию бедных сородичей со стороны наиболее зажиточных.

У ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков во время свадебных тоев соблюдались еще некоторые старинные обычаи, бытовавшие и у хорезмских каракалпаков. Так, у ферганских каракалпаков сохранялся обычай «согым» — обязательная раздача всем жителям кишлака невесты мяса привезенных женихом быка, коровы или лошади.¹

Т. А. Жданко, характеризуя старинную свадьбу каракалпаков Хорезмского оазиса, замечает: «Среди цикла обрядов, выполнявшихся в этот период, интересны те из них, которые характеризуют участие в торжестве не только семьи невесты, но и всего ее рода, в частности, обряд «сог», заключающийся в том, что определенный человек из рода девушки резал привезенного женихом быка и делил его мясо между жителями ее аула.»²

Во время свадебного пира и по пути к дому невесты жених и его товарищи должны были платить многочисленные обрядовые выкупы (каде); этот обычай наблюдался у ферганских, самаркандских и нуратинских каракалпаков, также как и у хорезмских. Информатор из нуратинских каракалпаков сообщил, что во время старинной свадьбы жених, например, должен был заплатить такие каде, как «кол устатар каде» (выкуп за соединение рук жениха и невесты), «тос каде» (плата за грудинку барана, которым угощают жениха), плата за подсаживание жениха на лошадь³ и др. Эти же каде (наряду с другими) отмечает С. Камалов при описании старинной свадьбы каракалпаков Хорезмского оазиса.⁴ У самаркандских и бухарских каракалпаков, как и у хорезмских, ставилась свадебная юрта (отау), где проходила первая брачная ночь.

На свадьбах пели бахши, устраивали козлодрание (ылак), борьбу и др. Вечером в доме невесты производился мусульманский обряд венчания (неке), после которого молодые считались мужем и женой.

¹ Из полевого дневника автора за 1954 г. Сообщила каракалпачка Хасият Рахметуллаева (с/с Тайпак).

² Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 517.

³ Полев. запись С. Аметова № 20 за 1959 г. Об обрядовых выкупах у самаркандских каракалпаков см. полев. запись автора № 31 за 1960 г.

⁴ С. Камалов. «Каракалпакская свадьба», стр. 29—31.

В данный период у ферганских каракалпаков наблюдалось еще иногда следующее явление: после венчания молодая жена оставалась в доме родителей на 2—3 года и лишь посещалась мужем (такие посещения называли куйеулеу или куйеулеп журу и совершались тайком; считалось неудобным, чтобы об этом знали люди). Это обычно бывало в бедных семьях, где жених не имел возможности сразу после венчания содержать семью или даже не успел выплатить часть калыма. Но, безусловно, что этот обычай является пережитком матрилокального брака.

Иногда у молодой женщины (келиншек) еще в доме родителей рождался ребенок. Рождение детей в доме родителей женщины называлось «онг жакта туш (рождение на правой стороне)».¹

Такое же оставление молодой женщины в доме ее родителей на 2—3 года после венчания наблюдалось и у хорезмских каракалпаков; дети, рожденные в доме отца молодой женщины, и у них назывались «онг жакта туылган».² У узбеков Ферганы, среди которых жили ферганские каракалпаки, такого обычая не было: у них невестка оставалась в доме родителей самое большее в течение трех дней.

Последним этапом свадьбы было празднование в доме жениха. Когда молодая женщина покидала свой родной аул, она пела грустные прощальные песни — хаужар. Нелегкой была доля женщины в чужом ауле, в семье мужа, и всю свою тоску, связанную с предстоящей разлукой с родным домом, женщина вкладывала в эти песни. У нуратинских каракалпаков был записан такой вариант хаужара:

„Ақ туйенин оркеші аўнақ екен, яр-яр-аў.
Өз елине қыз бийшара қонақ екен, яр-яр-аў.
Қызды қудай жаратқан мунлық қылып, яр-яр-аў.
Өз елинің топрағы бұйырмаған, яр-яр-аў.
Хаўжар айтқым келмейди арқам қозып, яр-яр-аў.
Қара жибек ийрдім жүндей созып, яр-яр-аў.
Айнанайын орамал қалдың тозып, яр-яр-аў.
Адыра қалғыр ақ жаўлық келдің озып, яр-яр-аў».³
„Горб белого верблюда бывает неровный, яр-яр-ау.
Бедная девушка на своей родине, как гость, яр-яр-ау.
Бог создал девушку такой грустной, яр-яр-ау.
Твоя родная земля для тебя не предназначена, яр-яр-ау.
Я не от радости говорю хаужар, яр-яр-ау.
Черный шелк я пряду, растягивая, как шерсть, яр-яр-ау.
Милый мой платочек, ты постарел, яр-яр-ау.
Проклятый белый платок пришел на смену, яр-яр-ау.“

Сходные мотивы звучат и в хаужарах каракалпаков Хорезмского оазиса.⁴ Однако в приведенном выше хаужаре нуратинских

¹ Полев. записи автора № 26 за 1954 г. и № 13 за 1953 г.

² С. Камалов. «Каракалпакская свадьба». Рукопись, стр. 32.

³ Полев. запись С. Аметова № 19 за 1959 год.

⁴ Н. Давкараев. «Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы». Ташкент, 1959 г., стр. 51—52.

каракалпаков чувствуется и влияние соседних казахов (например, упоминание о белом платке, как одежде замужней женщины, что было характерно для казахов и для воспринявших их одежду бухарских степных, в том числе и нуратинских, каракалпаков).

У ферганских и самаркандских каракалпаков, как и у хорезмских, молодую женщину везли в дом мужа на арбе. Арба на время свадебной церемонии покрывалась красивой материей и называлась (у самаркандских каракалпаков) капели-арба¹; у хорезмских каракалпаков такая крытая свадебная арба называлась боголекли-арба.² Лицо невесты было закрыто белым покрывалом (чарсы). Вместе с невестой (на 2—4 арбы) садились другие женщины и девушки. Жених с товарищами ехали рядом на лошадях. По дороге от дома невесты до дома жениха пели свадебные песни — «яр-яр», причем пели по очереди подруги невесты и товарищи жениха, стараясь перепеть друг друга.³

У нуратинских каракалпаков молодую женщину везли в дом мужа верхом на лошади,⁴ в чем сказывалось влияние соседних казахов.

И у ферганских и у нуратинских каракалпаков, также как и у каракалпаков Хорезмского оазиса, во время переезда новобрачных в селение жениха, во всех встречаемых селениях, а также в селении жениха, с новобрачной требовали подарки (рубашки, отрезки материи, платки, кольца и др.), которые также относились к числу обрядовых выкупов. Молодая женщина заранее приготавливала такие подарки.⁵

Выплата разнообразных обрядовых выкупов во время поездки жениха за невестой, свадебной церемонии, а также во время перевозки невесты в дом жениха известна и у ряда других народов Средней Азии — узбеков, таджиков, казахов и др. Происхождение этого обряда доктор исторических наук Н. А. Кисляков относит ко времени перехода от матрилокального поселения к патрилокальному и объясняет реакцией обеих сторон на сам этот переход.⁶

Заключительным этапом свадьбы был пир в доме жениха, который у ферганских каракалпаков назывался «бет-ашар-той» или «келин тушти той». Этот пир обычно продолжался два дня. На нем присутствовало большое число приглашенных, причем здесь уже

¹ Полев. записи автора №№ 12 и 18 за 1960 г.

² Сообщение А. Бекмуратовой, сотрудницы КК филиала АН УзССР.

³ См. Л. С. Толстова. «Каракалпаки Ферганской долины», стр. 119—120. Свадебные песни «яр-яр» хорезмским каракалпакам не свойственны; этот обычай был заимствован ферганскими каракалпаками у соседних узбеков.

⁴ О данном этапе свадебного обряда информатор из нуратинских каракалпаков сообщил следующее: «Невестка (келин) в аул жениха едет с женщинами (женге) и со своей матерью. За 500 м до дома (жениха) невестка слезает с лошади. От этого места она идет пешком и кланяется. С двух сторон ее идут две молодые женщины (келин) из этого аула и тоже кланяются.»

⁵ По ферганским каракалпакам см. Л. С. Толстова. «Каракалпаки Ферганской долины», стр. 120; по нуратинским — полев. запись С. Аметова № 20 за 1959 г.; по хорезмским — С. Камалов. «Каракалпакская свадьба».

⁶ Н. А. Кисляков. «Семья и брак у таджиков», стр. 207.

преобладали жители кишлака жениха. Угощение было столь же обильно, как и в доме невесты. На свадебных тоях и в доме жениха пели бахши, устраивали козлодрание и борьбу — так было и у ферганской, и у бухарской,¹ и у самаркандской группы каракалпаков. Так, А. П. Хорошхин сообщал, что у населения Сугута на родинах, помолвке и свадьбе устраивалось козлодрание («кокбури») и скачки с препятствиями.²

Основным обрядом во время свадебного тоя в доме жениха был «бет-ашар» — открытие лица невесты, которое производилось на второй день утром. До этого лицо невесты было закрыто белым покрывалом. Покрывало с лица невесты снимал заранее выделенный человек. Он требовал от присутствующих «коремлик» — плату за смотрение лица невесты, а потом знакомил невесту с свекором, свекровью и другими родственниками и односельчанами жениха. При этом сам он, а иногда и окружающие, пели «бет-ашар» — песни, носившие часто шуточный характер. Невеста кланялась каждому из названных лиц. Этот обычай был известен у хорезмских,³ ферганских,⁴ самаркандских⁵ и нуратинских⁶ каракалпаков, а также у ряда других народов (например, у таджиков⁷).

Вот примеры песен бет-ашар, записанных нами у самаркандских узбек-каракалпаков. Уважаемому человеку пели, например, так:

„Дарбазасы дангқ еткен,
Дангқы Самарканға кеткен,
Исак-бабамызға бир салам“.

Его ворота славные,
Его слава дошла до Самарканда,
Привет Исаку-баба.

А шуточный характер носили, например, такие куплеты:

„Тамбашнда паҳал йоқ,
Сипаласа саҳал йоқ,
Абдуллаға бир салам“.

На крыше нет стеблей,
Если погладить, нет бороды,
Абдулле привет.⁸

Свадебный той сопровождали и некоторые другие обряды, имевшие древнее происхождение, например, связанные с культом огня⁹

¹ Полев. записи автора №№ 48 и 49 за 1960 г.

² А. П. Хорошхин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 151.

³ С. Камалов. «Каракалпакская свадьба», стр. 44—50.

⁴ Л. Толстова, ук. соч., стр. 121.

⁵ Полев. запись автора № 31 за 1960 г.

⁶ Полев. запись С. Аметова № 20 за 1959 г.

⁷ Н. А. Кисляков, ук. соч., стр. 115—116.

⁸ Полев. запись автора № 31 за 1960 г.

⁹ Так, например, у ферганских каракалпаков одним из обрядов, которыми сопровождался приезд молодой в кишлак жениха, был следующий: «Около до-

или с магией. Изучение старинной свадебной обрядности представляет большой интерес для этнографов. Пиром в доме жениха заканчивается свадьба.

Свадебные обряды ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков обнаруживают ряд общих черт со свадебными обрядами каракалпаков Хорезмского оазиса. Однако наши замечания по свадебной обрядности малых групп каракалпаков носят предварительный характер, старинная свадебная обрядность этих групп нуждается еще в подробнейшем изучении и сопоставлении со свадебными обрядами окружающего узбекского и казахского населения.

* * *

Кроме свадеб большим семейным праздником (той) отмечалось рождение сына, особенно если он был первым. На тое по случаю рождения сына бывало обильное угощение родственников и односельчан, пели бахши, устраивались козлодрание (ылак), скачки (пайгага жиберу), борьба. Рождение дочери отмечалось значительно скромнее.

Мальчикам в возрасте от 7 до 12 лет, согласно мусульманской религии, делали обрезание (суннет), причем это событие также отмечалось тоем: резали барана, приглашали родственников и угощали их. Человеку, который совершал обрезание, дарилась рубаша, присутствующим — носовые платки. Такие семейные праздники устраивались у ферганских каракалпаков,¹ бухарских² и самаркандских.³

Очень разорительными для бедных слоев населения были многочисленные поминки, справляемые по покойному. Информаторы из ферганских каракалпаков нам сообщали: «После похорон устраивали первые поминки (ас). Второй раз устраивали поминки в ближайший четверг: эти поминки назывались худайы. Через 40 дней устраивали следующие поминки — кырки. После этого устраивали поминки в праздник руза-хайт (сколько бы месяцев не прошло). Через год устраивали последние поминки — жылы.»⁴ У кара-

ма жениха разжигали костер. Невестка должна была обойти вокруг него. После этого она могла войти в дом.» (Полев. запись автора № 21 за 1953 г.) Этот же обычай «очищения огнем» от влияния всяких «злых сил» известен также у ферганских узбеков (см. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, ук. соч., стр. 218), у таджиков (см. Н. А. Кисляков, ук. соч., стр. 193—194) и других народов; связан он с пережитками зороастризма у этих народов.

¹ Полев. записи автора №№ 12 и 13 за 1954 г.

² Из полевого дневника автора 1960 г.

³ См. указанные выше замечания А. П. Хорошхина о козлодрании и скачках, устраиваемых во время родин населением Сугута (ук. соч., стр. 16).

⁴ Полев. запись автора № 3 за 1954 г.

⁵ По сообщению членов фольклорной экспедиции КК Комплексного НИ института АН УзССР нуратинские каракалпаки справляли поминки трижды: после похорон, через 40 дней и через год. См. А. Каримов, А. Пахратдинов и С. Ниетуллаев, ук. соч., стр. 91.

калпаков Хорезмского оазиса также было принято в прошлом устраивать пятикратные поминки по умершим. И каждый раз считалось необходимым резать скот и устраивать угощение. Бедняки, чтобы справить поминки по своим умершим родственникам так, как этого требовало духовенство и как было установлено обычаем, совершенно разорялись и должны были залезать в долги или идти в кабалу к баям на долгие годы. Затраты на семейные события — свадьбы, тои по случаю рождения и обрезания сыновей, поминки — были вообще совершенно несоизмеримы с нищенским хозяйством значительной массы дехкан-бедняков и, наряду с основными причинами, ускоряли процесс разорения дехканства.

* * *

Подводя некоторые предварительные итоги рассмотрению семейных отношений малых групп каракалпаков в прошлом, мы можем отметить, что изучение этого вопроса представляет большой интерес, т. к. в их семейных отношениях и свадебных обрядах обнаруживаются пережитки далекой старины — патриархально-родовых отношений, а иногда и отношений матриархальных. При этом у малых групп каракалпаков до начала XX века бытовали некоторые обычаи, свойственные и каракалпакам Хорезмского оазиса (например, большие размеры калыма и взимание калыма в основном скотом — у ферганских, бухарских и самаркандских каракалпаков; большой размер свадебного тоя в доме невесты — у ферганских и нуратинских каракалпаков; обрядовые выкупы (каде) во время свадьбы — у ферганских, самаркандских и нуратинских каракалпаков, названия выкупов были в основном такими же, как у хорезмских каракалпаков — кол устатар каде, тос каде и др.).

Однако на семейные отношения и свадебные обряды малых групп каракалпаков оказали некоторое влияние и соседние народы. Так, у ферганских каракалпаков под влиянием соседних узбеков появился обычай затворничества женщины, что никогда не было свойственно каракалпакам Хорезмского оазиса. У ферганских и самаркандских каракалпаков не сохранилось обычая родовой экзогамии, что свидетельствует о том, что изживание пережитков родовых отношений у них зашло довольно далеко. На семейные отношения бухарских (в том числе и нуратинских) каракалпаков оказали некоторое влияние соседние казахи: например, у них экзогамия выражалась несколько по-иному, чем у хорезмских каракалпаков (см. выше); были некоторые отличия в свадебных обрядах (например, невесту в дом жениха везли на лошади, а не на арбе, как у хорезмских, самаркандских и ферганских каракалпаков, в свадебные песни, например, хаужар тоже вкладывалось несколько иное содержание, чем у каракалпаков Хорезмского оазиса).

Наряду с этими специфическими особенностями, в семейных отношениях ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков наблюдался целый ряд черт, общих для многих народов Средней Азии (каракалпаков хорезмских, узбеков, казахов, таджиков и др.),

что обуславливалось тем, что семейная жизнь этих народов определялась нормами мусульманского религиозного права — шариата, а также обычным правом (адат), имевшим много общего у этих народов. Такими чертами являются патриархальный характер семьи с неограниченной властью главы семьи, бесправное положение женщины, допускаемое шариатом многоженство, ранние браки, выплата за невесту калыма, ряд общих черт в свадебных обрядах и др.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА.

Религия и просвещение.

Тяжелые социальные условия, сложившиеся в Средней Азии в дореволюционный период, влияние реакционного мусульманского духовенства, крайняя нищета трудящихся обуславливали культурную отсталость каракалпаков, как и других народов, в прошлом. В таком положении находились каракалпаки и в Кокандском, и в Бухарском ханствах. Коканд, а особенно Бухара, являлись крупнейшими центрами мусульманской религии. Многочисленное духовенство (муллы, ишаны, ходжи, шейхи, имамы, казии и др.) оказывало большое влияние на все стороны жизни населения.¹ С помощью религии оно стремилось держать народ в повиновении и извлекать из религиозных предрассудков населения материальные выгоды для себя.

Религией каракалпаков был ислам суннитского толка. Духовенство внушало, что во избежание гнева божьего и наказания на том свете каждый должен выполнять обязанности мусульманина, которые часто бывали очень обременительны. Пять раз в день мусульмане должны были читать молитвы (намаз), что, впрочем, беднейшим населением обычно не соблюдалось за недостатком времени. Чрезвычайно вредным для здоровья было соблюдение месячного поста (руза), в течение которого от восхода до заката солнца нельзя было есть и пить. Особенно тяжело отражалось это на здоровье трудящихся, вынужденных работать целый день без еды и питья. Во время религиозных праздников Руза-хайд и Курбан-хайд считалось необходимым делать приношения духовенству. В праздник Курбан-хайд население должно было резать скот, что считалось жертвоприношением богу. Без духовенства не обходилось ни одно домашнее событие, муллы приглашались и на свадьбу, и на похороны, получая при этом значительное вознаграждение. Духовенство находило тысячи способов, чтобы обирать трудящихся: население содержало за свой счет причт мечетей (имам, азанчи), платило учителям религиозных школ (дамулла), вознаграждало казиев за суд, ишаны получали подношения от своих последователей — мюридов и т. д.²

¹ О духовенстве в Бухарском ханстве см. Н. Ханьяков. «Описание Бухарского ханства», стр. 189—206.

² Об эксплуатации дехкан, работающих на вакуфной земле, мы говорили выше — см. стр. 35, 45 и др.

Приношениями от населения жили многочисленные шейхи на мазарах (могилах мусульманских «святых»). Таких мазаров было много в Ферганской долине. Часть из них была известна по всей Ферганской долине и даже за ее пределами, туда приходили верующие мусульмане разных национальностей — искать исцеления, молиться о счастье, богатстве. Наливкин и Кушелевский упоминают такие мазары в Канибадаме, в Араване (Маргеланский уезд), в Наманганском уезде — мазар Падша-ата и др.¹ Некоторые мазары были местного значения — туда приходили молиться каракалпаки близлежащих кишлаков — например, мазар Хауп-буа, который посещали каракалпаки кишлака Мулькабад и соседних кишлаков и др.² На мазары стекалось множество народа в дни религиозных мусульманских праздников. Население верило, что принесение барана в жертву «святому» поможет им добиться того, чего они желали — исцеления от болезни, богатства и др. Особенно частыми посетительницами мазаров были женщины, молившиеся об исцелении своего бесплодия. Наживались на этих обрядах шейхи, так как шкуры и часть мяса верующие отдавали им. Поэтому шейхи были особенно заинтересованы в сохранении этих обычаев.

Степень влияния мусульманской религии у разных групп каракалпаков была различной. Меньше подверглись влиянию ислама каракалпаки, проживавшие совместно с казахами в северных районах Бухарского ханства. В. Радлов в 1868 году писал об этой группе так: «Киргизы и Каракалпаки чужды магометанского фанатизма. Они, правда, по наружности довольно строгие приверженцы ислама, даже строже самих Узбеков, но еще не проникнуты пылающим жаром фанатизма; кроме того, они ненавидят... ученых мулл, которые их всегда называют неверными, из-за некоторых обрядов, оставшихся у них от язычества».³ В Нуратинском районе Самаркандской области информаторы сообщали в 1959 г. участникам фольклорной экспедиции Каракалпакского комплексного НИИ института АН УзССР, что хотя каракалпаки были мусульманами, но мечетей у них не было.⁴

Пережитки доисламских верований бытовали и у других групп каракалпаков. У каракалпаков Ферганской долины, например, в дореволюционный период сохранялась вера в джинов, духов (авлие), пери (периште), албасты (которая, по повериям, всего больше старалась навредить роженицам) и в другие сверхъестествен-

ные существа. Сохранялись у них и пережитки шаманства. Бахши¹ устраивали сеансы камлания: били в бубен (чылдырма), доводили себя до экстаза пляской, пели заклинания — все это якобы для того, чтобы изгнать духов, находящихся в теле больного.² По материалам, собранным в 1958 г. членами фольклорной экспедиции Каракалпакского комплексного НИИ института АН УзССР, пережитки шаманизма существовали в прошлом и у туркестанских каракалпаков.³

Много пережитков доисламских верований можно обнаружить и в старинных каракалпакских свадебных обрядах (обряд очищения огнем, разнообразие магических приемы). На одежду, особенно детскую, нашивали амулеты (тумар), верили в заклинания, в дурной глаз и др.

Значительнее было влияние мусульманской религии у уральской группы каракалпаков, находящихся под воздействием соседних татар. А. Харузин в 1889 году писал об этой группе каракалпаков: «Каракалпаки тяготеют к татарам, быть может, даже в большей степени, чем киргизы. Это между прочим выражается в большей религиозности каракалпаков; они, например, никогда не дают ребенку имени без муллы, между тем как у киргизов это зачастую встречается».⁴

Обилие разнообразных суеверий, также как и слепая вера догмам мусульманской религии, наряду с общими социальными условиями, объяснялось также тем, что население не знало никакого образования, кроме религиозного. В религиозных школах — мектебах и медресе — молодежь воспитывалась в духе покорности ханам, религии и существующим феодальным порядкам. Поэтому ханы, духовенство и другие представители эксплуататорской верхушки были заинтересованы в существовании религиозных школ и отсутствии всякого светского образования.

Широко были распространены низшие религиозные школы — мектебы, которые чаще всего помещались при мечетях. Учителем (дамуллой) обычно бывал имам или азанчи той же мечети. В работах А. П. Хорошхина «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края» и Л. Н. Соболева «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе»⁵ указывается количество мечетей, школ и учеников в этих школах в каракалпакских кишлаках Сугутского и Шеразского туманов Зеравшанского округа в 70-х годах XIX века. Количество мечетей в целом превосходит количество школ, но в ряде кишлаков школ столько же, сколько мечетей, т. е. обычно школы помещались при мечетях (например, в дахе

¹ См. В. Н. Кушелевский. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. III, стр. 237—238; Наливкины, ук. соч., стр. 153—154.

² Из полевого дневника автора за 1954 г.

³ В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 73.

⁴ Полев. запись С. Аметова № 19 за 1959 г. У кенимехских каракалпаков, проживавших в оседлой полосе вдоль долины Зеравшана, в каждом ауле была одна мечеть. Полев. запись № 40 за 1960 г.

¹ У ферганских каракалпаков было два значения слова бахши: первое — певец, сказитель; второе — шаман (значение, равнозначное слову порхан у хорезмских каракалпаков).

² Полев. запись автора № 27 за 1954 г.

³ См. А. Каримов, А. Пахратдинов, С. Ниетуллаев, ук. соч., стр. 89.

⁴ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 40.

⁵ В «Списке населенных мест Зеравшанского округа», являющемся XV приложением к ук. выше работе Л. Н. Соболева.

Бишбалия Сугутского тумана было 3 мечети и 3 школы; в дахе Карамуюн — 2 мечети и 2 школы — по числу кишлаков, входящих в даху, и т. д.).¹ Большая часть школ были маленькими, их посещали 5—10 учеников, и только в таком крупном населенном пункте, как Джанбай, в двух школах училось 111 учеников.²

В мектеб обычно отдавали мальчиков 7—8 лет, а иногда и младше (с 5 лет).³ Учеников сначала заставляли заучивать арабскую азбуку, затем учили чтению корана на арабском языке и других религиозных книг; чтение книг на непонятных для учеников арабском или персидском языках фактически сводилось к бессмысленной зубрежке. Чрезвычайно тяжелые условия обучения в старом мектебе неоднократно описывались в литературе.

Девочек отдавали учиться довольно редко. Девочек учили учительницы (атун, хаял молла), обычно у себя на дому — тому же, чему и мальчиков, только в еще более сокращенном виде.⁴

Дети бедняков учились недолго — 2—5 лет. Не получив никаких действительных знаний в школе, они обычно уже через несколько лет утрачивали даже знание азбуки, вновь становясь неграмотными.

Еще в более худшем положении находилось обучение детей казахов и каракалпаков, проживавших в степях северной части Бухарского ханства. Только богатые посылали детей в мектебы городов Бухары, Нур-Аты и некоторых других. В степи же, по рассказам информаторов, «иногда приезжали муллы (из Бухары, Нур-Аты), 1—2 месяца учили детей, потом уезжали. Муллы бывали из узбеков, иногда из татар; своих мулл здесь не было.»⁵ Могли ли дети в таких условиях получить какие-то действительные знания? Если выезд в степь мусульманских проповедников в какой-то мере влиял на укрепление там религиозной идеологии ислама, то распространения даже элементарной грамотности в степях от таких наездов мулл из оседлой полосы ожидать было трудно.

В высшие религиозные школы — медресе — поступали лишь немногие. Только богатым было под силу отдавать своих детей в медресе, где полный курс обучения продолжался 15—20 лет. Медресе были в городах и крупных кишлаках Бухарского и Кокандского ханств. В Бухарском ханстве в 1843 году насчитывалось 180—200 медресе.⁶ Особенно много медресе было в городах Бухаре и Коканде. По сведениям В. и М. Наливкиных⁷ в Коканде насчитывалось 14 медресе.

¹ А. П. Хорошхин, ук. соч., стр. 154. См. также полев. запись автора № 25 за 1960 г.

² «Список населенных мест Зеравшанского округа». Приложение XV к работе Л. Н. Соболева «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе.»

³ Н. Ханыков «Описание Бухарского ханства», стр. 210—211.

⁴ Полев. запись автора №№ 15 и 27 за 1954 г. и № 25 за 1960 г.

⁵ Полев. запись автора № 52 за 1960 г.

⁶ Н. Ханыков. «Описание Бухарского ханства», стр. 223.

⁷ Наливкины. «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы», стр. 60—64.

Обучение в медресе проводилось в духе средневековой схоластики. Изучали там арабский язык, богословие, право и — иногда — начатки арифметики и геометрии, а также логику и науку о диспутах. Как сообщает Н. Ханыков, в бухарских медресе изучалось более 137 книг, но все они были очень однообразны: учащиеся медресе «изошрались лишь в вопросах веры.»¹ Медресе были рассадниками религиозного фанатизма. Окончившие медресе или обучали детей в школах-мектебах или занимали различные духовные должности (судий и др.).²

После присоединения к России в Ферганской и Самаркандской областях впервые появились общеобразовательные школы. В 1886 году в уездных центрах Ферганской области для местных жителей было открыто 5 русско-туземных школ.³ В Самаркандском уезде в 1897 году было 2 русско-туземных школы с 52 учащимися; в Катта-Курганском уезде — 1 русско-туземная школа.⁴ Основной целью организации русско-туземных школ была подготовка преданных царским властям и знающих русский язык представителей местной администрации, писарей, переводчиков. Несмотря на такую целевую установку, эти школы, безусловно, имели прогрессивное значение, так как впервые давали хотя бы элементарные общеобразовательные знания (там учили русскому языку, арифметике и другим общеобразовательным предметам). Однако этих школ было очень мало,⁵ и обучение в этих школах было доступно лишь богатым. Нам называли ряд лиц из богатых семей, учившихся в Кокандской русско-туземной школе: например, мулла Шамурат из кишлака Мулькабад, мулла Жура из кишлака Ак-Тепе,⁶ а также в Самаркандской русско-туземной школе (Рустамов Абдугани из кишлака Караки)⁷ и др. Основная же масса детей местного населения, в том числе ферганских и самаркандских каракалпаков, по-прежнему получала лишь религиозное образование в мектебах старого типа.

Не удивительно, что при таком состоянии народного образования процент грамотных среди каракалпаков был чрезвычайно низким. По материалам «Первой всеобщей переписи населения

¹ Н. Ханыков, ук. соч., стр. 222.

² Нам называли ряд лиц из самаркандских каракалпаков, учившихся в прошлом в Бухарском медресе: Молла Хамре Мамадияров из кишлака Жан-Кораз, Молла Хожакул из кишлака Беш-Бала и др. (Полев. запись автора №№ 14 и 25 за 1960 г.).

³ Кушелевский, ук. соч., т. II, стр. 336.

⁴ М. Вирский. «Статистические сведения по городам и волостям уездов Самаркандской области за 1897 г.» См. «Справочная книга Самаркандской области», 1898 г.

⁵ К 1903 году количество русско-туземных школ в Ферганской области увеличилось до 17, причем при них были открыты курсы для взрослых жителей, но и этого было совершенно недостаточно на всю Ферганскую область. См. Ежегодник Ферганской обл. Вып. III. Ферг. обл. в 1903 г. Н. Маргелан, 1904 г.

⁶ Полев. запись автора № 27 за 1954 г. Эти кишлаки вошли в состав Фрунзенского района Ферганской области.

⁷ Полев. запись автора № 25 за 1960 г.

Российской империи 1897 года» из 11056 каракалпаков, проживавших в Ферганской области, грамотными оказались всего 55 человек,¹ т. е. меньше 0,5 процента.

И в начале XX века грамотность каракалпаков продолжала оставаться очень низкой. Интересные сведения, характеризующие уровень грамотности каракалпаков, в том числе их малых групп, в первые годы после Октябрьской революции приведены в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года по Казахской АССР и Узбекской ССР. В 1926 году из 118184 каракалпаков, проживающих на территории Казахской АССР, грамотными оказались 1526 мужчин и 117 женщин,² т. е. 1,39 процента. Процент грамотных среди каракалпаков, проживающих на территории Узбекской ССР, составлял 1,1, колеблясь по отдельным округам вокруг этой цифры.³

Особенно мало было грамотных женщин-каракалпачек. Например, из 6464 женщин-каракалпачек, проживавших в 1926 году в Андижанском округе, грамотными оказались всего 2 женщины.⁴

Низкий уровень грамотности в основных местах расселения каракалпаков, сохранившийся еще в первые годы Советской власти, являлся тяжелым наследием предыдущих столетий — веков господства патриархально-феодалных отношений, гнета ханской власти и засилия мусульманского духовенства.

Несколько лучше было положение в Уральской губернии, с давних пор входившей в состав России: из 1147 каракалпаков, проживавших здесь, в 1926 году были грамотными 218 мужчин и 82 женщины,⁵ т. е. процент грамотных здесь составлял 26,1.

Народное творчество.

Несмотря на тяжелые условия жизни, каракалпаки в различных местах расселения развивали свое богатое устное народное творчество. А. Д. Гребенкин в 1872 году так писал о зеравшанской группе каракалпаков: «Каракалпаки любят пение; у них есть певцы, воспевающие подвиги каракалпакских богатырей. Играющие на дутаре и сказочники в почете».⁶

Известный казахский ученый-просветитель Ч. Ч. Валиханов писал в середине XIX века о том, что «каракалпаки почитаются в

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., стр. 76—77, т. 89, СПб, 1899—1905 гг.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII. Казахская АССР, стр. 19. По материалам этой же переписи процент грамотных каракалпаков по Сыр-Дарьинской губернии составлял 3,3 (стр. 34).

³ В Андижанском округе процент грамотных каракалпаков составлял лишь 0,99 процента; в Кенимехском р-не — 1,29 процента и т. д. См. Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV, Узбекская ССР, стр. 9, 14, 48. Там приводятся абсолютные цифры. Проценты вычислены нами.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. VIII, Казахская АССР, стр. 36.

⁶ А. Д. Гребенкин. «Узбеки», стр. 99.

степях первыми поэтами или песенниками»¹ и приводил народную легенду, образно объясняющую песенное мастерство сырдарьинских каракалпаков и записанную им в 1841 году от акына Джумагула.

Эта легенда, или «рапсодия», как ее называет Ч. Валиханов, начинается так: «Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась ночевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону реки Сыра. Весть о прибытии невиданной и неслыханной гостьи разнеслась с быстротою стрелы во все стороны. Бесчисленное множество каракалпаков, собравшись в счастливом ауле, слушали дивную гостью с самого начала вечера и до самой утренней зари, пока наконец Песня устала и легла спать. Тысячи рассказов, повестей, песен, и историй голосистой гостьи сохранили в памяти бесчисленные каракалпаки.»² Эта легенда показывает, что песенное мастерство каракалпаков признавалось и другими народами (например, казахами).

Экспедиционные исследования, проводившиеся в последние годы, подтвердили широкое распространение фольклорных произведений среди малых групп каракалпаков. В 1953—1954 гг. автором были собраны некоторые материалы по фольклору каракалпаков Ферганской долины, которые вошли в опубликованную работу об этой группе каракалпаков.³ В 1958 и 1959 гг. Каракалпакский Комплексный НИИ институт организовал специальную экспедицию по изучению фольклора малых групп каракалпаков. Участниками экспедиции были собраны значительные фольклорные материалы среди каракалпаков, проживающих в Кенимехском, Навоийском (бывшем Кермининском) и Тамдынском районах Бухарской области и Нуратинском районе Самаркандской области, а также среди каракалпаков Ферганской области; члены экспедиции побывали также среди небольшой группы каракалпаков, в значительной мере ассимилировавшихся с узбеками, в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, собрав и там кое-какие сведения. Эти представляющие большой научный интерес материалы еще в значительной степени не обработаны и хранятся в архиве Каракалпакского филиала Академии Наук УзССР.⁴

На основании собранных материалов были опубликованы две статьи в журнале «Аму-Дарья»: представляющая значительный научный интерес статья К. Максетова «Бухарадағы қарақалпақ жырау-бақылары»,⁵ а также статья А. Каримова, А. Пахратдинова и С. Ниетуллаева «Жоқарғы қарақалпақтар туралы жанға мағлұматлар»,⁶ которая, по нашему мнению, носит поверхностный харак-

¹ Записки РГО, т. XXXIX, 1904 г., стр. 223.

² Там же.

³ Л. С. Толстова. «Каракалпаки Ферганской долины». Нукус, 1959 г., стр. 22—26, 132—134.

⁴ См. полевые записи А. Каримова, А. Пахратдинова, С. Ниетуллаева за 1958 г., полевые записи К. Максетова, А. Каримова, А. Пахратдинова, С. Ниетуллаева, Абдуллаева, Мамбетназарова и С. Аметова за 1959 г.

⁵ Журнал «Аму-Дарья», 1960 г. № 6, гор. Нукус.

⁶ Журнал «Аму-Дарья», 1959 г., № 4, гор. Нукус.

тер и, наряду с отдельными интересными фактами, содержит целый ряд ошибок и неточностей. Но большая часть собранного фольклористами интереснейшего материала нуждается еще в систематизации и обработке.

Наконец, в 1960 г. Зеравшанским этнографическим отрядом Каракалпакского филиала АН УзССР, работавшим под руководством автора, также были собраны некоторые материалы по фольклору самаркандских узбек-каракалпаков и бухарских каракалпаков, частично освещенные в главе I, а также в указанных выше опубликованных статьях.¹

Таким образом, по фольклору малых групп каракалпаков уже накоплен довольно значительный материал; как фольклористам, так и в некоторой степени нам, этнографам, необходимо продолжать его обработку, а также сбор новых материалов как среди вышеупомянутых групп, так и среди групп, еще оставшихся необследованными (например, уральской).

На основании обследования было выяснено, что жанры фольклора каракалпаков упомянутых групп разнообразны — это героический эпос и любовно-лирические дастаны, исторические легенды и генеалогические предания, сказки, песни (исторические, обрядовые — свадебные, похоронные и др.), пословицы, поговорки, загадки. В фольклоре народ воспевал подвиги богатырей — защитников народа от иноземных захватчиков, остроумно высмеивал эксплуататоров, выражал недовольство тяжелой жизнью, вспоминал легендарную землю предков, мечтал о светлом будущем.

Фольклор каждой из малых групп каракалпаков, наряду с общими чертами, сближающими его с устным народным творчеством каракалпаков Хорезмского оазиса, имеет свои характерные особенности, исторически сложившиеся за долгие годы их обитания отдельными, изолированными друг от друга группами, находящимися в инациональном окружении (среди узбеков, казахов). Можно выделить в этом отношении ферганскую, самаркандскую, бухарско-нуратинскую и туркестанскую группы каракалпаков; можно говорить об излюбленных дастанах, наиболее известных сказителях, распространенных музыкальных инструментах этих групп каракалпаков, особенностях их исторических легенд и т. д.

Сказители (бахши) ферганских каракалпаков пели дастаны «Алпамыш», «Гор углы», «Рустам», «Ауез-хан», «Раушан-бек», «Юсуп и Ахмед» и др. Однако эти дастаны были известны и узбекам, и другим народам Средней Азии.² О таком же собственно ка-

ракалпакском старинном дастане, как «Кырк Кыз», восходящем еще к далеким предкам каракалпаков, они утратили память.

Дастаны пелись сказителями под аккомпанемент струнных щипковых инструментов — дутара и читара. Смычковый музыкальный инструмент — кобуз — тоже бытовал среди ферганских каракалпаков, однако под его аккомпанемент не пели: на нем лишь играли музыканты (хатамбул). У хорезмских же каракалпаков героические дастаны сказители (жырау) пели именно под аккомпанемент этого инструмента.

Среди каракалпаков Ферганской долины были особенно известны такие сказители, как Асракул-бахши, Базар-бахши, Ергаш-букир, Юсуф-бахши, Маткул-бахши¹ и другие, исполнявшие упомянутые дастаны. Сказители из ферганских каракалпаков, безусловно, находились под сильным влиянием узбекского фольклора.²

По бухарской группе каракалпаков фольклористами собрано значительное количество материалов, освещающих их устное народное творчество. Кое-какие материалы по фольклору этой группы собрал и наш отряд. Бухарские каракалпаки поддерживали связь с каракалпаками Хорезмского оазиса (вследствие сравнительной территориальной близости этих групп). Поэтому фольклор бухарских каракалпаков сохранил больше специфических национальных особенностей.

Связи между бухарской группой каракалпаков и каракалпаками Хорезмского оазиса восходят еще ко временам переселения этих групп каракалпаков с Сыр-Дарьи (к середине XVIII века), ко временам жизни и творчества крупнейшего каракалпакского народного шайра Жиена-жырау. Некоторые интересные факты из его биографии мы находим в работе Н. Давкараева «Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы».³ Жиен-жырау, бывший очевидцем и участником труднейшего переселения каракал-

записаны, и не проведен сравнительный анализ их с одноименными узбекскими и хорезмскими каракалпаками дастанами. Так что делать выводы пока преждевременно.

¹ См. Л. С. Толстова, ук. соч., стр. 483; А. Каримов, ук. соч., стр. 94.

² То же можно сказать и о сказителях из самаркандских каракалпаков. По сообщению информаторов, здесь исполнялись такие дастаны, как «Алпамыш», «Гор углы», «Юсуп-Ахмед», «Рустам», «Фархад и Ширин» и др. (Полев, записи автора №№ 2, 8, 14 и др. за 1960 г.). Один из информаторов, правда, упомянул и о том, что у них был и дастан «Гулам» (Полев, запись автора № 14 за 1960 г.), однако эти сведения еще нуждаются в проверке. Информаторы называли нам следующих сказителей из самаркандских каракалпаков: Расул-бахши (Полев, запись автора № 2, К. Ак-Тепе-Митан), Ташнияз, сын Тулебая и Корма-жырау (Полев, запись автора № 8 за 1960 г., кишл. Коянчи), жырау Тохта-гарры (Полев, запись автора № 34 за 1960 г., кишл. Кудуклы) и др. Приезжали сюда сказители и с территории Бухарского ханства. В кишлаке Беш-Бала (Булунгурский р-н, Самаркандской области) нам рассказывали: «В прежние времена, когда мы были детьми, со стороны Бухары приезжали сказители (жырау), в течение месяца исполняли дастаны «Алпамыш», «Гор углы», потом уезжали» (Полев, запись автора № 25). Сказители пели под аккомпанемент домбры.

³ Ташкент, 1959 г.

¹ См. выше, стр. 3.

² А. Каримов и другие авторы в ук. выше статье пишут о таких дастанах ферганских каракалпаков, как «Алпамыш», «Гор углы» и «Юсуп и Ахмед»: «Строение сюжета этих дастанов, имена героев в точности совпадают с нашими (хорезмскими каракалпаками — Л. Т.) современными дастанами. Например, все события дастана «Юсуп-Ахмед» соответствуют нашему дастану и его главные герои — те же: Юсупбек, Ахмедбек, Бабакамбар, Мырза Мухаммед, Каракоз Айым и др.» (Ук. соч., стр. 94). Однако информаторы могли сообщить исследователям только краткое содержание дастанов прозой. Сами дастаны еще не

паков с берегов Сыр-Дарьи на территорию Хорезмского оазиса и описавший этот переход и связанные с ним трагические события в замечательной поэме «Поскан ел» («Разоренный народ»), «недолго оставался в Хорезме и переехал к «верхним» каракалпакам в район Туркестана, а потом в Нур-Ата, Кенимех, где протекала его дальнейшая жизнь и развивалась творческая деятельность».¹ Жиена-жырау исполнял там замечательный народный эпос «Гулаим» («Қырк Қыз»), в оформлении последнего варианта которого он сыграл ведущую роль.² У Жиена-жырау среди бухарских (нуратинских, кенимехских) каракалпаков были ученики и последователи. Жырау Курбанбай Тажобаев, живший в Турткульском районе ККАССР, от которого был записан дастан «Қырк Қыз», являлся учеником жырау Жиенмурата Бекмухаметова (1839—1902 гг.), жившего там же. «Жиенмурат, в свою очередь перенял поэму «Гулаим» от жителя Нур-Ата жырау Халмурат-казаха из каракалпакского рода Анна, Халмурат перенял от жырау Шанкая,³ Шанкай — от жырау Кабула из рода Кайшылы, Кабул — от... жырау Жиена Тай-гай улы...»⁴.

Сказители Халмурат, Шангкот и Кабул жили в районах Нур-Аты, Кенимеха, Зеравшана. Таким образом, именно сказители из бухарских каракалпаков помогли сохранить этот интереснейший каракалпакский дастан и передать его сказителям из каракалпаков Хорезмского оазиса. Пока не удалось выявить среди бухарских каракалпаков каких-либо воспоминаний или легенд о Жиене-жырау; но поиски этих материалов прекращать не следует.

Известно было бухарским каракалпакам также творчество классиков каракалпакской литературы XIX века Ажинияза и Бердаха. Среди каракалпаков Бухарской области до сих пор известны в народе произведения Ажинияза «Қыз Менгеш пенен айтысы» («Состязание в песнях с девушкой Менгеш») и поэма «Боз-атау»,⁵ а также произведение Бердаха «Шежире».⁶

Некоторые народные шайры и сказители из хорезмских каракалпаков приезжали в степь к бухарским каракалпакам, жили там в течение некоторого времени, исполняли свои произведения, по-

том вновь уезжали. Так, по собранным нами сведениям, в XIX в. сюда приезжали Оташ-шаир и Сарыбай-жырау.¹

Такие фольклорно-литературные связи бухарских и хорезмских каракалпаков, безусловно, способствовали более долгому сохранению у бухарских каракалпаков черт, характерных для каракалпакского фольклора.

Среди жырау бухарских каракалпаков наиболее известными были следующие: Калмурат-жырау и его сын знаменитый каракалпакский жырау Шангкот, живший в XIX веке, его сын (по другим сведениям младший брат) Куандык; известный жырау Бегмурат, бывший учеником Курбана-жырау (ученика Шангкота).

Наиболее крупными сказителями среди бухарских каракалпаков были Шангкот-жырау (известный у хорезмских каракалпаков под именем Шангкай) и Бегмурат-жырау. Описание жизни и творчества этих сказителей приводится в работе К. Максетова «Бухарадағы қарақалпақ жырау-бақсылары».² Шангкот родился, по сообщению информаторов, около 140 лет назад (т. е. приблизительно в 1820 г.) и умер 70—75 лет назад (т. е. в 1885—1890 гг.). Родился он где-то на территории Нуратинского района Самаркандской области или Кенимехского района Бухарской области, точно информаторы не помнят. Но некоторые информаторы сообщают, что летние месяцы Шангкот проводил в окрестностях колодцев Бесапан — Бескак за Кенимехом.³ Происходил Шангкот из каракалпакского рода мангыт, тире оймаут.⁴ Предки Шангкота тоже были сказителями. Шангкот пел дастаны «Алпамыс», «Ер Ахмед и Ерназар», «Рождение Гор-углы», «Кунтугмыш», «Малика айяр», «Толыбай-сыншы», «Шийрин-Шекер», «Ауезхан», «Далли Айым» и др. Эти же дастаны исполняли впоследствии и его ученики. Наряду с этими дастанами он исполнял также и старинный каракалпакский дастан «Қырк Қыз», который, как уже указывалось выше, он перенял от жырау Кабула, ученика Жиена-жырау.⁵

Характерной особенностью Шангкота, как сказителя, было то, что он исполнял дастаны под аккомпанемент типичного каракалпакского кобыза, тогда как узбекские сказители и более поздние сказители из бухарских каракалпаков пели под аккомпанемент лакая (музыкальный инструмент, напоминающий дутар).⁶ Кроме народных дастанов, Шангкот исполнял многие терме (белые стихи), тол-

¹ Н. Давкараев, ук. соч., стр. 114.

² Мы здесь не будем затрагивать дискуссионного вопроса об авторстве Жиена-жырау в отношении этого эпоса, этот вопрос непосредственно не относится к нашей теме. Об этом см. специальную литературу (Н. Давкараев, ук. соч., стр. 109—115, С. Камалов «Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX вв.», Нукус, 1958 г., стр. 22—23, К. Максетов «Каракалпакский героический эпос «Қырк Қыз». Автореферат диссертации. Ташкент, 1958 г., стр. 4—5).

³ По сведениям, собранным К. Максетовым, в действительности поэтическим прозвищем этого сказителя было Шангкот-жырау. См. ук. выше работу К. Максетова, стр. 80.

⁴ Н. Давкараев, ук. соч., стр. 113—114.

⁵ С. Ниетуллаев. «Жоқары қарақалпақлардың әдеби мирасларынан паршалар». Газ. «Жас ленинши», 19/II—1960 г.

⁶ Полев. записи автора №№ 40 и 42 за 1960 г.

¹ Полев. записи автора №№ 49 и 52 за 1960 г.

² Ж. «Аму-Дарья», 1960 г., № 6.

³ Сведения об этом взяты из статьи С. Ниетуллаева «Жоқары қарақалпақлардың әдеби мирасларынан паршалар». Газ. «Жас ленинши», 19/II—1960 г.

⁴ По сведениям наших информаторов Шангкот происходил из рода кенегес (Полев. запись автора № 49 за 1960 г.). Нам это кажется более правильным, поскольку у хорезмских каракалпаков тире оймаут относится к роду кенегес.

⁵ См. Н. Давкараев, ук. соч., стр. 113—114. О том, что Шангкот-жырау исполнял эпос «Қырк Қыз» см. полевую запись автора № 40 за 1960 г., а также полев. зап. Каримова, Пахратдинова и статью С. Ниетуллаева в «Жас ленинши». К. Максетов этот вопрос в своей статье оставляет открытым.

⁶ Без ладов, но с двумя струнами.

гау (исторические поэмы) и песни, среди которых были и его собственные. Он был не только сказителем, но и талантливым импровизатором. В ряде своих песен он отразил тяжелые условия жизни каракалпаков в Бухарском ханстве (см. приведенные выше — на стр. 68 слова Шангкота о положении каракалпаков в селении Жангаабад). О глубоком уважении к своему народу свидетельствуют такие слова, приписываемые народом Шангкоту:

Айтуши ақын болсада,
Тынлаушы — дана деген¹, т. е.
«Если сказитель — акын,
То слушатель — мудрец.»²

Шангкот был грамотным человеком, знал произведения Навои и Физули; он исполнял многие песни великого туркменского поэта XVIII века Махтумкули, иногда изменяя их и вкладывая в них свое новое.

По мастерству и силе исполнения Шангкот считался одним из лучших жырау своего времени; он участвовал в соревнованиях (айтыс) с таким крупным узбекским жырау, как Ергаш, сын Жуман-бульбуля.

У Шангкота было много учеников, как из бухарских каракалпаков и узбеков, так и с территории современной Каракалпакии. Многие жырау из каракалпаков Хорезмского оазиса усовершенствовали свое мастерство у Шангкота. Произведения Шангкота были распространены и в Бухаре и на территории Каракалпакии; некоторые из этих произведений известны в народе и в наши дни под названием «Шангкот-нама». Одно из таких произведений (в сопровождении соответствующей мелодии) К. Максетов слышал и среди бухарских каракалпаков, и от Отенияз-жырау, из каракалпаков Хорезмского оазиса. Все это является ярким подтверждением того, что фольклорно-литературные связи между каракалпаками Хорезмского оазиса и бухарскими каракалпаками были довольно тесными и это оказывало влияние на фольклор обеих групп каракалпаков. Однако, на фольклор бухарских каракалпаков оказал значительное влияние и узбекский фольклор, как это убедительно доказывает К. Максетов в своей работе.²

Другим известным сказителем из бухарских каракалпаков был Бегмурат-жырау (1891—1955 гг.). Большая часть его творческого пути проходит в годы Советской власти, однако началось его творчество еще в дореволюционный период. Бегмурат Журабаев родился в 1891 году в кишлаке Котыр Нуратинского района; большую часть своей жизни он проводит в местности Кырк-Кудук в окрестностях Нур-Аты. Бегмурат-жырау происходил из каракалпакского рода мангыт. Его учителем был Курбан-жырау, ученик

¹ Полев. запись автора № 49 за 1960 г.

² См. К. Максетов, ук. статья. Узбекское влияние сказалось и на языке жырау бухарских каракалпаков. Об узбекском и казахском влиянии на язык малых групп каракалпаков см. ниже, в «Заключении».

Шангкота. Бегмурат-жырау начал заниматься сказительством с молодых лет. В его репертуар входили те же дастаны, что и у Шангкота (кроме дастана «Кырк Кыз»), однако более всего в дореволюционные годы он исполнял дастаны «Алпамыс», «Ауезхан», «Шийрин-Шекер». Бегмурат-жырау, как и узбекские сказители, исполнял свои произведения под аккомпанемент лакая. Расцвет творчества Бегмурата-жырау приходится на годы Советской власти. Он занимался сказительством в районах Нур-Аты, Кенимеха, Гиждувана, Самарканда, Кзыл-Тепе, Карши и др. Подробно на этом периоде творчества Бегмурата-жырау мы останавливаться не будем, поскольку это выходит за пределы рассматриваемой нами темы.¹ Отметим лишь, что его творчество получило широкую известность среди узбекского народа и было высоко оценено Правительством Узбекистана: ему было присвоено звание народного шайра Узбекской ССР; он был членом Союза писателей Узбекистана; многие из исполняемых им дастанов были записаны узбекскими фольклористами; его творчеством интересовался писатель-академик Айбек.

Творчество Бегмурата-жырау «с одной стороны развивает традиции известного каракалпакского жырау Шангкота, с другой стороны на его творчество оказали сильное влияние и узбекские бахсы».² И это двойное влияние нашло отражение и в репертуаре Бегмурата-жырау, и в особенностях его исполнения, оборотах речи, мелодиях. «Поэтому имя Бегмурата-жырау занимает место и в истории узбекского фольклора, и в истории каракалпакского фольклора», — отмечает К. Максетов. Этот исследователь в своей статье поднимает большой вопрос о взаимном влиянии каракалпакского и узбекского фольклора, о традиционных культурных связях родственных народов. Глубокое изучение этого вопроса еще предстоит исследователям. Бегмурат-жырау исполнял дастаны и среди каракалпаков, и среди узбеков, и среди казахов. Население Бухарской и Самаркандской областей с глубоким уважением вспоминает о своем любимом жырау.

Хотя некоторые сказители из бухарских каракалпаков пели под аккомпанемент лакая, но каракалпакский кобыз до сих пор бытует среди этой группы каракалпаков. Например, Торемурат-бахсы, живущий ныне в Кенимехском районе Бухарской области, поет под аккомпанемент кобыза. В прошлом женщины бухарских и самаркандских каракалпаков играли на шын-кобызе,³ таком же, как и у каракалпаков Хорезмского оазиса.

В Туркестанском районе Южно-Казахстанской области информаторы сообщили фольклористам, что раньше, когда в Туркестане было много каракалпаков, у них были свои шайры, жырау и бахсы, которые на тоях и вечеринках исполняли дастаны «Гор углы»,

¹ Об этом см. в указанной выше статье К. Максетова.

² См. там же.

³ Шын-кобыз — губной музыкальный инструмент. Мы встретили этот музыкальный инструмент в кишлаке Жан-Кораз, Булунгурского района, Самаркандской области.

«Юсуп-Ахмед» и другие. Среди туркестанских каракалпаков и казахов до сих пор сохранились воспоминания о знаменитом каракалпакском шаире XIX века Ажиниязе Косыбай улы. Много путешествовавший Ажинияз жил некоторое время среди казахов Западного Казахстана и нижней Сыр-Дарьи, бывал он и у туркестанских каракалпаков. Там он создал ряд своих произведений. Творчество Ажинияза получило широкую известность среди казахского народа. Информаторы об этом говорили: «Ажинияз был каракалпакским шаиром, а среди казахских ахунов его называли казахским певцом... В казахской степи нет старика, не знающего Ажинияза».¹ Этот пример ярко иллюстрирует давние дружеские связи и творческое сотрудничество казахского и каракалпакского народов. Среди сырдарьинских каракалпаков и казахов этого шаира называли Ажиниязом, Хажиниязом и Хажу-ахуном.

Таковы основные сведения, которыми мы располагаем в настоящее время относительно дастанов, распространенных среди малых групп каракалпаков, и о наиболее известных сказителях.

Теперь перейдем к краткому обзору небольших фольклорных произведений этих групп.

Большой научный интерес представляют исторические легенды о прошлом каракалпаков, о путях их переселений, широко распространенные среди ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков, а также исторические песни, связанные с этими легендами. Предания эти, передаваемые от отца к сыну, от деда к внуку, безусловно, отражают до известной степени ход исторических событий, и их можно использовать, как вспомогательный исторический источник, относясь к ним, конечно, строго критически. Выше (глава I, раздел 1), при рассмотрении путей переселения малых групп каракалпаков, мы приводим и основные сведения по этому вопросу, имеющиеся в народных исторических легендах, в сопоставлении с данными письменных источников. Добавим здесь еще несколько слов о народных исторических легендах.

Интересно, что легенды о переселении и о местах прежнего обитания ферганской, самаркандской и бухарской групп каракалпаков звучат несколько по-разному. Ферганские и самаркандские каракалпаки местом своего прежнего обитания называют Жидели-Байсун, но по-разному локализуют эту легендарную землю предков. В большинстве легенд, записанных у ферганских каракалпаков в 1927 г. Х. Т. Зарифовым, в 1953—54 гг. нами и в 1958—59 гг. членами фольклорной экспедиции КК Комплексного НИИ института АН УзССР, местоположение Жидели-Байсуна указывается в низовьях Сыр-Дарьи или вообще в бассейне Аральского моря.

Приведем некоторые примеры. Информатор Н. Назаров из колхоза им. Калинина, Фрунзенского района, Ферганской области

¹ А. Каримов и др., ук. соч., стр. 92. О широкой известности творчества Ажинияза среди казахов см. также Н. Давкараев: «Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы», стр. 163.

сообщил: «Я слышал, что по тому месту, где жили каракалпаки, протекала Сыр-Дарья и соединялась с морем. То место, где жили каракалпаки по берегам реки, называлось Жидели-Байсун... Также я слышал, что от того места, где жили каракалпаки, недалеко находился Хорезм»¹. Во многих вариантах легенды говорится, что каракалпаки в Ферганской долине расселились вдоль Сыр-Дарьи потому, что они надеялись при первом удобном случае уплыть на лодках и плотах вниз по течению Сыр-Дарьи, в Жидели-Байсун². Это также показывает, что существует представление о нахождении Жидели-Байсуна где-то в низовьях Сыр-Дарьи, куда можно добраться, плывя вниз по этой реке.

Большой интерес представляет одна из легенд, записанных у ферганских каракалпаков Х. Т. Зарифовым в 1927 году, когда легенды были еще более живы в памяти населения. Приведем ее полностью.

«В Жидели-Байсуне было 4 сан каракалпаков и 6 сан казахов. У каракалпаков был бек Урман-бий. После него осталась только дочь. Казахи протестовали, что женщина будет бием, и избрали бия из казахов. Когда был выбран бий из казахов, последние забрали пастбища каракалпаков, которые назывались Жаик. Тогда каракалпаки собрались, посоветовались и сказали:

т. е.
„Эдилди алды — элди алды,
Жаикти алды — жайди алды,
Энни алмаган не қалды?».

„Забрали Едил — забрали народ.
Забрали Жаик — забрали земли,
Теперь что осталось, не взятое ими?».

Решили поселиться в другом месте. Дочь Урман-бия сказала: «Есть местность Самарканд, с унынием пойдете туда, согнувшись будете жать (собирая урожай). Кнут получите на шею, кровь будет течь по телу». Каракалпаки не обратили внимания на ее слова. Две тысячи семей собрались и убежали ночью от казахов. Когда дошли до Ак-Мечети, из этих 2 тысяч семей (уй) половина через степь отправилась в Самарканд и в сторону Бухары; половина — в сторону Ташкента. Прибыли в Ташкент обедневшие, голодные, напали на базар в городе. Население не могло бороться с ними и сообщило кокандскому эмиру. Эмир приехал с войском в Ташкент, сражался с ними. Через некоторое время эмир победил и всех забрал в Коканд» (Х. Т. Зарифову сообщил в 1927 году Муллабаба Бабаяр, сын Халмурат-ата, 59 лет, Кош-Тепе, Кокандского уезда).³

¹ Полев. запись автора № 15 за 1954 г.

² Полев. запись автора № 62 за 1953 г. и др.

³ Сообщено Х. Т. Зарифовым в личной беседе. Ормамбет-бий (Урман-бий) — историческое лицо, ногайский мирза, правивший на Жаике (Урале) в конце XVI в., когда каракалпаки еще не выделились из состава Большой Ногайской орды (См. Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракал-

В этом народном предании для нас интересно то, что название Жидели-Байсун носит совершенно легендарный характер и расположение этой местности определяется где-то в стороне Едилы (Волги) и Жайка (Урала). Несомненный интерес представляет также то, что из Жидели-Байсуна каракалпаки идут на юг через Ак-Мечеть (современная Кзыл-Орда), откуда часть из них направляется в сторону Бухары и Самарканда, часть — в сторону Ташкента. Все это показывает, что речь идет не о Байсуне Сурхан-Дарьинской области, хотя точно место Жидели-Байсуна не определено. Приведенные материалы позволяют нам утверждать, что название Жидели-Байсун относилось прежде, в отдаленные времена, когда, возможно, еще не сложились узбекская, казахская и каракалпакская народности, к Приаралью.¹

Интересный вариант легенды записан у каракалпаков Ферганской долины участниками фольклорной экспедиции. Информаторы рассказывали им так: «По словам наших дедов и прадедов раньше мы проживали в Жидели-Байсуне, в местностях Сыганак (Шганак) и Семиз-Арал...»².

В этом варианте легенды чрезвычайно интересно для нас упоминание Сыганака — по-видимому, это несколько измененное название города Сыгнака, который был расположен недалеко от г. Туркестана; в окрестностях этих городов упоминаются каракалпаки в источниках XVI—XVIII вв.³

«Впоследствии каракалпаки переселились, не выдержав притеснений казахского хана, — говорится далее в этом варианте легенды. — Одна часть этих каракалпаков поселилась в окрестностях

паков», стр. 129—130). Легенды и песни об Ормамбет-бии широко распространены у разных групп каракалпаков. Хорезмские каракалпаки в своих исторических поэмах рассказывают об Ормамбет-бии и его дочерях. У самаркандских узбек-каракалпаков нами также была записана легенда об Ормамбет-бии, начало которой звучит почти так же, как в рассматриваемой легенде ферганских каракалпаков:

«Наши предки, — говорится в легенде, — раньше жили в Хорезме. Тогда их главой был Ормамбет-бий. У Ормамбет-бии сыновей не было, только была дочь. Народ думал: Ормамбет-бий умер, теперь наше дело будет плохо, и решил переселиться. Тогда дочь Ормамбет-бии вышла перед народом и сказала:

«Агайинлер, укелер,
Таныш емес елге барманызлар,
Қамчи тийер мойнына,
Қан сорғалар қойнына,
Қайтын ызлар кейинге».

(Ой, братья, не ходите на чужую землю, вас будут бить плетью по шее, кровь потечет по груди, вернитесь назад).

После этих слов часть народа осталась, но некоторые уже успели уехать. (Полев. запись автора № 14 за 1960 г.).

¹ О местоположении Жидели-Байсуна в Приаралье см. Х. Т. Зарифов. «Основные мотивы эпоса «Алпамыш». Сборник «Об Алпамыше», Ташкент, 1959 г., стр. 12—14; Л. С. Толстова. «Каракалпаки Ферганской долины», стр. 22—26.

² Из статьи А. Пахратдинова и Абдуллаева «Новости каракалпакской истории и литературы», газ. «Сов. Каракалпакстаны», 20.III—1959 г.

³ П. П. Иванов. «Очерк истории каракалпаков», стр. 33—35.

Конграта, другая часть поселилась там, где мы живем — на берегах Сыр-Дарьи, Нарына и Кара-Дарьи. Еще одна часть дошла до Афганистана и до Китайского местечка Чин (?)».¹ Эта легенда перекликается с приведенной выше² легендой, записанной Л. Солевым в конце XIX в. у чимбайских каракалпаков.

В качестве причин переселения информаторы указывали на столкновения с казахами, а также на насильственное переселение их в Ферганскую долину кокандскими ханами. В этих легендах отразились различные факты действительной истории каракалпаков Ферганской долины.

Мечта о легендарном Жидели-Байсуне, как о земле предков, где каракалпам жилось хорошо, отразилась в исторических песнях, поэмах; отрывки из одной такой поэмы помнят еще и сейчас. В разных пунктах расселения ферганских каракалпаков вместе с легендами о переселении нам приводили и этот отрывок:

Балаларымнын азыгы,
Малларымнын қазыгы,
Жидели сеннен айрылдым.

Май татыған балық гошин жемеген балаларым,
Қолангса тағыған қой гошине зар болды.³

г. е.

Пишу моих сыновей,
Колья, к которым привязывают мой скот,
Я оставил в Жидели.

Там наши дети не хотели есть жирной рыбы,
А здесь не могут найти зловонного бараньего мяса.⁴

При знакомстве с легендами самаркандских узбек-каракалпаков мы вновь сталкиваемся с легендарной землей предков каракалпаков — Жидели-Байсуном. Однако здесь упоминание о Жидели-Байсуне звучит по-иному, чем у ферганских каракалпаков. Информаторы рассказывали, что каракалпаки с Едилы (Волги) переселились в Хорезм и на побережье Аральского моря, а оттуда, вследствие недостатка земель, некоторые группы их переселились в долину Зеравшана, другие — в Жидели-Байсун, который этой группой каракалпаков четко локализуется в южной части Узбекистана (в Сурхан-Дарьинской области); причем между самаркандской группой каракалпаков и теми, которые оказались в районе Сурхан-Дарьи, поддерживались связи. По словам информаторов, их отцы говорили: «Байсунские каракалпаки до сих пор ждут нас сюда»⁴.

В современной историко-этнографической литературе неоднократно ставился вопрос о местоположении Жидели-Байсуна (это название встречается в эпосе и легендах узбеков, казахов, кара-

¹ Из ук. выше статьи А. Пахратдинова и Абдуллаева.

² См. главу I «Исторический очерк», стр. 27.

³ Полев. запись автора № 18 за 1953 г. Записано от Б. Ходжакулова. См. также полев. запись автора № 55 за 1953 г.

⁴ Полев. запись автора № 2, 14 и 15 за 1960 г.

калпаков). Некоторые исследователи считают, что легендарный Жидели-Байсун можно отождествить с г. Байсуном в бывшей Восточной Бухаре (на территории современной Сурхан-Дарьинской области).¹ Легенды самаркандских каракалпаков как будто подтверждают именно такую локализацию Жидели-Байсуна. Однако нам кажется более правдоподобной локализация родины предков каракалпаков — Жидели-Байсуна — в Приаралье, не только потому, что о таком размещении часто упоминается в легендах других групп каракалпаков — ферганской, отчасти хорезмской, но и потому, что она полностью соответствует историческим известиям о каракалпаках, имеющимся в литературе (см. выше). По-видимому, первоначально название Жидели-Байсун относилось к Приаралью, а позже было перенесено на другое место.

Остановимся теперь вкратце на легендах бухарских каракалпаков. Легенды каракалпаков, живущих в Кенимехском, Навоийском и Тамдынском районах Бухарской области значительно отличаются от легенд ферганских и самаркандских каракалпаков. В них совершенно отсутствуют упоминания о Жидели-Байсуна, и вместо этого в качестве мест прежнего обитания каракалпаков мы встречаем такие конкретные исторические названия, как Сыр-Дарья, Жанга-Дарья, Куван-Дарья, Ширик-кала (Чирик-Рабат), Жан-кала, Кармакши и др. В качестве основной причины, вызвавшей переселение каракалпаков с этой территории как в сторону Чимбая, так и в сторону Нур-Аты и Кенимеха, указывается на столкновение с казахами. Время переселения с Жанга-Дарьи в степи, примыкающие к Нур-Ате и Кенимеху, легенды определяют в 7—8 ата (поколений), т. е. в 175—200 лет.² Некоторые выдержки из легенд бухарских каракалпаков мы приводили выше (глава I, стр. 28). Интересные варианты легенд бухарских каракалпаков записаны были также членами фольклорной экспедиции. Так, например, А. Каримов в 1959 г. записал в Навоийском (Кермининском) районе Бухарской области следующий вариант легенды:

«На этой стороне Ак-Мечети, на южном (левом — Л. Т.) берегу Сыр-Дарьи, был город Жан-Кала. Там жили каракалпаки. Казахи жили на той стороне реки, каракалпаки — на этой. Эти народы, хотя и жили дружно, но впоследствии они поссорились друг с другом... Казахи напали на каракалпаков. От казахских набегов каракалпаки убегают. Они останавливаются в окрестностях Чимбая. Многие из них остаются там. Часть их расположилась к востоку от Бухары и Карши, в местности Байсын. Каракалпаки, жившие в пределах Бухары, переезжают в Кенимех, Тамды... Понемногу каракалпаки рассеиваются в разные стороны. Они поселяются в местностях Нур-Ата, Корган... По некоторым причинам мы из Кенимеха приехали сюда в Кермине».³ В этой легенде для нас

¹ Т. А. Жданко. «Очерки исторической этнографии каракалпаков», стр. 131—132.

² Полев. записи автора №№ 40, 42, 52, 54 и др. за 1960 г.

³ Полев. запись А. Каримова № 19 за 1959 г.

интересно упоминание о прежних местах поселения каракалпаков, причинах их ухода оттуда и направлениях последующего расселения. Здесь мы опять-таки находим упоминание о трех основных маршрутах переселения каракалпаков с Сыр-Дарьи (хотя пути названы несколько иные, чем у ферганских каракалпаков).

В легендах бухарских каракалпаков имеется упоминание о том, что каракалпаки были вынуждены оставить берега Сыр-Дарьи вскоре после смерти общего правителя казахов и каракалпаков Барак-бия. Речь идет о султани Среднего Казахского Жуза Барак-ке, жившего в первой половине XVIII века. Это позволяет приблизительно определить время ухода данной группы каракалпаков с Сыр-Дарьи серединой XVIII века.¹

В легендах каракалпаков Кенимехского и Навоийского районов говорится о том, что в места своего теперешнего поселения, в районы Нураты, Кенимеха и Кермине каракалпаки переселились с севера, через пески: «Здесь каракалпаки переселились с севера, через пески. Переселение было очень трудным. Многие (особенно слабые, старики) не дошли, остались по дороге. Муйте-ны и конграты переселялись на арбах. От этого времени среди народа остались слова «арбалы конграт» (конграт с арбами)».² В легендах же каракалпаков Тамдынского района постоянно подчеркивается, что с Сыр-Дарьи на данную территорию они пришли через Хорезмский оазис. Например, один из информаторов сообщил в 1959 г. члену фольклорной экспедиции А. Пахратдинову: «Побежденные казахами каракалпаки переселились в сторону Чимбая, Конграта и Бозатау, часть из них была в пределах Хивы, но они ушли оттуда и поселились здесь».³ Те же сведения давали и ряд других информаторов. По-видимому, в район Тамдов каракалпаки переселились с Сыр-Дарьи позже и иными путями, чем в долину Зеравшана. Наконец, в Нуратинском районе Самаркандской области информаторы сообщали о том, что каракалпаки переселились из Туркестана и связывают это событие с именем Ходжи-Ахмеда Яссави.⁴ Чрезвычайно близкие варианты этой ле-

¹ Не противоречат такой датировке сведения другого информатора о том, что каракалпаки пришли в Бухару во время правления там хана, после которого правил Данияр. Шамурат, Мирхайдар, Насрулла, Музаффар и Алимхан. Имя этого хана спутано, он назван информатором Худияром, но имена остальных бухарских правителей даны в правильной последовательности. Это заставляет нас допустить, что информатор имел в виду предшественника Данияра — Мухаммеда-Рахим-хана, правившего в 1753—58 гг. См. История Узбекской ССР, Т. 1, ч. II, стр. 43.

² Полев. запись автора № 52 за 1960 г.

³ Из полев. записей А. Пахратдинова за 1959 г.

⁴ Легенда звучала так: «Акман-бий, Караман-бий переселились из Туркестана. Их проклял Ходжа-Ахмед Яссави. Народ поклонился Ходжа-Ахмеду Яссави, а Акман-бий и Караман-бий оставались в стороне. Затем они привязали кобылу на дворе Ходжа-Ахмеда Яссави, они хотели выдать его за вора. Поэтому Ходжа-Ахмед их проклял. Они, став собаками, ели мясо спрятанной кобылы. С этого времени каракалпаки стали переселяться из Туркестана» (Из полев. зап. А. Каримова за 1958 год).

генды были раньше записаны у нуратинских туркмен и у каракалпаков Чимбайского и Кунградского районов Каракалпакской АССР. С. П. Толстов в своей работе «Города гузов» показывает, что сходство этих легенд свидетельствует о тесных взаимосвязях и родстве туркменского и каракалпакского народов.¹

Воспоминанием о том времени, когда каракалпаки жили на Сыр-Дарье, служит такое изречение, распространенное повсеместно среди каракалпаков Бухарской области:

«Буркытқа Нур жоқ,
Қарақалпаққа Сыр жоқ».

т. е.

«Для буркытов нет Нура (Нур-Аты),
Для каракалпаков нет Сыра (Сыр-Дарьи).»²

Интересно, что у каракалпаков Кенимехского района Бухарской области нам встретился отрывок из той же исторической поэмы, которую нам сообщали повсеместно каракалпаки Ферганской долины, но несколько в другом варианте:

«Балаларымнын азыгы,
Малларымнын қазығы,
Геурек сеннен айрылдым»,—

—деп Сыр, Жана-дарья жақтан көшкенде бизің бир мамаларымыз айтып жылаған екен.»

«Пища моих сыновей,
Колья, к которым привязывают мой скот,
Я лишился тебя геурек.»³

так плакала одна из наших старух во время переселения с Сыр-Дарьи, Жанга-Дарьи.»⁴

В 1961 г. в совхозе им. Калинина, Тахта-Купырского района, Каракалпакской АССР от информатора Атамуратова Асана, 62-х лет (бывшее родовое подразделение кара-мойын, аннахожа) был записан еще один вариант этой же исторической поэмы (толгау), но значительно более полный. В этом толгау оплакивается утрата каракалпакским народом Едилы и Жаика.

Вот некоторые отрывки из этого толгау:

Түби еди губшегим.
Ушы еди шапшағым,
Тоғайым сеннен айрылдым.

Түби малыма қазығым.
Басы бала — шағама азығым,
Жийдем сеннен айрылдым.

Мал отлауға жери кең,
Жери менен суы тең,
Едилім сеннен айрылдым.

Қысы менен жазы тең,
Үйрегі менен ғазы тең,
Ешкиси менен қойы тең,
Жайығым сеннен айрылдым.

Төрт түлік малды айдадым,
Сүт пенен майды шайнадым,
Желге қулын байладым,
Малларым сеннен айрылдым.

Айдын шалқар көллерім,
Жағалай қонған еллерім,
Таудан аққан булағым,
Жағалай шапқан ылағым,
Жайлауым сеннен айрылдым.

Жаз күнінде сауыным,
Күз күнінде қауыным,
Жыйған ас қабағым,
Қыс күнінде шабағым,
Халқым соннан айрылдым.

Елимде атлар шабысқан,
Дослар менен танысқан,
Уллы байрам тойларда
Халықлар менен жарысқан,
Жылқым сеннен айрылдым.

Халқымның сәни жер еді,
Малымның сәни көл еді,
Көл менен жерім барында,
Көп хасыллар өнеді.

Көп хәзликтен айрылып,
Халқым шуұлап келеді.
Сыр-Дарьяға жете алмай,
Ұрып шаршап жатқаным,
Бұл қайғыдан құтылсам,
Маған танның атқаны.

Твои корни служили ступицами для колес,
Твои вершины служили для изготовления деревянной
посуды,
Я лишился тебя, мой лес.

Твои корни служили кольями для скота,
Твоя вершина служила пищей для семьи,
Я лишился тебя, моя джида.

Там были просторные земли для выпаса скота,
Там было вдоволь земли и воды,
Я лишился тебя, мой Едиль.

Там зима такая же, как лето,
Там утки такие же, как гуси,
Там козы такие же, как овцы,
Я лишился тебя, мой Жаик.

Там я имел много скота,
Там я пил молоко и ел масло,
Там я привязывал жеребят на ветру,
Я лишился тебя, мой скот.

Моего огромного озера,
На берегах которого располагался мой народ,
Моего родника, текущего с гор,
Мои козлята, бегающих на берегу,
Я лишился тебя, моя родина.

¹ С. П. Толстов «Города гузов», стр. 94—97.

² Полев. записи автора №№ 39, 42, 43, 52 и др. за 1954 г. Буркыт — название рода, жившего прежде в районе Нур-Аты и впоследствии вытесненного оттуда.

³ Геурек — пустынное растение, являющееся хорошим кормом для скота. У ферганских каракалпаков вместо «геурек» говорится «Жидели».

⁴ Полев. запись автора № 54 за 1960 г.

В летние дни — молока,
Осенью — дынь и собранных тыкв,
В зимние дни — рыбы,
Мой народ этого лишился.

На моей родине скакали лошади,
Мы знакомились с друзьями.
На больших праздниках
Шло соревнование между народами.
Я лишился вас, мои лошади.

Богатство народа — земля,
Богатство скота — озеро,
Когда у нас было озеро и земля,
Мы собирали много урожая

Лишившись многих радостей,
Народ приходит, плача,
Не дойдя до Сыр-Дарьи,
Я бреду, усталый.
Если бы я избавился от этой печали,
Для меня рассвела бы зоря.¹

Эти замечательные образы, в которых отражена народная скорбь об утрате прежних мест обитания, конечно, сильно идеализированных, сохранили разные группы каракалпаков всюду, где они поселились — и в низовьях Аму-Дарьи, и в Ферганской долине, и в глубине степей Бухарской области.

Отрывки из одного и того же толгау, записанные у групп каракалпаков, уже давно оторванных одна от другой, свидетельствуют об их общем происхождении, общих исторических судьбах в те времена, когда возникло это произведение (по-видимому, в середине XVIII века).

Таким образом, легенды о переселении широко распространены у всех групп каракалпаков, и они имеют сходство в своей наиболее древней части (воспоминания об Ормамбет-бии, о пребывании на берегах Едиля и Жаика, в Приаралье, на нижней Сыр-Дарье, о столкновении с казаками, как одной из важных причин переселения). Сходство исторических легенд является отражением общности исторических судеб предков этих групп каракалпакского народа. В дальнейшем же исторические судьбы каракалпаков бухарских, самаркандских и ферганских сложились по-разному, и пути их переселений были различны, поэтому по-разному звучат и их исторические легенды, помогающие исследователям восстановить забытые детали исторического прошлого каракалпаков. Еще не

¹ Материалы сектора истории и диалектологии каракалпакского языка ИИЯЛ КК ФАН УзССР.

Данный информатор считает, что слова этого толгау принадлежат известному каракалпакскому сказителю XVIII в. — Жиену-жырау. Впрочем, последнее предположение, конечно, еще требует проверки.

все в этом вопросе ясно, в частности, в отношении легендарного Жидели-Байсуна, это еще предстоит выяснить в будущем. Сбор народных исторических легенд каракалпаков, их изучение и научный анализ надо продолжать и в дальнейшем.

Рассказ информатором легенды о Жупар-кемпир. Местность близ кишлака Каракент Джамбайского района Самаркандской области.

Наряду с легендами о переселении у самаркандской группы каракалпаков была широко распространена легенда о властной старухе, главе рода, Жупар-кемпир, некогда владевшей значительной территорией в тех местах и имевшей свою крепость и большие пастбища (Жупар-корык). По преданию, у нее было 40 сыновей и она сумела оказать влияние на самого бухарского хана. Эта легенда представляет интерес для этнографа, т. к. в ней прослеживаются пережитки матриархата, когда женщины занимали ведущее положение в обществе и стояли во главе родов. Приведем здесь один из многих вариантов записанной нами легенды.

«В давние времена была Жупар-кемпир, очень богатая, у нее было много скота. У нее было 40 сыновей. Ее юрта состояла из 12 канатов и была такая высокая, что когда привязывали к кереге уйки, надо было залезать на верблюда. У нее было много лошадей, баранов, верблюдов, коров. Ее скот уничтожал посевы соседних жителей. Народ жаловался бухарскому эмиру на Жупар-кемпир. Услышав это, бухарский эмир приехал с 500 воинов. Жупар-кемпир встретила хана со своими 40 сыновьями. Поджи-

дая хана, она вооружила своих сыновей, посадила их на лошадей. К приезду хана она приготовила кушанье в котле, вмещающем 6 пудов. Хан приехал со своими войсками. Юрта Жупар-кемпир была такая большая, что 500 воинов хана поместились там и еще осталась половина юрты пустой. Сыновья Жупар-кемпир обслуживали хана и его спутников. Хан спросил у Жупар-кемпир: «Эти сыновья?». Тогда Жупар ответила: «Тот скот, что там лежит — мой, эти дети тоже мои (10 — мои, а 30 — дети трех моих кундеш»¹). Тогда хан опять спросил: «Вы — такая почтенная, уважаемая женщина. Почему Вы разрешили мужу взять еще трех жен?». Старуха ответила:

«Падша жамны жер қорыйды,
Хатын жаманы ер қорыйды».

«Плохой царь сторожит землю,
Плохая женщина сторожит мужа».

Место, где по преданиям стояла юрта Жупар-кемпир, близ кишлака Каракент Джамбайского района.

После этого хан наделил ее землей.²
По народным легендам, земли Жупар-кемпир были расположены на территории современных Булунгурского и Джамбайского

¹ Так называли друг друга жены одного мужа (см. выше, гл. III, раздел 2).

² Полев. запись автора № 28 за 1960 г. См. также полев. записи автора №№ 1, 3, 22, 26, 27, 34 за 1960 г.

районов Самаркандской области.¹ Легенда о Жупар-кемпир (или Жупар-мама) с ее 40 сыновьями известна и у бухарских², и у ферганских³, и у хорезмских каракалпаков.⁴ Очень возможно, что в этих легендах идет речь об исторической личности — женщине, действительно когда-то стоявшей во главе одного из каракалпакских родов. Легенда о дочери Ормамбет-бия (Урман-бия), вставшей во главе каракалпаков после смерти своего отца (приведенная выше), также свидетельствует о том, что пережитки матриархата проявлялись еще иногда в период выделения каракалпаков из состава Большой Ногайской Орды и в ранние времена их существования в качестве самостоятельной народности.

Разумеется, элементы исторической истины здесь облечены в форму народной легенды, т. е. содержат и значительную долю народной фантазии, позднейших наслоений и т. д.

Другую, меньшую по численности, группу легенд составляют предания о происхождении названия «каракалпак» и названий отдельных родов; в генеалогических преданиях находят отражение родственные связи между народами. Одна из таких легенд была записана автором у ферганских каракалпаков в 1954 году от информатора Орынбая Исмаилова в кишлаке Ак-Тепе.⁵

«Битта адамның еки-та улы бо (л)ған. Ол адам бай бо (л)ған. Битта улы Қара-Қалпақ кийген, биттасы Қызыл-Қалпақ кийген. Атасы өлген. Бунинг түйеси, малы, жылқысы, қойи коп бо (л)ған. Қойды, түйени Қызыл-Қалпаққа берген. Ол тау жағалаған. Оны қазақ деген. Атасынан бөліп қара малды Қара-Қалпақ аған. Бу қолди, Сыр жағалап кеткен. Қара-Қалпақ пенен Қызыл-Қалпақ (Қазақ) ака-ука бо (л)ған. Аталаш бо (л)ған».

«У одного человека было два сына. Он был богатый человек (бай). Один сын носил черную шапку, другой — красную. (И их звали Кара-Калпак и Кызыл-Калпак). Отец умер. У него было много верблюдов, коров, лошадей и овец. Овец и верблюдов он отдал Кызыл-Калпаку. Тот ушел в горы, чтобы пасти скот. Его стали называть Казахом. Крупный рогатый скот достался Кара-Калпаку. Он пас скот на берегах озер и Сыр-Дарьи. Кара-Калпак с Кызыл-Калпаком (Казахом) были родные братья».⁶

¹ Но о месте, где стояла ее крепость и ее юрта, у разных информаторов мнения расходятся. В Булунгурском районе (между кишлаками Беш-Бала и Кара-Кесак) нам показывали место, где еще несколько лет назад стояла курганча, постройку которой предания приписывают легендарной Жупар-кемпир. Перед крепостью было пастбище и родник. На территории Джамбайского района, около кишлака Каракент, нам показывали место, где, по преданиям, стояла юрта Жупар-кемпир (это круг, диаметром в 30 м., где растет лишь трава, тогда как кругом растет камыш).

² Полев. запись автора № 43 за 1960 г. Здесь тоже говорят о том, что жила Жупар-кемпир в стороне Джамбая.

³ Полев. записи автора за 1953—54 гг., а также полевые записи К. Максеева №№ 2 и 5 за 1959 г. По этим последним, Жупар-мама была известной главой рода в Жидели-Байсуне.

⁴ Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпаков», стр. 44—45.

⁵ Входившего тогда в состав Фрунзенского района Ферганской области.

⁶ Полев. запись автора № 24 за 1954 г.

В этом генеалогическом предании отражены в легендарной форме родственные связи каракалпаков с казахами и особенности скотоводства каждого из этих народов: разведение каракалпаками крупного рогатого скота на берегах озер и рек и отгонное скотоводство казахов с преобладанием в стаде овец и верблюдов. Интересно отметить, что эта же легенда бытует и у хорезмских каракалпаков.¹

Подобные легенды записаны и у других каракалпаков. У каракалпаков Кенимехского района Бухарской области и узбек-каракалпаков Джамбайского района Самаркандской области в легендах дается аналогичное объяснение названию «каракалпак»: народ получил такое название из-за того, что они раньше носили черные шапки.²

Родственные связи между каракалпаками, узбеками, туркменами и казахами отражены также в легендах и шежирах (родословных) бухарских каракалпаков. Информатор Омаров Казахбай, 50 лет, каракалпак из рода корпе-ктай, живущий в селении Жанга-Казган (ферма № 1 совхоза «Коммунизм») Кенимехского района Бухарской области рассказывал:

Тубен өзбектинг туби бир
Туб бабасы Мийқы-бий,—

т. е.

Происхождение всех узбеков одно,
Самый древний их предок — Мийқы-бий.

От Майкы-бия происходят Жаилхан и Сеилхан. От Жаилхана происходят каракалпаки, от Сеилхана — теке и иомуд.³

Аналогичная легенда, говорящая о родственных связях между каракалпаками и туркменами — о происхождении их от двух родных братьев — Жаилхана и Сеилхана — была записана Т. А. Жданко у каракалпаков Хорезмского оазиса.⁴

В другом генеалогическом предании, записанном нами в кишлаке Жангабад, Кенимехского района, Бухарской области, говорится: «У Айры-калпака было два сына — Казак и Созак. От Казака произошли казахи, от Созака — каракалпаки».⁵

Так отражалось в народных легендах действительно существующее родство между некоторыми народами Средней Азии.

Записаны нами также легенды о происхождении отдельных каракалпакских родов (кара-мойын, ируши, коянчи, жан-кораз — у самаркандских узбек-каракалпаков, кият и бахы-ктай — у бу-

¹ Об этом нам сообщила кандидат исторических наук Т. А. Жданко. Эта легенда была записана Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции в Муйнакском районе КК АССР. В этом варианте легенды имя казах Ак-Калпак.

² Полев. записи автора №№ 32, 42, 48 за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 54 за 1960 г.

⁴ Т. А. Жданко. «Очерки исторической этнографии каракалпаков» стр. 107.

⁵ Полев. запись автора № 43 за 1960 г.

харских каракалпаков¹). Например, в народной легенде, записанной от информатора Жапека Сулейманова (каракалпак из рода ябы-кыпшак, 1892 г. рождения, живущего у колодца Калимбет-кудук, сов. «Коммунизм», Кенимехского района, Бухарской области) рассказывается о происхождении рода кият от дочери Чингис-хана².

Интересно, что, несмотря на раздробленность народа на многочисленные племена и роды, народ понимал значение единения — прежде всего перед лицом внешней опасности — и отразил это в своих преданиях и песнях.

В селении Жанга-Казган (Кенимехского района Бухарской области) нам рассказывали:

«Батыр по имени Каракалпак сказал своим 6 сыновьям:

„Алты ауз ала болса,
Аузындагың алады.
Төрт ауз бир болса,
Төбедеги ойға туседи“, т. е.

„Если шесть ртов в ссоре,
То враги забирают то, что во рту.
Если четыре рта в согласии,
То, что находится в воздухе, падает на землю (т. е. все достижимо)“.

Так он сказал своим 6 сыновьям, чтобы они жили в мире и согласии».³

Аналогичная легенда была записана и у самаркандских узбек-каракалпаков.⁴

Мы считали необходимым более подробно остановиться на народных исторических легендах каракалпаков, особенно на легендах о переселении потому, что эти легенды дают нам значительный вспомогательный исторический материал; в генеалогических же преданиях отражаются в легендарной форме действительные родственные связи между народами или между родо-племенными группами. Изучение народных исторических легенд в такой же степени задача историка и этнографа, как и фольклориста.

Кроме народных легенд, и среди самаркандской, и среди бухарской, и среди ферганской групп каракалпаков были распространены многие другие жанры фольклора. Мы не считаем своей зада-

¹ Полев. записи автора №№ 8, 14, 37, 49, 52 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 52 за 1960 г. Интересно, что Чингис-хан действительно относился к монгольскому роду кият, и военачальники из этого рода передавали в дальнейшем свое родовое название подчиненному им тюркоязычному населению. См. Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 118.

³ Полев. запись автора № 54 за 1960 г. Здесь идет речь о 6 арысах, на которые делилась данная группа каракалпаков (см. выше, стр. 42).

⁴ «Узген-Пайгамбар дал своим 92 сыновьям 92 прута и предложил их сломать. Они не могли сломать их (сложенные вместе). Тогда Узген взял их по одному и сломал. Потом он сказал: «Если будет вражеское нашествие, то действуйте вместе, тогда сломаете спину врагу.» (Полев. запись автора № 32 за 1960 г.).

чей останавливаться на этом подробно — это задача специалистов-фольклористов. Однако коротко упомянем и об этих жанрах.

Одним из любимых жанров фольклора ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков были сказки (ертеклер) и анекдоты про Насреддина-Афенди, Жиренше-шешена и др. В этих остроумных сказках-анекдотах высмеивались представители мусульманского духовенства и другие эксплуататоры. Любил народ и сказки о животных.

Среди рассматриваемых групп каракалпаков были широко распространены также песни — исторические, тесно связанные с народными легендами (о них мы упоминали выше), обрядовые: свадебные (яр-яр, хаужар, бет-ашар), похоронные (жоклау) и др. Ряд примеров свадебных песен мы приводили выше (в разделе «Семейные отношения»). Можно привести еще один пример свадебной песни «яр-яр», записанной у каракалпаков Московского района Андижанской области:

„Қара-қара қозылар қойды бағар,
Шилледен¹ хабар келсе, дарья музлар, яр-яр.
Қара-қара қозылар қырманда-ды,
Мөнинг синглимди алмаған арьмандады, яр-яр.
Суға шыққан жеринде изин көрсенг,
Есинг танып қалады юзин корсенг, яр-яр.“

т. е.

„Черные-черные ягнята возглавляют отару,
Если от зимы будет весть, река покрывается льдом, яр-яр.
Черные-черные ягнята на токе,
Кто не женится на моей сестре, тот пожалеет, яр-яр.
Если увидишь ее след, когда она выйдет за водой,
Потеряешь сознание, когда увидишь ее лицо, яр-яр.“²

Эта песня привлекает чрезвычайной красочностью ее образов.

К жанрам фольклора бухарских и ферганских каракалпаков относились также терме (белые стихи) и айтыс (песни-состязания). Каракалпаки Задарьинского района Наманганской области сообщили о песенных состязаниях (айтыс), которые состоялись прежде между каракалпакским сказителем Ергаш-букиром и киргизской девушкой Акнаудой.³ Среди казахов и каракалпаков, проживающих в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, очень популярен айтыс каракалпакской девушки Даме и казахского юноши Мансура («Мансур и Даме»)⁴.

Широко были распространены также пословицы (накыл) и поговорки (макал), в которых народ высказывает свое отношение

¹ Шилле — сорокодневье; летнее сорокодневье — сорок самых жарких дней лета; зимнее сорокодневье — период самых суровых холодов, продолжающийся от 25 декабря до 5 февраля.

² С. Ниетуллаев. «Жоқары қарақалпақтардың әдеби мирасларынан паршалар» Жас. Ленинши, 19.11—1960 года.

³ Там же.

⁴ А. Каримов и др., ук. соч., стр. 92—93.

к тем или иным качествам человека: одобряет героизм, храбрость, упорство в достижении цели, трудолюбие, критикует тупость, лень и другие недостатки и пороки.

Например, у самаркандских каракалпаков были распространены такие пословицы:

„Адамзат қай жерге қол урса,
Сол жер абад булады“, т. е.

„Куда народ приложит руки,
Та земля станет плодородной, цветущей“.¹

„Ат баспайман деген жеринен 40 өтеди“, т. е.
„Лошадь 40 раз наступит на то место, на которое зарекалась не наступать.“²

У каракалпаков Бухарской области были записаны такие пословицы:

„Ел қыдырған сыншы болады,
Тоғай қыдырған уйши болады“, т. е.

„Тот, кто странствует среди народа, много знает (становится знатоком),
Тот, кто много бывает в лесу, становится мастером по выделке юрт“.³

„Ер өз елине қадирли“.
— „Героя уважают в своем народе“.

„Тауды пәс деме,
Талап етсен шығасан.
Жауды хәлсиз деме,
Ерлик етсен жығасан“, т. е.
„Не думай, что горы низкие —
Если захочешь, доберешься.
Не думай, что враг бессильный —
Если наберешься храбрости, то победишь.“⁴

В некоторых пословицах отражены особенности хозяйства и социальные отношения каракалпаков в прошлом, некоторые старые обычаи и т. д. К этой группе пословиц относятся, например, следующие:

„Сан-сан кунде сабақта,
Тоқсан кунде табаққа туседи“ —
„Через несколько дней на стебле,
Через 90 дней — на блюде“ (так говорили о рисе).⁵

„Байлардың болуы — шаруашылық болуы“ —
„Есть баи — значит, есть и скотоводство“.⁶

¹ Полев. запись автора № 14 за 1960 г.

² Полев. запись автора № 32 за 1960 г.

³ Полев. запись автора № 52 за 1960 г.

⁴ См. указан. выше статью С. Ниетуллаева.

⁵ Полев. запись автора № 29 за 1960 г. (самаркандская группа).

⁶ Полев. запись автора № 32 за 1960 г. (самаркандская группа).

„Сарҳаўыз қор болар талы болмаса,
Ёр жигит қор болар малы болмаса“.

„Хауз (пруд) будет непригодным, если вокруг него нет деревьев,
Молодец будет униженным, если нет у него скота (богатства)“.¹

„Сыйынғаннан суйенгенин зор болсын“.—
„Пусть будет великим не тот, кому вы молитесь, а тот, кто вас поддерживает“.²

Эта пословица показывает, что несмотря на засилие религиозной идеологии ислама, народ относился критически не только к представителям духовенства, но до известной степени и к самой религии.

„Келин керилип турмас,
Қайнаға қарап турмас“, т. е.
„Если невестка не постесняется,
То и кайнага не остановится“.³

В этой последней пословице отражены далекие пережитки группового брака, а именно более или менее вольное обращение всех старших сородичей мужа со своей невесткой (келин).

Интересно также народное изречение, в котором получили отражение некоторые последствия того, что Бухарское ханство в конце XIX в. стало протекторатом России.

„Бухаранын бир таманы Регистан,
Турли-турли мата келди орыстан,
Биперзенттин уйин көрсен шелистан,
Перзентлинин уйин көрсен гүлистан“, т. е.

„Одна сторона Бухары — Регистан,
Разные ткани пришли с русскими.
Бездетный дом похож на пустыню,
Дом с детьми — на сад“.⁴

Распространенным видом фольклора были также загадки (жумбак). Ряд загадок был записан нами в кишлаке Кудукли, Джамбайского района, Самаркандской области. Вот, например, одна из них, в которой нашли отражение некоторые стороны хозяйственной деятельности:

„Бир тау бар,
Бир жағына қар жауар,
Бир жағына буршақ жауар“, т. е.

„Есть одна гора,
С одной стороны ее идет снег,
С другой стороны — град“. (чигирчик — приспособление для очистки хлопка).

¹ Полев. запись автора № 42 за 1960 г. (бухарская группа).
² Из полевой записи автора № 49 за 1960 г. (бухарская группа).
³ Полев. запись автора № 49 за 1960 г. (бухарская группа).
⁴ Полев. запись автора № 40 за 1960 г. (бухарская группа).

Богаты сокровища устного народного творчества каракалпаков, в том числе и малых их групп, издавна оторванных от своего народа.

Фольклор малых групп каракалпаков находится под значительным узбекским влиянием; это относится и к творчеству их народных сказителей — например, к творчеству Шангкота-жырау, Бегмурата-жырау и других. Для бухарской группы, живущей в соседстве с казахами и испытавшей казахское влияние на многие стороны культуры и быта, а также и на язык, не исключено казахское влияние и на фольклор, но этот вопрос пока еще остается неизученным.

Однако некоторые виды фольклорных произведений ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков звучат совершенно по-иному, чем у узбеков и казахов и, наоборот, близки к фольклорным произведениям хорезмских каракалпаков: это исторические легенды и песни, генеалогические предания и др. Кроме того, у каракалпаков бухарской группы еще во второй половине XIX века был распространен знаменитый героический дастан «Кырк Кыз», свойственный только каракалпакам, а исполнение некоторыми сказителями дастанов под аккомпанемент кобызы имело место у бухарских каракалпаков еще совсем недавно (а кое-где встречается и теперь).

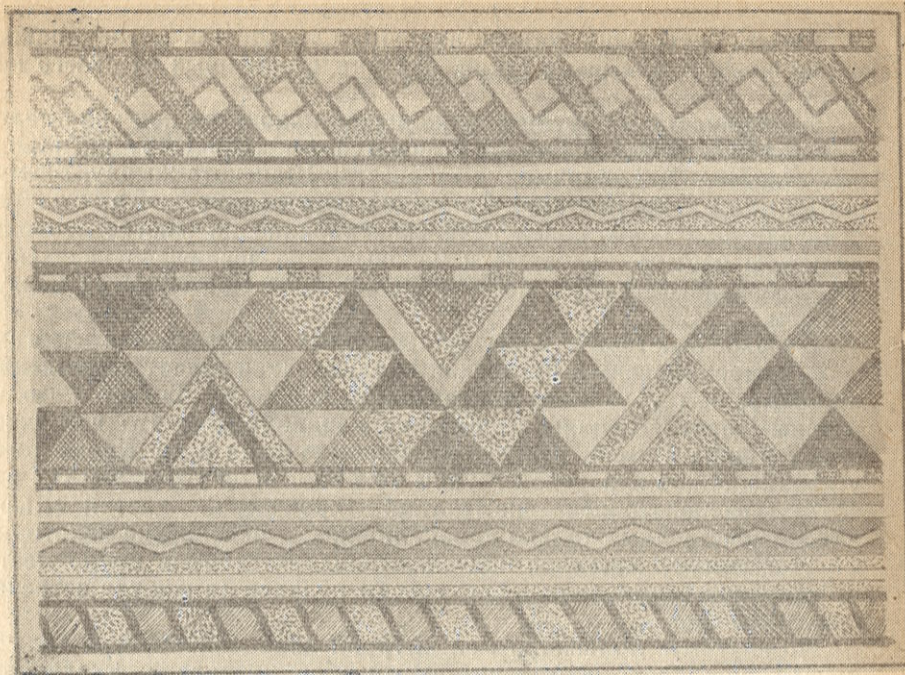
Но изучение фольклора малых групп каракалпаков еще только начато, еще предстоит значительный сбор материала, а главное, его тщательный анализ, сопоставление с фольклором соседних узбеков и казахов, выявление как черт, общих у каракалпаков с этими народами, так и специфических для каракалпаков особенностей.

* * *

Большое место в быту рассматриваемых групп каракалпаков занимало также народное прикладное искусство.

Народ старался украсить, декорировать окружающие его предметы домашней обстановки, одежду, головные уборы и др. Ковроткачество, изготовление паласов, валяние кошем, в том числе и орнаментированных, вышивка, изготовление ювелирных украшений, резьба по дереву — во всем этом проявлялось народное мастерство. Некоторые предметы народного прикладного искусства и до сего времени бытуют в народе, другие вышли из употребления. Как известно нам из материалов полевых исследований, каракалпаки Ферганской долины ткали ковры, паласы, валяли кошмы; в прошлом у них бытовала также резьба по дереву (на сундуках); одежду (кимешеки) они украшали вышивками.

Самаркандские каракалпаки ткали ковры (глем), паласы (алача), переметные суммы (хурджины) — эти изделия и теперь повсеместно встречаются в домах данной этнографической группы; в прошлом самаркандские каракалпаки также ткали каршины и бок-

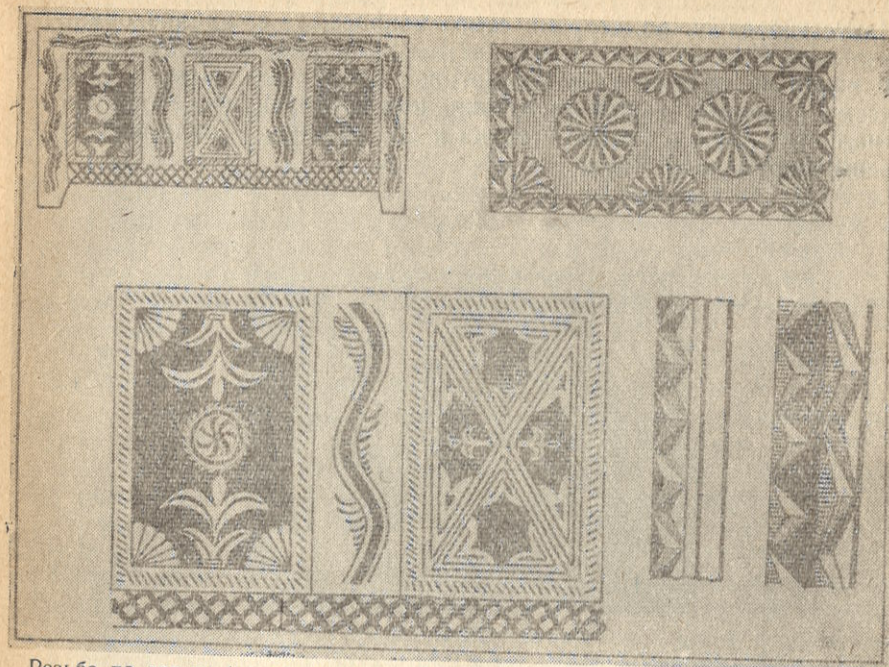
Орнамент на старинном хурджине. Кишлак Жан-Кора³ Булунгурского р-на Самаркандской обл.

жама¹ и орнаментированные дорожки для скрепления и украшения юрты. Кимешеки, тюбетейки, а также ворота и нарукавники платьев в старину украшались вышивками (у хорезмских каракалпаков такие нарукавники назывались женгсе). Резьбой по дереву украшались старинные деревянные сундуки, а также ворота.

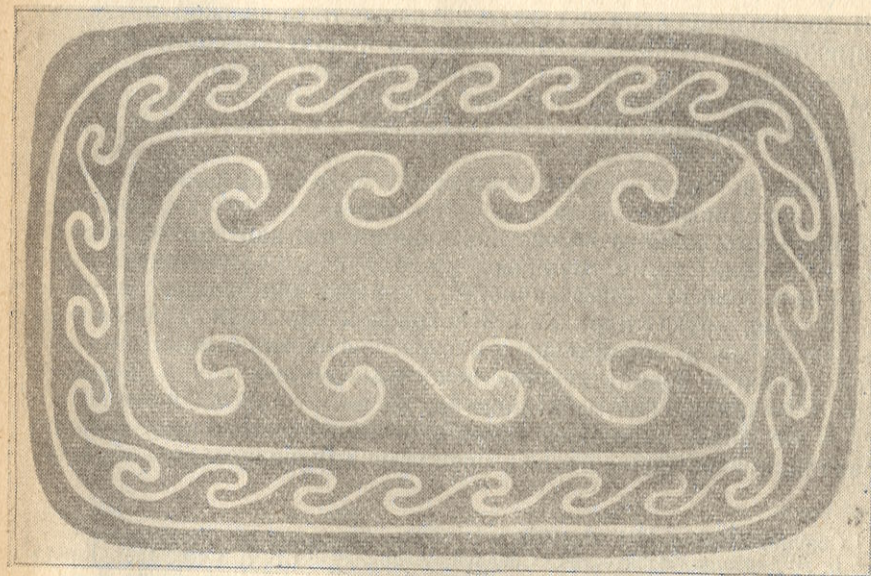
Бухарские каракалпаки валяли орнаментированные кошмы (текимет, туз-кииз), ткали паласы (алаша), безворсовые ковры (алаша-глем), тканые дорожки для украшения и укрепления юрты (баскур, бау, дизбе), хурджины, сумки для мелкой утвари (керги), передняя сторона которых — ковровая, подпруги (айыл) и др. Все это и сейчас бытует в домах и юртах бухарских каракалпаков, живущих в степях.

Ювелирные украшения — серьги, кольца, браслеты, серебряные орнаментированные пуговицы, налобные украшения и др. бытовали у всех малых групп каракалпаков. (См. рис. на стр. 146.). Все это далеко не полный перечень изделий народного прикладного искусства, бытовавших у малых групп каракалпаков, также как и у каракалпаков Хорезмского оазиса.

¹ Каршин — мешок для одежды, который кладется на сундук; передняя сторона каршина — ковровая; бокжама — паласная ткань, в которую заворачиваются подушки и одеяла.

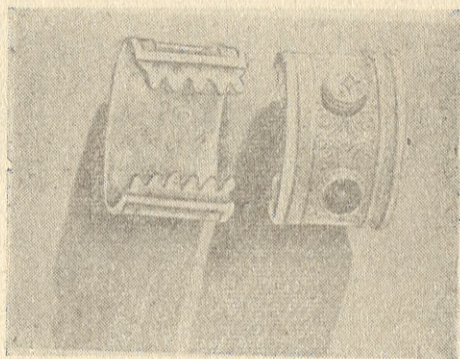

Резьба по дереву (на сундуках и воротах) у этнографической группы „каракалпак“. Булунгурской р-н Самаркандской области.

Орнаментированная кошма (текимет) в кишлаке Кунябад Кенимехского р-на Бухарской области.

Искусствоведческая сторона этого вопроса, т. е. анализ орнаментальных мотивов и сочетания цветовых оттенков в тканых изделиях, вышивке, орнаментальных мотивах резьбы по дереву и т. п. у рассматриваемых групп населения, подвергалась исследованию специалистов лишь в слабой степени и не может удовлетворить уровень современной науки.

Браслет (блазык) у бухарских степных каракалпаков.

В дореволюционной и советской искусствоведческой литературе имеются кое-какие высказывания по поводу ковровых изделий каракалпаков ферганской и самаркандской групп: в работе С. М. Дудина «Ковровые изделия Средней Азии»,¹ в работе «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана» и в ряде других.²

Однако, как убедительно показала Т. А. Жданко в своей работе «Народное орнаментальное искусство каракалпаков»,³ фактически изучение этого вопроса до сих пор находится в запутанном состоянии. В прошлом «этим группам каракалпаков, несведущие торговцы и «любители старины» зачастую приписывали чуждые их культуре изделия других народов и этнографических групп.»⁴ В настоящее же время в специальных искусствоведческих работах говорится только о ковроткачестве некоторых малых групп каракалпаков (самаркандской, ферганской), да и то лишь очень коротко; другие же виды народного прикладного искусства малых групп каракалпаков не подвергались специальному искусствоведческому

анализу. Нами за время этнографических экспедиций 1953—54 и 1960 гг. были собраны некоторые материалы по народному прикладному искусству ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков, зафиксирован ряд орнаментов на ковровых изделиях, кошмах, вышивке, а также резьбы по дереву. Однако делать какие-либо серьезные выводы по этому вопросу мы считаем преждевременным, как из-за недостаточного количества собранных материалов, так и из-за того, что не проведен еще их тщательный научный анализ и сопоставление с материалами народного прикладного искусства тех народов, с которыми идет процесс сближения обследуемых групп каракалпаков, т. е. с узбекским и казахским. Поэтому здесь мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями.

В работе «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана» упоминается, что среди ковровых изделий в прошлом полукочевых групп населения Ферганской долины можно выделить узор «каракалпак», «по-видимому, обязанный своим происхождением большой группе каракалпаков, переселившихся в Фергану с низовьев Сыр-Дарьи... Отличительной чертой узоров этого типа является крестообразное размещение составляющих его элементов, иногда заключенных в рамку, образующую правильный крест. Иногда крестообразные фигуры заключены в медальоны, которые в числе шести или восьми заполняют все центральное поле ковра».¹ Второй вариант орнамента был встречен нами в доме каракалпака Бектемира Ходжанкулова (сел. Чинабад Андижанской области).² Орнамент в виде креста, оканчивающегося бараньими рогами, составляющий основную фигуру данного ковра, является одним из старинных каракалпакских орнаментов.

В коврах ферганских каракалпаков преобладали разные оттенки красного, розового и малинового цветов.

Что же касается ковровых изделий самаркандских каракалпаков, то наиболее подробную их характеристику дал С. М. Дудин в своей работе «Ковровые изделия Средней Азии». Он высоко оценивает лучшие экземпляры каракалпакских ковров, окрашенных растительными красками. Основа каракалпакских ковров обычно темносерая или серая, уток — коричневый или темносерый. Тона расцветки — различные оттенки красного, синего, коричневого, желтого и белого цветов. Дудин отмечает хороший вкус мастериц, умелое сочетание красок: «Общее... спокойное, при всей цветистости, впечатление... достигается подчинением всей гаммы тонов одному главному — чаще всего красному или синему».³ Наши общие впечатления от ковровых изделий данной этнографической группы совпадают с этими высказываниями С. М. Дудина. Наиболее распространенное здесь подчинение всех тонов красному

¹ Сборник МАЭ, т. VII, Л., 1927 г.

² Б. В. Веймарн. «Искусство Средней Азии», 1940 г.; А. Семенов. «Ковры русского Туркестана». Фелькерзам. «Старинные ковры Средней Азии» и др.

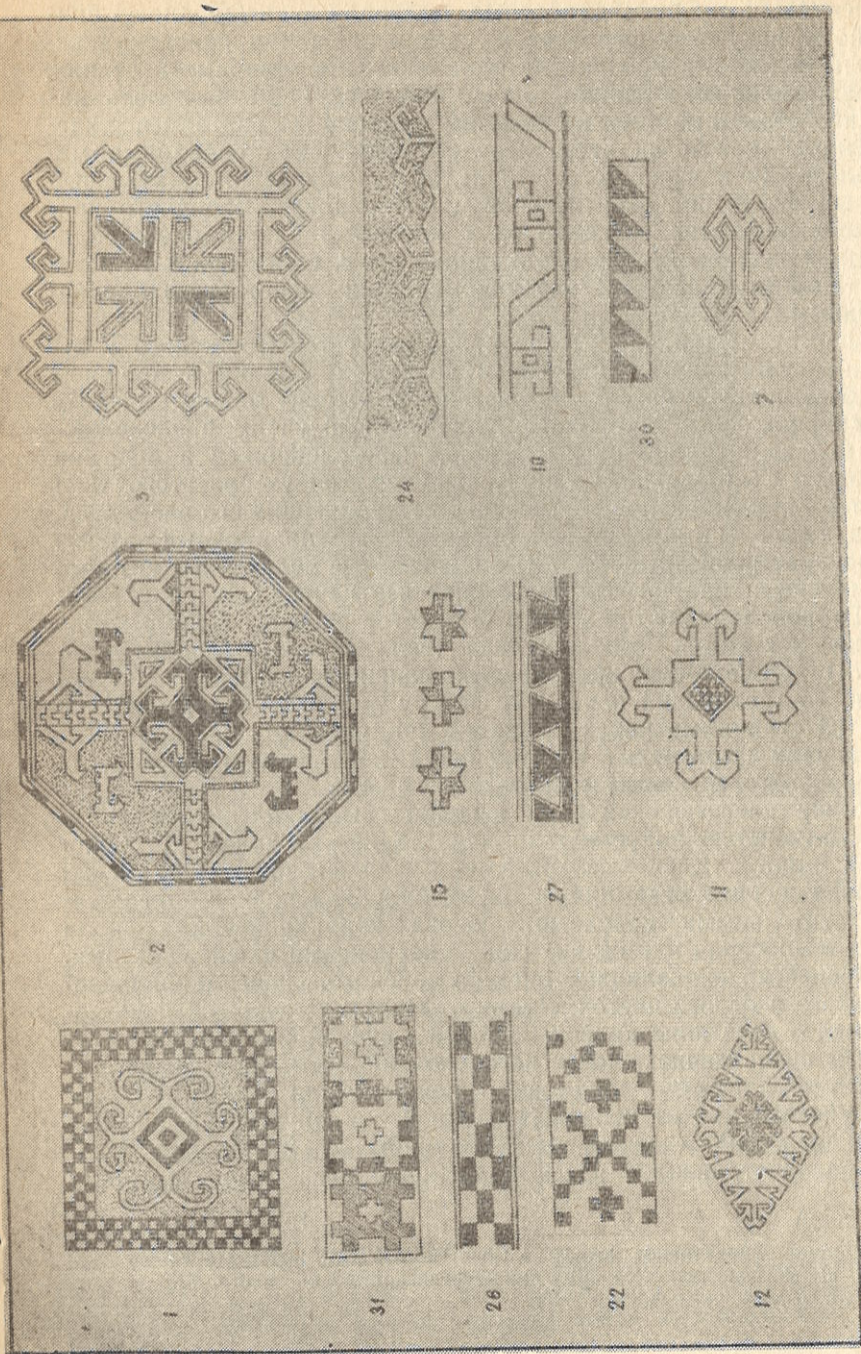
³ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III.

⁴ Ук. соч., стр. 375.

¹ Народное декоративное искусство Советского Узбекистана, стр. 86.

² См. Л. С. Толстова. «Каракалпаки Ферганской долины», стр. 72.

³ С. М. Дудин. ук. соч., стр. 143.

Образцы орнаментов каракалпакских ковров Самаркандской области (из таблицы С. М. Дудина), имеющих совпадение с образцами орнаментов хорезмских каракалпак. Нумерация дана по С. М. Дудину. Сведения о совпадении деталей орнамента нам любезно предоставил сотрудник ККФАН УзССР И. В. Савицкий.

(особенно темнокрасному и даже малиновому) характерно также и для каракалпак Хорезмского оазиса.

Особый интерес представляет производимое Дудиным подробное рассмотрение всех вариантов орнаментов, встречающихся на ковровых изделиях самаркандских каракалпак. В работе имеется таблица образцов орнамента этой группы (табл. VI, рис 1—27, 30 и 31). Работник сектора искусствознания Каракалпакского филиала АН УзССР И. В. Савицкий, собравший замечательную богатейшую коллекцию предметов прикладного искусства каракалпак Хорезмского оазиса, любезно сообщил нам, какие из образцов орнамента, приведенных в таблице С. М. Дудина, были встречены им у хорезмских каракалпак. Это следующие рисунки в таблице Дудина: 1, 3, 7, 10, 11, 12, 15, 22, 24, 26, 27, 30 и 31 (см. таблицу на стр. 200), т. е. 13 образцов из 31. Дальнейший сравнительный анализ орнаментов на ковровых изделиях хорезмских и самаркандских каракалпак, возможно, позволит установить сходство значительно большего количества образцов.

Не останавливаясь на рассмотрении деталей орнамента самаркандских каракалпак, упомянем лишь об одном из них, наиболее типичном для данной этнографической группы. Население называет ковры с таким орнаментом «каракалпак-глем», т. е. каракалпакский ковер¹ (см. рис. 2 на стр. 200). С. М. Дудин описывает этот орнамент так: «равносторонний или почти равносторонний восьмиугольник с небольшим квадратом в центре и остальным пространством, разделенным на четыре поля, причем квадрат занят... квадратным же крестом с парами бараньих рогов на концах... а четыре поля вне квадрата заняты схематическими изображениями, напоминающими собак, барана в профиль, барана в фас (голова и часть груди) и верблюда (часть груди и голова, повернутая на бок), в разных комбинациях друг с другом...»² Этот мотив не полностью совпадает, но очень близок к основному орнаменту каршина хорезмских каракалпак, приведенного в табл. IV, рис. 1 работы Т. А. Жданко «Народное орнаментальное искусство каракалпак». Отличия лишь в том, что у последних в восьмиугольный медальон вписан не квадрат, а ромб, внутри которого находится простой крестик; на каждом же из 4-х полей — «по три мелких ромбика и орнаментальная фигура в виде крючка или одинарного рога (муйиз); возможно, это остатки схематизированного изображения животного, которое, по словам ковроделов, характерно для узора старинных каракалпакских ковров».³ В таком случае возможно допустить, что приведенный Дудиным орнамент более древний и является пробразом орнаментального узора на

¹ Полевой дневник автора за 1960 г.

² С. М. Дудин, указ. соч., стр. 141 (табл. VI, рис 2). Иногда центральный квадрат занят 4-мя ромбами или фигурами, напоминающими птичьи следы.

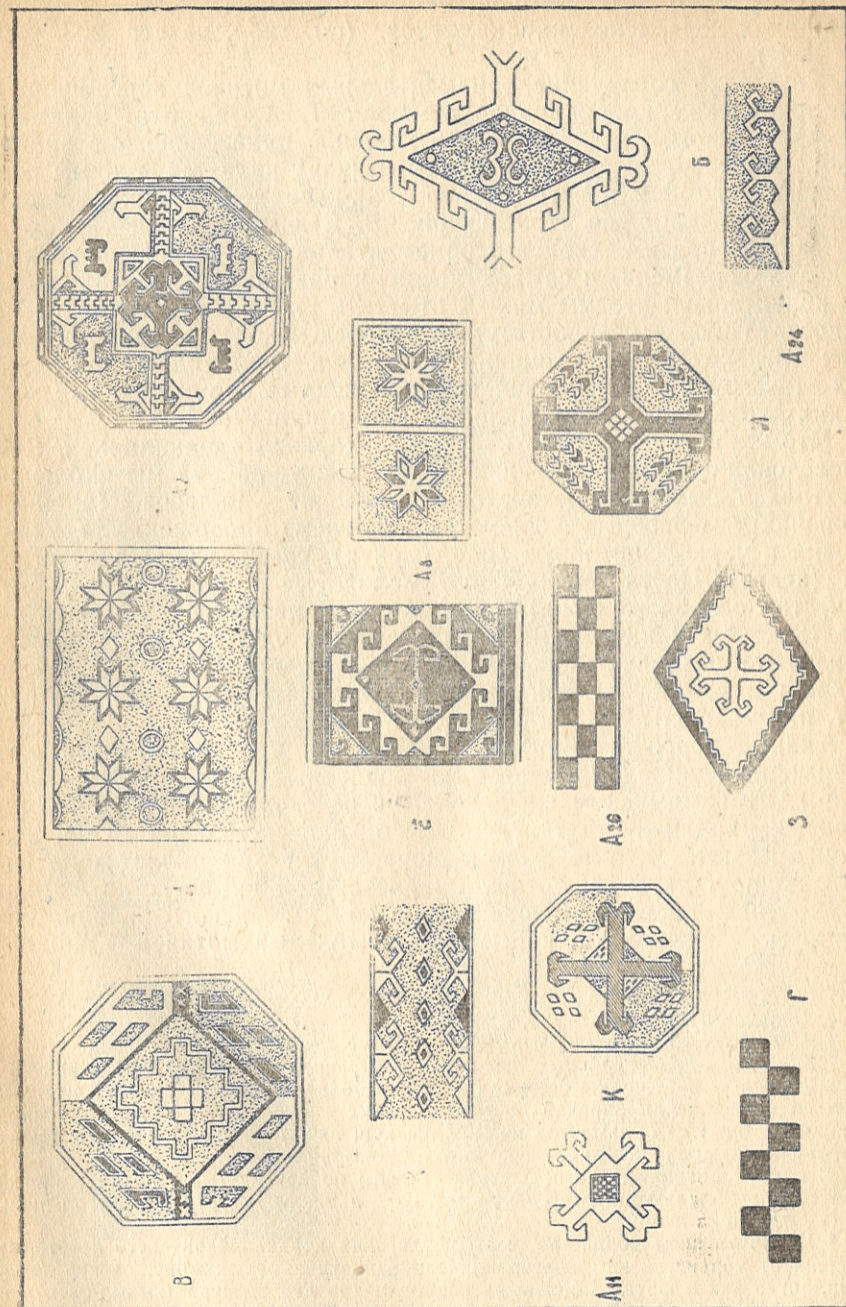
³ Т. А. Жданко. «Народное орнаментальное искусство каракалпак», стр. 389; см. также табл. IV, рис. 1.

Образцы орнаментов вышитых и украшенных аппликацией изделий у этнографической группы „каракалпак“. Булунгурский и Джамбайский р-ны Самаркандской области. 1 — аппликация на подушке, 2 — аппликация и вышивки на бокжама, 3 — отдельные элементы вышивки.

Сопоставление некоторых образцов орнаментов самаркандских, хорезмских, ферганских и бухарских каракалпаков.

А 2, 8, 11, 24, 26 — Образцы орнаментов каракалпакских ковров Самаркандской области (по С. М. Дудину). Б — Образец орнамента каракалпакского коврика Самаркандской области (по Е. А. Шнейдеру). В — Орнамент коврика каршиин каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, таблица IV, рис. 1). Г — Образец орнамента вышивки на старинной женской одежде каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко). Д — Деталь росписи на сандыке каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, табл. V, рис. 1). Е — Орнамент коврика каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, таблица IV, рис. 4). Ж — есик-кас каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, табл. XIII, рис. 5). З — Образец орнамента вышивки на старинной женской одежде каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, табл. XIII, рис. 5). И — Образец орнамента ковра каракалпаков Хорезмского оазиса (по Т. А. Жданко, табл. 1). К — Образец орнамента ковра каракалпаков Ферганской долины. Л — Образец орнамента на айна-калта (мешочке для зеркала и других принадлежностей туалета девушки или молодой женщины) бухарских каракалпаков.

каршинах хорезмских караалпаков. (см. табл. на стр. 203, рис. А—2, В).

Еще одно совпадение орнаментальных мотивов хорезмских и самаркандских караалпаков отмечает Т. А. Жданко: орнамент самаркандского караалпаковского коврика, приведенного в работе Е. А. Шнейдера «Казахская орнаментика»¹ является точным воспроизведением типичного мотива есик-каса хорезмских караалпаков.² (см. табл. на стр. 203, рис. Б, Е).

Таким образом, сходство орнаментальных мотивов ковровых изделий хорезмских и самаркандских караалпаков все же довольно значительно; это мы можем отметить уже теперь, несмотря на недостаточную изученность этого вопроса. Сходство орнаментальных мотивов является лишним доказательством родственных связей этих групп и сохранения самаркандскими караалпаками кое-каких характерных национальных черт в культуре.³

Что же касается ковроτητας бухарских караалпаков, то в обследованных нами селениях Кенимехского района мы наблюдали только выделку безворсовых изделий — паласов (алаша), больших безворсовых ковров (алаша-глем), дорожек для украшения и укрепления юрты (бау, баскур), сумок для мелкой утвари (керги). Цвета преобладают малиновые и темнокрасные (в качестве основного фона), орнамент дан цветами темнозеленым, желтым, белым и черным. Наряду с очень частым повторением в орнаменте различных вариантов бараньих рогов, обычны также такие геометрические фигуры, как ромбы, треугольники, зигзаги и т. п. (см. рис.).

Тканые дорожки (бау), в зависимости от орнамента, имеют разные названия (туркмен-терме, хорасаны терме, шыбын канат и др.).⁴ В Тамдынском же районе, по рассказам наших информаторов, караалпаки ткнут и ворсовые ковровые изделия (в селении Жанга-Казган, Кенимехского района, Бухарской области мы видели подпругу (айыл), которую привезла с собой невестка А. Бердымуратова, вышедшая сюда замуж из Тамдынского района; эта подпруга — ковровая и, кроме орнаментальных мотивов — барань-

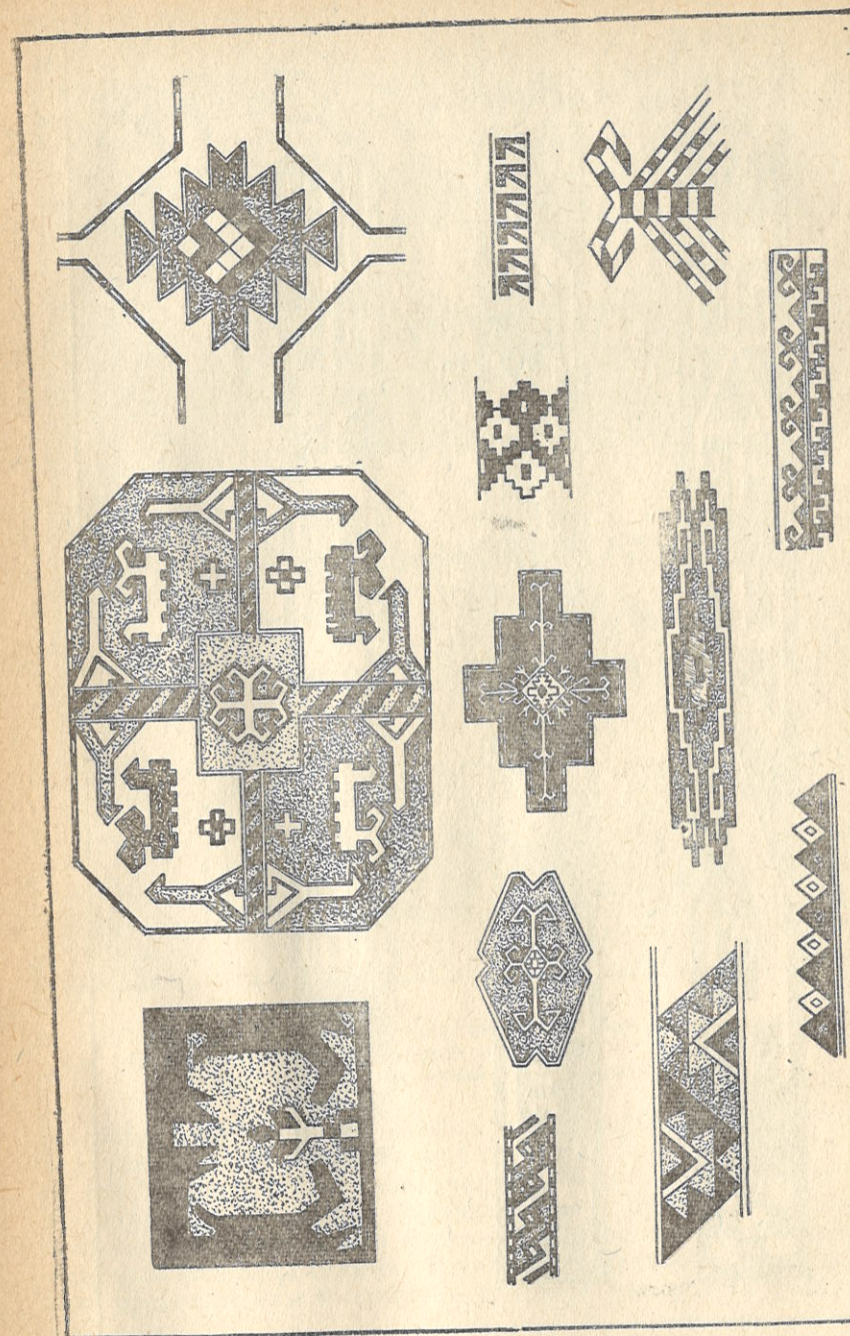
¹ Сборник «Казахи», вып. 2, 1927 г.

² Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 393.

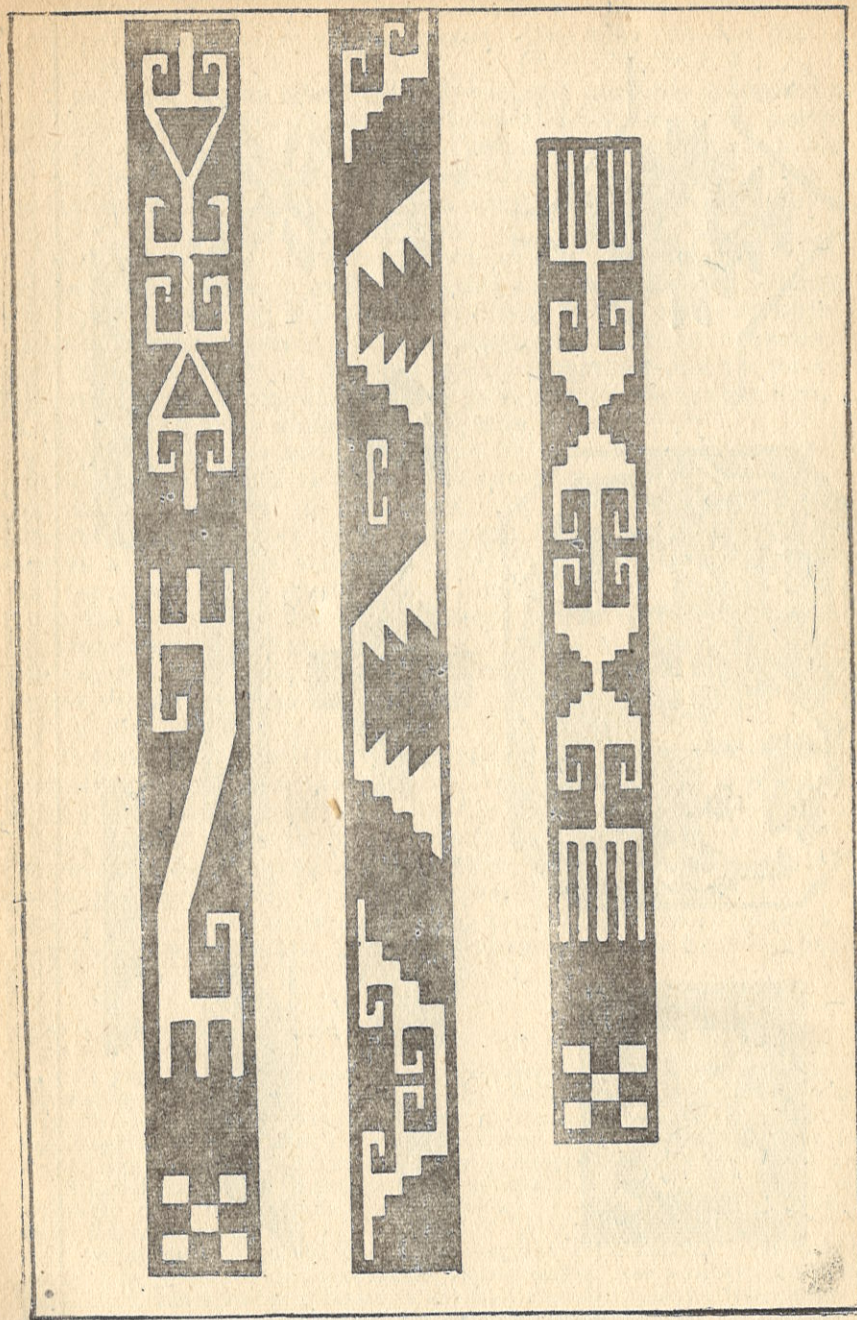
³ В вышивке на различных предметах внутреннего убранства самаркандских караалпаков — подушках, бокжама и др. преобладают растительные мотивы; часты и изображения бараньих рогов и других элементов из животного мира (например, один из орнаментов называется куш аяк, т. е. нога птицы), а также частей окружающих население предметов (чангарак, табак-гуль и др.).

В зафиксированных нами случаях резьбы по дереву (на сундуках, иногда в воротах) преобладают растительные мотивы, а также розетки, треугольники, косая штриховка и др.

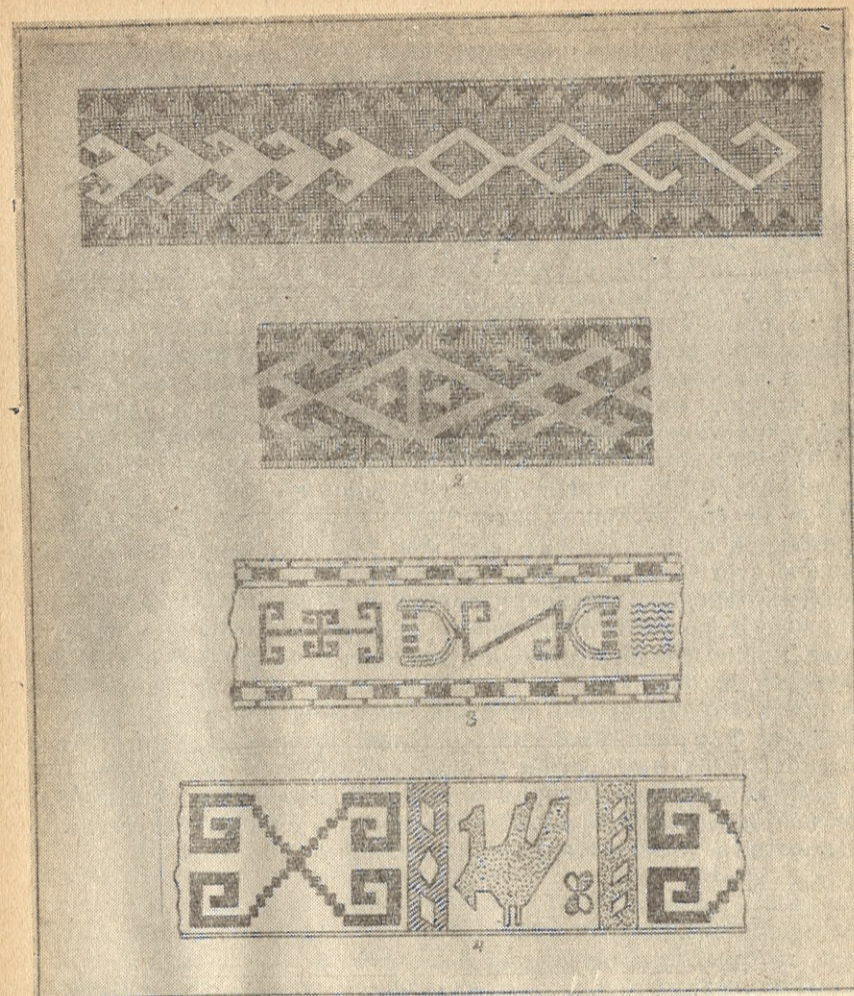
⁴ Во внутреннем убранстве юрты бухарских караалпаков есть некоторые отличия от убранства юрт хорезмских караалпаков: нет жамбау, баскур здесь один, тогда как в юртах хорезмских караалпаков два баскура (кызыл-баскур и ак-баскур). У бухарских караалпаков распространены большие безворсовые ковры (алаша-глем), отсутствующие у хорезмских караалпаков.

Образцы орнаментов на ковровых изделиях, зафиксированные нами у этнографической группы «караалпак» в Булунгурском и Джамбайском районах Самаркандской области.

Детали орнамента на алаша. Омар-кудук, к-з "Коммунизм" Кенимехского района Бухарской области.

1, 2, 3 — Орнаментированные дорожки (бау). Сел. Жанга-Казган, совхоз "Коммунизм" Кенимехского р-на Бухарской области (2 — "шыбын-канат" — "крылья мухи"), 4 — деталь орнамента на подпруге (айыл).

их рогов, ромбов, прямоугольников, треугольников и др., — содержит стилизованное изображение верблюда (см. рис.).

На ковро ткачество каракалпаков Бухарской области, а также Нуратинского района Самаркандской области значительное влияние оказал народный орнамент казахов, живущих в непосредственном соседстве с ними.¹ Степень и направление этого влияния еще предстоит нам выяснить в процессе дальнейшей работы.

¹ Народное декоративное искусство Советского Узбекистана, стр. 190.

У кенимехских каракалпаков получил распространение способ украшения кошем аппликацией (тус-кииз), главным образом, красной материей с черной окантовкой, способ, заимствованный ими у соседних казахов, и с тем же, что и у казахов, орнаментом (наиболее часто употребляется фигура, состоящая из разных сочетаний бараньих рогов (муйиз)).

Таковы основные сведения, которыми мы располагаем в настоящее время об орнаментальном прикладном искусстве каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмского оазиса. Нужно продолжать сбор, систематизацию и научный анализ народного прикладного искусства этих групп. Т. А. Жданко в работе «Народное орнаментальное искусство каракалпаков» наглядно и убедительно показала, что у каракалпаков Хорезмского оазиса существовало богатое и самобытное народное прикладное искусство, которое выражалось в следующих формах: ковроделие, изготовление художественных кошем, резьба по дереву и по сырой глине, роспись деревянных шкафчиков, вышивка, гравировка ювелирных изделий.¹ Необходимо с той же полнотой изучить народное изобразительное искусство бухарских, самаркандских и ферганских каракалпаков, выявить как специфические каракалпакские черты, так и черты, приобретенные в результате влияния соседних народов (узбеков, казахов) или издавна общие для ряда народов. В результате предварительного рассмотрения этого вопроса можно сказать, что хотя национальные формы прикладного искусства, по-видимому, в значительной степени утрачены малыми группами каракалпаков, находящимися под влиянием других народов, однако ряд совпадений в орнаментальных мотивах ковров самаркандских, а отчасти и ферганских каракалпаков с образцами орнамента хорезмских каракалпаков позволяет говорить о том, что некоторые черты каракалпакского народного искусства еще сохранились у малых групп каракалпаков.

¹ Т. А. Жданко, ук. соч., стр. 378—405.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Основные направления этнического развития каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмского оазиса, национальное самосознание, язык).

На основании изучения исторического прошлого, а также особенностей быта и культуры каракалпаков, проживающих в XIX — начале XX в. за пределами Хорезмского оазиса (в Ферганской долине; в долине реки Зеравшан и к северу от нее — в районах Кенимеха и Нур-Аты; вдоль Сыр-Дарьи и в бассейне Урала), можно сделать следующие выводы:

1. Все эти группы каракалпаков являются частями каракалпакского народа, отделившимися от его основной массы, главным образом, на протяжении XVIII века в результате бурных исторических событий, разыгравшихся в то время на нижней и средней Сыр-Дарье (нашествие джунгар, разгром отдельных групп каракалпаков казахскими ханами и султанами) и приведших к разделению каракалпаков на «нижних» и «верхних», а потом к переселению первых в Хорезмский оазис (а отчасти и в долину Урала), а вторых — в Ферганскую долину, в долину реки Зеравшан, в степи к северу от нее, а также в южные части Бухарского ханства.

О том, что эти группы каракалпаков являются частями каракалпакского народа и что они имели до XVIII в. с каракалпаками Хорезмского оазиса общую историю, свидетельствуют и данные письменных источников, и легенды о переселении, широко распространенные у ферганских, зеравшанских и степных бухарских каракалпаков. Об этом же свидетельствуют такие важные этнические признаки, как в основном общий для этих групп каракалпаков и каракалпаков Хорезмского оазиса родовой состав; одинаковый (для большинства групп) характер хозяйства: комплексное, земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство, свойственное с отдаленных времен каракалпам и их предкам, в течение долгого времени сохранялось не только у каракалпаков Хорезмского оазиса, но и у ферганских, зеравшанских, сыр-дарьинских и уральских каракалпаков, причем излюбленными местами расселения каракалпаков являлись дельты и долины больших рек, где имелись подходящие условия для ведения такого хозяйства (и только у степных бухарских каракалпаков, в силу специфики природных условий, получило распространение кочевое скотоводческое хозяйство, такое же, как у их соседей — казахов); следует отметить также полукоче-

вой образ жизни в прошлом, свойственный большинству рассматриваемых малых групп каракалпаков, и связанные с ним жилища временного типа — юрты, кепе; сходство домашней утвари каракалпаков; такие формы национальной каракалпакской одежды, как кимешек (у хорезмских, ферганских и бухарских каракалпаков); некоторые особенности семейного быта и фольклора.

II. В дальнейшем история отдельных групп каракалпаков сложилась по-разному. В то время, как основная группа каракалпаков — каракалпаки Хорезмского оазиса — ко времени Великой Октябрьской социалистической революции являлась народностью со специфическими особенностями хозяйства и своеобразной культурой, малые группы каракалпаков, разбросанные по разным территориям в результате исторических событий предыдущих столетий, в значительной степени подверглись влиянию окружающих народов: этому влиянию подвергся и язык малых групп каракалпаков и многие стороны их культуры. Однако степень влияния других народов (узбеков, казахов) и степень сохранения специфических черт каракалпакской культуры и языка были различными у разных малых групп каракалпаков.

В большей степени этническая самостоятельность сохранилась у каракалпаков бухарской (кенимехо-нуратинской) и ферганской групп. Важную роль в этом вопросе играет самосознание той или иной группы населения.

1. **Каракалпаки бухарской группы** (проживающие в настоящее время в пределах Кенимехского, Тамдынского, Навоийнского (бывш. Кермининского) и Гиждуванского районов Бухарской области, а также Нуратинского района Самаркандской области) в рассматриваемый период полностью сохраняли свое национальное самосознание. Отдельным народом их признавали и исследователи¹ и соседние народы².

Бухарская группа каракалпаков была территориально наиболее близка к каракалпакам Хорезмского оазиса, между этими группами существовали постоянные связи: отдельные группы каракалпаков переселялись из Хивинского ханства в Бухарское вследствие политических причин — разгрома восстаний каракалпаков в середине XIX в., набегов туркмен и др.³, между этими группами каракалпаков поддерживались постоянные экономические, родственные и культурные связи⁴. Все это способствовало сохранению

Бухарские каракалпачки в одежде современного типа.

Пожилой каракалпак в одежде современного типа. Кенимехский район Бухарской области.

у бухарских каракалпаков национального самосознания и некоторых особенностей национальной культуры.

Однако небольшая группа бухарских каракалпаков подверглась значительному культурному влиянию со стороны соседних узбеков и казахов. Своеобразие положения этой группы каракалпаков заключается в том, что они находятся под влиянием двух народов, представляя поэтому в этнографическом и лингвистическом планах сложную картину. Но в целом можно сказать, что каракалпаки, живущие в бассейне нижнего Зеравшана (в основном вдоль канала Кенимех), испытывали наибольшее влияние со стороны узбекской культуры и языка, тогда как каракалпаки, живущие в степях к северу от долины Зеравшана, находились в основном под влиянием казахской культуры и языка.

2. **Каракалпаки Ферганской долины** тоже представляли собой в рассматриваемый период группу, обособленную в этническом отношении. Проживая в течение долгого времени в узбекском окружении, они подверглись значительному влиянию со стороны узбеков, восприняв многие особенности их языка, восприняв, в основном, их материальную культуру (заимствовали технику строительства домов

¹ См. указанные выше работы Н. Ханькова, Л. Соболева, а также раб. «Территория и население Бухары и Хорезма».

² Хотя узбеки, наблюдая сходство культуры и языка степных бухарских каракалпаков и казахов и их тесные дружеские связи, иногда их вместе называли казахами; казахи же иногда называли узбеками ту группу каракалпаков, которая жила в долине Зеравшана среди узбеков. (Полев. запись автора № 39 за 1960 г.)

³ В. Григорьев. «Описание Хивинского ханства и дороги туда от Сарайчиной крепости». Зап. РГО, 1861 г., кн. 2, стр. 137; Килевейн Г. Я. «Отрывки из путешествия в Хиву...», стр. 102.

⁴ Полев. записи автора №№ 40, 43, 47 и 48 за 1960 г. Информаторы рассказывали нам также о связях, существовавших между бухарскими и самаркандскими каракалпаками (Полев. записи автора №№ 40, 42, 43 за 1960 г.).

постоянного типа, распространенную у узбеков и других народов Ферганской долины; заимствовали в основном узбекский тип одежды); некоторое влияние узбеки оказали и на семейный быт ферганских каракалпаков (частичное проникновение обычая затворничества женщины, отчасти узбекским влиянием объясняется исчезновение родовой экзогамии ферганских каракалпаков) и др.

Однако каракалпаки Ферганы до Октябрьской революции имели целый ряд особенностей в хозяйстве, материальной культуре и семейных отношениях, отличающих их от узбеков; некоторые из этих особенностей сохранились до наших дней.

Хозяйство ферганских каракалпаков, особенно в западных районах их расселения, до самой революции носило свойственный этому народу комплексный земледельческо-скотоводческо-рыболовческий характер с домашними промыслами (выделка цыновки и др.).

В отношении жилища до самой революции каракалпаков Ферганы выделяло то, что наряду с домами постоянного типа, у них большое распространение имели временные жилища, особенно кепе (в меньшей степени юрты, землянки). В отличие от узбеков, каракалпакам в течение длительного периода был свойственен разбросанный тип расселения, который лишь позже постепенно стал замыкаться кишлачным; для каракалпакских дворов не были типичны глухие стены из гуаля или пахсы, бытовавшие у узбеков; дома каракалпаков часто совсем не огораживались или окружались легкой изгородью из камыша.

Наблюдалось отличие также в утвари, пище, некоторые отличия в одежде (бытование кимешека) и др. В семейных отношениях каракалпаков сохранялось больше патриархальных пережитков, чем у узбеков. Бросаются в глаза такие особенности фольклора ферганских каракалпаков, как исторические легенды и песни, генеалогические предания и др.¹

Национальное самосознание твердо сохранялось у ферганских каракалпаков. Эта группа населения и сама называла себя каракалпаками и окружающее население так их называло. В дореволюционный период название «узбек» в Ферганской долине вообще имело узкое значение (так назывались некоторые группы полукочевого населения, потомки узбеков Шейбани-хана²). Распространение названия узбек на ряд этнических групп Ферганской долины и других территорий относится уже к Советскому периоду, в связи с консолидацией узбекской социалистической нации³.

¹ Подробнее об этом см. Л. С. Толстова «Каракалпаки Ферганской долины», стр. 177—181.

² Мнение В. Наливкина о том, что каракалпаки Ферганской долины являются одним из узбекских родов (см. В. Наликин. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 14—19) ошибочно.

³ См. об этом работы Я. Р. Винникова «Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине». Среднеазиатский этнографический сборник, вып. II. М. 1959 г.; Б. Х. Кармышевой «Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков». Ж. «Советская этнография», 1960 г., № 1. Т. А. Жданко

Антропологический тип каракалпаков Ферганской долины тоже имел свои характерные особенности. По своим антропологическим признакам (главным образом по степени убывания монголоидности) ферганские каракалпаки занимают промежуточное место между каракалпаками Хорезмского оазиса и узбеками Ферганской долины.¹ (О языке см. ниже).

3. Значительно менее изучена уральская группа каракалпаков. Однако, несмотря на небольшую их численность (по материалам «Всесоюзной переписи населения 1926 года» в это время в Уральской губернии Казахской АССР насчитывалось 1147 каракалпаков²), они сохраняли национальное самосознание и особенности культуры, что неоднократно отмечалось в литературе. А. Харузин в 1889 г. писал: «Каракалпаки киргизами не считаются родом, а признаются прямо отдельной народностью»³. В книге «Уральский округ и его районы» (1929 г.) говорится об этой группе населения: «Несмотря на сходство языка и быта каракалпаков с казаками-киргизами и длительное пребывание в окружении последних, все же имеющаяся в Уральском округе группа их сумела сохранить до сих пор свою этнографическую самостоятельность»⁴. Выше мы указывали некоторые особенности в хозяйстве, в материальной культуре (устройство юрты, одежда), которые отличали уральских каракалпаков от окружающего казахского населения.

Наблюдалось некоторые отличия и в языке уральских каракалпаков,⁵ а относительно антропологического типа этой группы А. Харузин замечает: «Каракалпаки резко отличаются по типу от киргизов: они роста среднего, волосы их русые с рыжеватым оттенком, глаза серые»⁶.

В ином положении находились каракалпаки самаркандской и сырдарьинской группы. Процесс их ассимиляции с узбеками (для самаркандской и части сырдарьинской группы) и с казахами (для другой части сырдарьинских каракалпаков) в рассматриваемый период зашел значительно дальше.

4. Самаркандских каракалпаков большинство дореволюционных исследователей за самостоятельную народность не признава-

«Ленинская национальная политика на новом историческом этапе.» (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму). Ж. «Советская этнография», 1960 г., № 2.

¹ См. след. работы: А. И. Ярхо «Антропологический тип каракалпаков». Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952 г. Л. В. Ошанин и В. И. Зезенкова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953 г. И. М. Золотарева «Соматологические исследования в Ферганской долине». Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1956 г.

² «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. VIII. Казахская АССР.

³ А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды», стр. 39.

⁴ Уральский округ и его районы. Вып. VIII. Уральск, 1929 г.

⁵ А. П. Хорошихин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 496.

⁶ А. Харузин, ук. соч., стр. 40. Полевым этнографическим исследованиям данная группа не подвергалась.

ли, считая их одним из узбекских родов.¹ Такого же мнения придерживались исследователи первых лет Советской власти, проводившие различные статистические обследования в Самаркандской области. Г. Магидович в вводной статье к «Материалам Всероссийских переписей населения 1920 г.» (по Самаркандской области) замечает, что самаркандские каракалпаки, «родственны аму-дарьинским каракалпам; но в то время, как последние сохранили свое особое наречие и своеобразный уклад жизни, самаркандские каракалпаки почти совершенно слились с окружающими узбеками и называют себя «узбек-каракалпак».² То же отмечает И. И. Зарубин в работе «Население Самаркандской области».³

Однако необходимо отметить и противоположные мнения: В. Радлов в работе «Средняя Зеравшанская долина» рассматривает самаркандских каракалпаков, как особую народность. Радлов отмечал особенности физического типа каракалпаков, он писал об их большей монголоидности по сравнению с узбеками и таджиками: «что касается до наружности, то тюркский тип здесь отличается от персидского или от смеси с последним. Киргизы, каракалпаки и туркмены еще чистые представители тюркского элемента: обыкновенно они среднего роста, коренасты, крепкого телосложения. У них широкое лицо, выдающиеся скулы, толстый нос. Волосы их черные, но с легким оттенком русого цвета. Брови узкие, борода редкая».⁴ (В противоположность этому он отмечает европеоидную наружность таджиков и узбеков без родовых делений).

Что касается языка или «поднаречия» каракалпаков, как его называет В. В. Радлов, то этот автор сближает его с «киргизским» и «туркменским» «поднаречиями» и отличает все эти три «поднаречия» от «узбекского или джагатайского».⁵ Радлов отмечает, что у каракалпаков и «киргизов» (казахов) тюркский язык более чист, в нем меньше заимствованных персидских и арабских слов, чем в языке узбеков. Все это, вместе с отмеченными выше некоторыми особенностями в культуре самаркандских каракалпаков, показывает, что хотя, несомненно, уже в дореволюционный период происходило сближение самаркандских каракалпаков с узбекскими племенами и оседлыми узбеками без родовых делений, но самаркандские каракалпаки в этот период еще сохранили значительную степень этнической обособленности.

¹ См. А. Д. Гребенкин. «Узбеки», А. П. Хорошхин «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», Л. Соболев, ук. соч. и др.

² Материалы Всероссийских переписей населения 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, стр. 40.

³ И. И. Зарубин. «Население Самаркандской обл.», Л., 1926 г., стр. 17—18.

⁴ В. В. Радлов. «Средняя Зеравшанская долина», стр. 63, 76. Здесь В. В. Радлов допускает обычную ошибку дореволюционных исследователей: путает монголоидной антропологический тип с тюркской языковой системой каракалпаков.

⁵ В. В. Радлов допускает здесь ошибку, считая самостоятельные языки тюркской группы — узбекский, туркменский, каракалпакский и казахский — «поднаречиями» внутри единого тюркского языка. См. В. В. Радлов ук. соч., стр. 67—68.

О сложности этнических процессов, протекающих на территории Зеравшанской долины в рассматриваемый период, можно судить по сведениям, приведенным в «Материалах по районированию Средней Азии», где обобщены результаты исследования, проводившегося в связи с национально-государственным размежеванием Средней Азии в 1924 году.¹

Самаркандские каракалпаки являлись сравнительно небольшим осколком каракалпакского народа, заброшенным сюда волной исторических событий и поселившимся в долине Зеравшана среди узбекских племен. Испытывая постоянное влияние своих более многочисленных соседей, каракалпаки постепенно сближались с ними и еще в дореволюционный период стали осознавать себя одним из узбекских племен, сохраняя при этом некоторые особенности в языке, культуре и антропологическом типе.

Обследование этой этнографической группы Зеравшанским этнографическим отрядом Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР в 1960 г. показало, что утрата национального самосознания самаркандскими каракалпаками происходила уже в дореволюционный период, точнее, они себя осознавали каракалпаками, но считали, что это одно из узбекских племен, а не самостоятельная народность. В то же время анализ их исторических легенд, родоплеменного состава, особенностей их хозяйства и культуры показывает, что они имеют общее происхождение с хорезмскими каракалпаками и что ряд этнографических особенностей, свойственных этому народу, сохранялся у них вплоть до Октябрьской революции.

5. Каракалпаки районов Туркестана, Чимкента и Ташкентского оазиса, оставшись здесь в сравнительно небольшом количестве после описанных выше исторических событий XVIII века, были еще в большей степени, чем самаркандские, ассимилированы узбеками и казахами, утратили основные особенности своей культуры и стали осознавать себя, как «узбекский род каракалпак» или «каракалпак-казах (казах-каракалпак)», помня, однако, о своем происхождении. В. В. Решетов в своей статье «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке» отмечает: «Здесь каракалпаки быстро утрачивают типично каракалпакские черты быта и причисляют себя то к казахам, нередко именуя себя каракалпак-казах или казах-каракалпак, то к узбекам... Жители пунктов, расположенных среди кураминских поселений долины р. Ангрэн (Найман, Ачаймалы, Джагабайлы и др.) считают себя узбеками, что было отмечено и переписью 1926 г. Что же касается каракалпаков нижнего течения р. Келес, то и там численность их значительно уменьшилась за счет увеличения населения, именуемого себя казахами».²

¹ Материалы по районированию Ср. Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I. Бухара. Ташкент, 1926 г., стр. 3.

² В. В. Решетов, ук. статья. Бюллетень АН УзССР, 1947 г., № 3.

О том, что каракалпаки входят в состав «курамы» Ташкентского уезда, писал

Члены фольклорной экспедиции Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР отмечали ассимиляцию с узбеками каракалпаков, проживающих в ауле Ихан, Туркестанского района, Южно-Казахстанской области.¹ Однако эти обследования проводились среди указанных групп каракалпаков уже много лет спустя после установления Советской власти, а в советский период значительно изменились темпы (а иногда и пути) этнического развития в связи с быстрым процессом складывания социалистических наций (об этом см. ниже). В дореволюционный же период у каракалпаков, проживающих на нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи, еще сохранялись некоторые особенности в культуре и быту.²

И, наконец, некоторые небольшие группы каракалпаков, заброшенные историческими судьбами в глубину степей Казахстана были ассимилированы казахами. Об этом писали некоторые русские авторы второй половины XIX века. П. Семенов, например, в 1865 году сообщал: «В киргизских степях остатки каракалпаков до такой степени смешались с киргизами, что численность их определить невозможно».³ Ту же мысль высказывает в 1876 г. А. П. Хорошхин в «Сборнике статей, касающихся до Туркестанского края»: «...и в числе киргизов есть также целые поколения, называемые каракалпак».⁴ Однако, некоторые каракалпаки, живущие на территории Казахстана, вплоть до Октябрьской революции сохраняли свое национальное самосознание, и Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала небольшие группы каракалпаков в Акмолинской, Актюбинской и Джетысуйской (Семиреченской) губерниях Казахской АССР.⁵

Большой интерес представляет также развитие языка малых групп каракалпаков. Этот вопрос является составной частью общего вопроса об этническом развитии того или иного народа (или этнографической группы), однако он имеет свои специфические особенности и может быть рассмотрен самостоятельно. Влияние языка окружающих народов, заимствование малыми группами каракалпаков многих новых элементов из языка соседних народов (и в области фонетики, и в области морфологии и лексики) происходит значительно быстрее, чем полная этническая ассимиляция, потеря национального самосознания.

еще Н. А. Аристов в своей работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей».

¹ См. А. Каримов и др. авторы, ук. статья. По словам информаторов, каракалпаки Сайрамского и Чимкентского р-нов, с которыми они поддерживают связь, тоже восприняли узбекскую культуру и называют себя узбеками (Полев. запись Каримова, 1958 г.).

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Сыр-Дарьинской губернии 505 каракалпаков (Всесоюзная перепись населения т. VIII).

³ П. Семенов. «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. II, СПб. 1865 г., стр. 496.

⁴ А. П. Хорошхин. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», стр. 496.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII, стр. 20, 24, 26.

Общее направление языкового развития малых групп каракалпаков в указанный период нашло отражение в материалах «Всесоюзной переписи населения 1926 года»: там есть сведения, какой язык считали родным те или иные группы каракалпаков.¹ В то время, как на территории Кара-Калпакской Автономной области полностью преобладал родной язык своей народности (на нем говорило 99, 52 процента всех каракалпаков, там проживающих), в других местах расселения каракалпаков мы наблюдаем следующую картину:

1) В Кенимехском районе Бухарской области 44,1 процента каракалпаков отметили в качестве родного языка язык своей народности, 31,3 процента — узбекский язык и 24,6 процента — казахский язык;

2) около $\frac{2}{3}$ каракалпаков Ферганской долины объявило своим родным языком узбекский и около $\frac{1}{3}$ — каракалпакский (соответственно 64,4 процента и 35,5 процента по Андижанскому округу и 70,4 процента и 29,4 процента — по Ферганскому округу);

3) каракалпаки долины реки Зеравшан (Зеравшанского и Самаркандского округа) объявили своим родным языком узбекский язык;

4) большинство каракалпаков Сыр-Дарьинской губернии Казахской АССР объявило родным каракалпакский язык (472 из 505), остальные говорили на казахском (по-видимому, значительная часть потомков сыр-дарьинских каракалпаков уже тогда записала себя узбеками, поэтому узбекский язык не значится в числе языков, на котором говорили каракалпаки бассейна нижней и средней Сыр-Дарьи);²

5) большинство каракалпаков Уральской губернии Казахской АССР говорило на своем родном языке (1130 из 1147), остальные — на казахском;

6) каракалпаки Акмолинской, Актюбинской и Джетысуйской губерний Казахской АССР говорили на казахском языке.³

¹ Мы рассматриваем здесь материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., т. к. эта перепись, произведенная вскоре после Октябрьской революции, впервые касается этих вопросов с такой полнотой, дает статистические сведения по этому вопросу и отражает, безусловно, языковое развитие малых групп каракалпаков в дореволюционный период. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. тоже дают такие сведения, но сопоставление этих сведений с материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г. показывает процесс этнического (и языкового) развития каракалпаков уже в годы Советской власти (что выходит за пределы рассматриваемой нами темы).

² Из небольшого количества каракалпаков (37), отмеченных в Ташкентском округе Узбекской ССР, большинство (24) говорили на языке своей народности, 11 на казахском и 2 на узбекском.

³ См. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. VIII, табл. VI и т. XV, табл. VI.

Там приводятся абсолютные цифры; проценты вычислены нами. Общие же данные: из 118184 каракалпаков, проживающих на территории Казахской АССР, 117183 чел. говорили на каракалпакском языке и 617 на казахском; из 26563 каракалпаков, проживающих на территории УзССР, 15527 чел. говорили на узбекском языке, 9524 — на каракалпакском и 1481 — на других (в основном на казахском) — см. там же.

Однако все эти сведения лишь приблизительно показывают основное направление языкового развития малых групп каракалпаков, т. к. здесь не получили отражение многие говоры и диалекты, характерные в особенности для местностей со смешанным национальным составом населения.¹ Фактически же картина языкового развития малых групп каракалпаков значительно сложнее; этот вопрос является объектом исследования специалистов-лингвистов, которые выделяют в местах расселения малых групп каракалпаков различные смешанные говоры и диалекты.

Изучению специалистов пока были подвергнуты лишь говоры каракалпаков Ферганской долины (их изучением занимались Т. Ибрагимов и член-корреспондент АН СССР А. К. Боровков) и Ташкентского оазиса (докт. филологических наук В. В. Решетов); велись некоторые наблюдения также над говорами самаркандских узбек-каракалпаков и бухарских каракалпаков.

По наблюдению лингвистов говор ферганских каракалпаков значительно отличается от собственно каракалпакского языка, что является результатом длительного влияния языка соседних узбеков.² Однако, хотя говор ферганских каракалпаков и близок к узбекскому языку, но в нем сохранились еще некоторые специфические особенности каракалпакского языка: например, такие важные фонетические особенности, как явления сингармонизма (атлар, но итлер), «жокание» (т. е. начальный «й» звучит в их говоре, как и в литературном каракалпакском языке, как «ж»: жол, жуз, жок, жузум, жаман и др.), некоторые грамматические формы (например, форма дательного падежа личных местоимений — маған, саған, в отличие от формы менә, сенә, свойственной узбекскому языку) и некоторые отличия в лексике (например, масло у ферганских каракалпаков называется май, как и у хорезмских каракалпаков, а у узбеков — ёғ)³ и др.

При этом А. К. Боровков говорит о каракалпакско-кыпчакском

¹ Каждый гражданин, естественно, определяя свой родной язык, указывал язык того или иного большого народа, не вдаваясь в лингвистические подробности, и говоры или диалекты уральских, сыр-дарьинских, ферганских и кенимехских каракалпаков во многом отличаются от языка каракалпаков Хорезмского оазиса. Вопрос об определении населением родного языка вообще тесно связан с вопросом о национальном самосознании.

² Об этом свидетельствует следующий факт: в 1936 г., когда были предприняты попытки в некоторых центрах расселения ферганских каракалпаков (сельсовет Кема-Баши, Нарынского р-на, Наманганской области) ввести обучение на каракалпакском языке (в школах дети ферганских каракалпаков учились на узбекском языке), то это оказалось очень затруднительным и для учеников и для учителей из ферганских каракалпаков. Учителя-каракалпаки сами поставили вопрос перед районо о разрешении продолжать преподавание на узбекском языке. (Полев, запись автора № 35 за 1953 год).

³ Т. Ибрагимов. «Некоторые особенности каракалпакского говора» Ж. «Тил проблемалары», в II, 1936 г.; А. К. Боровков «Узбекские говоры Наманганской области». Архив института языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР. Используются также наблюдения канд. филологич. наук Д. С. Насырова.

говоре узбекского языка¹ (в отношении каракалпаков и кыпчаков Ферганской долины), а В. В. Решетов упоминает «каракалпакско-узбекский диалект каракалпаков, проживающих в Ферганской долине и в долине Зеравшана».²

Специфические особенности говора ферганских каракалпаков наиболее ясно прослеживаются у людей старшего поколения, молодежь же чаще стремится говорить на литературном узбекском языке.

В. В. Решетов в статье «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке» дает характеристику говора каракалпаков Ташкентского оазиса. Он наглядно показывает, что в Ташкентском оазисе (т. е. долинах рек Ангrena, Чирчика и Келеса) наблюдается очень сложная лингвистическая и этнографическая (см. выше) картина. «Приходится сталкиваться с метисированными говорами, процесс образования которых весьма сложен. Все это усложняется влиянием узбекского литературного языка, особенно сказывающегося на языке младшего поколения».³

Решетов проводит сравнение языка каракалпаков Ташкентского оазиса с узбекским и казахским языками и приводит факты, сближающие каракалпакский язык с джекающими узбекскими говорами и отличающие его от казахского языка:

Таковы, например, факты фонетического порядка (сохранение суффикса «л» после глухих согласных — каракалп. — атлар, узб. — атлар, каз. — аттар; появление фонемы «х» — каракалп. — ҳазир, узб. — ҳазир, каз. — афир; параллельное употребление «ж» и «й» — йок, жоқ — что, возможно, не является следствием влияния узбекского языка, а восходит ко временам формирования каракалпакского языка — к разноразличной среде, в которой формировался каракалпакский язык)⁴ и др.

Основной лексический состав каракалпакского языка ближе к узбекскому, чем к казахскому, так как большинство слов, относящихся к земледельческому быту (названия помещений, сельскохозяйственной утвари, домашней обстановки), а также торговли и др. — узбекского происхождения (а частично заимствованы из других языков (персидского, арабского) через узбекский язык).⁵

По морфологическим признакам говор каракалпаков Ташкентского оазиса ближе к узбекскому языку, чем к казахскому.

Наблюдаются также различия в темпе произношения, каракалпаки говорят плавно и медленно, а казахи резко и быстро. Однако, «несмотря на известное число признаков, уклоняющихся в сторону узбекского языка, язык каракалпаков Ташкентского оазиса»

¹ А. К. Боровков, ук. соч.

² В. В. Решетов. «Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке», стр. 19.

³ Там же.

⁴ В. Решетов приводит мнение проф. С. Е. Малова (см. В. Решетов, ук. соч., стр. 20).

⁵ Там же, стр. 22.

са имеет много общих или сходных черт с казахской языковой системой».¹

Но, по словам самого В. В. Решетова, работа по изучению языка каракалпаков Ташкентского оазиса только начата, необходимо глубже и всестороннее исследовать этот вопрос.

Что касается самаркандских каракалпаков, то об их языке в конце XIX века писал В. Радлов в своей работе «Средняя Зеравшанская долина» (см. выше, стр. 214). Некоторые замечания о говоре самаркандских узбек-каракалпаков сделал в 1936 г. Т. Ибрагимов.² Наблюдения над этим говором велись и Зеравшанским этнографическим отрядом КК филиала АН УзССР в 1960 г.³ Этот говор представляет в настоящее время достаточно сложную картину: в нем сочетаются элементы каракалпакского и узбекского языков, причем при сопоставлении говора узбек-каракалпаков долины Зеравшана с литературным каракалпакским языком обнаруживается значительное сходство в лексике и грамматике (и соответственно — отличия от других узбекских говоров).

Например, если узбек-каракалпаки употребляют такие слова, как ини (младший брат), апа (мать), не (что), как это принято в литературном каракалпакском языке, то соседние узбеки (относящиеся в прошлом к племени туяклы) употребляют вместо этих слов уке, ене, нима. Можно привести также примеры совпадений грамматических форм литературного каракалпакского языка и говора самаркандских узбек-каракалпаков. Например, если в узбекском литературном языке существует лишь одна форма окончания родительного падежа — нинг, то в говоре узбек-каракалпаков употребляются формы — нинг, —нынг, —динг, —дынг, —тинг, —тынг, в зависимости от звука, на который оканчивается основа слова (Алимовтинг докладынынг...), так же, как и в литературном каракалпакском языке. Можно отметить также употребление в говоре в качестве окончания дательного падежа в некоторых случаях вместо га — ке (Бэрикке бордик) и т. д.

Наблюдается сходство между говором узбек-каракалпаков и каракалпакским литературным языком и в области фонетики; этот говор относится к числу жокающих (как, впрочем, и многие другие говоры узбеков долины Зеравшана), т. е. узбек-каракалпаки говорят жоқ, жузум, жыл и т. п. (вместо йўқ, узум, йил, употребляемых в литературном узбекском языке); узбек-каракалпаки в начале слова перед звуком «а» часто добавляют гортанный звук х, т. е. произносят ҳаял, ҳайван и т. п., как это наблюдается и в литературном каракалпакском языке и чего нет, например, у соседних узбеков-туяклы. Эти примеры можно было бы умножить. Однако во многих других случаях наблюдаются и различия в про-

изношении и грамматических формах узбек-каракалпаков Самаркандской области и каракалпаков Хорезмского оазиса.

Необходим тщательный сравнительный анализ говора самаркандских узбек-каракалпаков с говорами узбеков других соседних групп, т. к. в прошлом население здесь было очень пестрым и в этнографическом, и в лингвистическом отношении; теперь, с образованием узбекской социалистической нации и узбекского литературного языка, эта пестрота постепенно сглаживается, но как это происходит в деталях, необходимо тщательно изучить и этнографам и лингвистам.

О том, насколько сложен этот вопрос, говорит хотя бы такой факт, что говор узбек-каракалпаков, в прошлом относившихся к роду муйтен, отличается от говора других зеравшанских узбек-каракалпаков и, напротив, приближается к говору каракалпаков-муйтенов Хорезмского оазиса. Так, в ряде случаев вместо фонемы «л» они употребляют «н», например, вместо «мылтык» (ружье) они говорят «мынтык», вместо «маңлай» (лоб) — «маңнай» и т. д.

Картина развития языка бухарской группы каракалпаков также очень сложна. Говор кенимехских каракалпаков сочетает элементы каракалпакского, узбекского и казахского языков, причем в долине Зеравшана сильнее влияние узбекского языка, тогда как в степях — казахского. В говоре старшего поколения еще четко прослеживаются элементы, сближающие его с литературным каракалпакским языком. Это можно проследить и в особенностях произношения (старики-каракалпаки говорят балалар, баслы, тусиникли и т. д., как и в литературном каракалпакском языке, в то время как молодежь каракалпаков, живущих в степях Кенимехского района, говорит по-казахски балдар, тусиникти), и в лексическом составе (старики говорят ауа (да), тогда как молодежь по-казахски говорит ие) и в других элементах языка.

Таким образом, пути языкового развития малых групп каракалпаков сложны; в целом малые группы каракалпаков подверглись значительному влиянию языка соседних народов (узбеков, казахов), однако направление и степень этого влияния различна у разных малых групп каракалпаков.¹

¹ Мы вынуждены обращаться здесь к материалам, собранным языковедами уже в советский период, так как до революции этот вопрос совершенно не изучался, если не считать довольно краткого замечания В. В. Радлова о языке зеравшанских каракалпаков. Конечно, до известной степени нам можно использовать эти материалы, изучая и дореволюционное прошлое малых групп каракалпаков, однако при этом не следует забывать, что за годы Советской власти произошли значительные сдвиги в этническом и языковом развитии малых групп каракалпаков.

Чтобы исчерпать сведения, имеющиеся в литературе по языку малых групп каракалпаков, следует привести также данные из работы английского ученого Г. Ярринга «On the distribution of turk tribes in Afghanistan» (Lund — Leipzig, 1939 г.) относительно языка каракалпаков, живущих в Афганском Туркестане около Мазари-Шерифа. Он пишет: «They spoke a language of their own which was very different from the other Turk languages — Uzbek and Turkman» («Они говорят на своем собственном языке, который очень отличается от других тюркских языков — узбекского и туркменского»). (Ук. соч., стр. 70).

¹ В. Решетов, ук. соч., стр. 19.

² Т. Ибрагимов, ук. соч.

³ В основном и. о. старш. научного сотрудника сектора истории и диалектологии каракалпакского языка Т. Бегжановым.

Изучение языковых особенностей каракалпаков, живущих за пределами Хорезмского оазиса, так же предстоит еще языковедам, как изучение их исторического прошлого, культуры и быта — историкам и этнографам.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение от всех форм социального и национального гнета всем народам нашей страны. Одним из первых декретов, изданных после победы Октябрьской революции, была «Декларация прав народов России», подписанная 2 ноября 1917 года В. И. Лениным. В этой декларации было провозглашено равенство всех народов России, право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех национальных привилегий и ограничений и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.¹ Эта декларация показала, что национальная политика Советского правительства коренным образом отличается от колонизаторской политики царизма. В результате проведения ленинской национальной политики была устранена всякая почва для национального гнета и национальной розни.

В 1918 году была образована Туркестанская Советская Социалистическая республика, а после окончания гражданской войны — в 1924 году — было проведено историческое национально-государственное размежевание Средней Азии, в результате которого впервые в истории Средней Азии были образованы национальные государства — Узбекская и Туркменская Союзные республики, изъявившие желание вступить в состав СССР. В ходе национально-государственного размежевания в основном районе расселения каракалпаков — в низовьях Аму-Дарьи — была образована Кара-Калпакская Автономная область, вошедшая в тот период в состав Казахской АССР (в 1932 году КК Автономная область была преобразована в Автономную республику, вошедшую в состав РСФСР; с 1936 г. КК АССР входит в Узбекскую ССР). Каракалпакский народ впервые получил автономию, что имело огромное значение для развития его хозяйства и культуры.

За годы Советской власти коренным образом изменилось хозяйство и культура народов Средней Азии. Коммунистической партией и Советским правительством была намечена развернутая программа социалистического строительства в Советских республиках Востока (создание промышленных очагов, поднятие сельского хозяйства и прежде всего орошения, развертывание кооперирования широких масс крестьянства; приближение Советов к массам, насаждение национально-советской государственности; развитие культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию).

Учительница-каракалпачка из колхоза им. Ахунбабаева Тамдынского района Бухарской области.

Школьницы-каракалпачки из совхоза Гигант Кенимехского района Бухарской области.

Намеченная программа построения социализма в бывших отсталых колониальных окраинах России была успешно выполнена за годы Советской власти. В республиках Средней Азии создана крупная социалистическая промышленность с ведущей ролью тяжелой индустрии, сложилось социалистическое сельское хозяйство, развилась культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. В годы Советской власти в Советских республиках Средней Азии были созданы условия для консолидации здесь социалистических наций — таких как узбекская, казахская, туркменская, таджикская, киргизская и каракалпакская.

Отдельные небольшие группы каракалпаков, ходом исторических событий предшествующих веков оторванные от большинства народа, оказались за пределами Каракалпакской АССР, и развитие их социалистического хозяйства и культуры происходило на территории братских республик, где им были предоставлены для этого все условия. Этническое развитие этих небольших групп каракалпаков идет, в основном, по линии сближения с окружающим узбекским и казахским населением. Основное направление этого процесса намечалось еще в дореволюционный период. Однако политический и национальный гнет царизма, разжигаемая правящими классами межнациональная вражда, преобладающие в большинстве районов Средней Азии феодальные и патриархально-феодальные отношения тормозили процесс этнического развития малых групп каракалпаков, как и множества других мелких обособленных

¹ Сборник документов «Образование СССР». М — Л., 1949 г., стр. 20.

этнографических групп, проживающих на территории Средней Азии. Устранение с первых же лет Советской власти национальной розни, всех видов национального гнета, национальное равноправие, являющееся основой ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, дружба народов, отношения социалистического сотрудничества и взаимопомощи в выполнении общих хозяйственных задач — все это чрезвычайно ускорило про-

Неполная средняя школа при ферме № 1 совхоза «Коммунизм»
(Кенимехский район Бухарской области).

цесс этнического развития национальных меньшинств и этнографических групп по пути их сближения и даже слияния с крупными социалистическими нациями в процессе консолидации социалистических наций, т. к. все препятствия, существовавшие для этого в прошлом, были устранены.

«В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальных перегородок, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»¹, — говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой историческим XXII съездом КПСС.

Период развернутого коммунистического строительства характеризуется новым этапом в развитии национальных отношений в

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961 г., стр. 113.

СССР — «дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства».¹ Параллельно этому процессу продолжается начавшийся в период построения социализма процесс консолидации и дальнейшего развития социалистических наций. Сущность современных процессов этнического развития в СССР была четко сформулирована в докладе В. К. Гарданова, Б. О. Долгих и Т. А. Жданко «Основные направления этнических процессов у народов СССР», сделанном в апреле 1961 г. на сессии Отделения исторических наук АН СССР в г. Москве: «Современные процессы этнического развития в СССР протекают в основном по двум направлениям:

1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей.

2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни — процесс, сопровождающийся созданием общесоветских форм культуры и быта»².

Эти процессы протекают параллельно уже с первых лет Советской власти, но при этом первое направление имело наибольшее значение на ранних этапах развития советского общества, вплоть до окончательной победы социализма в нашей стране, а второе — на современном историческом этапе, в период развернутого строительства коммунистического общества.

«Сущность современных этнических процессов, связанных с консолидацией и дальнейшим развитием социалистических наций, выражается прежде всего в исчезновении обособленности и замкнутости мелких этнографических групп, постепенном слиянии их с социалистическими нациями, в росте монолитности наций. Данные переписей населения в сочетании с этнографическими материала-

Дети в современной национальной одежде. К. Кара-Конграт Булунгурского района Самаркандской обл.

¹ Там же, стр. 114.

² Ж. «Советская этнография», 1961 г., № 4, стр. 10.

ми хорошо отражают этот прогрессивный процесс этнического сближения и слияния, происходящий в условиях социалистического строя, при полном равноправии всех групп населения, естественно и добровольно, без какого-либо элемента давления, со стороны административных органов той или другой республики; этим в корне отличается происходящий в условиях нашей советской действительности этнический процесс от политики насильственной ассимиляции, практиковавшейся в царской России и приводившей нередко к трагическим последствиям — вымиранию целых народностей».¹

Эти положения в равной мере относятся и к малым группам каракалпаков, так же, как и другим этнографическим группам, проживающим на территории нашей страны, и могут быть обоснованы каракалпакскими материалами. Современное этническое состояние каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмского оазиса, направление их этнического развития — это вопрос специального исследования. Однако и теперь можно сказать, что малые группы каракалпаков перестали быть обособленными этнографическими группами и, живя в дружной семье народов Узбекской и Казахской союзных республик, идут по пути сближения, а в ряде случаев и слияния с узбеками и казахами, в процессе продолжающейся консолидации узбекской и казахской социалистических наций.

¹ Ж. «Советская этнография», 1961 г., № 4, стр. 12—13.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Исторический очерк.	
1. История формирования локальных групп каракалпаков (по материалам письменных источников и народных легенд)	15
2. Положение каракалпаков в Бухарском и Кокандском ханствах в XIX в. (1800—1868 гг.)	32
3. Положение каракалпаков в Туркестанском генерал-губернаторстве и вассальном Бухарском ханстве (1868—1920 гг.)	51
Глава II. Хозяйство.	
1. Хозяйство каракалпаков Ферганской долины	74
Земледелие и орошение	75
Скотоводство	81
Рыболовство	84
Домашние промыслы	84
2. Хозяйство зеравчанских каракалпаков	86
Земледелие	90
Орошение	93
Скотоводство	98
Охота и рыболовство	100
Домашние промыслы и ремесла	101
3. Хозяйство бухарских каракалпаков	104
4. Хозяйство каракалпаков, живущих вдоль Сыр-Дарьи	108
5. Хозяйство северной группы каракалпаков (уральской, астраханской)	109
Глава III. Культура и быт.	
1. Материальная культура	112
Селение и жилище	112
Одежда	138
2. Семейные отношения	148
3. Духовная культура	165
Религия и просвещение	165
Народное творчество	170
Заключение	209

Расселение каракалпаков на территории Актюбинской и Уральской губерний Казахской АССР, Кара-Калпакской Автономной области и Узбекской ССР по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.

(Схематические карты административного деления даны по "Всесоюзной переписи населения 1926 г.", т. VIII, листы 1, 2, 4 и т. XV на 1/1-1927 г.)

Каспийское
море

- Условные обозначения:**
- Границы государств
 - Границы республик
 - Границы автономных республик, областей, губерний
 - Границы уездов, округов
 - Границы волостей, районов
 - Центры республик
 - ⊙ Центры губерний, автономных республик, областей
 - Центры округов, уездов
 - 1, 2, 3, ... Номера волостей, районов.

Районы и волости, где есть каракалпаки:

- более 10 тыс.
- от 6 до 10 тыс.
- от 1 до 6 тыс.
- менее 1 тыс.

Масштаб 1:5000000

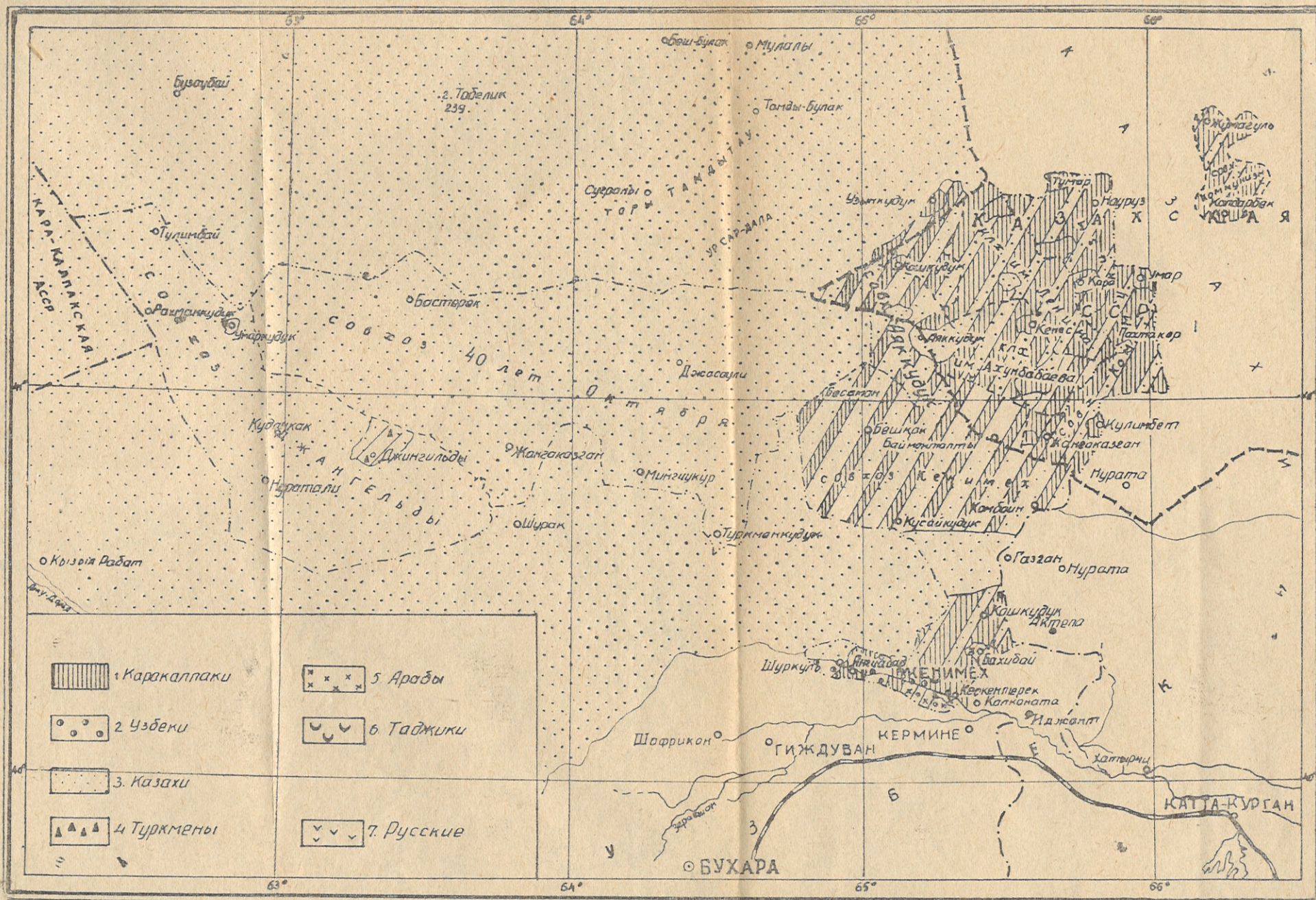
50 0 50 100 150 200

Карта №1

РАССЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В КЕНИМЕХСКОМ И ТАМДЫМСКОМ РАЙОНАХ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

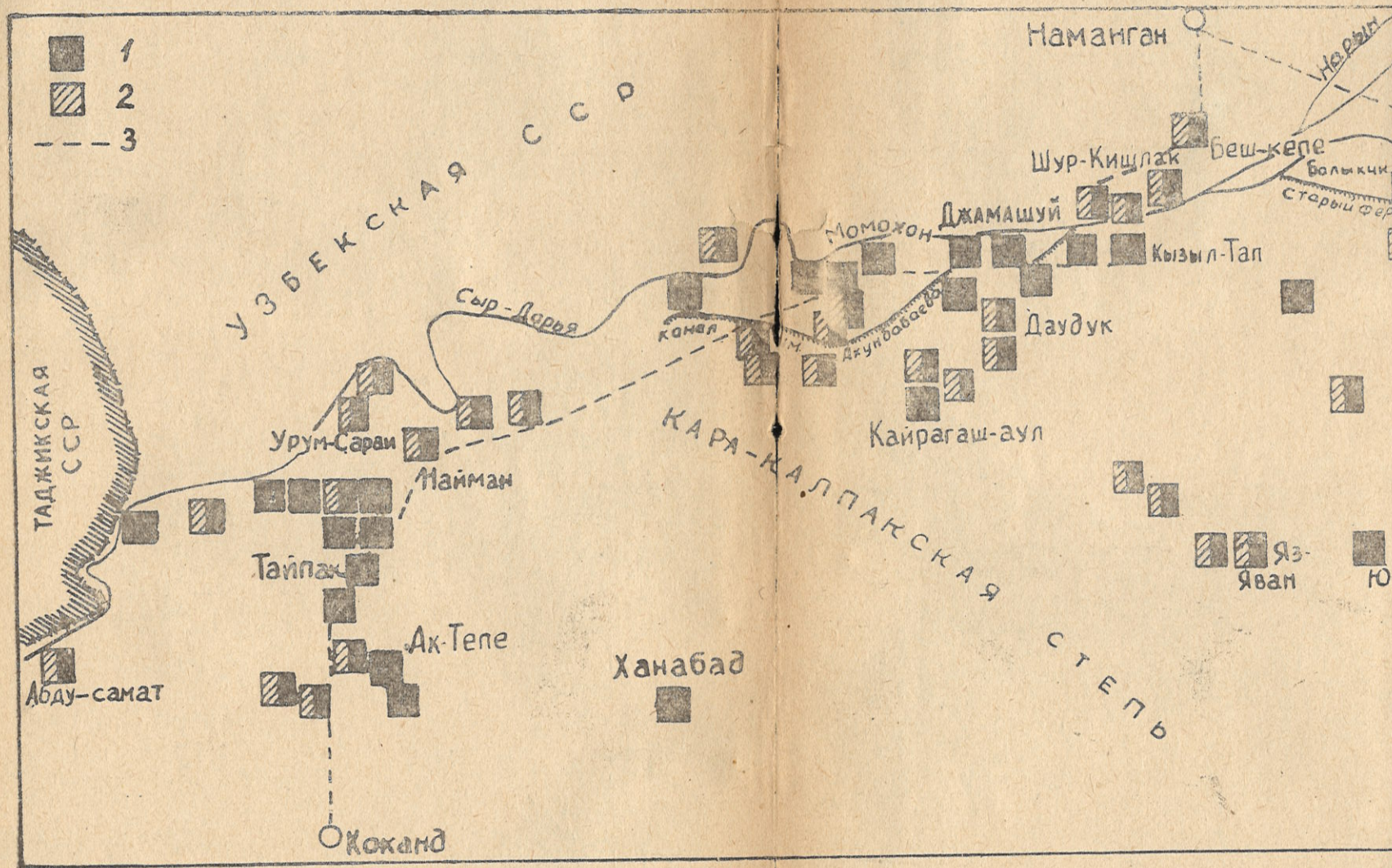

Карта №3

Схематическая карта расселения каракалпаков в

(по этнографической карте Ферганской долины по данным 1950г, составленной

1-каракалпаки; 2-другие национальности и этнические группы, живущие совместно с

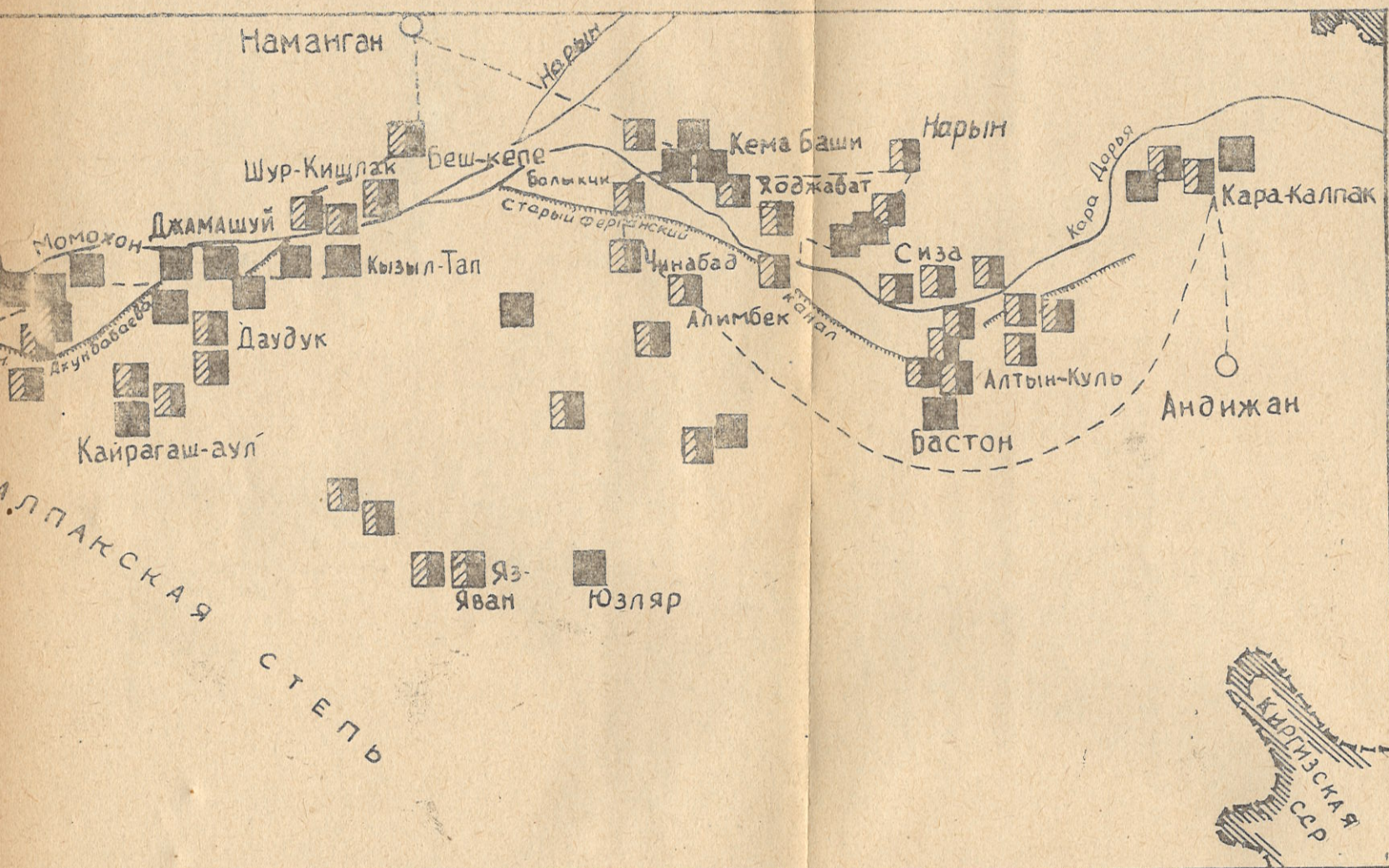

Карта №4

селения каракалпаков в Ферганской долине.

долины по данным 1950г, составленной Я.Р. Винниковым.):

ические группы, живущие совместно с каракалпаками; 3-маршрут поездки автора в 1953г.

- а Зимняя ставка Малодербетовскаго улуса
 б ————— Багацохуровскаго.
 в ————— Хошоутовскаго
 г ————— Яндыковскаго
 д ————— Харахусовскаго.
 е ————— Еркетеневскаго
 ж ————— Юкицохуровскаго
 з ————— Отдельной части Малодербетовскаго улуса
 и ————— Большедербетовскаго улуса
 i Лытняя ставка Хошоутовскаго улуса

Рыболовные воды Каспійскаго моря

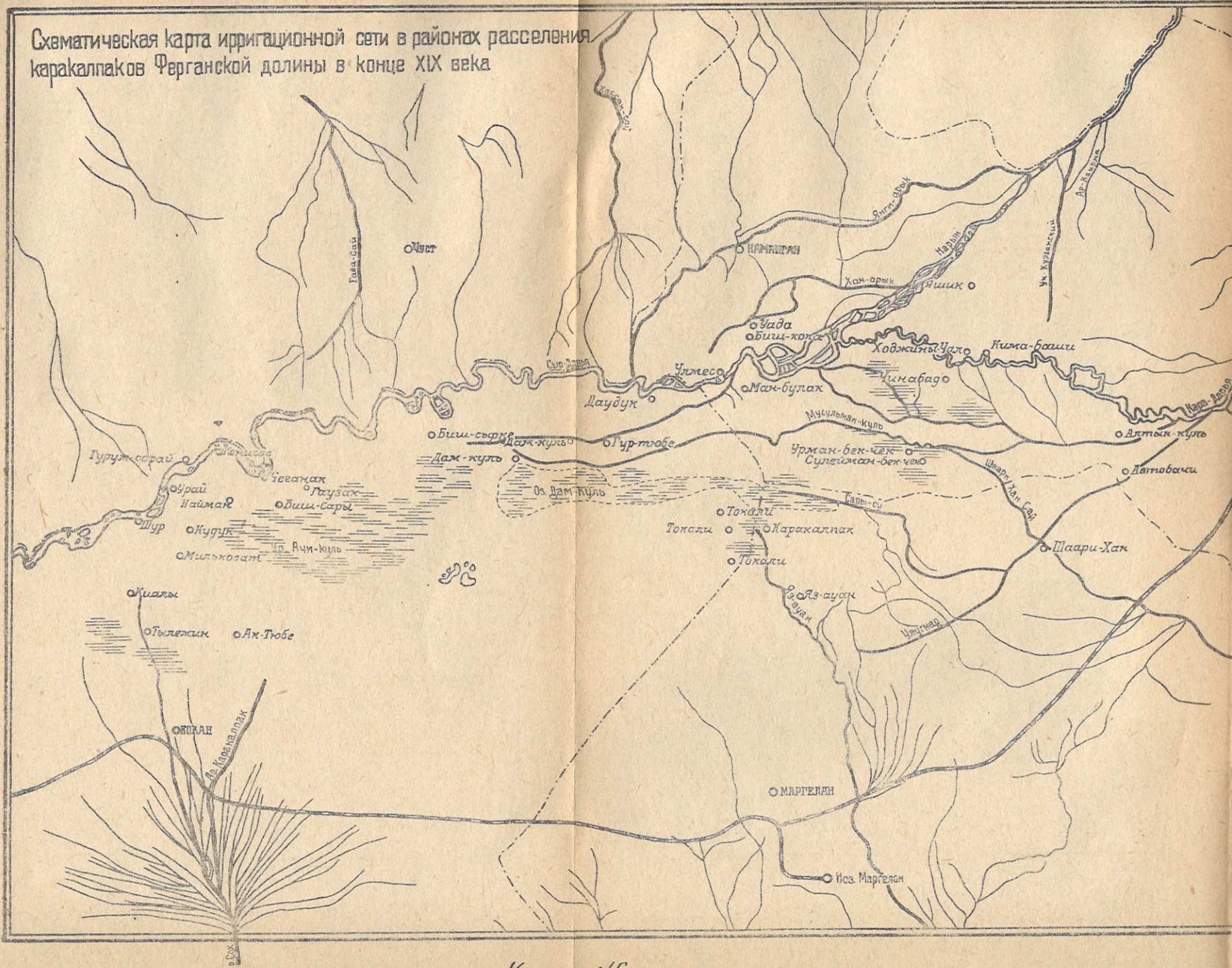
- I Чернорынскія - Г.г. Всеволожскихъ
 II Черневья, бывшія Куракинскія, Казенныя
 III Сельца Ведоравскаго, Г.г. Сапажникова.
 IV Сельца Образцова. Г.г. Всеволожскихъ
 V Учужныя, Казенныя
 VI Монастырскія Спасопреображенскаго Монастыря.
 VII Сельца Дмитриевскаго. Г. Сапажникова
 VIII Спасоучужныя. Казенныя
 IX Синемарскія, наследники Графа Безбородко.
 X Воды Князя Юсупова
 XI Часть водъ принадлежащихъ Уральскимъ-казакамъ

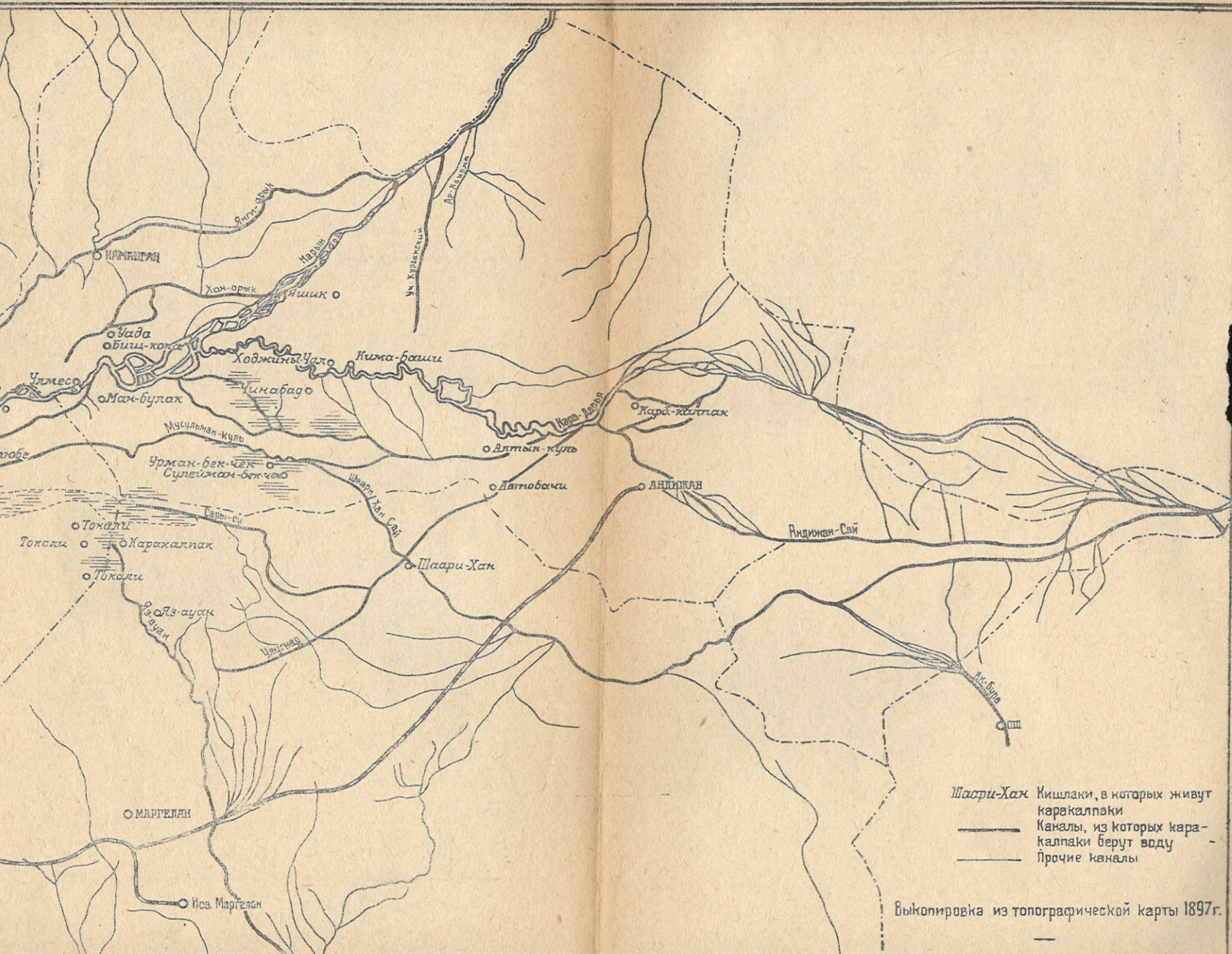
- Притѣрныя границы кочевьевъ.
 || Нарѣзка для прогона въ крѣпк. калмыцкаго скота
 • Главная ставка
 ☐ Нарѣзки подъ селенія и станицы
 • Селенія Юртовскихъ-Татаръ
 • Селенія и станицы Казачьи и Крестьянскія.
 А Внутренняя - Киргизская Орда.
 Б Кочевье Кундровскихъ-Татаръ, тут же Астраханскіе
 в Туркмены, часть Нртабж. Татаръ и Каракалпакъ.
 В Лытнее кочевье Хошоутовскаго улуса.
 Г Участокъ, куда лытомъ только заходятъ одни Хошоуты
 Д Зимнее кочевье Хошоутовскаго улуса.
 Е Лытнее и зимнее кочевье Багацохуровскаго улуса.
 Ж Лытнее кочевье улусовъ Юкицохуровскаго и Харахусовскаго
 з Кочевье разноулусниковъ.
 И Лытнее и зимнее кочевье Малодербетовскаго улуса
 I Лытнее ————— Большедербетовскаго улуса

- К Лытнее кочевье Туркменъ Кавказскаго ведомства и
 Калауса-Джемдулукъцевъ
 Л Лытнее кочевье части Малодербетовскаго улуса.
 М Зимнее кочевье Юкицохуровскаго улуса и часть
 улусовъ Большедербетовскаго и Малодербетовскаго
 Н Лытнее кочевье улусовъ Еркетеневскаго и Юкицохуровскаго

Схематическая карта ирригационной сети в районах расселения каракалпаков Ферганской долины в конце XIX века

Шаари-Хан Кишлаки, в которых живут
 каракалпаки
 — Каналы, из которых кара-
 калпаки берут воду
 — Прочие каналы

Выкопировка из топографической карты 1897 г.

Л. С. ТОЛСТОВА

кандидат исторических наук

КАРАКАЛПАКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

под общей редакцией

кандидата исторических наук

Камалова С.

Редактор А. Л. Розенфельд

Худож. редактор Ж. Кутлымуратов

Техредактор Н. Сапариязов Р. Алимбаева

Сдано в набор 25/X — 1962. Разрешено к печати 31/V — 1963. Формат бумаги 60×90^{1/16}.
Объем 14,25 печ. листов, + 6 вкл. (1,75.) Учетно издат. л. 19,84 + 1,1 вкл. РК 30595. Тираж 300 экз.
Цена 1 р. 27 к. Переплет 15 к. Каракалпакгиз. Адрес: г. Нукус. Проспект Ленина, 61.

Отпечатано в тип. № 1 Узглавиздата Министерства культуры с матриц специализированной наборной фабрики, г. Ташкент, ул. Навои, 30. 1963. Заказ № 758.